

СІАЗИ
СТ. Н. СІ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

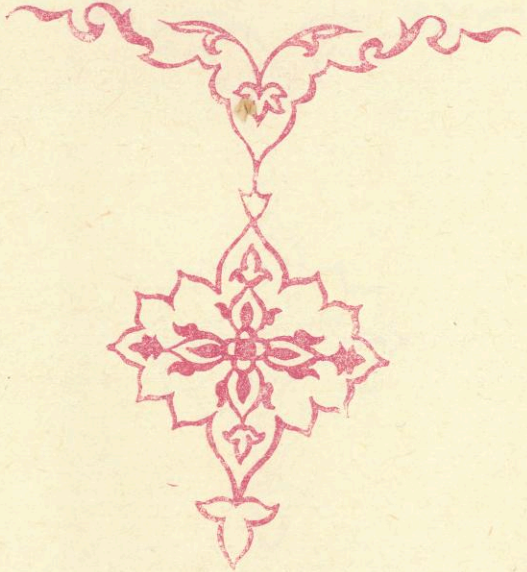
ХОСРОВ
И ЖИРИН

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. НИЗАМИ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

С(А3)1
Ст. Н. 61

ХОСРОВ
И ЖИРИН

Филологический перевод с фарси
и комментарии

Г. Ю. АЛИЕВА, М. Н. ОСМАНОВА

фронт 2015

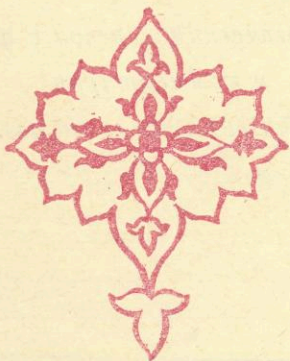
Азербайджанская Республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
имени Ф. Кочарли
Инв. № 179662

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭЛМ“
Баку — 1985

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редакторы **Р. М. Алиев,**
Э. П. Джалишвили

Низами Гянджеви.

Хосров и Ширин. — Баку: Элм, 1985. —
440 с.

Издание представляет филологический перевод поэмы Низами «Хосров и Ширин», входящей в его бессмертную «Пятерицу».

Н 4702060100 8-83
М — 655 — 83

© Издательство «Элм», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Год 1180-й. Обнесенный глинобитной стеной скромный дом в окрестностях города Гянджи — одного из культурных центров многонационального закавказского края. В одной из комнат, на изрядно потертом ковре-паласе сидит мужчина средних лет, но восточному скрестив ноги. Вид у него печальный, он весь во власти воспоминаний о былом семейном счастье, о тех временах, когда его горячо любимая жена по имени Афак (Аппаг) своим присутствием украшала этот скромный дом с небольшим цветущим садом. И вот, нет больше Афак, утратив ее, он остался со своим семилетним сыном Мухаммедом.

Он всегда стремился к одиночеству. Оттого и обосновался на тихой окраине шумного города, на площадях и рынках которого не прекращался разноязыкий людской гомон. Теперь, наедине со своим тяжелым горем, шейх особенно нуждался в покое и тишине. А он в эту пору был уже весьма знаменит. Его знали и почитали не только в родной Гяндже, но и далеко за ее пределами. Первая большая поэма его — «Сокровищница тайн» принесла автору заслуженную славу. Сам владетель Дербента прислал в награду за поэму тюркско-кипчакскую рабыню Аппаг, которая, покорив поэта своей красотой и целомудренностью, стала его законной женой.

Человек строгого нрава, Низами не терпел вокруг себя лжесуфиев и лжеученых-богословов, их суетного мельтешенья. Он стремился проникнуть своим умом в суть явлений природы, а еще больше — в те явления, которые происходили в обществе. Его внутренний взор был устремлен в прошлое, но лишь затем, чтобы найти в нем ответы на вопросы, поставленные перед его пытливым умом настоящим. Более того, автор прославленной «Сокровищницы тайн», опираясь на прошлый опыт народов, пытался взглянуть в будущее...

В такие минуты шейх особенно любил окраинную тишину, помогавшую перебирать в цепкой памяти прочитанное в старых книгах на арабском, персидском, ереческом, армянском языках, в которых он был осведомлен. Вспоминая сюжеты старых легенд, поэт искал тему для своей следующей поэмы. По его собственному свидетельству, именно в это вре-

мя прибыл шахский гонец и, едва переводя дух от быстрой езды, передал пожелание могущественного атабека:

— Царь царей мира просит тебя, о прославленный знаток старины и непревзойденный мастер мерной речи, сочинить поэму (дас-тан) о любви. Новую любовь надлежит тебе поднять на путях мира...

Просьба атабека сочинить поэму именно о любви импонировала поэту, который и сам уже задумал создать произведение, достойное незабвенной памяти безвременно ушедшей Афак. Под «новой любовью» атабека подразумевалась новизна сюжета, который до сих пор никем из поэтов не обрабатывался. Шейх прекрасно знал всю предшествующую ему художественную литературу на персидском и арабском языках, особенно грандиозную эпопею великого Фирдоуси «Шах-наме» — кладезь тем и сюжетов. Перед мысленным взором его начали проноситься один за другим многочисленные эпизоды из «Шах-наме», в первую очередь, лирико-романтические — связанные с именами Зала и Рудабе, Рустама и Тахмина, Бижана и Маниже, Сиявуша и Судабе и др. А гонец старательно продолжал передавать шейху слова атабека:

— Мы знаем, что эта сложная задача лишь тебе по силам: тебе дано остановить проворно бегущий калам небесного писца Меркурия, а нежнейшую тунику небесной красавицы Зухры превратить в колючую власяницу. Ты, словно Иисус, возвращаешь души в утробу тела и, подобно Моисею, возжигаешь светильник страсти. Тебе надлежит вправить драгоценную бирюзу в перстень, а нам снять соломонову печать с сокровищницы...

Была упомянута широко распространенная легенда о том, как несправедливо обошелся грозный султан Махмуд Газневи с автором «Шах-наме». Будущее вознаграждение, видимо, волновало поэта. От атабека, по словам самого поэта, он получил следующее заверение: «А если мы поступим с тобою недостойно и урежем вознаграждение, как урезано было когда-то поэту Фирдоуси, то ты вправе наложить на золото пробу льда, и все это отдать продавцу холодного пива!» Атабек хотел сразу же покончить с сомнением: обещанное будет заплачено сполна.

Однако этого-то как раз и не произошло. Но об этом позже. Шейх согласился с высочайшим пожеланием и послал атабеку ответ следующего содержания: «О держатель мира! Разве не настало время по заслугам оценить мой талант?! Я давно нуждаюсь в царской помощи. Какие-то придворные певцы газелей вознаграждаются щедрее щедрого, вызывая кривотолки — Сити и Мехсити, к примеру, а такой слагатель несравненных стихов, как я, проводит дни свои в углу забвения. Какая польза мне от моего громкого

звания — «владыки страны поэзии»? Да, я провожу свои дни вдали от мирской суеты, но мой поэтический талант — источник наслаждения для всех людей. Я не из тех, кто ложное выдает за истину, у меня уже есть клад («гяндж»), называемый «Сокровищницей тайн». Однако нынче все склоняются к чтению книг о страсти (хавас), и я напишу для них поэму, в которой всеми героями управлять будет любовь».

Какой же сюжет был избран поэтом? После долгих раздумий он остановил выбор на легенде о сасанидском царе Хосрове Парвизе II (590—628) и его возлюбленной Ширин. Низами был сильно увлечен этой легендой, успевшей к тому времени распространиться и в Закавказье. Некоторые ее списки хранились в городе Барде, неподалеку от Гянджи, красоты которого со временем будут воспеты в лебединой песне шейха — поэме «Искендер-наме».

Поэт начал работу над новой поэмой о самоотверженной любви, и уже были написаны первые главы, когда однажды ночью к нему зашел его давний друг, человек обширных знаний, но и в высшей степени набожный, и предупредил:

— Тебе уже под сорок и не приличествует в твои годы мараить листы словами о страсти. Пусть твой благословенный калам по-прежнему разъясняет людям смысл высшей мудрости служения единому богу. А чем занят ты? К чему обновлять обычаи гребров и магов — этих нечестивцев? Ведь те, кого ты собираешься увековечить своим пером, — неверные, огнепоклонники! Твоя затея придется по душе лишь горстке любителей чтения всякой чепухи в книгах зороастрийцев...

Услышав осуждающую речь закадычного друга, шейх лишь улыбнулся и, взяв несколько написанных листов, начал своим мягким голосом читать главу, где описывалась красота Ширин. Было прочитано лишь до десятка сладостно звучащих бейтов, как друг, без остановки коривший поэта, застыл потрясенный. Он лишился дара речи и, словно превратился в каменное изваяние. Лишь спустя некоторое время он тихо произнес:

— Ты, поистине, волшебник. Отныне я покорен тобою. Услышав эти сладостные стихи, я понял: капище огнепоклонников ты превращаешь в священную Каабу. Коль ты уже начал эту повесть, прошу тебя, доведи ее до конца. Так шейх убедил свое ортодоксальное окружение в том, что старая легенда об иноверцах Хосрове и Ширин вполне приемлема для создания художественной поэмы о беззаветной любви.

Беседы Низами с гонцом атабека и со своим другом не выданы. Они отдельными частями присутствуют в традиционных вступительных главах поэмы «Хосров и Ширин».

Ниже мы вкратце постараемся показать, как и при каких обстоятельствах была создана эта поэма — один из шедевров мировой поэзии.

* * *

Как уже было подчеркнуто, легенда о Хосрове и Ширин, в основе которой лежат вполне реальные события из истории сасанидского Ирана конца VI — начала VII в., существовала и до Низами. Огромная популярность притчи о «Хосрове и Ширин» в фольклоре и литературах народов Закавказья казалось бы в какой-то степени должна была облегчить работу азербайджанского поэта над сбором соответствующих материалов. Но это оказалось не так: легенда о Хосрове и Ширин прошла долгий и сложный путь развития, прежде чем Низами взялся за ее художественную обработку.

В этом небольшом предисловии, думается, нет ни возможности, ни смысла касаться сложнейшего вопроса об историко-литературных источниках поэмы Низами. Интересующихся этой в высшей степени интересной проблемой я отсылаю к моей специальной монографии, опубликованной четверть века назад¹.

Вторая часть поэмы Низами была завершена в 576 г. хиджры, что соответствует 1180/81 гг. Поэма эта имеет три посвящения: иракскому сельджукиду Тогрулу II (1174—1194), великому атабеку Шамс ад-Дину Абу Джафару Мухаммеду Джахан-Пахлавану (1177—1186) и, наконец, брату последнего — Музаффар ад-Дину Осману Кызыл-Арслану (1186—1191). Вполне возможно, что поэт, не получив обещанной Тогрулом II щедрой награды и очень нуждаясь материально, (нуждался великий поэт всегда), надеялся, что его вознаградят правители-братья. Но расчеты Низами так и не оправдались. В конце поэмы Низами указывает, что он не получил ничего и от Джахан-Пахлавана. Только Кызыл-Арслан, страстный почитатель таланта Низами, спустя несколько лет после завершения поэмы подарил поэту одну (только одну!)² деревню, которая

называлась Хамдунян¹. По словам поэта, деревня эта была настолько бедна, что расходы на нее во много раз превышали доходы, которые она приносила.

В своих произведениях великий поэт то и дело жалуется на то, что немало стихотворцев, в том числе и не лишенных таланта, занято только тем, что забавляют венценосных читателей «стихов гремучим жемчугом» (А. С. Пушкин). В легенде о Хосрове и Ширин Низами видел не просто занимательную любовную историю. Еще в первой своей поэме он поставил ряд вопросов большой социальной значимости. В «Сокровищнице тайн» мы встречаем много ярких эпизодов, в которых нашла отражение борьба широких масс с угнетением и тиранией. Идея о справедливом монархе красной нитью проходит через это произведение. Надо отметить, что сюжет легенды о Хосрове и Ширин по сути своей позволял поставить эту важную социально-политическую проблему в более крупном масштабе. Еще одно немаловажное обстоятельство: поэма «Хосров и Ширин» создана автором в период расцвета его творческих сил, и художественный гений Низами в этой поэме проявился во всем своем величии и разносторонности.

Поэма «Хосров и Ширин», как и остальные поэмы Низами, на-

Первый серьезный европейский исследователь творчества азербайджанского поэта В. Бахер, искусственно разделив название деревни на Хамд и Ниян, пришел к выводу, что от Кызыл-Арслана автором «Хосрова и Ширин» было получено две деревни. Ошибку В. Бахера относительно недавно повторил английский востоковед К. Фильд, который писал: «Кызыл-Арслан высоко оценил поэму и наградил поэта двумя деревнями — Ниян и Хамд, доходы от которых давали ему возможность жить в относительной независимости». См.: С. I. Eiehd. Persian Literature.—L., p. 126. Бахеровская ошибка уже в 1899 г. была подхвачена Н. И. Гулаком лишь с той разницей, что в его статье Ниян был превращен в Ниджан. О последнем курьезе, быть может, не стоило бы заводить речь, поскольку он мог возникнуть и не по воле Н. И. Гулака — страстного патриота родины Низами. Однако и в наши дни газета «Адабият ве индженет» (18 марта, 1983 г.) вновь предложила это курьезное сообщение своим читателям.

¹ Недавняя статья академика Г. Араслы «Новые данные о вакуфных землях Низами», опирающаяся на архивные материалы, ныне хранящиеся в Турции, пролила свет на дальнейшую судьбу деревни Хамдунян, местонахождение которой локализуется на территории Казахского р-на Азербайджанской ССР. В XVI в. вакуфные деревни Хамдунян и Пирджелил при святой гробнице Низами были достаточно процветающими. См.: «Адабият ве индженет», 25 февраля 1983 г.

¹ См. Г. Ю. Алиев. Легенда о Хосрове и Ширин в литературе народов Востока. — М., 1960.

² Я подчеркиваю одну потому, что вокруг этого сообщения поэта впоследствии в источниках и европейской научной литературе возникли самые фантастические догадки. Еще в XV в. известный антологист Доулат-шах Самарканди преподнес его в таком виде: «Когда Низами по просьбе Кызыл Арслана (sic!) сочинил поэму «Хосров и Ширин», то в награду за нее тот подарил Шейху четыре пригодные для земледелия деревни (Чар дех-и ма мур):».

В 1818 г. известный ориенталист Юзеф фон Хаммер-Пургшталь, приняв слова чар дех (четыре деревни) за чардех (четырнадцать), довел число «полученных» потом деревень до четырнадцати.

чинается традиционными вступительными главами. В них поэт высказывает свои взгляды на поэтическое искусство и рассказывает об истории написания данного произведения. В главе «О проникновении в сущность сей книги» Низами говорит о своей тщательной работе над поэмой, об отборе необходимых ему материалов. Однако конкретно автор не называет своих источников. Так поступает подавляющее большинство средневековых ближневосточных поэтов. Низами заявляет лишь следующее: легенда о Хосрове и Ширин широко известна, но во всей своей полноте она еще никем поэтически не обрабатывалась.

В главе «Несколько слов о любви» Низами прославляет возвышенные человеческие чувства, могущие вдохновлять людей на творческий, созидательный труд и геройские подвиги.

Небесный свод признает лишь один михраб — это любовь.
Мир без любви — этот мир не имеет достоинства.

Будь рабом любви — вот верная стезя,
Лишь она удел тех, кто обладает сердцем, только она!

...Если бы душа миров была лишена любви,
Кто бы считался живым в круговороте времен?

Кто лишен любви, тот считай, лишен души.
Обладай он хоть сотней душ, без любви он мертв.

Любовь в понимании Низами — это сила, для которой не существует никаких препятствий. Глава «Несколько слов о любви» звучит увертюрой, содержащей основные идейно-художественные идеи произведения. В этой же главе звучит особый лейтмотив, овеянный нежной лирикой и проникнутый глубоким философским содержанием. Ведь недаром в литературах народов Востока, испытавших благотворное влияние поэтической школы Низами, в произведениях, созданных в подражание «Хосров и Ширин», непременно наличествуют главы, посвященные любви, иначе говоря, служащие разъяснению поэтических задач, поставленных автором.

Исследование поэмы «Хосров и Ширин» показывает, что Низами построил или перестроил сюжет известной легенды в строжайшем соответствии со своими идейно-художественными целями. Иными словами, разрабатывая данную тему, он не пошел по тому направлению, которое было намечено до него. В этом можно убедиться, сопоставив поэму Низами хотя бы с соответствующей частью «Шах-наме» Фирдоуси. Заметим, что Низами еще во вступительной части поэмы разъясняет свое отношение к Фирдоуси, первым дав-

шим художественную обработку легенды о Хосрове и Ширин. Низами говорит:

Мудрец, который поведал это предание,
Выбросил из него историю любви.

Ведь ему шел шестидесятый год жизни,
Стрела выпала из лука молодости.

Ведущий речи о любви в молодости,
Не может прославить любовь [в старости].

Я с самого начала решил не повторять слова того мудреца,
Ведь не благословенно повторять уже сказанное другим.

Под словом «мудрец» Низами подразумевает автора «Шах-наме». Иными словами, мудрец Фирдоуси, описавший события царствования Хосрова Парвиза, в частности, его военные походы, не затронул тему любви Хосрова к Ширин. Низами, в свою очередь, решил не повторять того, что было сказано в «Шах-наме», и сюжетом своей поэмы избрал историю любви сасанидского царя Хосрова и Ширин. И действительно, азербайджанский поэт остался верен своему намерению: он описывает события того периода, который обошел автор «Шах-наме». Как известно, у Фирдоуси рассказ о Ширин начинается с эпизода встречи влюбленных у замка, когда Хосров отправляется на охоту. Об отношениях между Хосровом и Ширин до этой встречи в «Шах-наме» почти ничего не сообщается. У Низами же изложение легенды в основном завершается описанием встречи влюбленных возле замка, после чего очень коротко рассказывается о событиях, относящихся к концу жизни героев поэмы.

Там, где Низами приходится касаться событий, подробно описанных в «Шах-наме», его рассказ очень краток. Так, например, в «Шах-наме» сообщается, как изгнанный из страны Хосров отправляется за помощью к византийскому императору. Он и его дядя Густахм по пути в Рум — Византию заезжают в монастырь, настоятель коротко предсказывает царю-изгнаннику его будущее, а также победный исход сражения с восставшим полководцем Бахрамом Чубине. Низами же, не вдаваясь в подробности бегства Хосрова в Рум, передает все это в следующих четырех строках:

Царь погнал коня до монастыря, где монахи
Когда-то поведали ему тайны движения звезд.
Вновь прибыл шах в тот монастырь,
Где дивился мудрости постижения тайн.

В ряде мест своей поэмы Низами, стремясь избежать повторений, отсылает читателей к сочинению своего предшественника. Так, в «Шах-наме» обстоятельно рассказывается о женитьбе Хосрова на дочери византийского императора, о походах византийских войск, возглавляемых сыном императора, Феодосием и т. д. Вот как намекает на эти события азербайджанский поэт:

О дивной невесте, о счастливом царе,
Как он дал ответ византийцам,

Как он вместе с Ниатусом повел войско,
Фланги которого были построены красиво,
как хвост павлина, —

Я не стану продолжать ибо другой рассказчик уже поведает:
Я бодрствую, а тот, кто шел этим же путем, — уже уснул.

Если я собью цену другим,
То иные могут сбить цену мне.

То же самое видим мы и при описании воцарения Хосрова на троне, бегства его от Бахрама Чубине, поездки Хосрова в Византию, домогательства Шируе.

Таким образом, можно убедиться в том, что Низами строил сюжет своей поэмы, рассчитывая на читателя, знакомого с эпосами великого Фирдоуси. Это, конечно, ни в какой мере не означает, что поэма Низами непонятна читателю, незнакомому с творением Фирдоуси. Азербайджанский поэт ставит перед собой иные идейно-художественные цели, чем Фирдоуси. Сопоставление сюжета поэмы «Хосров и Ширин» с соответствующими источниками, в частности, с «Шах-наме», свидетельствует о том, что Низами, изучив разнообразные материалы, связанные с темой поэмы, создал совершенно оригинальное художественное полотно с острой идейной направленностью и глубоким философским содержанием.

При рассмотрении данного вопроса следует предположить и то, что Низами мог пользоваться и какими-то фольклорными вариантами легенды о Ширин. Сам поэт называет ряд памятников материальной культуры, с которыми в народных преданиях связываются имена героев легенды. Это свидетельствует о том, что поэт знал не только эти памятники, но и связанные с ними народные предания. По этому поводу Низами сообщает следующее:

...Ведь о правдивости сего предания
Свидетельствуют оставшиеся от него памятники:
Бисутунская скала, изображение Шебдиза,
Дворец Парвиза, стоящий в Меданне по сей день.

Страсти несчастного Фархада,
Следы молочного ручья, замок красавицы Ширин.
Тот же Шахруд, с приятнейшей водой,
Строения Хосрова, места его охоты.
Молва о десятиструнном сазе Барбада;
Замок для отдыха шаха на реке Шахруд.

Нет сомнения, что Низами лучше всего знал, а, следовательно, и шире использовал в своей поэме азербайджанские народные предания и варианты легенды о Хосрове и Ширин. Свидетельство этому — ряд последовательно развивающихся в поэме эпизодов, о которых ничего не говорится в источниках. Низами сообщает, что он слышал об этих эпизодах от старцев города Барды, расположенного неподалеку от Гянджи. Поэт видел даже какие-то списки, содержащие текст предания о Ширин. Отсутствие более древних записей фольклорных вариантов легенды о Хосрове и Ширин, естественно, лишает нас возможности сказать что-либо конкретное о соотношении между ними и поэмой. Однако у нас есть основание предположить, что такой гениальный художник, как Низами, изучив различные версии народных сказов, не повторил их в той форме, в какой они до него дошли, а переосмыслил их и изложил в иной художественной форме.

В поэме Низами мы встречаемся с новым героем легенды — богатырем Фархадом. Есть все основания полагать, что Фархад — не историческое лицо (в отличие от главных действующих персонажей), а герой фольклорного происхождения. Ведь ни в греческих, ни в сирийских, ни в армянских источниках Фархад не упоминается. Ничего не говорится о нем и в позднейших арабско-персидских исторических хрониках.

Конечно, было бы неверно утверждать, что образ Фархада — плод поэтического воображения самого Низами. «Индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах», — пишет А. М. Горький¹. Низами как истинный художник, собрал различные народные предания о Фархаде и обобщил наиболее характерные из них в созданном им произведении².

Поэма «Хосров и Ширин» отличается идейным богатством, глубокой народностью и высокими художественными достоинствами. У нее нет ничего общего со средневековым рыцарским романом, од-

¹ М. Горький. О литературе. — М., 1956, с. 49.

² Подробнее см.: Г. Ю. Алиев. Из истории возникновения образа Фархада в литературах Востока. Краткие сообщ. Ин-та востоковедения АН СССР, № XIII.

на из особенностей которого — быстрая смена многочисленных приключенческих эпизодов. В центре внимания Низами — внутренний мир героев, их чувства и душевные переживания.

Характеры действующих лиц поэт великолепно раскрывает через столкновения в мастерски изображенных конфликтах. Вся поэма построена на конфликтах между Ширин и Хосровом, с одной стороны, и Фархадом и Хосровом — с другой, причем эти конфликты не являются просто художественным приемом, а ставят определенные, большой социальной значимости вопросы, волновавшие передовых людей того времени, решают важные проблемы современной поэту общественной жизни и философской мысли эпохи.

Главная героиня поэмы — Ширин, в которой счастливо сочетаются гниющая красота и большое душевное обаяние. Наряду с необычайной красотой и женственностью Ширин обладает пронзительным умом, твердой волей и смелостью. Она безгранично влюблена в царевича Хосрова Парвиза. Однако это не мешает ей видеть пороки своего избранника. Хосров, бежав от Бахрама Чубине, переезжает в Азербайджан, где царица Мехин-Бану предоставляет ему убежище. Здесь Хосров встречается с Ширин. Эта встреча на первых порах радует влюбленных. Однако избалованный царевич со свойственной ему беспечностью совершенно забывает о судьбе своей страны и узурпаторе, захватившем его трон. Он целиком отдается развлечениям и забавам.

В ряде следующих друг за другом эпизодов Низами искусно раскрывает убожество духовного мира Хосрова, его отношения к женщине. Ветренный царевич смотрит на Ширин так же, как на многочисленных наложниц в своем дворце в Медаине.

Узнав о намерении Хосрова сделать ее одной из таких наложниц, Ширин твердо заявляет царевичу, что она никогда не согласится стать просто его возлюбленной, а ему сейчас следовало бы думать не о любовных делах, а о судьбе своей страны, находящейся в руках мятежников. Она смело бросает в лицо Хосрову:

Ты вначале верни себе свое царство,
Будет у тебя царство, буду и я.
А если же тебе нравится одно лишь времяпрепровождение,
Боюсь, что царство упустишь из рук.

Ширин не ограничивается одними упреками. Видя нерешительность Хосрова, она заставляет его взяться за оружие, вдохновляет на подвиги во имя освобождения страны от врагов. Она внушает Хосрову, что в борьбе выигрывает тот, кто действует без промедления:

Ты молод, смел, как лев, наделен царством,
Ты создан для державы, увенчан венцом.

Освободи страну от пут смуты,
Так покажи мощь своей длани...

Стоит тебе занести свой меч, как
Стекутся войска к тебе с шести сторон мира.

Низами с особой силой воспекает нежность души и искренность чувств Ширин. Вместе с тем он подчеркивает сильный характер своей героини, ее непоколебимую волю. Всякий раз, когда сталкиваются Хосров и Ширин, инициатива остается в руках последней. Ширин понимает, что Хосров недостойн ее чистой и самоотверженной любви, но она уже полюбила его и не склонна изменять своему чувству. Ширин с самого начала стремится перевоспитать возлюбленного, изменить его легкомысленное отношение к жизни, внушает ему мысль о необходимости быть преданным мужем и справедливым властителем. После победы Хосрова над мятежниками, Ширин приезжает в Медаин и поселяется в построенном для нее замке. Хосров, узнав о приезде Ширин в Медаин, хочет встретиться с ней тайно, ибо у него теперь есть жена Мариам — дочь византийского императора. Узнав о намерении Хосрова, Ширин с гневом отвергает намерение царя и обвиняет его в вероломстве:

Ширин сказала: «О неверный и вероломный!
Где же те речи, которые были сладостнее меда?
Я полагала, что ты не отвернешься от меня,
Не станешь покупателем другого кумира».

Смелая Ширин находит в себе силы не уступать эгоистичному Хосрову. Она горда и никогда не позволит, чтобы с ней обращались как с наложницей. Ширин не желает тайно являться во дворец царя, она ждет, пока царь сам предстанет перед ней:

Если царь был бы не Хосров, а сам Кей-Хосров,
То и тогда не следовало бы ему сражаться с туной.
Ему лучше избегать пронзительного взора моих нарциссов
И сложить передо мной руки, словно лилия.

Ширин гуманна, и Низами несколькими меткими штрихами рисует эту черту характера своей героини.

Ширин с детства привыкла пить свежее молоко, которое трудно доставлять в расположенный далеко от пастбищ замок. Она приходит к мысли, что для этой цели в гранитных скалах надо проложить канал. Но для выполнения такой работы нужен человек, обладающий соответствующими знаниями и силой. Такой человек

известен Шапуру. Это Фархад. Зодчий Фархад прокладывает желанный канал, и таким образом исполняется мечта Ширин освободить людей от трудной и изнурительной работы.

Низами ясно показал отношение Ширин к Фархаду. Ширин знает о самоотверженной любви к ней каменотеса. Видит она и огромную разницу между глубокой и искренней любовью зодчего и мимолетным увлечением Хосрова. Но она любит царя и до конца остается верной своей любви. В то же время Ширин глубоко уважает Фархада, ценит его трудолюбие и мастерство. Узнав о трагической гибели зодчего, она впадает в глубокую печаль и горько оплакивает его.

Горе Ширин велико. Она одна в чужой стране. Единственный близкий ей человек — Шапур, который утешал и обнадеживал ее своими умными советами, отозван из замка. Это сделано царем умышленно, он хочет сломить волю Ширин. Однако Ширин не предается отчаянию, она мужественно переносит невзгоды и лишения. Царь Хосров сам едет к замку Ширин, но она не желает впустить в замок, нетрезвого царя.

Здесь Низами в пространным и психологически сильно написанном диалоге между Ширин и Хосровом передает душевные переживания и чувства своих героев. В ходе развития драматического конфликта проявляется духовное превосходство Ширин над Хосровом. Избалованный Хосров привык видеть в людях покорных рабов, готовых беспрекословно выполнить любое его приказание. Ширин резко осуждает Хосрова за его попытку заставить ее подчиниться его воле и противопоставляет власти царя свободное чувство человека. Диалог этот заканчивается словами Ширин о том, что, хотя Хосров и правитель, однако он обязан считаться с ее желанием стать его законной женой.

Хосров уезжает в полном отчаянии, а Ширин решает помочь царю покончить с беспорядочным образом жизни, освободиться от пороков, мешающих ему понять искренность и чистоту ее чувств. Сила Ширин в ее активной борьбе за свое счастье. Она упорно старается перевоспитать распущенного, необузданного Хосрова, желая найти в нем свой идеал.

Гениальный художник и тонкий психолог Низами мастерски показал сложный процесс перерождения человека. Рассмотрим образ царя Хосрова в этом плане.

Хосров изображен как носитель старых традиций. Он бесстрашен, красив, как Иосиф Прекрасный, силен, как молодой лев, однако воспитан во дворце, где царят интриги, лицемерие и где не привыкли уважать человеческое достоинство.

Сталкивая Хосрова с Ширин, а позже и с Фархадом, Низами

показывает моральную несостоятельность Хосрова, обнажает духовное убожество, вскрывает пороки, присущие представителям господствующих кругов современного поэту общества. Хосров любит Ширин, но его любовь по своей природе эгоистична, низменна. Воспитанный в атмосфере порочных придворных нравов, он привык легкомысленно относиться к женщине. Поэтому духовный мир Ширин его не интересует.

Хосров по своей натуре пассивен, не способен к энергичным действиям. Он принимает решительные меры для возвращения престола лишь под воздействием Ширин. После победы Хосров предается пустым развлечениям забывая о своей возлюбленной. Легкомысленный царь, еще в Константинополе женившийся на дочери византийского императора, проводит теперь время в обществе исфаханской красавицы Шекер. Этим он наносит тяжкое оскорбление Ширин. Низами разоблачает коварство и предательство феодальных тиранов и их окружения, показывая конфликт между правителем и честным тружеником.

Попытка Хосрова и его придворных соблазнить Фархада золотом и заставить отказаться от любви к Ширин терпит неудачу. Тогда Хосров и его придворные подсылают к Фархаду гонца с ложной вестью, и исполин становится жертвой гнусного обмана.

Низами, конечно, не стремился представить Хосрова носителем отрицательных черт. Он хотел лишь показать, как эгоистичный и легкомысленный Хосров постепенно, под облагораживающим влиянием Ширин, становится справедливым правителем, как изменяется его нравственный облик. После ряда столкновений с Ширин Хосров начинает понимать, как нечестно и грубо он вел себя по отношению к ней. Потрясает его и гибель Фархада. В конце повествования он резко меняется, искренне и глубоко полюбит Ширин.

Носителям власти Низами противопоставил каменотеса Фархада. В своих произведениях поэт создал целую галерею образов представителей народа, настоящих тружеников, и самый яркий среди них — образ Фархада, который поражает своей глубокой внутренней правдой. Если для Хосрова любовь — лишь развлечение, то для Фархада любовь — святое чувство, вдохновляющее на свершение героических подвигов. В отличие от Хосрова, Фархад видит цель жизни в созидательном труде, приносящем людям счастье. Разрешая конфликт между носителем власти и тружеником, Низами разоблачает лицемерие и жестокость феодальных правителей.

Передовые идеи и высокая мораль в поэме воплощены в образах Ширин и Фархада. В уста этих героев автор вкладывает свои прогрессивные мысли. Низами со всей полнотой раскрыл характеры своих героев в их развитии, показал «диалектику души»

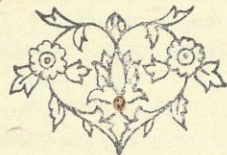
человека. Характерно, что для этого великий поэт впервые во всей ближневосточной литературе прибегает к такому сложному и необычному для литературы средневековья приему, как внутренний монолог. С этой точки зрения нельзя не восхищаться внутренними монологами Хосрова и особенно Ширин. Использование различных психологических деталей для полного и глубокого раскрытия характеров героев — важная черта творчества Низами. Да, Низами великодушный мастер психологического анализа. Не этим ли, в частности, объясняется незатухающий интерес к поэме Низами «Хосров и Ширин» в течение всех восьми минувших столетий? Как тут не вспомнить слова Н. Г. Чернышевского: «Знание человеческого сердца, способность раскрывать перед нами его тайны, ведь это первое слово в характеристике каждого из тех писателей, творения которых с удивлением перечитываются нами»¹.

Поэма «Хосров и Ширин» Низами была новым явлением не только в азербайджанской, но и во всей ближневосточной литературе. В ней впервые в литературах народов Востока был всесторонне раскрыт внутренний мир человека.

Гениальный мыслитель и один из ярких представителей эпохи Ренессанса на Востоке, Низами углубил свою концепцию человека, которого он неустанно призывал познать самого себя, человека, которого он последовательно защищал от средневекового деспотизма. Эта концепция получила свое логическое завершение в его последней поэме «Искендер-наме». Основу этой концепции составляет то «жизнерадостное свободомыслие» (Ф. Энгельс), которому остаются верны герои Низами на протяжении всей жизни, и даже умирая.

Поэма «Хосров и Ширин» Низами оказала огромное воздействие на развитие литературы народов Востока от Индии до берегов Средиземноморья. И это благотворное влияние мы ощущаем прежде всего в возникновении и распространении романтического направления в этих литературах.

Г. Ю. Алиев

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, с. 427.

О всевнемлющий господь, врата помощи своей отвори,
Укажи поэту Низами путь истины.

Одари меня сердцем, достойным твоего абсолютного
существования,

И речью, способной восхвалить твою созидующую силу.

Не дай дурным помыслам овладеть мной,

Не дай мне протягивать руку к недостойному.

Озари мое сердце светом

И надели мой язык умением воздавать хвалу тебе.

Ты давидовым искусством обнови мое сердце,

5 И пусть сие песнопение обретает громкую славу.

Невесту, что я взрастил силой своего духа,

Благословенноликой яви Ты миру.

Да так, чтобы внимающий разум очастливился

И земля от ее мускуса превращалась в Халлух,

Чтобы чернеющая вязь ее письмен даровала свет очам,

Слушая ее, мозг, нежась, находил бы отдохновение.

Чтоб ее считали поэмой, радующей сердца,

Да еще ключом от любых затруднений.

Дай ей превознести высокие понятия,

10 И ею же пусть объяснится суть счастья.

Пусть ее красота будет сладостной в глазах шаха,

Ведь предзнаменованием ее стала сама Сладостная

(Ширин)*.

Пусть ей сопутствует ветерок твоей благосклонности,

Пусть капля твоей благодати будет в ее делах.

Коль скоро дарующий благосклонность оказал тебе помощь,

То ты, о кладезь мыслей, выложи все, чем обладаешь.

* Здесь и далее в круглых скобках даны уточняющие значения отдельных слов.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ЕДИНСТВА БОЖИЯ

- Во имя Того, кто дал имя самому бытию,
Небесам — вращенье, а земле — покой!
Пред господом преклоняется каждая тварь —
Это является веским доказательством Его бытия.
Всевышний боже! Он бесподобен, Ему нет равного!
Его всюду величают «владыкой властителей»!
Он вознес небосвод, он возжег звезды,
Он без посредника разум в тайны мудрости посвятил.
Он тончайшие мысли самоцветами обогатил,
5 Он кромешную ночь обращает в день.
- Он предначертает печаль и радость, страх и надежду,
Он сотворяет ночь и день, сотворил луну и солнце.
Он хранитель того, что в высях и глубинах,
Все сущее — свидетельство его существования.
Его бытие господствует над всем сущим,
Знак его виден всему зрячему.
Он мощью своей повелевает звездами,
Он же своим искусством наделяет сутью естество.
Он — зрачок всех прозорливых,
10 Он — друг сердец, избравших уединение.
- Он — владыка, произнеся его имя,
Не услышишь в ответ: «Не увидишь ты меня».
Нет, не будет у тебя царя лучше него,
Ему будь слугой! Он лучше [других царей].*
Он вне того, что есть основа мира,
Он за пределами того, с чем можешь сравнить [Его] мысленно.
В поисках Его на сводах небес
Воображение износило башмаки постижения.
Разум трезво пустился искать его,
15 Но едва узнал его, как растерялся и не мог отличить
правую сторону от левой.

* Здесь и далее в квадратных скобках даны слова и выражения, отсутствующие в тексте, но подразумевающиеся по смыслу.

Познать Его никому не трудно,
Однако дело [тут] окончится изумлением.
Зрение узрело [Его] лишь тогда, когда оставило узоры
[собственного бытия].

- Лишь тогда, когда была убрана завеса пред ним.
Его воля надо всем быстрым и медленным,
Его бытие не признает высей и глубин.
Коль захочешь узреть письмена вселенной,
Все [ведь] в тебе, ты же сам на этой скрижали.
Ты разорви себя на сто частей, как роза в саду,
20 Ибо с таким клеймом невозможно остаться невредимым.

Ты явился оттуда, примчался сюда, но
Забудь эти места, когда достигнешь тех [мест].
На весы всех способов богопознания
Что можно класть, как не доводы иль сравнения?
Но доводы рассудка теряют свою силу
Даже перед одним аргументом создателя.
Нет, не дай воображенью развиваться,
Ибо путь ему преградит гора иль откроется пред ним
пропасть!

- Как только ты познал, кому поклоняться
25 Оставь поиски ответов на [вопросы] «Как?» и «Что?»

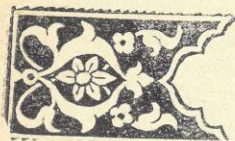
Да, в каждой свече, что излучает свет,
Ты найдешь свидетельство Его единства!
[То] Он из праха извлекает розы разных цветов,
[То] И одной каплей влаги создает [обличье] человека.
Он одарил нас разумом, чтобы познать Его (бога),
И зрением, чтобы испытывать страх перед Ним.
Он при помощи девяти знаков небесных сфер
Начертал геометрические фигуры на доске земли.
Дерево души Он оросил влагой (кровью) сердца,
30 Масло светильнику разума дал из очей.

Шесть сторон [хомутом] Он надел на шею пространства
И четыре жемчужины вручил земле (миру).
Он сотворял творения так,
Что никто не в силах постичь эту тайну.
И в конце времен Он так свернет все это,
Что мысль не сможет ни во что проникнуть.
Не следует искать в сотворенном признаков творца,
Ведь божья власть выше власти земной.

35 Он уничтожает все, что подлежит тлению,
Ведь Он один властен над всеми вещами.

Вседарящий, даритель щедрот,
Когда первоосновы сотворил,
Каждой основе он беспристрастно придал особую суть,
Чтобы каждая действовала особым образом.
Одной дал щедрость, чтобы одаривала,
Другую сделал алчной, чтобы все брала.
И дарующий (бог) не ведает о том, что дает,
И одаряемый не ведает о том, что получает.
Огонь в неведении о том, что испепеляет,
И вода не знает, что она дарует жизнь.

40 Он власть свою не делит ни с кем,
Все — исполнители его воли, нет сомнения!
У кого из исполнителей хватит смелости
Изменить порядок в его дворце.
Всю землю он перемерит, но она и на волосок не изменится,
Пройдет ураганом, но все запахи останутся.
Хвала силе, в преумноженье удивленья, что
Сотворила такой вот порядок мирозданья.

В РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЯМОГО ПОСТИЖЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ РАЗУМОМ

Знаешь ли ты, странники небесных сфер (звезды)
Отчего вращаются вокруг сердцевины земли?
Так кто же объект поклонения звезд в этом михрабе?
Какова цель их появления и исчезновения?
Чего они желают, таща шатры (небеса) на себе,
Что они ищут, передвигаясь от стоянки к стоянке?
Почему одни неподвижны, а другие в движении?
Кто одним повелел: «Тронься!», а другим: «Замри!?»
Они, все, как розы в новом одеянии, свежи, [будто]
5 Все они препоясались [в знак] поклонения,

От изумления я стократ приходил к мысли
Препоясаться зуннаром в такой кумирне.
Однако как только изумление мое спешно удалялось,
Благосклонность божья возглашала: «О Низами!»

Ты (Низами) не предавайся соблазну этих кумиров,
Которые не самим себе ведь поклоняются.
Все они бродят, как конец циркуля,
И ищут лишь своего творца.

10 Ты (Низами) ведь сам долгорук. Отчего же
Не запираешь двери этой кумирни?!

Ты питай любви к идолам, как Ибрахим,
Но при этом — очисти храм от идолов.
[Долго] будешь созерцать идола — станешь чтить его
внешнюю красоту,
Коль наступишь на идола, перейдешь и спасешься.
Все видимое между Луной и Рыбой,
Есть лишь колдовство, которым запечатана божественная
сокровищница.

Сие колдовство ты трудом своим разрушишь.
Коль разрушишь, найдешь целое богатство.
Ты свои порывы по одному укроти,
15 И одежду разума в цвет индиго выкрась.

Ты не дай себе увлечься узорами небосвода — они призрачны.
Распутать их сплетенья невозможно.
У меня нет проводника к тайнам небосвода,
Я знаю лишь, что узоры эти не так уж бессмысленны.
Если бы тайны небосвода подлежали разглашенью,
Один из его узоров издал бы возглас;
Что можно увидеть издали, глядя
На этот светящийся купол? Одно лишь вращенье!
Ясно лишь то, что вращенье это не бесцельно.
20 Вращенье это происходит по чьей-то воле.

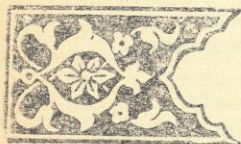
Да, каждый познающий приходит к мысли,
Что если вращенье налицо, то есть и вращающий.
По прялке, что вращает старуха,
Суди ты и сравни с прялкой вертящиеся небеса.
Ты разгадку небосвода найдешь в его неподвижности,
Не завертишь его, он и не завертится.
Если же его завертит рука разумного,
Он будет вращаться несколько часов.
Вращение небесных сфер точно таково же,
25 Знаток небесных тайн это сразу постигнет.

Коль божественное провидение не озарит
Светом астролябию познания,

Ни от движения бровей не явится новый свиток,
Ни от движения ногтей не сошьется новая одежда.
С Его помощью ты в черном камне найдешь свет,
Без него и в луне не отыщешь луча.
В каждом узоре, когда он воссоздавал красоту,
Светила увидали знамение (знак добра или зла).
Один десять ячменных зерен превращает в михраб,
30 Другой из двух камней сооружает астролябию.

От вращения этого торопливого небосвода
Нам такое же поучение, как от зерен и камней.
Так не уверяй [читатель], что люди рождены стихиями,
А стихии управляются звездами.
Тогда ты силу заменишь причиной,
Причину заменишь орудием и только.
Если мирозданье создано орудием,
То при создании орудия, какое было орудие?!
Как бы хорошо вода, прах, ветер и огонь
35 Не общались меж собою,

Пока от Него не будет указа,
Ни одно тело не обретет душу!
Не каждый богобоязненный богу поклоняется,
Иной самого себя превращает в кыблу, поклоняется себе.
Почитание бога означает отвращенье от себя,
Ведь ночь с днем совместима.
Творец сделает своим избранныком, того из рабов,
Кто в служении творцу утратит себя.
О Низами, и ты тогда сможешь испить чашу слияния,
40 Когда ради Него себя предашь забвению!

МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ

О всевышний! Когда глину нашу замесил,
Ты предписание твердое для нас заготовил.
Ты предписал нам Тебе служить,
А право воздавать — себе оставил.
При всей нашей слабости мы решили
Служить тебе, пока сможем.
Ты же, при своем милосерднй

Не перечеркнешь ведь усердия слабых!

Ты подаешь нам так много надежд,

5 И так безбрежна твоя милость, что мы стали дерзновенными
(осмелели).

И мы сами, будучи созданными из праха,
Со стены твоей пытаемся соскоблить краску.
Ниспосли нам спасенье, дабы, отвернувшись от самих себя,
Мы удостоились служить тебе.

Да можем ли мы служить Тебе надлежащим образом,
Так, чтоб было достойно Твоего всемогущего величия?!
Однако в наши уши продеты кольца рабства,
Служение Тебе — наш вечный удел!

10 Если Ты захочешь перечеркнуть нас,
То разве можно будет избегнуть Твоей воли!?

Если же Ты останешься доволен горсткой праха,
Тебе это не нанесет ущерба, но нам будет польза.
В час, когда мы останемся лишь с нашими воплями,
Ты и на волосок не уменьшай своего милосердия.
В своем милосердии помилуй нас,
Милостиво обрати к нам свой лик.
Я прах, но разум мой — зерно от тебя,
Я сгораю, как свеча, но сердце мотыльком кружится вокруг
тебя.

15 Сначала ты сотворил меня из глины, [а затем],
Возвеличил свою мудростью среди сотворенных.

Ты озарил мой лик, дай свет и моим очам.
Даровав благо, научи, [как] возблагодарить тебя.
В трудный час дай мне терпение, чтобы быть стойким,
А в легкий — не допусти, чтоб я позабыл Тебя.

Позволь мне познать Твою мудрость,
Убери завесу беспечности с моих глаз.
Пусть истины пусть вечно простирается передо мной.
Ты даровал мне это вначале, не лишай же и в конце.
Я виновен, и вина эта беспредельна,

20 Вечное раскаяние — единственное мое оправдание.

Любую ошибку, что вкрадется в мою речь,
Перечеркни — таких [ошибок] будет немало.
Передо мною путь с семьюдесятью двумя тропами,
Путь усеян розами, а семьдесят две тропы в терниях.
Ты поводья моего коня натяни на той дороге,

Что является дорогой спасения.
В каждом узоре (линии), который я вижу, ищу только Тебя,

Ты — цель всех изреченных мною слов.
Удален я Тобой, оттого постоянно
25 Протягиваю руку к достойному и недостойному.

Я вышел в путь с целью служить Тебе,
Коль я заблужусь, укажи мне снова путь.
Душа моя жаждет прибыть в Каабу,
Умру ль я в пустыне, кто знает?
Сталкиваясь с добром и злом, что стерегут нас,
Мы уповаем лишь на Тебя, и все наши действия —
выражение этого.

Одному [Ты] ногу сломал и призвал (приблизил) к себе,
Другому дал крылья и отогнал от себя.
Я, несчастный, так и не знаю, кто я?
30 Из изгнанных я или из избранных?!

Правоверный я или идолопоклонник,
Кем бы я ни был, о Боже, прости меня.
Своею мудростью ты окажи мне помощь,
Суди меня в меру своей справедливости, а не сообразно
моим делам.

Слишком легковесны (ничтожны) поступки мои.
Чтобы взвешивать их на весах твоего правосудия!
Несомненно, твоя мудрость превыше моих дел,
Если обласкаешь меня, то [это] будет благо.
Ты возрадуешь меня в моем служении тебе,
35 Чтобы я в своих нуждах не обращался ни к кому другому.

Я намерен в бытии и небытии
Быть таким, чтобы Ты остался мною доволен.
Освободи меня от дел этого мира,
Когда я предстану пред Тобой, сам знаешь, как поступить
со мной.

Не обременяй меня непосильными заботами,
Возложи на меня посильное для меня бремя.
Ты мой светоч надели светом своей благодати,
Что я не удалился от Твоего порога.
Мое хмельное сердце Ты отрезви!
40 Ото сна беспечности меня пробуди!

Когда же придет пора сна, так усыпи меня

Чтобы от моей розы осталась хотя бы розовая вода, даже
если разлетятся лепестки.

И в смертный час дай так произнести слова свидетельства,
Чтобы завершение моих дел оказалось счастливым.
Пусть моя плоть существует, довольствуясь малым,
Пусть мой темперамент будет уравновешен смиренностью.
Если ниспослешь мне испытания,
Ниспосли мне и смиренность при этом.
Мой изнывающий разум исцели пылинкой
45 Из-под ступни самого Мустафы.

**В ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА,
ДА БЛАГОСЛОВИТ
ЕГО АЛЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ**

Пред Мухаммедом все сотворенное — прах,
Тысяча благословений его чистой душе.
Он возжг светильник очей всеядящих (проницательных)
людей,

Он украшение мастерской сотворения.
Он глава и полководец на ристалище верности,
Он предводитель клира пророков.
Он тот, кто зачеркивает списки греховных дел [мужчин и
женщин]

И выпрашивает прощение для тех, кто в затруднении.
Он утренним садам дарит цветение,
5 Он — ключ к сокровищнице божественных знаний.

В дыхании его — ласка для сирот,
Вот почему он прозван «сиротой-жемчужинной».
Суть его — существо праха, из которого сотворен Адам,
Внешне же он панacea для очей мира.
Четыре стороны дворца шарията он очертил,
И четыре его стены он основал навечно.
Своими откровениями он обновил пророчества (установления)
И рассудок он подвел под их оплот.
Основы его шарията пребудут до конца света,
10 Ими отменены другие шарияты.

Он благороден, милосерден, но гневен, как лев,
Его язык порою действует, как ключ, порою — как меч.

Он избранный Аяз, избранный из избранных,
Со ступени «счастья» перешел на ступень «прославляемого».
Бог вложил в его десницу меч победы,
Чтобы он железом на камне оставил следы.
Он своими чудесами посрамил колеблющихся,
Сонмы каменосердных он усмирил.
Он (пророк), как роза, радуется достоинству друзей,
Как кипарис, не нуждается во влаге мира.

15 Его кипарис одел небосвод в зеленые одежды,
Его чалма сообщила ветрам аромат амбры.
В свите этого дивного всадника
Четыре его друга пять раз по очереди били в барабан.
Его башмак — венец небесного трона,
Он поверенный божественного откровения, хранитель тайны
вознесения.

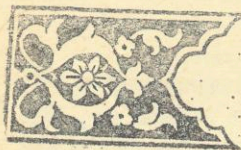
Вознес он колыбель из ямы до звезд,
Перед людьми он из праха изваял дива.
Халил — один из сопредводителей в его войске.
20 Калим — один из глашатаев в его дворце.

В трудные дни и легкие, в горах и пещерах
Его наперстниками были змеи да ящерицы.
Зубы его часто бывали во власти камней,
Иногда же губы (голову) он клал на камень.
Губы и зубы его оттого оказывались во власти камня,
Что лалы и рубины прячутся в [каменных] глыбах.
Голову того, кто сломал ему зуб, на крючке
Сам рок-небосвод с удовольствием принес к его порогу.
Очи его закрыты сном, [но] сердце бодрствует,
25 Уста его до Страшного суда повторяют: «Моя община!»

Я печалью сражен и жажду его,
Он — живительная влага для меня, я — прах на его пути.
В своем служении [богу] я совершил много промахов,
В чем спасение? О божий пророк, в чем оно?
Я хочу просить тебя, пречистого заступника,
Чтобы и ты просил за эту горстку праха (за меня, за
Низами).

Ты вынь длань свою из-под йеменского шелка,
Воздень к небесам, когда сочтешь нужным,
О боже, облегчи дело Низами,
30 Сними с его неверной души зуннар.

Сердце его препроводи в края покоя,
Обрати всепрощающий взор на того, кто может быть прощен.
Пусть его грехи подобны массивной горе,
Ведь милость божья — бескрайнее море.
Прости его, ведь ты — прощающий души,
Ведь ты — творец, снисходительно (бескорыстно) прощающий.

О ТОМ, ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО НАПИСАНИЮ КНИГИ

Когда судьба выдвинула свиту счастья вперед
И счастье явило свой лик перед лицом мира,
Утренний свет, как законный наследник,
Выхватил мир из объятий мрака.
Небосводу-шатру необходимым был султан,
И воистину шатер не должен оставаться без султана.
Птицы, бьющие в литавры,
Пятую стражу пропели с рассветом.
И вот на этот подвижный трон (шатер) с чашей Джамшида
5 Вошел султан по имени Солнце.

С ведома этих семи фагфуров
Пришел указ: возобновить мерную речь!
Туган-шах слова одержал победу,
Кара-хану калама вручили меч.
Кто мало работал, имея такой меч,
Тому этот калам, превратившись в меч, перерубал длань.
Я от бессонницы как во хмелю,
Держал в руке калам свой, словно он меч,
И думал: «В каких вратах мне показаться?»
10 Какую сокровищницу мне нынче отккрыть?!

Какие украшения мне воссоздать, чтобы украсилась ими речь?
Какую форму придать моему слову, чтобы возвысить его?
И вот счастье, засияв, вошло ко мне
И покрыло [мое] лицо тысячами нежных поцелуев.
«Дело освободилось из тисков [что стискивали его],
Железо для твоего ключа извлекли из руды.
Так повелел царь царей мира:
Заставь подняться на путях мира новую любовь!

15 Те, что обладали талантом, все давно стали усопшими,
Без жара любви все превратились в кусок льда.

Твоя речь, словно лезвие, с главы небосвода
Сбрила волосы глубоких смыслов.
Ты калам Утарида превратил в гвоздь,
И туника Зухры начала колоть ее тело.
Как Иса, преподай урок самой душе,
Как Муса, зажги светильник страсти.
Тебе надлежит бирюзу в перстень вправлять,
Нам же [перед тобою] соломонову печать снимать.
Коль мы склонны признать твои заслуги, то
20 И ты, [верим] нам благодарен.

А если мы поступим с тобою недостойно,
И плохо вознаградим, как плохо вознаградили Фирдоуси,
Ты сможешь на золото наложить пробу льда,
И все это отдать продавцу холодного пива.
А если ты, как счастливец, склонишься пред судьбой,
Ослепи [свою] алчность, в этом лишь спасенье!»
Видя судьбу благосклонной, мое сердце
От избытка счастья закокетничало с судьбою:
«Час помощи настал, и ты окажи мне помощь!»
25 Ведь я печалью сражен, будь сострадательна.

Те, кто обрабатывали этот сюжет, были мощнее меня,
[Тем не менее] сей лал с помощью царей [мы] просверлили.
Ведь с помощью счастья [до меня] оберегали плоды
воображения,
Лалы [же] можно сверлить лишь при помощи алмаза.
Высокие слова, что возносятся до Плеяд,
Рождаются от полезных дел.

Я же давно отвернулся от мира, [живу] в уединенье,
Весь мой дорожный запас — горсть ячменя.
Я, как змея, лежу над кладом,
30 От ночи до ночи довольствуюсь круглой лепешкой.

Я, как пчела, у которой тесное жилище,
Но в нем сладость ста ароматов.
Благодаря величию шаха, подобного плодоносной ветви,
Достаточно [у меня] пропитания, если даже оскудеет
великодушие.
Коль я захочу, птицу, то она в окошко влетит, [а если
рыбу] —

Расколется земля, и рыба предстанет.
Судьба, да ее враги низвернутся,
Прошу даровать мне лишь усердие, более ничего.
Многое обрело ясность луны
35 Только благодаря усердию шаха.

Пусть у меня не осталось наличности от мира сего,
Да будет благословенно довольство малым, а оно у меня
в руках!

В ПОХВАЛУ ТОГРУЛ-АРСЛАНА

Молодому шаху с его счастливой судьбой,
Пусть принесут ему счастье трон и венец!
Им озарен трон страны сокровенных мыслей,
Царство жизни всецело завоевано им.
Царь царей Тогрул — оплот царства,
Владыка мира — справедливый султан.
Царь Тогрул — владыка бытия,
Небо богатства и море щедрости.
Сан султана он обрел вместе с венцом и троном
5 И сменил на троне Асрлана.

Когда я открывал ворота сей сокровищницы
И закладывал основы своего дворца,
Рок был благосклонен, и я набросал узоры,
Небо воскликнуло: «Да будет благословенно!» — так
и стало.

Да, сей рисунок несет доброе знамение:
Она [поэма] осчастливит и меня самого.
Когда этот рисунок [поэма] будет отмечен султанским
счастьем,

Он завоеует весь мир, и это неудивительно.
От этой красоты, что дорога каждому сердцу,
10 Досталось мне вскоре и отдохновение.

И я в пути потому задержался,
Чтобы шах освободился от своих неотложных дел,
Чтобы он связал локоны Хабеша и Тамгача,
В Чаче он задумал брать Шуштар.

Соколом царственного шатра изловил птицу Анка,
Своим золотым венцом покорил Плеяды.
Его величием шатер вознесется до небес.
Жеребенок его гнедого перепрыгнет через Джейхун.
Чтобы, заняв семь стран, горделивою вознестись главою,
15 Головы девяти небес стянул он своим арканом.

Порою дань ему шлет хакан Чина.
Порою он получает дань от самого кесаря.
Слава всевышнему, что в силу величия его
Дурной глаз не найдет его, восходит к нему [лишь аромат]
руты.

Я же в блаженстве: аромат материнской руты
С утренним ветром направил к нему,
[Надеясь], что аромат ее (руты) придется ему по душе,
И шах тут же он положит подкову на огонь.
И произнесет слова о самоцветах,
20 Которые суть душа мира и весь мир духовный.

Скажет атабеку: «О завоеватель мира!
За Низами хоть и числятся грехи,
Разве не настало время приласкать его,
Устроить его дела, которые давно расстроены,
Возрадовать его печальные очи,
Движением брови расправить его хмурые брови?
Сити и мехсити за их газели
В ночь получают по сто сокровищ, и это всем известно!
Если даже мы дадим ему целое гумно,
25 Ей богу, ни одного зерна не лишимся!

Нашею властью являющейся основой благополучия,
Пусть благоустроится [его] расстроенное хозяйство.
Доколе быть в углу забвения такому слагателю стихов,
Доколе быть без провианта такому певцу?
Оттого обитель солнца благоустроена,
Что оно дарует свет тем, кто пребывает во мраке.
Щедрость туч оттого завоевала мир
Что [они] поят растения, когда не только что взошли.
Сей ценитель слов вот уже сколько времени
30 Трудится благодаря нашим благодеяниям.

Он еще и кубка вина из нашего питейного дома не испил,
А уже выражает благодарность нам.
От такого Кей-Хосрова, как ты, при таком заступнике, как я

32

Такой раб не должен получать менее кубка.
О Низами! К чему такая дерзость,
Зачем ты дерзишь самой судьбе?
Такие властители, как хакан и фагфур,
Издали не без корысти шлют к его двери поцелун.
О ты, что ничтожней праха! Какие извинения
35 Способен принести за эти дерзкие слова!?

Есть лишь одно извинение! Твое царство
Чем-то напоминает божественный чертог,
Здесь кто всех выше, тот ничтожней,
Чем он ниже пал, тем он дерзновенней.
Разве тебе неведомо, что молния, плавящая железо,
Прибавляет свет светильнику немощной старухи!
Река, чьи волны (струи) таят опасность,
Для розы живительна, но для иного сада — смертельна.
Шах наш — Сулейман, и с ним на этом пути

40 То Рыба заговорит, то сама луна.

Счетоводам подле ювелирного тигля
Приходится иметь дело и со золотом, и с золой.
О всевышний, пока вселенная не лишена свежести,
Небеса во вращении, а земля в покое,
Подчини мир этому обладателю счастливой звезды,
Небо-судьба да покровительствует сему завоевателю мира!
Дай ему наслаждаться счастьем и молодостью,
А главное — дай ему долголетие.
Да не покинет никогда его счастье!

45 Да лишится своего блеска венец, коль останется без его
головы!

Пусть судьба его раздвинет пределы мира,
Пусть шатер его поднимет небесный свод еще выше!
Да будет его душа обитательницей вечности!
Да будет его порог храмом вечной жизни!

**В ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО АТАБЕКА
ШАМС АД-ДИНА АБУ ДЖАФАРА
МУХАММЕДА ИЛ-ДЕНИЗА**

Я со счастливым знаменем и победным желанием
Поднял знамя слова до небесных высот

И, нить творчества привязав к каламу,
Привел в движенье, чтобы восхвалять царя царей.
Предводитель царей от небосклона до небозема (горизонта),
Он бесподобен в величии своей власти.
Великий царь Атабек — судья времени,
Тот, кто задушил в мире зло.
Абу Джафар Мухаммед своей щедростью

5 Станет завоевателем Хорасана, как некогда Махмуд!

Он завоеватель мира, словно солнце, озаряет мир,
Всюду он проявляет доблесть и испепеляет себе равных.
Он солнце и для избранных и для черни, свидетельство

тому —

Его имя: «Солнце веры и мира»!
Ибо он, как солнце, дарует свет звездам,
И счастье дарует нам. Прочь от него дурной глаз!
Когда даровали милость людям,
Двум обладателям власти дали имя Мухаммеда.
Одним завершился черед пророков,

10 Другой уже при жизни стал последним из владык.

Один в созвездии арабов — вечная луна,
Другой в царстве Аджама с предвечности шах!
Один освободил веру от угнетения,
Другой справедливостью благоустроил мир.
Слава испившему воду из такого источника,
Два «мима» в его имени повисли на ушах обоих миров
кольцом рабства.

От зависти мир расколот на две части,
Потому что у мира один «мим», а у него их два.
И без начертания каламом [восславления]

15 Один «мим» дарует ему венец, другой — почетный пояс.

Светом венцедарения он напоминает молнию,
В подтверждение [этого] его прозвали «Дарующим венец».
Если он пустится вскачь вокруг щедрости (даст волю своей
щедрости),

Волна его щедрости затопит гору Арарат.
Кому посмеет рок сказать при нем: «Восстань!»
Ведь он низвергнет, кого захочет, и поднимет, кого захочет.
Океаны, видя его щедрость, под небосводом
От стыда вспотели и, как пот, излились на землю.
Он дарит жемчуга, как море, без недовольства на лице,

20 Самоцветы дарит, как богатые рудники.

С его меча стекает кровь, как из туч — вода,
Этот его меч прозван ключом к семи странам.
Стороны света держат на плечах его шестигранный шатер,
Небо на свои уши надело девять его колен.
Мир, словно мать, ласкает его,
Весною родился он во имя справедливости.
Тайны, выходящие за пределы вселенной,
Сосредоточены в его сердце, и все это — услада сердца.
Какая наука не содержится в нем?

25 Где то счастье, которого он не раздобыл?

Его рука могуча, как пятерня льва,
О господи! Льву не сравниться с победителем львов.
Но хотя у него львиное сердце, он никого не обидит зря
Нет льва, который отважился бы померяться силой [с ним].
Его копье может рассечь волосок,
Он притупил очи тех, кто ищет лишь недостатки.
Он, как утренний луч, ножницами разрезает мглу ночи
Его враги, словно тучи, зажаты ножницами.
Когда он разит мечом, как утро — лучами,
30 Соперник обливается кровью, как заря.

Его конь так устремился [вперед] в скачке,
Что на семь ристалищ оставил небо позади.
Земля подчинена воле властителя,
Хотя сама зависит от Быка.

Голова его касается луны, венец выше небосвода,
Вот как следует носить венец, славу шаху!
Он добрыми помыслами завоевал весь мир,
Такой вот должна быть тень бога на земле.
Все белое и темное на земле,

35 Что поклоняется творцу, поклонится затем ему.

Бушующее море, одетое в кольчугу,
Стремглав мчится сразить своего врага.
Его сторонники своими могучими, как горы, руками
Схватились за камни, чтобы побить камнями его недругов.
Шей его врагов лодобны тяжелым колоколам,
Поэтому они притягивают к себе, как магнит, стальные
[мечи].

Нет, он не дал врагу застать себя врасплох, он — сама
бдительность!

40 Он не дремлет. Это [необходимое] условие владычества.
Атабек Ил-Дениз — шах, завоеватель мира,
Который воздал четыре молитвы семи климам.

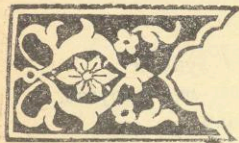
Судьбу обоих миров он вручил своей душе,
Пока жива его душа, нельзя сказать, что он усопший.
Мир существует, благодаря ему — обладателю счастья.
Он — душа мира. В этом нет сомнения.
Он венчает собой мир [словно голова].

Пусть же волос не упадет с его головы.
Не рождался никто со столь счастливой судьбой,
Она дала ему завоевать земли от Хабеша до Чина.
Он свой кубок наполнил вином в Ираке,
45 Уже страхом пред ним охвачены Рум и Сирия.

Черный крест на шлеме Рума
Он зубами победы изгрыз, словно [крест] из воска.
Едва он из страны тюрков проник в Рум,
Как превратил его с помощью индийского меча в своего
индийца,

Абхазия и Дербент — края, где он охотился,
Ночные походы он совершает в Хорезм и Самарканд.
Кто, выйдя из Гянджи, завоевал Хузистан?
Кто победил все, что между Оманом и Исфаханом?
Пусть не померкнет сияние этой луны (его),
50 Да не падет венец с головы этого шаха!

Все, что негодно царю,
Пусть сгорит в огне, будь это даже алоэ.
Если кто-либо в мире не поладит с ним,
Пусть тут же упадет в воду, даже если он сахар.
Любое сердце, причинившее ему печаль,
Пусть увянет от осенней стужи, [даже] в разгаре весны.
Каждый, кто посмеет потревожить царя,
Пусть провалится в тартарары, даже если он и сам клад!

ОБРАЩЕНИЕ
ВО ВРЕМЯ ЦЕЛОВАНИЯ ЗЕМЛИ

Слава держателю шахского трона
И объекту божественного подтверждения!
Ты оплот власти и опора халифата,

От меча твоего до небытия — всего лишь волосок!
Ты — второй Фаридун, вновь явленный Джамшид,
Нет, не прав я, все это лишнее!
Фаридун был дитя, пасший коров,
Счастье твое полное, ты львиноподобный муж.
Джамшида лишили жизни змеи Заххака,
5 Тебе же даруют свою жизнь небесные драконы.

Если ими были хранимы венец и трон,
Ты сам даруешь венец и трон нуждающимся.
Каждый богатырь стремится получить отличия хосроев,
А ты сам хосров и богатырь при этом.
У Сулеймана был перстень, у тебя правая вера,
У Искендера было зеркало, у тебя же ясные установления.
Нет, не видали того, что тебе выпало на счастье,
Ни Искендер в зеркале, ни Джамшид в своей чаше.
Да будет вечной пора молодости, она освятилась тобою,
10 Твердыня жизни — тоже ты!

Если на спине слона возвышается трон,
Но нет тебя на нем, то это [скорее] траурный паланкин!
Ты булатным мечом завоевал целый мир,
Ты со своей золотой чашей занял место Джамшида.
Да, ты собрал сокровища силой железа,
Теперь же часть его преврати в стекло.
По обычаю советников я выскажу
Несколько соображений, коль изволит шах.
Я из тех, кто утром выходит в путь,
15 Я звонарь волшебных харутов шаха.

Я первая птаха в этом саду,
Называй меня хоть соловьем, хоть вороной.
О, я поздно явился засвидетельствовать свое рабство,
Но хотя и поздно, зато явился львом.
Как хорошо сказал повидавший мир старец:
«О храбрец, приходи поздно, но правильным путем!»
С некоторых пор меня заботила мысль
Преподнести владыке свежий дар.
У меня не было дара, подобного дарам Джейпала или
фагфура,

20 Чтобы послать тебе издалека, поцеловав землю.

У меня всего лишь горстка образов — плод моего
воображения,

Для того, чтобы поцелуй мой был сладостным, как сахар.
Я — муравей, не достойный быть жертвенной тварью [для
тебя],

Но и саранча не годится в дар Сулейману.
В моих мыслях-облаках иной влаги и нет,
А если бы было не так, я был бы готов расстаться с жизнью.
Кто отважится затмить пылинкой солнце?
Кто пошлет воробья против орла?
Что пользы жаловаться (сетовать) на то, что я — владыка
[страны поэзии]

25 Не обладаю ничем, нет у меня и крупницы достояния.

На то, что я, подобно сердцу, постоянно
Не нахожусь на службе у владыки.
Да будет известна владыке сия тайна:
Я ни с кем не общаюсь [провожаю дни] только в молитвах.
Низами проводит дни в уединении,
Он наполовину уксус, наполовину мед.
Его сочный талант — источник сладкого сока,
Но сухое отшельничество легло ему на плечи.
Уста моего аскетизма давно уподобились высохшему
источнику,

30 Но моя сочная речь выделяет (источает) живую воду.

Я, как мускус, набрался аромата в уединении,
От одиночества, я стал словно Анка.
Я — шип, мне не быть розой на пирах,
Я способен лишь в молитвах проводить дни.
Мне не справиться со всем, что входит в служение шаху,
Выполняю только одно — по утрам молюсь за шаха.
Сумасброден мой ум, и боюсь я сетей,
Алчность таится в сердце, боюсь я необдуманных поступков.

35 Я сдерну с алчности покрывало,
Я разорву одежду сумасбродства.

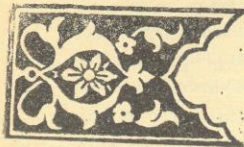
Я останусь наедине с любовью и тогда,
Оставшись наедине, — отдохну.
Я вручу свою голову твоему стремени,
И в стремени твоём воспряну, как сама судьба.
Коль отгонишь, поцелую порог издали,
Если приветить — «Свет на свете».
Если улыбнешься, подобно лунному сиянию, лаская меня,
Я озарю ночь, подобно светлячку.
Ты сама судьба для того, кого подпускаешь к себе.

40 И на челе кого начертаешь «эмир» или «шах».

На кого взглянешь, как око утра,
С того скидываешь лохмотья мрака.
Когда ты мчишься на своем коне по стране,
Землю осыпашь золотом из мешков.
Рассыпай же каждый год вот так золото,
Пусть дух твой будет булатным, как и твой меч.
Да не уклонится мир от твоей воли, от твоих велений,
Пусть всюду виднеется пыль, что поднята твоей ногой!
Пусть вечно венчает тебя венец Хосрова,
45 Твоим оплотом будут именитые мужи.

Всюду, где бы ты (твой шаг) не распространял аромат
мускуса,

Сверкай, подобно солнцу и луне.
Куда бы ты ни сворачивал по велению рока.
Конь твой, как и судьба твоя, пусть покоряет мир.
Да будешь победоносным всюду и везде!
[Да будет] войско [твое] — победным, враг — поверженным!

В ВОСХВАЛЕНИЕ
ШАХА МУЗАФФАРА АД-ДИНА
КЫЗЫЛ-АРСЛАНА

О утренний ветерок, будь быстролетным,
Окажи милость по мере своих сил.
Поцелуй землю пред шахом, что пирует,
Ведь его чертоги покоятся на Плеядах,
Он — солнце, дарующее жизнь семи странам,
Вера и государство благодаря ему обрели могущество.
Он — властитель Востока, оплот Запада.
Кызыл-шах, венец его поднялся выше луны.
Он, как Мехди, пребывает в западных краях,
5 Дозорные его давно перешли границы Востока.

Если он перстнем наложит печать на воск,
Китай вышлет дань, а Рум — подушный налог.
Если он захочет, то с помощью булатного меча
Из источника Зенга заставит течь русскую реку.
А если захочет, одной божественной победой
С лица Индии смоем черноту.

- От страха перед тем, кто устранил гнет в мире,
Любая возникшая смута мгновенно утихнет.
От его щедрости, которая сродни бескорыстию тучи,
10 Мир сверкает, как сверкает его меч.
- Если он спустит с привязи тучу щедрости,
Она освежит мир живительной влагой.
Он одной рукой раздает жемчуга сотни морей,
Не намочив при этом даже кончиков пальцев.
Его трон уподоблен солнцу,
И слава его вознеслась до луны.
Всего семь климов, но если бы даже их было
семьдесят,
Все разом выветрились бы, если б не пыль, вздымаемая им.
Сатурн, не будь он подвластен его славе,
15 Скатился бы с небосвода при всей своей многоопытности.

- Аракс бурлит в степях,
Достигнув моря, вмиг стихает.
Пусть соперник главою возносится до небес,
В его присутствии — целует прах пред ним.
Пусть сила руки соперника равна силе ста гор —
Камню невозможно сравниться с золотом.
Стягом, который дарован ему временем-судьбой,
Можно накрыть все четыре стороны света.
Судьба скроила для него царский халат,
20 И отдала обрезки семи светилам на шапки.
- От искр, что высекает его алмаз,
Враг сгорит, будь он даже железным.
Враг бежит от его меча, как от железа,
Ибо любой, кого он коснется [мечом], останется на месте.
В страхе перед его мечом, рассекающим затылок,
Врагу остается только чесать затылок (изумляться).
Угли от сожженного им врага испускают аромат руты,
Ведь и Марс, оказавшись в хвосте, становится счастливым.
Жизнь его идет с мессией стремя в стремя,
25 Утренние попойки его да продлятся до Страшного суда.

Его меч прославился честью и блеском,
Как лотосы на Ниле и Тигре.
Каждой нужде, о которой заявляет народ,
Он открывает широкие, как море, ворота.
Никому не запрещено подойти к морю его доброты,

- От хазарского нищего до румского богача.
От его гнева до его благоволения расстояние в шаг
муравья,
От головы до небосвода — всего волосок.
Каждому муравью, удостоившемуся чести быть у него во
дворце,
30 Следует встать в ожидании приема, как у дворца Сулеймана.
- Каждое насекомое, оказавшееся у него на пути,
Уже достойно иметь дворец в черепе Немврода.
Меркурий собирал гиацинты вокруг его разума,
Может быть, поэтому обитель Меркурия названа «гиацинтами
Девы».
- Если он ударит закаленным мечом по морю, то
Бык спросит Рыбу: «Каково тебе?»
Молодой месяц старается быть похожим на подкову его
коня,
А он небесный свод, как кольцо, навесит на свои врата.
Душа его — погонщик каравана сокровенных знаний,
35 Человеку сильному — знания не помеха!
- Неважно, если на пиру не останутся виночерпий и жар вина,
Важно, чтобы он — владыка — был вечен.
От всех превратностей судьбы (эпохи)
Мы спасемся, — ведь у нас такой Мехди.
Пусть угрожает нам страшный тайфун,
Нам нечего бояться — у нас есть такой Сулейман!
Если тебя ужалит змея Заххака,
Не страшись! Ты ведь в дружине Фаридуна.
От сближения звезд людям во все времена
40 Приходилось испытывать разные бедствия.

Это зловещее сближение не страшит нас:
Всевышний милосерден, властитель правосуден!
Это сближение, что должно произойти в эпоху торжества
справедливости (шаха)
Предполагает бурю, но буря — всего лишь ветер.
Мир — лишь небольшая ниша в его, Кызыл-Арслана, дворце,
Небосвод — только [его] стеклянная чаша.
Прах таких, как мы, не достигнет той высоты,
Ведь поднявшись до таких высот, туча не может
рассыпаться в пыль.
О ветер, когда достигнешь порога его дворца,

45 Упомяни и о стремящемся туда же.

По обычаю рабов поцелуй землю пред ним,
Передай какие слова говорит Низами:
«Хотя на какое-то время я удалился от служения,
Все равно не переставал трудиться для владыки.
Когда эти листы были заполнены
И запечатаны на имя владыки мира,
Мне было ведомо, что если сей второй Джемшид —
Да продлится его жизнь до скончания времен! —
Взглянет в этом саду хотя бы на лепесток розы,
50 То его (лепесток) пометят клеймом властителя мира.

Сама судьба мне указала этот путь:
Пусть шах останется довольным своим слугою!»

Рассказ

Как-то я слышал, что некий богатый человек
Был поглощен мыслями о своей возлюбленной [с лицом, как
у Юсуфа].

И так влюблен был в эту красавицу,
Что отвратился от всех своих дел.
И поместил эту похитительницу [его души] в своем сердце
так,

Что свою душу цепью привязал к ее душе.

Если бы ему даровали сто садов, играющих лучами,
55 Он поблагодарил бы так, словно подарили всего лишь
гроздь винограда.

Но, если его возлюбленной вручали одну лишь розу,
Он расцветал, словно весенний сад.
Это оттого, что она была его душою,
И он вечно радовался ее радостью.
И вот желание шаха желанно миру,
Вполне совпадает с желанием его брата.
Пусть сей ларец счастья (дружба между братьями) не
повредится,
Пусть сей сладкий напиток (дружба между братьями)
никогда не замутится.

Да будет его красотою озарен мир,
60 Да будут его ночи ночами вознесения, дни — днями
благодати.

И пусть ветер всегда [играет] в кудрях его,
То взбаламутит Индию, то взвихрит Чин.

Все тюрки Чина да будут его индийцами (рабами),
По вине жителей Чина да не нахмурятся его брови!
Его враг пусть окажется в узах вселенной,
А если станет его другом, то узы станут шелковыми!
Чаша покорного ему пусть наполнится вином,
А если тот станет врагом ему — проклятьем.
Мой дар, полный тонких мыслей,

65 Да будет благословением его души и молодости.

О ПРОНИКНОВЕНИИ В СУЩНОСТЬ СЕЙ КНИГИ

Небесный глас, застав меня в уединении,
Возвестил мне с небосвода усердия:
«О Низами! Торопись, уж поздно!
Небосвод вероломен, мир быстротечен!
Из родника радости извлеки новую весну,
Облеки образы в новые рукотворные одежды.
На этом привале возьми немедля саз.
На этот лад сыграй свою мелодию, настало время.
Если тронешься не вовремя, устроят тебе засаду,
5 Если запоешь не вовремя, с плеч слетит голова.

И сияй, как цветок, недолгое время.
Если долго [будешь сиять], срежут тебя, как срезают лилию.
Пусть слова твои окажутся крепкими, как булат, и
красивыми, как чеканное золото,
И своей чеканкой посрами золотой дирхем.
Сначала поступай с клинком, как кузнец,
Затем приступай к его шлифовке.
Слова, которые не рождены мыслью,
Недостойно писать и высказывать.
Нанизывать слова — дело нехитрое,
10 Однако нить для слов должна быть крепкой.

Слов у тебя много — сократи их число,
Не превращай одно [слово] в сотню, а сотню — в одно.
Коль воды станет больше, чем надо,
В ней можно и утонуть.
Коль крови в теле перензбыток, можно

Угодить на острие ножа (подвергнуться кровопусканию).
Ты будь скуп на слова, чтоб они ценились,
Если будешь многословен, много отыщут изъянов.
Тебе, как известно, дано слагать стихи.

15 Но возглас: «Не будь многословен!» — наихудшая брань.

Слово есть сама душа, целитель всех душ,
Может быть, оттого оно дорого, как и душа.
Ты взгляни на людей, неразумных, неразборчивых,
Которые душу отдают за кусок хлеба!
Слова — жемчуг, слагатель — нырятьщик,
Но с трудом добывается настоящий жемчуг.
Мастера всегда боятся сверлить жемчуг,
Ибо им введена цена жемчужины:

20 Не видишь, намереваясь сверлить, опытнейший муж
Сложнейшее дело поручает своему малоопытному ученику.

Трезв ли ты или в сладчайшем хмелю,
Веди себя так, чтобы избежать укоров.
Вокруг тебя тысяча бесплатных соглядатаев
С криками тянут к тебе руки.
Не проявляй беспечности — даже духа не переводит,
Никогда не думай, что люди безразличны к твоим делам!
Я внял советам небесного гласа и,
Подобно ему, решил скрыться от глаз [людских]
И уединился. В этом месте сердце — словно море,
25 Все источники бьют здесь, только здесь.

Я весь ушел в область предания
И капище огня превратил в райский сад.
Мне предстояло украсить сию кумирню,
И я изукрасил ее, и только.
Хотя живая вода скрыта в словах,
И все, что возможно, дозволено в них отразить.
Однако, коль возможно отразить в них истину,
То к чему прибегать ко лжи?
Слова выражающие ложь, потеряли цену,
30 А склонный к правде будет возвеличен.

Утро, что всегда возвещает правду,
Облекает мир в золотые лучи — как величественно оно!
Кипарис, вознеся знамя прямоты,
Устоял перед грустным нашествием осени.
У меня клад, что назван «Сокровищницей тайн»,

Так приличествует ли мне страдать, изображая страсти?!
Однако нынче нет в мире человека,
Который не стремился бы к книгам о страсти.

35 Я своей проворной рукой создал такую книгу страстей,
Что тут же развеет печаль тех, кто стремится к печали,

И нанес на нее такие чистые узоры страсти,
Что сам разум, читая ее, уступит [место] страсти.
Подобно другим, я не протянул руки к ветке,
На которой растут только лишь сладкие финики.
Предание о Хосрове и Ширин не сокрыто,
Слаще него, воистину, нет предания.
Хотя это приятное сердцу предание,
Которое, как невеста, под охраной хранимо,
40 Беловые его списки в обиходе неизвестны,
Черновики его хранились в Барде.

Из древних историй того края
Сей кладезь преданий стал мне известен.
Старцы того благословенного края
Поощрили меня к постижению этого предания.
Разум не может медлить с восприятием этого [предания],
Ведь правдивость его известна разумным [людям].
И этого не сокрыть. Ведь о правдивости сего предания
Свидетельствуют оставшиеся от него памятники:
Бисутунская скала, изображение Шабдиза,
45 Дворец Парвиза, стоящий в Медане по сей день.

Страсть несчастного Фархада,
Следы молочного ручья, замок красавицы Ширин.
Тот же Шахруд с приятнейшей водой,
Дворец Хосрова, места его охоты.
Молва о десятиструнном сазе Барбада,
Замок для отдыха шаха на реке Шахруд.
Мудрец, который поведал это предание,
Выбросил из него историю любви.
Ведь ему шел шестидесятый год жизни,
50 Стрела выпала из лука молодости.

Ведущий речь о любви в молодости
Не может прославить любовь [в старости].
Я с самого начала решил не повторять слова того мудреца,
Ведь не благословенно повторять уже сказанное другим.
В той части, где речь должна идти о любви,
Я выскажусь, не следуя за мужем-воином.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

У меня нет иного призвания, кроме [воспевания] любви,
Пока я жив, да не будет мне суждено иное дело.
Небесный свод признает один лишь михраб — любовь.
Без страданий любви этот мир не имеет достоинства.
Будь рабом любви — вот верная стезя.
Лишь она удел тех, кто обладает сердцем, только она!
Мир — это любовь, все остальное — лицемерие, обман.
Все игра, кроме одной любви.

- Если бы душа миров была лишена любви,
5 Кто бы считался живым в круговороте времен?

Кто лишен любви, тот, считай, лишен души,
Обладай он хоть сотней душ, без любви он мертв.
Любовь, хотя и не признает ворожбы,
Своей ворожбою никого не пощадит.
Только лишь едой и сном довольствуются одни ослы,
Ты, человек — люби, влюбись хоть в кошку!
Решиться на любовь к кошке
Лучше, чем быть одиноким львом.

- Без любви ничьи зерна не прорастают,
15 Лишь в обители любви спокойно и безопасно.

А что желаннее в мире чем огонь (жар) любви,
Без нее не цветет роза, не плачет туча.
Гебры, которые уселись вокруг огня,
Стали огнепоклонниками из-за огня (солнца) любви.
Ты не преклоняйся перед сердцем как перед властителем

души,

Ты ступай во владения любви — она душа души.
Она ведь речь и о кыбле и о Лате,
Для нее сокровищницей служат и Кааба и Харабат.
Если любовь зажжется в груди камня,

- 15 В поисках возлюбленной камень взлелеет самоцвет.

Если магнит не был бы влюблен,
Разве притягивал бы к себе железо с такой страстью?
Если б не было любви между ними,

То янтарь не искал бы всю жизнь соломинку.
Но много железа и много драгоценных камней,
Что не стремятся к железу или соломе!
Все эти бесчисленные самоцветы
Стремятся лишь к своему центру.
Если огонь не найдет выхода из земли,
20 Расколет землю и взвихрится ввысь.

И если влага долго задержится в воздухе,
То, согласно своей сути, устремится вниз.
Удел всего в природе — тяготение,
Мудрецы называют это тяготение любовью.
Если внимательно вдумаясь, поймешь:
Все мироздание зиждется на любви.
Если бы небеса лишились любви,
Земля вряд ли была бы благоустроенной!
Я не мыслил без любви жизнь свою,
25 Поэтому отдал сердце и получил душу.

Я возжег любовь и дымом заполнил весь мир,
И усыпил им глаза разума.
Я препоясался любовью к сочинению сей поэмы,
И миру я явил дар страсти.
Пусть не принесет она пользы недостойным;
Пусть будет полезна тем, кто [прекрасно] читает и красиво

пишет.

Я сочинил превосходно. Кошь переписуют скверно,
То все свои ошибки припишут мне.

В ОПРАВДАНИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В то время, когда двери мои были заперты
И я вел беседу с небесами,
Мысли мои то блуждали по созвездиям,
То разрывали завесу ангелов.
Был у меня друг, весьма набожный,
Дружил он со мною, как сердце с душою.
Он, словно лев, оберегал свою склонность ко мне,
Для меня был щитом, а для врага — мечом.

- 5 Знанием запер врата пред всем мирским,
В мире он радовался лишь знанию.

Однажды ночью он, согнувшись как золотое кольцо,
Тихо пальцем ударил по кольцу ворот.
И вошел он, непрестанно упрекая меня,
Его речь была исполнена укора:
«Хвала тебе! О владыка страны слов,
В этой стране счастье принадлежит тебе.
После пятидесяти сорокадневных постов и сорока лет
Не касайся ты этих слов, марающих листы.
Ты соблюдал посты, тверд ты в благочестии,
10 Так не разговляйся же костью падали!

Тебя же никогда не пленяли мирские желания,
Ты ведь никогда не желал мирского.
Кончик острия твоего пера —
Ключ от многих сокровищниц.
Ты на медь наводишь позолоту. Чего добиваешься?
Смешай свое золото со своим серебром.
Ты, как клад Каруна, стремишься к земле,
Разве не ты учитель слагателей стихов в наше время?!
Ты стучись в двери единого бога, Ты прославлен,
15 К чему Тебе обновлять обычай магов?

Знатоки слова сочтут твое сердце мертвым,
Лишь чтецы Зенда назовут его живым!»
Осуждающие меня слова этого горькослова
Нисколько меня не обидели.
Я лишь прочел ему несколько строк
О добрых поступках пленительной Ширин.
На изукрашенном (расписанном) мною шелке
Я показал ему несколько приятных сердцу узоров.
Когда сей сметливый муж увидел рисунки Аржанга
20 Запнулся внезапно, стал подобен истукану.

Я сказал ему: «В чем смысл молчания?
Где твой дар речи, чтобы восхищаться?!»
Он покорно молвил: «Отныне я твой раб,
Мой язык способен лишь прославлять твое имя.
Стоило мне услышать предание о Ширин,
Как я от сладости его проглотил язык.
Лишь ты один способен на такое волшебство —

- Превратить идола в Каабу.
Ты повестью о ней уластил мои уста,
25 И от ее сладости язык мой стал сахарным.

Коль я проглотил свой язык, как сахар,
Пусть твои речи навеки останутся сладостными!
Коль пустился в путь, пройди его до конца.
Коль заложил основу — заверши повествование.
В сем повествовании помощь тебе — судьба.
Она принесет тебе благодать и пользу!
Так зачем же ты засиделся в этой дыре,
Когда в твоих руках такая иракская чеканка?!
Ты вырви своего коня из тисков Гянджи,
30 В тебе дремлет львиное естество, двинься в путь!

Выведи коня наружу, на ристалище привольное,
Ты молод и свеж, молода твоя судьба.
В наше время нет [такого] сладкоречивого,
А если есть, то не с таким, как у тебя, даром.
Хумаем взлети, осени свои дела,
Не препоручай страну слова совам.
Эти два-три поэта — свечи для своих же мотыльков,
Их сиянием озарены лишь их же собственные дома.
Стоит только удалиться от них на два перехода.
35 Убедишься, что никто из них не светит.

Ты, подобно сверкающему солнцу,
Известен от Востока до Запада.
Теперь, когда ты выступил вперед,
Каждый готов спрятать голову в своем углу.
Теперь небосклон дарования очертил свои пределы,
И страна поэзии видит воочию всадника!»
Я в сердцах сказал: «О моя высокая судьба!
Ты не мясник, и я тоже не баран.
Ты не дуй на мой светильник, а то он погаснет,
40 Ведь дыхание Иисуса не возьмает действие на Моисея.

Ты этими тщетными словами не пытайся возжечь меня,
Ведь я сам — самовозгорающийся светильник.
Я — стеклянный сосуд, если разобьешь [его] камнем,
То обнажится моя суть, и миру будет стыдно.
Я ведь медь, слегка покрытая позолотой,
Считай [меня] трупом, окропленным розовой водой.

Разве не видишь: моя снесь — самомнение.
В моих порывах найдешь лишь спесь.
Небо в моем гороскопе явило льва,
45 Но всего лишь чучело льва. Какой прок?!

Я не тот лев, что идет на схватку с врагом,
С меня достаточно и того, чтобы справиться с собою.
Прежде у меня была радость, которая покинула меня,
Была кичливость молодости и та ушла.
Басни о юности и самомнении
Ты оставь! Они были мираж, греза!
Нельзя жить в беспечности,
Когда перевалит за тридцать и даже за двадцать.
До сорока лет нам еще радостна жизнь,
50 В сорок начинают выпадать перья, слабеют крылья.

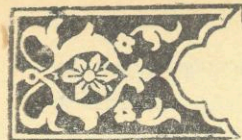
А после пятидесяти здоровья не ищи,
Зрение притупится, ноги ослабнут.
Когда [стукнет] шестьдесят — желание покоя на первом месте,
Когда стукнет семьдесят — все в тебе неподвижно.
Когда достигнешь восьмидесяти, девяноста,
Испытаешь одни лишь тяготы жизни.
Потом, если удастся дойти до ста,
Будешь трупом — лишь внешне живым.
Но проживешь сто лет или один день,
55 Все равно приходится оставлять этот озаряющий сердце
дворец.

Стало быть, надо всегда радоваться жизни,
И в этой радости поминать имя всевышнего.
Когда радостно сердцу, сияй как свеча,
Пусть уста смеются, будут влажны очи.
Те, что озарены, словно утро, избегают плача,
Поэтому молния смеха озаряет их уста.
Ведь без горести и радости не бывает,
Потому не надо скрывать смех за устами.
Я научу тебя, если внемлешь, —
60 Хоть некоторое время радуйся, не печалься,

Как только по счастливому знаменью, твоим уделом станет
радость,

Обрадуй и ты бедняка, поднеся ему дар.
Ведь солнце радостно на небосклоне,
[Оно] радуется от того, что миру дарит радость.

50

НАЧАЛО ПОВЕСТИ
О ХОСРОВЕ И ШИРИН

Так начал рассказ тот старый сказитель,
Который еще помнил старинные предания.
Луна шаха погружалась во мрак, и он
Оставил Хормузу царственный трон.
Хормуз, озаряющий мир, творил правосудие,
Своей справедливостью он устанавливал мир.
Он не нарушал обычаи отца.

Щедкостью славилась его рука, вера прочно стояла на ногах.
Он желал род свой продолжить в мире,
5 Жертвоприношениями просил всевышнего даровать ему
потомка.

После нескольких обетов и жертвоприношений
Ему был дарован сын. И что за сын! —
Драгоценный жемчуг из царственного моря,
Светильник, озаренный божественным светом.
Он был счастливой судьбы, обладал благостным престолом,
Судьбою предназначен был обладать венцом и троном.
Найдя его во всех отношениях царственным, отец
Нарек его именем Хосров Парвиз.

Оттого еще прозвали его Парвизом,
10 Что вечно, словно бахрома, висел на людях.

Кормилица хранила его в шелке, как хранят мускус,
Содержала в вате, словно свежий жемчуг.
Его лицо быстрее отгоняло грусть, чем само солнце,
Улыбка была приятнее улыбки утра.

Он тянулся к молоку, словно сахар,
Оттого и растили его на молоке с сахаром.
Его постоянно приводили на царский пир,
Передавали с рук на руки, словно букет роз.
Когда из колыбели [он] ступил на пол,
15 Мир принял его дружелюбно.

Каждый год, прибавляемый ему судьбой,
Разум обогащал новыми уроками (опытом).

4*

51

В пять лет на все, что удивительно,
Он смотрел и набирался опыта.
Когда ему шел шестой год, он стал подобен молодому
кипарису,

И постигал особенности шести сторон.
Красотой он так прославился,
Что, увидев его, все восклицали: «Вот Иосиф Египетский!»
Отец позаботился об учителях [для него],
25 Чтобы дни его не проходили без пользы.

Минуло определенное время [после всего этого],
И Хосров стал искусным во всех искусствах.
На любую тему мог он вести разговор,
Словно море, рассыпая драгоценные жемчуга,
Каждый красноречивый, способный изливать речь ручьем,
Ведя с ним беседу, взвешивал слова.
Его зоркий взгляд мог просверлить волос,
И смысл речи был тонким, как волос.
В девять лет он оставил школу,
25 Увлечен боем со львами и драконами.

В десятилетнем возрасте
Он по ветру пускал головы тридцатилетних.
Он своей пятерней осиливал львиную лапу,
Мечом превращал ствол в тонкий калам.
Он стрелой развязывал узел волоска,
Копьем срывал кольцо с боевой кольчуги.
Стоило ему направить стрелу в мишень, как
Превращал барабан Зухры в соколиный барабан.
С большим усилием мог натянуть тетиву его лука
30 Даже тот, кто мог разом натянуть десять обычных луков.

Его аркан мог заарканить десять противников,
Его стрела была действенной девяти сабель.
Зло, даже если оно было воплощено в Белом диве,
Трепетало перед его стрелой, как ивовый лист.
Когда он метал молнию своего копья в скалу,
Острые копья вонзались в сердцевины гранитной скалы.
Когда ему исполнилось четырнадцать лет,
Птица знания оперилась.
Он направил свою мысль на проникновение в тайны
(в непознанное),

35 Стал вдумываться в смысл добра и зла в мире.

Был ученый муж по имени Бузург-Умид,
Сам всеильный разум возлагал на него великую надежду.
Вся суша, пядь за пядью, прошла под его стопами,
И мысли его облетали вселенную пядь за пядью.
Ему было ведомо все сокрытое,
Он владел ключами от небесных сокровищниц.
Царевич потребовал его тайно к себе,
Своей острой, как индийский меч, речью
Стал выскивать жемчуга в том море мудрости,
(Бузург-Умиде),

40 Ухватив его за полу, усадил пред собой.

Его ясное сердце осветилось знаниями того мужа,
И царевич научился от него многим премудростям.
От орбиты Сатурна до центра Земли,
Он постиг все, что находится в небесах.
Несмотря на малолетство, он был подобен морю:
О каком бы знании ни шла речь, она оказывалось в нем.
Перестав быть беспечным, он обрел всеведение,
Одной ногой он уже стоял на царственной ступени.
Когда сему искателю тайн открылись

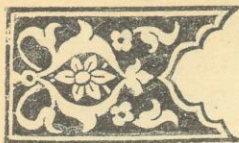
45 Тайны этого крутящегося циркуля,

Он избрал одну лишь стезю служения,
Ни на миг не переставая служить отцу.
Миродержец любил его сильнее мира,
Что там мира! Сильнее собственной жизни.
Чтобы сыну была дарована долгая жизнь,
Шах укоротил руки тем, кто любил глубоко запускать руку
в мир.

Он велел глашатаям возгласить на всю страну:
«Горе тому, кто притеснит другого!

50 Если кто будет пасти коня на чужом поле
Или позарится на чужой плодовый сад,

Если кто на чужую жену посмотрит
Или будет находиться в доме тюрка-гулама,
Тот будет должным образом наказан мной!»
И в том шах не раз поклялся.
Поскольку шах в справедливости не проявил медлительности,
В мире появились признаки благоденствия.
Зло убрало руки от дел мира,
Мир освободился от дел своих же рук.

ПИРШЕСТВО ХОСРОВА
НА ЛУГУ И НАКАЗАНИЕ
ЕГО ХОРМУЗОМ

Как-то случилось так, что в один радостный день
Хосров отправился в степь ранним утром.
Он всем любовался, много охотился.
Вдали показались очертания зеленого селения.
Вокруг селения все было свежо и зелено,
Хосров раскинул ковер на этой зелени.
На этом свежем лугу он пил алое вино,
До тех пор, пока золотая роза не повернулась к нему спиной.
Когда солнце с лазоревой пустыни (простора)

5 Спустилось, оно водрузило стяг на стене желтизны

И, подобно властителю, двигаясь, жгло алоэ,
И, разорвав стяг, стало сооружать темный шатер,
И потянуло поводья своего коня вниз,
Полосуя небосклон мечом,
Когда, ослабев от мучившей его земли,
Солнце, как лотос, простерло свой щит на воде,
Царевич потребовал приюта в селении,
И, опьяненный, возобновил там пиршество.
С друзьями в ту ночь он пил да пил,

10 А утром опохмелился с теми, кто ночью бодрствовал.

И, внемля мелодии чанга,
Пил, наслаждаясь, пурпурное вино.
При помощи вина он заставлял кувшин смеяться,
Вином же оживлял и душу, и свое окружение.
И один норовистый конь его
'Был утром пойман за потраву.
А один из его гурских рабов сорвал в чужом винограднике
Несколько гроздей незрелого винограда [думая, что он
созрел].

15 Утром, когда озаряющее мир солнце
Отделило голову ночи от тела дня,

Чернокрылая ворона, достав из своих объятий
Золотое яйцо, положила под крылья попугая,

Ночь развязала узелок с черными углями,
И убрала палец со скрижали жителей земли,
Несколько завистливых людей, как это принято,
Тайно донесли об всем самому шаху:
Донесли, что Хосров совершил беззаконие,
Не страшится царя царей — что в этом хорошего?
Шах молвил: «Мне неизвестна его вина».

20 Ответили: «Он шел путем несправедливости!

Его гнедой конь пасся на чужом лугу,
А его раб сорвал незрелый виноград крестьянина.
Сам он занял ночью тесное жилище бедняка,
И звуки его чанга беспокоили слух жены бедняка.
Соверши это кто-либо, а не твой отпрыск,
Ты бы, владыка, разорил того!
В каждый сосуд (кровеносный) врачеватель вонзит сотню
игл,

25 Но когда дело касается его сосуда, рука у него трясется.
Царь повелел обнажить острый меч и
Норовистому скакуну его [Хосрова] перерезали сухожилия.

Раба царевича отдали владельцу виноградника,
Розовую воду смешали с соленой.
Трон его, поставленный им в ту ночь в доме бедняка,
Отдали владельцу дома,
Затем сломали ноги чангисту,
Оборвали струны на том чанге.
Видишь, как творили суд прежде
Не только над посторонними, но и над своей драгоценной
жемчужиной.

30 Где теперь такое правосудие, где такая справедливость, —
Чтобы с собственными детьми поступали так, как со всеми?!

Мир так был согрет огнепоклонником,
Что постыдно быть мусульманином.
Да, мы правоверные, а он гебр-огнепоклонник,
Но если то — огнепоклонничество, где же мусульманство?!
О Низами, вернись вновь к преданию,
Ибо глас птицы назидания докучен (неприятен).

ХОСРОВ НАПРАВЛЯЕТ СТАРЦЕВ К ОТЦУ ДЛЯ ЗАСТУПНИЧЕСТВА

Когда Хосров увидел свой позор,
Он призадумался о содеянном.
Он понял: совершил проступок,
И отцом было воздано ему по заслугам.
Думал он о содеянном и в раскаянии бил себя по голове,
Печаль лишила его покоя.

5 Просил древних старцев заступиться за него,
Повести его — молодой кипарис — к шаху:
Быть может, шах примет это заступничество,
И простит ему старые грехи.

Он надел саван, захватил острый меч,
Словно настал день светопреставления.
Впереди шли старцы со словами прощения на устах,
Вслед за ними сам царевич, словно пленник.
Достигнув высокого престола, он зарыдал,
И, зная свою вину, простерся ниц.

«О владыка! Не подвергай меня более мукам,
Будь великодушным, прости вину ничтожному.
Ты не смотри на своего Юсуфа, как на того волка,
10 Вина моя велика, [но] сам я еще мал.

Ведь молоко еще не обсохло у меня на губах.
Не будь львом, готовым растерзать меня.
Будь милосердным к своему несчастному сыну,
Который не в силах вынести гнева властелина.
Раз я провинился — вот меч, и вот моя шея!
Тебе — разить, мне же — повиноваться.
На этой стезе я готов снести любую кару,
Но нет у меня сил вынести упреки шаха!»
Сказав это, вновь к земле

15 Склонил голову этот чистый перл. (Хосров).

Присутствующие, увидев, как он кается,
Заплакали, искренне сочувствуя.
Рыдания его, достигшие луны,

Тронули сердце шаха:
Ведь малолетнее, нежное дитя
Так глубоко переживает свой проступок.
Он думал о сыне, которому и судьба не желает зла,
И которого заботит одно: развеять печаль отца.
Так было всегда: как поступит твой сын с тобою,
20 Точно так же поступит с ним позже его дитя!

Ты особенно не вдавайся в смысл добрых и злых поступков
сына,

Ведь за тебя с сыном рассчитается его сын.
Хормуз понял, что его смысленный отпрыск —
Плод его сердца, исцеление души.
Такой мудрый и проникающий во все,
Он божья благодать, [отец] в это твердо уверовал
И, поцеловав его в лоб, обласкал,
Назначил его предводителем войска.
Когда Хосров покинул дворец отца,
25 Мир предстал ему в новом свете.

Лик его уже излучал справедливость,
Царственные черты проступали на его лице.

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ СВОЕГО ДЕДА АНУШИРВАНА

Когда кудри ночи распространили аромат,
Свет погрузился в небесный мрак.
Из-за завесы вышел кудесник —
Место сияющего зеркала заняла полная луна.
Хосров пришел в капище, собираясь
Поблагодарить Яздана и сел.
И сладкая дрема напала на него,
Упущенным вчера сном [он] наслаждался.
Во сне он увидел своего деда,

5 Который молвил: «О юное сердце, озаряющее мир!

Ты лишился четырех рабов,
Возвещаю тебе — получишь четыре вещи:
Во-первых, ты вкусил кислый, неспелый виноград

И при этом на твоём лице не было кислой мины;
Ты получишь в объятия красавицу,
Слаще которой мир не видал!
Во-вторых, твоему коню перерезали сухожилия,
И сердце твое не испытало печали;
Ты получишь коня чёрной масти по кличке Шабдиз,
10 Даже урагану не настичь пыли из-под его копыт.

В-третьих, шах отдал твой трон крестьянину,
Однако ты остался невозмутимым;
Ты добьёшься для себя престола,
Что возвысится как золотое дерево.
В-четвёртых, ты терпеливо снес
То, что шах лишил твоего певца чанга.
Тебе будет дарован музыкант по имени Барбад, —
При одном воспоминании о нём чаша с ядом кажется
сладкой.

Взамен булжника ты обретишь золото,
15 Вместо костяшек — драгоценные жемчуга!»

Когда царевич пробудился ото сна,
Встал и вновь прославил Яздана.
Он целый день хранил молчание,
Казалось, все ещё внимая словам деда.
А ночь провёл в обществе мудрых людей,
Рассказывая им свой сон и расспрашивая.

РАССКАЗ ШАПУРА О ШИРИН И ШАБДИЗЕ

Был друг у него (Хосрова) по имени Шапур,
Который изъездил мир от Магриба до Лахора.
В живописи он явился вторым Мани,
В черчении же победил бы Евклида.
Проворный рисовальщик, он так быстро работал каламом,
Что без кисти в воображении создавал узоры.
Его работа была тонкой и изящной,
Он и на гладь воды мог бы нанести узоры.
Он явился и поцеловал пред Парвизом землю,
5 Развлек его приятными душе словами.

Сказал: «Если владыка мира позволит мне,
Я расскажу ему одну сотую того, что знаю». —
Хосров дал ему знак: «О благородный муж,
Рассказывай пылко, пусть беседа не остынет!»
Красноречивый Шапур разверз уста,
Цветом и ароматом наделил слова:
«Пока мир жизнью согрет, да будет [он] тебе рабом!
Да будет для тебя счастливыми месяцы и годы.
Пусть красота твоя не разлучится с молодостью,
10 И желанья твои всегда будут достигнуты тобою!»

Злопыхатель твой пусть будет обречен на скорбь,
И разрушится дом того, кто не желает видеть твой дом
благоустроенным.

Я много блуждал под этим шестисторонним шатром,
Я видел много чудес в разных странах.
В нескольких переходах за горным хребтом,
Там, где находится залив Дербентского моря,
Правит женщина царского рода,
Лязг оружия её войска доходит до Исфахана.
15 Вся область Аррана вплоть до Армении
Повинуется воле этой женщины.

Нет страны, которая не платила бы ей дани.
Все она имеет, кроме венца и трона.
Тысяча её крепостей разбросана по высоким горам,
Сколько у неё сокровищниц — ведаёт один всевышний.
Четвероногих у неё столько, сколько желаешь,
Более чем в небе птиц, в море рыб.
У неё нет мужа, но она счастлива,
Жизнь её проходит в радости.
В отваге она не уступает мужчинам,
20 Величава, оттого и зовут [её] Мехин Бану.

Её собственное имя — Шемира,
«Шемира» истолковывается как Мехин Бану.
В разное время года
Она пребывает в разных краях.
В сезон цветения она в Мугани,
Дабы ступать по молодой зеленой траве.
Летом она поднимается в горы Армении,
Прогуливается среди роз и по полям.
Когда наступает осень, она в Абхазии
25 Предается охоте.

Зимою ее тянет в Барду.
Потому, что климат в Барде теплый.
Так она проводит **четыре времени года**,
Для каждого времени ею избрано место с особым климатом.
Она каждый миг проводит в веселье,
Она беззаботно играет с миром.
И в этой темнице, полной извилистых ходов,
Живет с ней одна лишь племянница, и более никто.
Девушка — пери, не пери, а сама луна,
30 [И] под покрывалом видно, [что она] обладательница венца.

Подобна полной луне на небе,
Ее черные очи — как источник живой воды.
Ее стройный стан — как серебристая пальма,
И два негра на ней — для сбора фиников». **Он так часто упоминал сладкоустую,**
Что уста царевича ощущали сладость фиников.
«Ее сияющие зубы своей жемчужной белизной
Уже издали посрамляли перламутр (жемчуг).
Ее сахарные уста — как два сверкающих лала,
35 Два локона — как два скрученных аркана.

Завитки кудрей лишали сердца сил,
Волосы молодой травой ниспадали на розу.
От зефира ее мускуса (волос)
Звоном пылали, словно больные, ее нарциссы.
Ее очи оберегали ее
Чарами, от которых дурной глаз немел.
Чтобы чарами воспламенять сердца,
Ее уста расточали в изобилии сахар.
В улыбке на ее устах всегда есть соль,
40 Соль, как известно, солона, но [и] сладка.

Ее носик прям, как серебряный нож,
И ножом этим одно яблоко разделено на две половины.
Ее луна (лик) омрачила сотню сердец,
Но ее луна (сама она) не имеет пятен.
Вокруг ее свечи увидишь множество мотыльков,
Сама же прихотлива — ни на кого не обращает внимания.
Ветерок, касаясь ее волос и лика,
То соболями, то горностаями торгует.

Каждая улыбка ее по-особому кокетлива,
45 Подбородок ее — яблоко иль померанец.

Лик ее красотой посрамил звезды,
Теперь она пальцем грозит солнцу и луне.
Две груди — словно два серебристых граната,
На эти груди сыплются полевые цветы.
Нет, рубиновые уста ее для поцелуев не раскрывались,
Ибо если раскроются лалы, высыпятся жемчуга.
Газель склонила красивую шею, увидев ее шею,
И от досады орошает землю слезами.
Сей источник живительной воды своими газельими очами
50 Огважных сражает как львов и погружает в заячий сон.
Тысячи раз объятья ее таили колючки,
И никто еще не сорвал ее розу.
По ночам сотни людей видят ее во сне,
Но наяву ночью никто не увидит ее, как не увидит солнца.
Если она сравнит свои очи с очами газели,
То в газельих очах найдет тысячу изъянов.
Завидуя ее хмельным нарциссам, спят в смятении.
Продавцы цветов в садах Ирема
Узрев ее брови, подобные месяцу,
55 Каждый готов отдать за них жизнь.

Ее образ мог бы смутить Меджнуна,
Красота Лейли померкла бы перед ее красотой,
Одним росчерком калама она может уничтожить людей,
Ведь руки ее обладают десятью каламами.
Ночь же в ученики годится ее родинке.
Ночь же в ученики годится ее родинке.
Уши и шею ее украшают лалы,
И продавцы лалов восклицают: «Хвала такому покупателю!»
Она — сказка с множеством волнующих моментов,
60 Ее уста таят сотню тысяч поцелуев.

Ее кудри полны неги и нежности,
Ее уста хранят жемчуга, а губы — рубины.
Из этих рубинов и жемчугов сладкоустая
Создала снадобье от нескольких болезней.
Разум теряет себя при виде ее луноподобного лика,
Сердце и душа пленяются ее черными волосами.
Талант давно смущен ее красотой,

Мускус написал на земле: «Я раб ее».
Лицо ее — цветок шиповника, благоухает, как роза.
65 Губы у нее сладкие, и имя ее «Сладкая (Ширин).

Сладкоречивые считают ее губы сладкими,
Она наследница царицы Мехин Бану.
Периликие, что властвуют в той стране,
Все служить ей рады.
Луноликие красавицы из знатных родов — при ней,
Служат ей — числом их семьдесят.
По нежности каждая — покой души,
По красоте каждая — гордость страны.
С ними всегда и чаша и руд,
70 Они плывут, как луна от стоянки к стоянке.

Порой гумно луны наполняют мускусом,
Порой же пьют вино среди роз.
Они вовсе не закрывают лица,
Ведь дурной глаз бессилен перед ними.
По красоте в мире нет им равных,
Из всех мирских дел они признают лишь веселье.
Если понадобится проявить свою ловкость,
Они у льва вырвут когти, у слона — клыки.
Своими набегами они испепеляют душу вселенной,
75 Стрелой взгляда угрожают мерцанию звезд.

Райские гурии всем хорошо известны,
Но рай — в их краю, и эти красавицы — гурии.
Властительница того края — Мехин Бану
Обладает множеством сокровищ.
В конюшне у нее дивный конь,
Ветер не угонится за пылью из-под его копыт, когда
он скачет.

Он опережает воображение философов,
Подобно диким уткам, не боится бури.
Одним смелым рывком конь устремляется к солнцу,
80 Он способен перепрыгнуть семь небесных кристаллич.

Его железные копыта взрыхляют горы,
И в воде он — как быстроходная ладья.
Он бежит, как время, он быстр как мысль.
Как ночь, бдящ он, как утро — бодр.
Этого черного, как ночь, коня она зовет Шабдизом.

И царица влюблена в него, как птица Шабавиз.
Есть у нее длинная золотая цепь,
Которой стреножен конь.
Я не видал созданья, слаще Ширин,
85 Коня чернее Шабдиза».

Когда разумный Шапур закончил речь,
Покой заснул, а страсть пробудилась.
Все сочли Ширин за диво и
Подтвердили слова сладкоречивого:
То, что понравится мастеру, славящемуся своим искусством
в Чине,

То понравится всем остальным.
Хосров же был так восхищен его рассказом,
Что потерял покой и сон.
Каждый день он спрашивал о ней,
90 Мысли его были заняты лишь ею.

Так он какое-то время тешил себя мыслями о ней,
Радовал сердце одним лишь рассказом о ней.
Когда же дело зашло далеко, он разом
Поверг ниц само терпение.
Он вызвал рассказчика в уединенный дворец
И долго беседовал с ним.
Царевич сказал: «О мой верный друг!
Невмоготу мне больше — помоги мне.
Ты заложил прекрасную основу,
95 Возведи же здание, ты ведь дивный мастер.

Перестань повторять «сахар» да «сахар».
Раз произнес это слово, отправляйся в Хузистан.
Ты должен явиться туда как идопоклонник
И постараться заполучить этого идола.
Узнай, ведомо ли ей милосердие?
Способна ли она общаться со смертным?
Если она, как воск, приемлет отпечаток.
Наложи нашу печать, пусть носит наш отпечаток.
Если же сердце у нее железное, то тут же вернись
100 И скажи мне, чтобы я не ковал холодное железо.

ПОЕЗДКА ШАПУРА В АРМЕНИЮ ЗА ШИРИН

Знарок слов Шапур поцеловал землю и сказал;
«Да будет Хосров и радостен, и весел.
Доброжелатель да посмотрит на него добрым глазом,
Чтобы дурной глаз не мог к нему приблизиться!»
Воздав хвалу шаху, искусный мастер
Так продолжал: «О владыка мира!
Когда моя кисть приходит в движение,
Сам Мани готов перечеркнуть свой Аржанг.
Если я изображу человека — портрет его станет живым,
5 Если изображу птицу — она будет готова взлететь.

Не дай сердцу покрыться пылью печали,
Если печаль окутает сердце, заболит оно.
Я всегда найду способ помочь делу,
У меня на все случаи что-нибудь придумано.
Радуйся сердцем, думай лишь о приятном,
Ибо от всего сердца берусь за это дело.
Я немедля отправляюсь в путь, без усталости [буду двигаться],
Займу ноги у онагров, крылья у птиц.
Я не сомкну очей, пока твоя голова спокойно не коснется
изголовья,
10 Не вернусь без той, что украла твое сердце.

Пусть она выкует железный чертог,
Пусть, как рубин, спрячется в камень
Я извлеку ее силой и хитростью,
Как огонь из железа, как рубин из камня.
Я найду общий язык и с розой и с шипами,
Посмотрю, в чем трудность, и затем устраню [ее].
Если она вздумает вертеть мною, как властью вертит
То я ее саму, как в и власть ее, сделаю поклонницей Хосрова.
Коль увижу, что я беспомощен в этом деле,
15 Вернусь к шаханшаху и признаюсь в этом».

Сказав это, Шапур тут же встал
[И] начал собираться в дорогу.

Он скакал от пустыни к пустыне,
Спешил к горам Армении.
Ведь там красавицы гуляли,
На лето перебираясь в эти горы.
Когда Шапур достиг того края, травы были свежи,
Еще не увяли тюльпаны, предвестники [других] цветов.
Лазурные скалы были облачены
20 В желтые и красные одежды цветов.

На горных вершинах
Виднелись изумрудные ковры.
От горы Джирам до пажитей Бугра
Нежились цветы, напоминая причудливые письмена.
В том краю, что можно считать частью области Ирак,
Которая находится в поясе крепости Анхарак,
Из камня выложен был старый монастырь —
Обитель искушенных в жизни монахов.
Шапур спешил к у этого старинного монастыря
25 По обычаю отмеченных святостью людей.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШАБДИЗА

Вот о чем рассказал ему мудрый монах,
Который во время речи сверлил несравненные жемчуга.
«Пониже монастыря находится пещера,
В ней черный камень, напоминающий всадника.
Со степи Рамгиле спешит сюда
Мощная кобыла, чтобы произошло зачатие.
Преодолев сто фарсангов пути, она
Пролезает в узкий проход, как змея в нору.
Охваченная страстью, приближается к камню,
5 Трепеща, трется о камень.

По воле всевышнего от камня ждет приплода.
Коль желанно творцу, разум и [такое] диво приемлет.
И зачатый здесь конь,
Бегу учится у времени, скорости у ветра».
Мудрецы рассказывают,
Что Шабдиз проходит от этого камня.

- Нынче от того монастыря и камня не сыщешь,
Он разрушен, словно унесен ураганом.
От крепости Анхарак, что была на вершине,
10 Нынче лишь капители валяются под ногами.

На горе, покрытой некогда цветами — глыбы,
Гранитные камни, одетые в черное, горюют.
Природа в гнев разнесла эти гранитные скалы,
Развеела, как лепестки розы.
Небо-рок, опьянев от их (скал) воплей,
Кубок свой разбило вдребезги о скалы.
У всевышнего много способов вразумлять,
Этого [землетрясения] достаточно, чтобы представить себе
светопреставление.

- 15 Ведь прошло приблизительно четыреста лет,
Как эту величественную гору постигла такая судьба.

Ты же с куском глины.
Собираешься связать мечту о вечности?
О Низами! Вернись вновь к повести,
Ведь только от тебя можно услышать ее.

**ШАПУР ПЕРВЫЙ РАЗ
ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА**

- Когда локоны ночи были расчесаны,
И светильник дня сгорел, как мотылек,
На нардах из эбонового дерева
Исчезли оба сандарусовых камушка.
Всплыл Юпитер, держа в руке указ:
«Шах избавлен от пут, Шапур — от затруднения!»
Премудрый Шапур в том старом монастыре
Передохнул немного: дорога была мучительной.
5 Он просил монастырских старцев поведать ему
(Ведь им были ведомы тайны круговращения небес):

Где проведут те красавицы завтрашний день,
К какой лужайке, к какому источнику они пойдут.
Мудрые старцы сообщили ему
О месте развлечения тех завоевательниц стран:

- «У подножья этой гранитной горы
Есть лужайка, окруженная густым лесом.
Рано утром стройные, как кипарис, опьяненные радостью
Придут на эту ароматную, как мускус, лужайку.
10 Когда серая белка надела двухцветную шубу,
Соболь ночи был спрятан от горностая дня,

Солнце взошло над горой Албурз,
И Джемшидовым обычаем был обновлен мир.
Шапур встал раньше красавиц, что собирались веселиться
И затянул свой пояс.
Стремглав помчался он на лужайку,
Ибо ему нравились эти красные розы.
Развернув глянцевою бумагу,
Он нарисовал точный портрет Хосрова.
15 Поработав искусно над портретом,
Он повесил его на стволе дерева

- И мигом исчез с лужайки, словно был пери.
А те периликие пришли как истинные пери.
Со смехом уселись они в круг на лужайке,
Собирали букеты цветов,
То растирали в руках лепестки,
То сняли сахарной улыбкой.
Эти красавицы, не знавшие супружества,
Приданое свое подарив миру, от замужества откупились.
Они сидели парами склонившись друг к другу,
20 Напоминая бутон, не умечающийся в листьях.

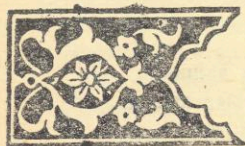
- Принесли вино, все потянулись к нему,
Принесли цветы, их окропили вином.
Словно луна и звезды держали в руках чаши,
Мир был свободен от дивов, дивоподобных людей.
Все эти чистые душой девы горели страстью,
Так как это присуще девушкам.
Зная, что место недоступно чужому взору,
Девушки в опьянении пустились в пляс.
То одна восторгалась цветком,
25 То другая переключалась с соловьем.

Они предавались веселью, ни о чем не помышляя,
Думая только о наслаждении и радости.
Среди этих сладкоустых лицо Ширин

30 Сияло, как луна среди звезд Плеяд.
Чтя милых подруг, Ширин пировала,
То сама пила вино, то других угощала.
Гордая тем, что луне равна красотой,
Внезапно заметила на стволе рисунок.
Сказала красавицам: «Принесите сюда рисунок,
Кто его начертал? Не скрывайте!»

35 Тут же принесли рисунок красавице,
Несколько часов созерцала она рисунок.
Сердце не давало оторваться от него,
Но и гордость не позволяла прильнуть к нему.
И каждый взгляд на рисунок пьянил ее,
И с каждой чашей она теряла рассудок.
Смотрела на рисунок, и страстью наполнялось сердце,
Как только рисунок убирали, она вновь требовала его.
Девушки испугались,
Что этим рисунком Ширин будет пленена.

Они разорвали рисунок,
Который затмевал истинный китайский рисунок.
Когда Ширин спросила: «Где рисунок?» — Ответили:
«Духи спрятали этот рисунок.
Тут обитают пери, оставим эту лужайку,
Давайте отыщем новый луг».
От этой жаровни их лица пылали,
Сожгли они руту и ушли прочь.
И дым от огня затмил звезды,
40 [А] они погнались коней в другое место.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ
ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Когда утром конь цвета розы
Взбил ударом копыта огненную пыль,
В каждой щели он открыл сокровищницу тайны,
Каждую гору одел в золотистое одеяние,
Шапур вновь пришел ранее всех,
Опередив райских дев.
Вновь нарисовал портрет Хосрова,

Лист бумаги оставил на их пути.
И вот появились веселые идолы,
5 На лужайке рассыпались, как розы.
Высокомерно посмеялась над самой луной
Шелковая белизна их кожи, когда они скинули полотняные
одеяния.

Вначале не было особенного веселья,
Но потом пиршество стало разгораться.
Когда эти куколки увлеклись игрою,
Судьба ввела в игру новую куклолку.
Ширин вскинула взор
И увидела вчерашнее изображение.
И вновь упорхнула птица ее души,
10 Язык ее утратил речь.

Для опьяненного нужно немного сна,
Влажной глине нужно немного воды.
(Ширин) окликнула подруг: «Что за диво?
Может быть, мне просто грезится?»
Она повелела одной из кипарисоподобных:
«Немедленно принеси мне этот рисунок!»
А та луноликая пошла и спрятала изображение,
Но можно ли глиной замазать солнце?
Та пери сказала: «Здесь обитают духи,
15 Духи всегда забавляются».

И тут же собрали утварь,
Покинули розы и лужайку.
А когда вечером дряхлая Анка
Набила чрево единственным рубином,
Они остановились в степи Аштарака
И наполнили вином кубки.
В той степи они заснули в траве, опьяненные,
Цветы нежили им ноги, кубки — руки.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ
ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Когда день поднял голову с подола ночи,
Время увенчало главу золотым венцом.

На бюрюзовой лужайке те царственные
Преподнесли вино тем, кто его жаждал.
Отсюда до монастыря «Опаляющий пери»,
Периликие домчались за день.
Они бродили в том зеленом раю,
Лазурное небо отражалось в чашах.
Зеленые ковры — как души мудрецов,
5 Мягкий воздух — как ласка ребенка.

Ветерок тут — приятнее райского ветерка,
Рассеял на суше розы, на море — жемчуга.
Тюльпаны украсили скалу, как кумирню,
Ветерок расчесывал кудри лужайке.
Над цветами сменяли друг друга
Пение соловьев и напевы горлинок.
Птицы порхали, ничего не боясь,
Меж трепещущих кустов и ветвей.
10 В каждом уголке птицы парами
Пели розам свои радостные песни.

Художник, явившись в этот цветник,
Снова начал изображать те же самые черты.
А Ширин, найдя этот зеленый уголок,
Предалась там наслаждениям со своими подругами-пери.
И вновь ее ласковые очи увидели
То изображение, которое несло покой душе.
Она была поражена этим чародейством,
И поняла, что дело серьезное.
15 И, поддавшись велению растерянного сердца,
Сама пошла и взяла рисунок.

На этом рисунке она нашла и собственные приметы,
Увидела себя и на миг лишилась сознания.
Ее речь стала настолько бессвязной,
Что повторить ее теперь вряд ли возможно.
Смотри, как была поймана птица Хумай! —
Слюною пауков, охотящихся за мухами.
У источника, где обитали дивы,
Взгляни, как была сведена с ума пери.
Да, когда жаждут помочь делу,
20 Можно не только людей, но и самих духов пленить.

Ее, столепестковую розу нашли печальной,
Как обычную розу, что растёт на лужайке.

Подруги поняли, что это не забава пери, —
Дело странное и не простое.
Все раскаялись в прежних упреках
И начали действительно хвалить рисунок.
Дали клятву: «Лишимся головы, лишимся души,
Но разузнаем все про того, кто изображен!»
35 Когда Ширин увидела, что их речи искренни,
Что все хотят помочь ей в этом деле,

Она зарыдала и просила помощи, —
Ведь [только] от друзей приходится ждать помощи.
Тебе ведь следует искать помощь в друге,
Ведь только один бог не имеет себе подобного.
Многие трудности решаются с помощью друзей,
Нужен друг, чтобы дело свершилось.
Красавица сказала тем идолам:
«Этот портрет лишил меня покоя и терпения.
И незачем скрывать нам это,
30 Выпьем же сладкое вино за приятное изображение».

Красавицы вновь устроили пир,
Принесли вино, и началось веселье.
Одна за другой пели газели о разлуке,
И голос виночерпия превзошел остальных.
Сладкий кумир пил горькое вино,
И мир был в великом опьянении от этого смешения горького
со сладким.

Всякий раз, беря в руки кубок,
Ширин, склонялась перед изображением и целовала прах.
40 Когда хмель подавлял (заглушал) влюбленность,
Терпение возвращалось к ней на некоторое время.

Она велела одной из красавиц следить за дорогой,
И, если появится кто-нибудь на дороге,
Разузнать, зачем [он] бродит в этих местах
И что знает об этом изображении?
Открыто и тайно спросили [об этом] многих,
Однако тайна рисунка не раскрылась.
Ширин ослабела от мучительных переживаний, —
Никто ничего не мог рассказать ей об этом рисунке.
Она извивалась в тоске, как змея,
45 Из раковины глаз падали царские жемчуга.

ПОЯВЛЕНИЕ ШАПУРА

Внезапно появилась та волшебная птица,
Залетела, как свойственно магам.

Когда взор Ширин упал на Шапура,
Он еще издали показался ей чем-то знакомым.
Предположение Ширин о Шапуре не было ошибочно,
Она верно начертала его образ, хотя и не на бумаге.
Она дала знак: «Позвать мага сюда!

Всю эту историю обсудите с ним».
Быть может, он знает, как зовут того,

5 Какова его вера, из какой он страны?»

Служанки засуетились тут же пошли к нему,
Рассказали магу-жрецу все про изображение.
Шапур зашептал таинственные слова,
Будто был далек от всего этого.

Однако, увидев, что дичь запуталась в сети,
Видя, как она трепыхается, решил сохранить спокойствие.
И сказал им: «Перл этот сверлить невозможно,
А если и возможно сверлить, то следует [найти] удобное место.

10 Служанки побежали [прямо] к Ширин,
Сказали ей все, что слышали от жреца.

Когда Ширин услышала такие слова,
Ее охватил жар, и в ней закипела кровь.
Немедля отправилась, сверкая, как серебряная скала,
Звон ее ножных запястий отдавался эхом в горах.
Она в нетерпении, взбудораженная, прибыла к Шапуру.
Ее стан напоминал высокий, нежный тополь.
Вся она сверкала, как хрустальная крепость,
Волосы благоухали, как ранняя благоуханная весна.
Превратила косы в аркан и обвила ими свой стан,
15 Затем набросила их на нежную шею.

Пленительные черты этой писаной красавицы
[Прямо-таки] лишили художника кисти и речи.

Услаждая ему сердце, ее красота
Играла, как с игрушкой, с тем, кто мнил играть ею.
Хотя проворный индеец и завлек ее в сети,
Она по-тюркски готовилась ограбить его поклажу.
В поисках индийца [она] совершала набег,
Все турки стали индийцами ее красоты.
Откинув покрывало с жемчугоносного уха,
20 Она, как раковина, внимала морю.

Уста полны прелести, в очах же — столько лукавства.
Она обратилась к нему, как подобает обращаться к жрецам:
«Хоть на миг будь моим поверенным,
Не сторонись, побудь со мной».
Когда кудесник услышал ее голос,
То счел нужным остаться там.

Знаток речей, увидев ее томные нарциссы (глаза),
Лягнул всего, лишь речь была при нем.
Он осыпал перликою множеством похвал,
25 Пери уселась, усадила его тоже.

И спросила: «Кто ты и откуда ты?
Вижу — знакомы мне твои черты».
Опытный муж сказал в ответ:
«Я много видел и добра, и зла,
Творец в моих взлетах и падениях
От меня не скрывал никакой тайны.
С самого Запада вплоть до окраин Востока
Я исходил мир — край за краем.
Да что земля! От Луны до Рыбы
30 Я ведаю все, что тебе интересно».

Видя его таким самоуверенным, Ширин
Сказала ему: «Что ты скажешь об этом изображении?»
Смешивающий краски так ответил ей:
«Да будет дурной глаз далек от твоего прекрасного лика!
Речь о начертанном слишком долга,
Тайны изображения скрыты у меня за завесой.
Я поведаю тебе все постепенно,
Коль останемся наедине».
Тогда красавица повелела, чтобы служанки
35 Разбрелись, как звезды Большой Медведицы.

Увидев поляну свободной, знаток речей
Бросил в нее мяч, из слов:

«Это совершенное изображение
Есть сияние Солнца семи иклимов.
У него свита — как у Искендера, всадников — как у Дария,
Он память об Искендере и Дарии.
Благодаря красоте небеса прозвали его солнцем,
Он семя, что оставил земле Джамшид.
Он нынешний шаханшах — Хосров Парвиз,
40 Царствование его победоносно».

Много произнес он подобных слов,
Они лелеяли ее душу, ласкали сердце.
Текли его слова — внимала им Ширин,
Всецело во власти его сладкой речи.
В каждое реченье вникала, думала,
И вновь переспрашивала.
И каждому слову придавала тайное значение.
Сердцем мучилась, но извлекала из [сердца] камня лалы.
Но Шапур, ничего от нее не скрывая,
45 Все выложил, как есть, и добавил:

«Периликая, ты прячешь от меня свою тайну,
Ты, как пери, произносишь слова в стекле (говоришь
намеками).

Почему ты, подобно розе, смеешься, прикрывшись листьями?
Слова должны быть обнаженными, как сахар.
Коль желаешь напасть на след снадобья,
Не скрывай свою боль от лекаря».
Та красавица, чьи локоны напоминали цепь, пришла в
волнение

От его речей. Но что за дивное было волнение!
Но страсть цепко хватала ее за подол,
50 Она просила извинения, испытывая его.

Видя собразительность собеседника,
Разом сняла покров с подноса.
Смело присела возле Шапура,
И распечатала немедля сахарницу (заговорила откровенно):
«О разумный жрец! Ради своего божества
Послужи мне оплотом, защитой.
Ведь дела мои так расстроены,
Как мои кудри и сердце от боли скручены.
Я так влюбилась в это изображение,
55 Словно я давняя идолопоклонница.

74

Помоги мне в этом деле чем-нибудь,
Ведь настанет день, и я пригожусь тебе.
Я свою тайну вложила в твой слух,
И ты поведай мне, если есть у тебя сокровенная мысль».
Чародей, в поисках способа помочь делу,
Нашел одно лишь волшебство — сказать правду.
Он припал к ее руке, словно запястье,
Затем припал к ее ногам, как ножной браслет.
Стократ поклялся: «О светоч пиршества друзей!
60 Достойная трона, гордость венценосцев,

Дни твоего недруга да будут темнее ночи!
Сердце твое — светлее молодой луны.
Ты искренна со мной, и я скажу правду,
Клянусь тем, чей оплот меня защищает.
Я художник, движением кисти
Срисовал это изображение с самого Хосрова.
Но портрет, что рисует художник,
Верен признакам, но лишен души.
65 Да, меня научили искусству живописи,
Но внешность души от нас скрыли.

Ты так пленена изображением Хосрова,
О, что произойдет, коль увидишь его самого?
Ты увидишь целый мир, воссозданный из лучей,
Он еще не повидал мира, но уже стал светочем его ока.
Могуч, проворен, быстр и бесстрашен,
В любви — как газель, в ненависти — лютый лев.
Он цветок, не подверженный влиянию осенних ветров,
На ветке юности он — ранняя (юная) весна.
70 На розовых ланитах его еще не появился пушок,
С лилией схож он, строен, как кипарис.

Оперение его стрелы все еще на орле,
Листья его лилии все еще в глубине воды.
Его сияющее солнце еще не затмили тучи,
Но, несмотря на это, он не страшится ни солнца, ни туч.
Он своим ароматом посрамил сад Ирема,
Сиянием ланит затмил луну.
Коня он седдает, как богатырь Рустам,
На пиршествах он — сам Кей-Кубад.
Ночью [на пиру], когда он решал одаривать,
75 С быстротой ветра срывал венец со своего карунового клада.

75

Начнет речь держать — с коралловых губ его сыплются
жемчуга,

Коль обнажит меч — лев расстанется с жизнью.

Когда он вденет ноги в стремяна,

Ветер, не догнав его, выдаст пыль от копыт его коня за свою.

Спросишь, из какого он рода? Я скажу: Из рода Джамшида.

Спросишь, какой у него сан? Слава богу, он — Солнце.

Дороги мира тесны для его свиты,

Стяг его развеивается над семью небесами.

Если захочет дарить золото — понадобятся вереницы
верблюдов,

80 Если же дело дойдет до булата, горе камню!

Булатный кинжал в его руках

Пробьет кольчугу, если даже она будет из алмаза.

Если настанет время обнажить меч, любой

Меченосец тут же отдаст свой меч проповеднику.

Его стопы ранят землю,

Он перегонит небо, даже если оно ускорит круговращение.

У неба меч затупится, коль пойдет войной на него,

И, вращаясь, оно меняет путь, чтобы не встретиться с ним.

Его лик украшает праздники,

85 Он отмечен талантом, а потом и красоту добавили.

Его сердце летит навстречу счастью,

Счастлив он, потому и везуч в делах.

С таким счастьем, с такой красотой, озаряющей мир,

Он день и ночь пылает страстью к тебе.

Твой образ привиделся ему во сне,

И с той ночи разум покинул его.

Ни с кем не пирует, чаши не поднимает,

По ночам не спит, днем не знает покоя.

Никого не желает видеть возле себя,

90 Да минует такая горечь любого!

С этим он послал меня гонцом,

Все я тебя рассказал: и хорошее и плохое».

Он просверлил много жемчугов в этом роде:

Наговорил волшебных слов, сколько мог.

Ширин, теряя рассудок от этих сладких речей,

Вкушала эти речи, как сласти.

Сто раз близка была к тому,

Чтобы свалиться с ног, чудом удерживалась.

Она спрашивала: «О умный человек!

95 В чем тебе видится спасенье?»

Шапур сказал: «О ты, кому солнце завидует!

Будь покойна сердцем, живи вечно.

Самое лучшее — никому не открывай тайны,

И завтра же отправляйся на охоту.

Отважно вскочи на Шабдиза,

А прибыв к месту охоты, откажись от охоты.

Никто тебя за подол не удержит,

И никто не догонит твоего Шабдиза.

Лети через просторы, как светило,

100 Коль смогу, и я поспешу за тобой».

Он вручил ей перстень с именем Хосрова,

И сказал, отдавая: «Возьми, и в путь!

Если встретишь в пути юного царя,

Предстань перед ним новой луной.

Под ним ты увидишь золотоподкованного коня,

Наряд его сверкает лалами.

В лалах венец, в лалах плащ, в лалах и пояс,

И лицо его горит лучами множества лалов.

Если же [не] встретишь его, разузнай дорогу в Медани,

105 Там найди дорогу в шахский замок.

Когда приедешь в пределы Меданиа,

Увидишь, что там сокровищ не счесть.

Замок царевича, подобен Фархаду,

В нем множество прекраснотеликих рабынь.

Ты явись прямо в этот мускусный замок

И покажи рабыням шахский перстень,

В замке пребудь как вольный кипарис,

Будь радостна, как ветвь со свежими плодами.

Насладись красотой царевича,

110 И считай тогда, что желание достигнуто.

Если я буду с тобой, как тень венца,

То в этом наставлении нет нужды».

Когда Шапур нашел отдохновение от речей,

Речами была зачарована Луна (Ширин), а уловками —
гурии.

Он с надеждой на успех дела покинул эти места,

Оставив луну одинокой, как солнце.

Изумленные подруги подбежали к Ширин,
Окружили ее, как звезды Плеяды.
Сияющая Луна приказала звездам
115 В тот же вечер немедля покинуть эти места,

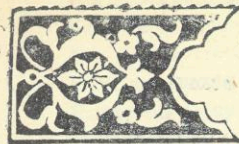
Подковами своих гороподобных коней
Изрыть эти горы, как изрывают рудники.
Целительницы душ подняли паланкин,
Который блистал, как луна, плыл, как солнце.
Проехали всю дорогу, беседуя между собою,
Проделали нужный путь и прибыли в родные края.
Несколько дней всем пришлось отдохнуть,
Однако сердце Ширин не было свободно от оков.
В ту ночь, когда мир был окутан мраком,
120 И очи вселенной были сонными,

Голубой небесный шелк накрыл солнце,
И спряталась роза под листьями,
Ширин сказала Бану: «О владычица мира!
Хотела я завтра отправиться на охоту.
Утром позволь мне, о моя гоепожа,
Освободить Шабдиза от пут.
Я вскочу на него, помчусь по степям,
А вечером вернусь к служению [тебе].»
Мехин Бану ответила: «О моя Луна!
125 Проси у меня сотню сокровищниц, только не этого коня.

Ведь вороной Шабдиз, как известно,
Скачет стремительно и неудержимо,
Его ржание сравнимо с громом и молнией,
Ураганом летит он через преграды.
Своей стремительностью и яростью
Он способен раздуть огонь под холодной водой.
А если тебе так уж необходимо оседлать его,
То темная ночь [Шабдиз] не краше для меня блестящей
луны [Ширин].

Надень на коня богатырскую узду
130 И заставь его повиноваться тебе».

От радости розоликая раскрылась, как роза,
Поцеловала землю, ушла и сладко уснула.

БЕГСТВО ШИРИН
ОТ МЕХИН БАНУ В МЕДАИН

Когда утром китайский казначей вставил
Золотой ключ в замок усыпанного алмазами ларца,
Из того ларца вышла сияющая китайскими узорами
красавица,

Которая тут же устремилась ввысь.
И на земле китайские кумиры были готовы услужить земной
красавице.

Все были уже на ногах, подобно стройным кипарисам.

Увидев ласковые лики, Ширин

Обратила сладкую речь к сладкоречивым:

«С именем всевышнего я отправлюсь в степь

5 В надежде поймать птицу в сеть».

Красавицы сбросили прочь головные повязки,
Чтобы по-мужски внимать ее словам.

Они, как отважные слуги,

Облачились в мужские наряды.

Это было обычаем во время охоты,

Служанки шли с ней, как верные гулямы.

Они окружили Ширин кольцом,

Сидели в седлах, как их госпожа.

Они покинули царский дворец,

10 Каждая была бодра, как Хызр, нашедший источник живой
воды.

Они погнали коней в степь,

Одну за другой оставили позади много степей.

Так вот эти нежные райские гурии

Прибыли на луг, который напоминал райский сад.

Зеленая земля была б отрадой для газелей,

Воздух благоухал мускусом, но не было газелей.

Здесь они, наконец, пустились вскачь,

Отпустив натянутые поводья.

Восседавшая на Шабдизе красавица

15 Была проворной, а лошадь быстрой.

Она дала коню волю и
Сразу же оказалась впереди подруг.
Они думали что конь понес ее,
И не знали, что она сама пустила коня вскачь.
Долго, как тени, летели они за ней,
Но не будем говорить о тени, пыли ее — не увидели.
Спутницы до самого вечера искали ее,
Не найдя ее, в отчаянии поехали назад.
Да, отстали они от своей владычицы,
Устали они душой и телом.

20

Была ночь, когда во дворец Мехин Бану
Вернулись эти звезды, но среди них не было луны.
Они, подмета ресницами путь к престолу,
С горечью поведали о Ширин:
«О, что за игру затеяла с нами звезда —
Ее умчало на себе «дурное предзнаменование».
Услышав эти слова, Мехин Бану
Погрузилась в прежнюю печаль.
Она грустно спустилась со своего трона,
Склонила голову к земле и посыпала прахом.

25

Охватила голову обеими руками,
Из очей ее лились кровавые слезы.
Она непрестанно думала о Ширин,
Думая о ней, обновила траур по брату.
Со слезами на глазах говорила:
«О, дурной глаз отнял тебя у меня!
Ты была розой, ветром тебя сорвало,
Не знаю, я, средь каких шипов ты нынче.
Что случилось, что предала нас забвенню
Кого же ты предпочла нам.

30

Ты оставила этих газелей, как лань,
И в пасть какого льва угодила?
Ты, как луна, разлучилась со звездами,
Ты ведь не солнце, чтобы сиять в одиночестве.
Где ты, кипарис, для которого моя душа была садом?
Ведь твои корни срослись с моей душой.
Лик твой подобен луне, чей же взор она ласкает?
Ты скрылась от меня, к кому же явилась?»
Так она все ночи до утра причитала,
Ее горе и печаль с каждым днем возрастали.

35

80

Когда солнце вышло из колодца Бижена,
Очи мира обрели зрение от его сияния.
Все войны стояли в готовности
И ждали высочайшего повеления.
Когда бы Бану решила повелесть.
Они помчались бы коней стрелой, погнались бы за Ширин.
Но Мехин Бану не склонялась к погоне,
Сама не отправилась и других придерживала.
Она предвидела эту беду во сне, —
Что сокол вылетит из ее рук,

40

Она скорбела и грустила по соколу,
И тот вновь прилетел и сел на ее руку.
И она сказала: «Если мы все станем соколами
И разом взлетим в высокое небо,
Нигде, ни у одного водопоя не удастся [нам]
Обнаружить следы Шабдиза.
Не следует гнаться за улетевшей птицей,
Не поймать нам дичь, увидевшую сеть.
Коль голубка улетела, плач уже не поможет.
Если она верна, сама прилетит обратно.

45

Да, в разлуке я должна проявить терпение,
Пока не увижу искр из-под копыт ее Бурака.
Когда я вновь обрету исчезнувший клад.
Ко мне вновь вернется веселье.
Я вновь верну сокровище сокровищнице,
И в благодарность раздам дары». Услышав слова Бану, воинам
Осталось лишь одно — повиноваться.
Тем временем Ширин на Шабдизе
Скакала по миру, стремясь увидеть Парвиза.

50

Она неслась быстро, как планета,
Не знала усталости ни днем, ни ночью.
Она подвязала плащ, по обычаю воинов, и неслась.
Из селения в селение, из края в край.
Но не будучи уверенной, что ее не преследуют,
Она скакала горами и степями.
Она неслась ветром на своем гороподобном коне,
Но ветер отставал от нее, как и недвижные горы.
Да не останется для тебя тайной старинная притча о том,
Как некая женщина совершила в пути колдовство:

55

912-6

81

Отброив в сторону зеркальце и гребешок,
Она ворожкой закрыла себе путь к себе.
Небо же, отыскав зеркальце и гребешок,
Обратило одно в горы, другое — в леса.
Женщина, расставшаяся с зеркальцем и гребешком,
Подвергнет себя трудностям, уподобившись горе и лесу.
Печальна была Ширин на своем пути,
Вся покрылась пылью лесов и взгорий.
Ее усталый лик стал прозрачным и бледным,
Ее тонкий нрав заметно огрубел.

60

Озаряющая сердца все искала желанный след,
Как четырнадцатидневная луна, искала четырнадцать дней.
Она нигде не останавливалась,
Она лишь спрашивала и ехала дальше.
Казнь всюду опережал ветер,
Земля от удивления забыла о круговращении своем.

КУПАНИЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Когда вдали блеснул бледный свет,
У темноты вырвались слова отчаяния.
С вращающегося неба упали тысячи нарциссов,
Едва поднялся на небо один желтый цветок.
Ширин торопила коня,
Ее душа была полна горечи.
Впереди появился зеленый, подобный райскому, луг,
На лугу том журчал ручей живой воды.
Посрамленный блеском этого ручейка,
5 Источник живой воды скрылся в стране мрака.

Она [Ширин] была изнурена дорогой,
С головы до ног вся в пыли.
Она несколько раз прошла вдоль ручья, —
Окрестности были безлюдны.
Она спешила, привязав коня,
И все оглядывалась, нет ли прохожих.
Источник света направился к ручейку,
Очи небосвода от восторга прослезилась.

82

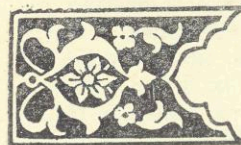
Она скинула с тела, сверкающего как звезда Сухейль,
шелковые одежды,

10 Заставив вздыхать яркие звезды на небе.

Чресла обвязала шелком небесного цвета,
Вошла в воду, ввергнув в огонь подлунный мир.
Да, словно лазурное небо служило завесой для Плеяд,
Словно лотос объял шиповник.
Ее ограждала голубая стена, можно было подумать,
Что ночью на голубом небе сверкала луна.
Серебротелая плавала в воде,
Словно горностай среди серых белок.
Разве не диво, что ручей омывает розу,

15 Нет, я ошибся, сама роза выросла посреди ручья.

Сеть, свитую из волос, она распростерла на воде
И поймала не рыбу, а саму луну.
Мускусом она украсила камфару,
Увидев ее камфару, мир, казалось, проглотил камфару.
Будто наперед зная,
Что появится другой гость у ручья,
Сладчайшая на воде ручейка
Приготовила сладчайший напиток для грядущего гостя.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

По-персидски слагавший стихи старец
Так рассказывает о персидских царях:
Хосров, отправив доверенного в Армению
Разузнать о стройном кипарисе,
Сам день и ночь томился, ожидая возлюбленную,
Жил надеждой на обещанное свидание с ней.
И днем и ночью он нес службу шаху,
И, как луна, как солнце, всегда был на виду.
Он был украшением шахского престола,
5 Радуясь, шах называл его венцом царства.

Он был дорог очам миродержца,
Оттого стал жертвой дурного глаза:

6*

83

Смертельный враг, точивший булатные клинки,
Вычеканил дирхемы с именем Парвиза.
И, разослав эти дирхемы во все города,
Он взбаламутил душу царя персов.
Из-за этих монет и в страхе перед мощью меча
Старый волк затрясся перед молодым львом.
Шах подумал, что этот опасный ход
10 На шахматной доске сделал сам Хосров.

И он решил, применив хитрость,
Захватить юного шаха, загнать в ловушку.
Он продумывал все, взвешивал ходы,
Однако он не ведал о ходах рока.
Ведь невозможно было преградить путь Хосрову —
На молодой месяц трудно накинуть петлю.
Кто верен сердцем лишь одной истине,
Тот покорит мир и не будет покорен миром.
Бузург-Умид, узнав о намерении шаха,
15 Тайно разыскав Хосрова,

Сказал ему: «Твоя звезда может закатиться,
Царь полон решимости наказать тебя.
Надо примириться с горькой судьбой на какое-то время
Покинуть эти места и спасти голову.
Пока это пламя останется без дыма,
Звезда счастья вновь вознесется».
Хосров, видя, что смута времени
Всячески стремится к его гибели,
Отправился во дворец к мускуснокудрым
20 И изложил луноликим свой наказ:

«Я намерен отправиться на охоту
Из этого гнетущего сердца места — на две недели.
Вы же пребывайте в радости и веселье,
Пируйте, не ведая никакой печали!
Когда же сюда прибудет, та, чьи груди как гранаты,
Восседающая на вороном коне, подобная павлину,
Примите ее, она — дорогая гостья,
Каждая из вас — луна, она же-солнце.
Пусть не ведает она печали,
25 Пусть радуется, пусть веселится.

А если соскучится в этом зеленом дворце,
Пусть, как Хызр, отправится в зеленые дали.

Какую бы степь она ни выбрала, отправитесь туда
И соорудите шатер для райской девы».
Вот так сказал он то, что вело сердце,
Он говорил, вдохновленный творцом.
Закончив речь, он вышел из дворца, как ветер,
Подобно Сулейману, в окружении перн.
Он погнал коня, взрыхлявшего землю,
30 И стал взрыхлять дорогу к Армении.

Конь трепетал от страха перед седоком,
Путь в два перехода проделал в один.
Случилось так, что его конь изнемог
Как раз в том месте, где купалась луна.
Он повелел своим гулямам остановиться
И покормить коней свежей травой.
Оставив гулямов, он не спеша один
Направился в сторону лужайки.
И, прогуливаясь в бирюзовом цветнике,
35 Он увидел среди буйной зелени сверкающую воду.

И коня с орлиным взором, украшенного, как павлин на
привязи,

И нежного фазана, купающегося в райском источнике.
Вороной конь мирно щипал траву,
И в тишине тихо молвил царевич:
«Что если бы сей кумир стал мне душой,
«Что если б сей конь принадлежал мне»,
И не знал в тот миг, что и вороной и луна та,
Настанет день — окажутся в его доме.
Не раз бывало, что возлюбленная во хмелю появлялась
у нашего порога,

40 А мы бывали слепы, с тяжелой от хмеля головой,

Бывает, счастье покажется на пути,
Но коль не знаем пути, теряем его.
Привычно обвел взором все вокруг
И внезапно увидел ту луну.
Смотрел на нее и видел в этом опасность,
Чем больше глядел, тем больше волновался.
Она была прекрасна, сияла как луна,
Место подобной луне — в небе, где Плеяды.
Нет, не луна она, а ртутью покрытое зеркало,
45 Сверкала, как сама Нехшебская луна.

В той голубой воде она виднелась, как роза,
Лазурным шелком была прикрыта по пояс.
Вся вода от тела той розоподобной
Казалась цветком миндаля, а в середине был сам миндаль.
Словно журавушка в чистой воде,
Она придавала прелесть воде.
Рассыпанные по плечам волосы
Казались фиалками на розе.
Ее локоны словно возглашали:
50 Да, каждый из нас — змея.

Она словно шептала на ухо владыке:
«Я повелительница твоя! Берегись, о мой раб!»
Она была сокровищницей, сокровищницей эликсира,
Локоны ее извивались, как змеи над кладом.
Змееловы еще не дотронулись до них,
Будто все змееловы были убиты ими.
Казалось, садовник выронил из рук ключ,
Оттого в саду были видны гранаты.
Сердце, узревшее гранаты этой Сладкой (Ширин)
55 Само рстрескается, как гранат.

Чтобы взглянуть на ручей, в котором находилась луна,
Даже солнце свернуло с пути — вот чудо.
Она обливала водой чело,
Словно небо осыпало луну жемчугом.
Тело ее сверкало, как снежная вершина,
Уста шаха соблазнительно наполняя снежной водой.
Царевич, созерцая блещущий хрусталь,
Стал солнцем, иными словами, запылало его сердце.
Из глаз его изливались капли, как из тучи —
60 Ведь луна появилась в созвездии Водолея.

Жасминогрудая не видела шаха,
Ведь гиацинты заслоняли вид нарциссам.
Но когда луна прошла сквозь черные тучи,
Взор Ширин упал на шаханшаха.
Перед ней фазан, осененный Хумой,
Над тополем возвышается кипарис.
Стыдясь его, она в воде
Затрепетала, как дрожит в воде отражение луны.
Сахароустой не осталось ничего другого,
65 Как прикрыть луну локонами, подобно ночи.

86

Озаряющая ночь луна благоухала,
Среди белого дня пыталась прикрыть солнце.
Свое серебряное тело от страха закрывала черным,
А ведь серебро с чернью изумительно.
Сердце Хосрова в лучах той сияющей луны
Трепетало, как расплавленное золото с ртутью.
Но, увидев себя подобной оленю
Перед алчущим львом, — она испугалась.
Но он, лев, не набросился на дичь —
70 Ведь отважные львы не охотятся на слабую дичь.

Он проявил терпеливость и, собрав все силы,
Погасил огонь бушевавшей в нем страсти.
Благородство сумело усмирить порыв страсти царевича,
Заставило устремить взгляд в другое место.
Но в мыслях он все еще был на берегу ручья,
Взор его чуждался других мест.
Смотри: две розы укололись у двух источников,
Эти двое жаждущих не сумели утолить жажды.
Один с первого же раза стал жертвой родника,
75 Другую же родник столкнул в колодец.

Люди у родника расстилают коврики [чтобы] отдохнуть,
Ведь и черствый хлеб размачивают в родниковой воде.
Они же, напротив, собрали свои вещи,
Свое легкое дело превратили в трудное.
Да и нет родника, который, утоляя жажду,
Гасил бы пламень пылающего сердца.
И солнце вселенной — родник крови!
И оно бродит по небосклону, чтобы опалить.
Шах прикрывал луну завесой (опускал веки),
80 Ведь женщине без покрывала не обойтись.

Периликая вышла из воды, словно пери,
Быстро оделась и вскочила на Шабдиза,
Рассуждая так: «Если этот юноша,
Что кружил вокруг меня, как небосвод,
Если он не суженый мой, то удивляюсь,
Как же он унес с собой мое сердце?!
Слышала, что он весь в лалах,
Если он мой возлюбленный, то где приметы?»
Она не знала, что в дороге царя

85 Одеваются иначе из-за страха перед разбойниками.

Но страсть настойчиво преграждала ей путь,
Твердя: «Стой! Ты сахар свой смешай с розой!
Даже тот рисунок обладал такой душой!
Берегись! То было лишь рассказом, а это видишь воочию».
И еще слышит: «Сверни с этого пути и удались!
Нельзя молиться сразу двум михрабам.
И еще слышит: «Сверни с этого пути и удались!
Дважды по кругу не пускают одну чашу,
Нельзя служить сразу двум господам.
Если же передо мною был тот пленивший меня шах,
90 То тут же не место вопрошать его.

Лучше пусть он увидит меня под покровами,
Кто не покрыт тканью, того покроет прах.
Ведь тайна все еще находится под покрывалом,
Мне же так внезапно нельзя выйти из-под покрывала».
С этими мыслями она взвихрила своего орла,
Удары подков коня достигли и Быка, и Рыбы.
В своем беге конь опережал ветер,
В скорости он был сроден небесам.
Она летела стрелой и могла бы поймать пери,
95 И от этого бега рябило в глазах у дивов.

Минуло мгновение, Хосров оглянулся, но
Кроме себя, не увидел там никого.
Во все стороны гнал он своего коня,
Но не нашел ту, что была мила его сердцу.
Он впал в изумление: как могла так мгновенно
Исчезнуть та, что похитила сердце?
То зорко озирал деревья,
100 Словно она, превратившись в птаху, села на ветку.

То глаза омывал водой ручья,
Искал луноликую, как рыбу в воде.
То пытался пальцем унять слезы печали,
То ему было неважно от обилия слез.
Глядя на источник, лишился источника света в очах,
И упал на воду, как рыба,
Он так горестно стонал, что от его стонов
Рок раскаялся в содеянном.
Он искал Шабдиза и луну в садах,
105 Одним глазом искал ворона, другим — соколиху.

Как охотничий сокол, носился он всюду,
Ибо ворон унес его соколиху.
Крылом запечатлелся быстрокрылый ворон в сердце
царевича,

И мир почернел, как крыло ворона.
Его белый сокол превратился в черного ворона,
Его мускусная ива превратилась в колючий куст.
Ива его склонилась и стала плакуей ивой,
Слезы его орошали плакучую иву, как инжирное дерево.
От страсти к солнцу его стан согнулся ивой, —
110 [Недаром] из ивы изготавливают клюшку для игры в човган.

Из сердца вырывался испепеляющий стон:
«Да воспламенюсь я, как сухая трава!
Я видел весну и не наслаждался,
Я видел Евфрат и не освежил губ.
Лишь по неопытности я упустил из рук жемчужину,
Мне остается камнем разбить свое сердце.
Я увидел розу, но не сорвал на заре,
Увы, уже настала ночь, и ветром ее унесло.
Я увидел нарцисс, раскрывшийся у воды,
115 Он был белоснежным, и от удивления вода заледенела.

А я слышал, когда вода замерзает, образуется золото.
Так почему же та кипарисоподобная ускользнула, как ртуть?
Птица счастья даровала мне тень,
Вознесла она мой престол в небеса.
Я же, как луна, стал убежать от той тени,
И теперь я сам мрачен, как тень.
Нет, не высохнут кровавые капли на моем седле,
Клинка, что прольет больше моей крови, не сыщется.
В этом ручье возникла вдруг роза,
120 Не знаю — наяву или во сне.

Теперь, когда у ручья нет той розы,
Лучше мне, как колючке, бросится в огонь.
Кто мне велел: отвернись от луноликой,
При встрече со счастьем — сверни с пути?
Какой злой див надомил меня
Оставить сей райский сад?
Терпение похвально везде и всюду,
Только здесь оно лишило меня дичи.
Я молнией души разожгу огонь
125 И на этом огне испепелю ненужное терпение.

Если бы я исполнил из этого ручья,
То сердце не обратилось бы в жаркое.
Какое славное наставление дает нам тот индеец:
«Если нашел дичь, съешь ее поскорее».
В этом саду изобилие желтых и красных роз,
Не раскается лишь тот, кто их сорвет.
Мне остается лить из очей кровь сердца
И освободить сердце от пронзившей его стрелы,
Без конца бить себе по голове и лицу,
Да так, чтобы каждый волосок терзался.

130

Лишь тогда я обрету покой на этом пути,
И немного утихнет огонь страсти,
Столько жемчугов извлеку я из морей очей,
Что сам утону в жемчугах.
У страдающего от гнойной раны
Выпусти кровь — придет исцеление.
[Царевич] долго бродил вдоль ручья, рыдал,
Утирая ладонями слезы с лица.
И падал наземь, лишаясь рассудка,
Обнимая ручей, как розы, растущие вокруг.

135

Из-за того, что стройный кипарис покинул его,
Он поник, как поблекшая роза, и стан его согнулся.
Он лежал на земле, главою касаясь праха,
Дрожал, как дрожит на ветру сухая ветка.
Он шептал: «Если та луноликая была смертным человеком,
Ее следы непременно должны остаться на земле.
Если же она пери, то трудно отыскать ее,
Ведь возле ручьев бродит много пери.
Кому поведаешь эту тайну, —
Что Хосров пленен самой пери?!

140

Но не утолю я своего вожделения,
Ведь пери всегда избегают человека.
Ведь утке не ужиться с соколом,
И пери не станет убажывать человека.
Мне надо сделаться Сулейманом,
Чтобы поладить с пери.
Еще какое-то время предавался он таким мыслям,
Произносил слова, успокаивающие сердце.
Отчаявшись, он отвлек мысли от чаровницы
И отправился в Армянское царство.

145

90

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДАИНЕ

Решив уладить чье-либо дело,
Рок сначала потешается над ним.
Скажем, захочет одарить землепашца сокровищем,
Так сперва даст познать ему изнурительный труд.
Если бы путь к розе не пролегал через шипы,
Никто не ценил бы нежность розы.
Нужно на какое-то время испытать боль разлуки,
Чтобы свидание с любимой стало отрадным.
Ширин, удалившись от ручья,
5 Удалилась от Хосрова, а он был так близок!

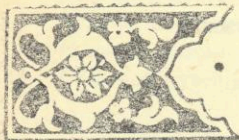
Расспрашивая по пути о дворце Хосрова,
Она погнала Шабдиза к Медаину.
Как невеста она ехала к суженому,
Однако не была наряжена как невеста.
Она прибыла и показала перстень,
Вошла в сад, как горделивый кипарис.
Когда удивленные прислужницы увидели лик Ширин,
От зависти прикусили нижнюю губу.
Но они приняли ее царственно, как было принято,
10 Между Хосровом и ею не делали различия.

Меж собой же молвили: «Что же Хосров — благочестивый,
Будто за святым огнем поехал;
И вот прислал к нам огонь, блистающий, как заря,
И этим огнем он сжег наши сердца».
Затем девушки решили расспросить ее
О том, о чем спрашивают гостя:
Каково самочувствие? Откуда она, как ее зовут?
Из какого рода? Что за пташка — из чьей сети выпорхнула?
Периликая избегала точных ответов.
15 Она сочинила несколько небылиц.

«О, мою историю долго рассказывать,
Хочу, чтобы поскорее приехал Хосров.
Когда прибудет Хосров,

Он сам посвятит вас всех в эту историю.
Только поберегите вот этого коня,
Он дороже всяких сокровищ».
Едва прекрасная гостя закончила речь,
Прислужницы тотчас ласково усадили ее.
Была принесена розовая вода для омовения,
20 Коня поставили в царскую конюшню.

Был принесен, для нее другой наряд.
Шелка украсили жемчугами.
Цветок встречи распустился в саду надежд,
Ширин успокоилась, отдохнула и заснула.
Охранявшие царский чертог
Сахароустую сочли за обычную рабыню.
Сахароустая не чванилась, ладила с прислужницами.
С ними общалась как прислужница.

ПОСТРОЙКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

Когда Медаин стал колыбелью Ширин,
Ее сладкие губы начали источать мед.
Ровно месяц провела она, отдыхая,
И поняла: нет Хосрова в здешних краях.
Страшаясь отца, царевич уехал на охоту,
Прямо с охоты отправился в Армению.
Душа страдала, и не было для нее лекарства,
Она воистину была в отчаянье.
Месяц прожила она во дворце,
5 Сердце томилось, не стало терпенья.

Ей стало ясно: одинокий всадник,
Который так долго взирал на нее,
Был сам Хосров — краса мира, это он
Так глядел на нее, как солнце на луну.
Она долго досадовала на себя,
Потом смирилась со всем этим.
Прошло несколько дней, к ней вернулся покой;
И под тем предлогом, что может заболеть,
Сказала: «Для меня на зеленом горном лугу
10 Надо воздвигнуть жилище.

Я горянка, выросла на горных лугах,
Тут от зноя моя алая роза блекнет.
Услужливые красавицы ответили ей:
«О ты, светоч кумиров, нельзя тебе таять, как свеча!
Властитель наш повелел возвести для тебя
Обитель в приятнейшем месте.
Если прикажешь, исполнитель приказов
Отыщет для тебя в горах самое лучшее место».
Ширин сказала: «Замок надо построить немедленно,
15 Такой, какой велел сам шаханшах».

Прислужницы, испепеляемые завистью,
Тайно пригласили к себе строителя:
«У нас поселилась, явно колдунья,
Спустившаяся с Вавилонских гор.
Стоит ей повелеть земле: «Взлети!»,
И земля пылью взметнется в воздух.
А если небу прикажет: «Стой!»,
Оно остановится и застынет до страшного суда.
Она требует построить ей замок в таком месте,
20 Где самый знойный воздух.

В таком месте, куда не заглядывают люди,
Где никто не помешает ее колдовским делам.
Покажи свою мощь этой колдунье,
Выбери для нее наилучшее место.
И построй там замок, как подобает,
И требуй от нас мзду, какую надо».
С этими словами вручили строителю
Полный ослиный груз меха, парчи и злата.
Строитель обрадовался полученной плате; не мешкая,
25 Отправился на понск места.

Он без усталости искал место, удаленное от людей,
Среди скалистых гор и камней.
Наконец, отыскал жаркое, удушливое место,
Где и дитя за неделю превратилось бы в старика.
Место это было в десяти фарсангах от Кирманшаха,
Что там от Кирманшаха! От всего обитаемого мира.
Строитель приступил тут к работе.
Воздвиг замок в настоящем аду.
Если б кто-либо смог пригнать сюда коня,
30 Понял бы, что этот ад не место для райской девы.

Когда повеяло мускусом от приближающейся ночи,
Ширин отправилась в этот замок.
С нею было несколько совсем юных служанок,
Которым не были еще ведомы козни страсти.
И стала жить в этом узилище,
Как самоцвет, сжатая камнями.
Тоску по Хосрову она сделала своей наперсницей.
Захлопнула дверцы сердца перед обоними мирами.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МЕХИН БАНУ

Когда Хосров покинул тот ручей,
Из его глаз потекли ручьи и сон покинул его.
С каждым переходом удалялся он от ручья,
И от отчаянья сердцу становилось все больнее.
Временами он тешил себя надеждой:
Солнце еще не поднялось над горою,
А я, спеша на Восток этим путем,
Быть может, найду свое солнце.
Он, как свежий цветок, появился в горах,
И до стражи достиг его аромат.

5 Вельможи поспешили к нему,
Преподнося царевичу шелка и золото.
Царевич увидел украшающих пиршество красавиц,
Все они жаждали лицезреть Хосрова.
Царевичу понравилось общение с кумирами
И он задержался здесь несколько дней.
Отсюда он отправился в Мугань,
А из Мугани уехал в Бахарзан.
Об этом доложили Мехин Бану,
10 Она решила по-царски принять гостя.

Она птицей полетела навстречу царю,
Снарядив почетное войско.
Она послала шаханшахской казне
Дорогие царские дары.
Шелка, самоцветы, сокровища, гулямов,
Столько всего, что писцы устали записывать.

Мехин Бану прибыла в шатер миродержца,
И миродержец встретил ее с почестями.
Шаханшах спросил: «Как живестя тебе?»
15 Да преумножится число веселых пиров!

Мой приезд причинил тебе беспокойство,
Да не доставит тебе гость много забот». Видя его учтивость, Механ Бану,
Решила услужить ему, как подобает.
Утренний ветерок подул из ее уст
И вознес ему хвалу, достойную владыки.
В благодарность судьбе, укрепившей оплот,
Давшей ей прибежище во дворце хосроев,
Целую неделю к шатру Хосрова
20 Посылала она все новые дары.

Через неделю и день, подобного которому
Никогда не видело озаряющее мир солнце,
Царевич воссел на трон,
Как султан, которому прислуживает сама судьба.
И красота его лица с пушком над губой
Многих лишила головы (разума).
Стройные рабы ковром расположились перед ним,
Напоминая сад со стройными тополями.
Из уст каждого текла взволнованная речь,
И каждого пирующего превозносили.

Ничто не мешало и устройству пира,
И сотрапезница не перечила этому,
Мехин Бану, поцеловав землю, встала
И сказала Хосрову: «У нас просьба:
«Укрась собою столичный град — Барду,
Этой зимою там будем пировать.
В тамошних местах теплее,
Там в изобилии вода, зеленеет трава».
Согласился Хосров, ответил: «Поедем,
30 Ты выезжай, а я следом за тобой...»

С рассветом Хосров с войском
Направился вскачь в сторону «Белого Сада».
Родина приятнее, потому сюда переехали,
И привезли туда шахские трон и венец.
Всюду поставили высокие шатры,

- И вельможи расположились вокруг.
Мехин Бану же в присутствии миродержца
Не скупилась оказывать ему услуги.
Царевич пировал и днем и ночью,
35 Он пил горькое вино и горевал по Сладостной.

ПИРШЕСТВО ХОСРОВА

- Ночь, прекраснее новогодней ночи,
Что там ночь — это праздничный день, рассеивающий
печаль!
Небесная мелодия лилась под сводами царского шатра,
Здесь собрались веселые и приятные друзья.
Они вели мудрые речи
И перебрасывались шутливыми словами.
Кеянидский шатер простирался от края до края.
Были посланы в нем аланские войлоки.
Булатный меч лезвием сверкал у входа,
5 Угрожая головам посторонних людей.
- От благовония амбры и алоэ
Шатер был наполнен приятным ароматом.
Приятные напитки и полное веселье,
Золотые пылающие жаровни,
Армянский уголь, быстро пламенея,
Напоминает пляшущих чернокожих.
Он подобен мускусу в пупке, но из дерева,
Сначала краснеет, затем чернеет.
А почему этот ивовый уголь
10 Сначала был черным, а, сгорая, покраснел?
- Как же огонь превратил черное в красное?
Ведь сильнее черного нет цвета!
Иль он научился у рока такой хитрости,
Которая способна лишить наши волосы черноты?
В саду пламени огонь-землепашец
Жнет фиалки и сажает тюльпаны.
Угли облачены в черное, как черные вороны,
Кровь алеет у них в клювах.

- 15 Горящие угли, словно простреленные орлы,
Словно черные змеи с горящими глазами.

Они — огнепоклонники из Индии,
Читают Зенд, словно сам Зардушт.
Словно эфиопские писцы, оказавшиеся в Булгарии,
Проворно действуют своими каламами, побывавшими в
киновари.

- Земля была украшена васильками,
Да, васильки зимы — горящие угли.
Кувшины голосили, напоминая петухов,
Что оповещают о времени.
Завидуя их огненно-красным венцам-гребешкам,
20 То утки ложились на огонь, то перепела.

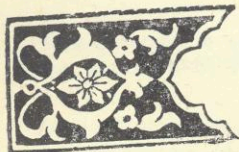
- На шомпола непрестанно надевались
То горные курошати, то дикие утки.
Убок прижались устами к апельсинам,
Словно рубиновое вино лобызало золотые кувшины.
От обилия нарциссов и фиалок большой шатер,
Казался взору красочным цветником.
От обилия померанцев и гранатов, озарявших пиршество,
Воздух напоминал предвесенний ветерок Новруза.
Всю ночь пирующие пленяли мир живой душой,
25 Они встретили рассвет за чашей вина.

- Музыканты на шелкострунных чангах
Играя, срывали завесу и выдавали влюбленных.
Звучающий в стонах чанга пехлевийский лад
Сердце камня сжигал огнем.
Кеманча стонала, как пророк Муса,
А певец велел музыканту следовать за ним.
Вот играющий на руде певец начал газель:
«О наслаждение и веселье, добро пожаловать!
Сад бытия был бы удивительно приятным садом,
30 Когда был бы в безопасности от осеннего ветра!

О, как бы счастлив был чертог времен,
Когда бы основа его была вечной!
Ведь от того сей приятный чертог кажется нам холодным,
Что едва успел согреть место, как зовут: «Вставай, порай!»
Раз ненадежна основа этой глиняной обители,
Надо сидеть за вином и пускать ее по ветру.

- 35 Не обладаем мы ни завтрашним днем, ни вчерашним,
Ибо один еще не настал, а другой уже прошел.
Лишь сегодняшний день есть у нас,
Но и на него нельзя полагаться — вечер уже на носу.

Так приди же! Пока уста смеются,
Эту ночь отдадим сердцу для радости.
Этой ночью мы сон отгоним прочь,
Ведь под землей придется бесконечно спать!»

ШАПУР РАССКАЗЫВАЕТ ХОСРОВУ О ШИРИН

- 5 Хосров захмелел. Кравчий кружится с чашей вина,
Мелодии чанга льются одна за другой.
Входит розоликая, словно горделивый кипарис, —
Одна из утешительниц Хосрова, радостно говорит:
«Твой раб Шапур просит позволения войти,
Что велишь: войти ему или удалиться прочь?»
Хосров же от радости готов был вскочить с места,
Но подчинился рассудку.
Он велел впустить Шапура в шатер,
Сердце Хосрова наполнилось радостью.
- 10 Ведь сердце Хосрова, томимое страхом и надеждой,
Словно рассечено было страшным мечом.
Кто ждет, не отводя глаз с дороги, у того сердце
Рассечено надвое, — это страшная беда.
Всякая печаль тягостна, трудна,
Но худшей печали, чем муки ожидания, нет.
Да не приведется никому видеть путь безлюдным,
От ожидания чахнет лицо и сокращается жизнь.
Вот вошел художник, равный Мани,
Узоры от поцелуев оставил на земле.
- 10 Поцеловав землю, он встал
И стоял неподвижно, как подобает рабу.
Хосров отличил его своим вниманием,
Усадил и велел всем покинуть шатер.
Он спросил Шапура про горы и степи,

- 15 Про приключения, через которые тот прошел.
Трезвый умом муж вначале молился:
«Да будет наделен шах долгой жизнью.
Да одержать войскам его победу над врагом,
Венцу счастья не упасть с его головы.

- 20 Мечты шаха — да увенчаются счастьем,
Грядущие дни — да принесут ему успех.
Приключения на пути поисков удачи —
Целый мир, долго же рассказывать.
Если велит шах, то я расскажу,
Ведь я всегда стремлюсь обрести благосклонность шаха».
Сначала до конца все, что он испытал и узнал.
Он поведал шаху, ничего не тая.
О том, как скрылся, подобно птице от людей,
О том, как появился, подобно роднику в горах.

- 25 О том, как по утрам являлся на лужайку,
И, подобно Муканне, мастерил искусственную луну.
О том, как показывал рисунок за рисунком
И завораживал ту чародейку.
О том, как индеец свел ее с пути
И направил в сторону Туркестана и шаха.
Едва речь коснулась той, что схожа с ранней весной,
У Хосрова вырвался невольный крик.
Он проникновенно сказал «Повтори, скажи еще раз,
Как удалось тебе увидеть солнце?»

- 30 Художник ответил: «Я избрал бдение,
А в остальном помогла судьба Хосрова.
Мои очи следили, как глаза изготовителя стрел
За мастерской того, кто изготавливает луки.
Так я обнаружил тот нежный кипарис,
Серебротелую красавицу с каменным сердцем.
И кого я увидел? Быструю умом, свежую, как роза,
А в каждом ее волоске дышал Инсус.
Лицо ее словно цветок, но цветок миндаля,
Тело ее — как миндаль, но ядро миндаля.

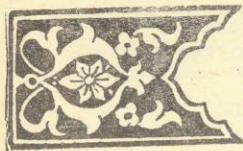
Она оказалась изящной с головы до ног.
Оба мира привязывали к себе один ее волосок.
Ее ротик испытывал гнет миниатюрности,
Как хузистанец от алчных [глаз] муравьев.
Уста ее не касались никого из сущих,

Разве только собственных уст в зеркале, и то во хмелю.
Ее руки еще не тянулись к чему-либо,
Разве только к собственным локонам, и то играя с ними.
Ее стан тоньше, чем ее локонов,
Ее уста слаще, чем ее имя — «Сладостная».

35 И хотя та луноликая смутила весь мир,
Перед образом шаха смутилась сама она.
Я сначала сердце луноликой отправил в путь,
Затем нашел способ увести Шабдиза.
Подвижную луну поднял на вороного
И отправил в путь, прибегнув ко множеству уловок.
Сам же, устав, задержался немного,
Усталость помешала мне отправиться с ней.
Я знаю, при всех трудностях пути,
40 Сейчас она достигла замка владыки».

Шах радостно обнял художника,
Осыпал его драгоценными камнями.
Чувство благодарности переполнило царевича,
И он долго воздавал ему хвалу.
Купание луноликой в ручье
Подтвердило шаху правдивость слов Шапура.
И царевич все, что видел по дороге,
Рассказал своему другу подробно — и хорошее, и плохое.
45 Стало им ясно: дивная птица,
Улетела в пределы Медаина.

И вот решено: Шапур еще раз
Устремится к ней, как мотылек к свету,
И вернет в рудник тот изумруд,
Тот нежный цветок в свой сад.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ЕДЕТ ЗА ШИРИН

Прекрасен край, где жизнь бьет ключом,
Прекрасен день, когда молодость цветет.
На свете нет ничего благодатней жизни.
Нет прекрасней дней, чем дни молодости.

Властелин вселенной, предводитель мира Хосров,
Был и молод, и удивительно весел душой.
Он без песни не пил и глотка вина,
И без музыканта не мыслил радости.
5 Нет, он не обычную плату давал своим певцам,
За каждую песню давал сокровище.

И вот он пировал, держа в руках кубок,
Когда Мехин Бану вошла и уселась.
Хосров оказал ей особенный почет,
Нежнее принял ее, чем в другие дни.
Когда настало время отведать царских блюд,
Царевич попросил выполнить обычай Бадж-Барсем.
Любое блюдо, которое подавалось,
Он освящал обычаем Бадж-Барсем.
10 А обычай Бадж-Барсем состоит в том,
Чтобы перед трапезой проверялось кушанье для шаха,

От мобеда исходит разрешение отведать:
Эта снедь, дескать, желанна, эта негодна.
Он всех вельмож пригласил к винопитью
И ту счастливую госпожу мира.
Царевич пил с ней вино из особых чаш
И вел беседу о разных вещах.
Когда он захмелел от крепкого вина,
То повел речь о сладостной Ширин.
15 Говоря о Ширин, он упомянул о ее бегстве,
Ликуя в душе, внешне горевал:

«Ведь племянница Мехин Бану
Как роза радостна, как кипарис горделива.
Слышал я, что необузданный конь унес ее,
Скрыл от глаз, как птицу Анку.
Сегодня из моих краев ко мне явился гонец
И принес весть о луноликой.
Если я задержусь тут одну или две недели,
То узнаю место, где она пребывает.
Я пошлю за ней гонца, чтобы возвратить ее,
20 И птицей прилетит он с ней сюда.

Услышав эту новость, Мехин Бану
От удивления едва не лишилась сознания.
Как горсть праха упала на землю, склонила главу,

Вопли сотрясали ее грудь.

«Где моя жемчужина? Если б узрела ее во сне,
Не в своем подоле, а в море,
Я извлекла бы ее из морской глубины,
Заклчила бы в объятия души, вдохнула бы в нее душу».

25

С этими словами поцеловала царский престол:
«Да поцелуют твой престол и Луна и Венера!»

От Рыбы до Луны — все пусть чтят твой венец
От Востока до Запада все подчиняются тебе!

Я же говорила: Мы найдем ее тогда,
Когда царевич явит нам свой лик.
Если твое счастье осенит и нас,
То немало дичи само придет к нам.
Коль царевич намерен послать к ней гонца,
Пусть сначала представит мне его,
Чтобы я подарила ему Гульгуна,
Коня того же происхождения, что и Шабдиз.

30

Ведь ни один другой конь не угонится за Шабдизом,
Кроме Гульгуна, и то, если он не оступится.
Коль Шабдиз находится с луноликой,
Его догонит быстрый Гульгун.
Если Шабдиза нынче нет с нами,
Его догонит быстрый Гульгун.
Царевич повелел: «Пусть приведут из конюшни Шапуру
Коня, что схож с Рахшем».
Шапур же, собравшись в дорогу один,
Быстро погнался коня, ведя на поводу второго коня.

35

Он ехал быстро в сторону Медаина,
С месяц искал тот сверкающий месяц.
Однако в замке не оказалось той луноликой,
После долгих поисков явился в ее обитель.
Он долго стучал в ворота,
Вышел человек, и Шапур показал печать Хосрова.
Художника немедля ввели
К единственному светочу всех времен.
Шапур, оказавшись в обители Ширин, увидел:
Это — место для пыток.

40

Драгоценный перл стеснен камнями,
Райская дева — в тесном аду.

102

От стыда перед чистым жемчугом лицо его покраснело, как
рубин,

Поклонился он, припал лицом к земле.
Воздал хвалу ее лику, светящемуся как луна,
Расспросил о трудностях дороги, о ее печали:
«Какое было тебе, как перенесла трудности?»

45

Я, раб твой, вечно в думах о тебе.
Я надеюсь, что это последнее неудобство,
Я верю, что близок час радости.

Знай: перенеся трудности,
Ты оставила их позади и обретешь покой.
Что это за местность? Тут сердцу нелегко!
Чей помутненный разум неразумно выбрал это место?
Может ли твоя любовь блистать в этом мраке?
Как может гурия довольствоваться адом?
Да, лишь одно оправдание этому, и то запоздалое:
Ты ведь лал, а лал прячется среди камней!»
Узрев в речах художника китайские узоры,
Она увидела в руках ключ от радости.

50

Она смущенно прикрыла лик руками,
Поблагодарила его и сказала в ответ:
«Когда б решилась я поведать тебе свои печали,
Рассказать о муках, что пришлось мне пережить!
Ни словами передать, ни услышанному поверить!
Все, что было, надо лишь перечеркнуть.
Когда я достигла дворца, о котором ты говорил,
Я нашла там горстку завистливых людей.
Там бессовестные прислужницы
Служат лишь себе, говоря: «Лови мгновения!»

55

Они, как Зухра, обнажили руки и плечи,
Цену свою находя на чаше весов.
Я же, целомудренная,
Решила удалиться от этих блудниц.
Я сердцем стремилась к уединению,
Потребовала от них лишь скромного жилища.
Они же, движимые ревностью, обгарили мне сердце
И забросили в такое вот место пытки.
И эти черные камни стали моими утешителями,
Они черны от горечи моего долготерпения.

60

103

К чему страсть к цветным атласным тканям,
Если во время омовения все равно разорвут их [на тебе]?
Ты носи такие одежды, какие носят луна и солнце,
Какие будут с тобою, пока ты есть.
Ты отряхни подол от изысканных яств,
Довольствуйся своим сухим хлебом.
О мир! Доколе творить тебе зло,
30 Печалить меня, доставляя себе радость.

Повергаешь меня в печаль, и тебе радости не испытать!
Меня втаптываешь в землю, и сам будешь в руинах.
Ты продаешь ячмень, выдавая его за пшеницу,
Но прогнанный ячмень не прикрыть сверху пшеницей.
Моя спина пригнута тобой, словно пшеничный колос,
и лик бледен, как ячмень.
Не дав мне пшеницы, уже перемолоть меня готов.
Довольно показывать нам пшеницу
И делать из нас жернова, перемалывающие пшеницу.
Уж лучше я в этом колодце буду по ночам
35 Разговляться ячменным хлебом, как луна.

О Низами! Как Мессия, сторонись [мира]!
Оставь мир куче травоядных.
Питаюсь травой, езда на ослице,
Ты думаешь достичь высокого сана Иисуса.
Пока ты жив, тащи свой груз, как осел,
Ведь ослы ценятся лишь пока они живы.

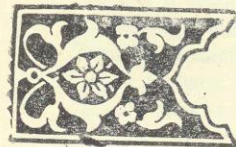

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

Когда стало ясно, что по велению творца
Хормузу пришлось расстаться с царством,
Молодой шах счастливой судьбы
Взошел в столице на высокий престол.
Хотя сердце влекло его к Ширин,
Оставить страну было бы непростительной ошибкой.
И он то занимался делами государства,
То любовался в мыслях красой Ширин,
Он своим правосудием восстановил мир,
5 Избавил страну от смуты.

Он притесненных радовал своей справедливостью,
Так что люди забывали о справедливости Ануширвана.
Но вот он освободился от государственных дел
И вновь принялся за вино и веселье.
С утра до вечера проводил время на охоте,
Мгновения не проводил без вина и охоты.
Когда страсть к Ширин взяла в нем верх,
Он спросил придворных: «Где она сейчас?»
И сказали ему: «Некоторое время назад
10 Красавица покинула дворец,

И нам неизвестно, куда увез ее Шапур.
Почему он увез ее, если не было шахского повеления?»
Превратность судьбы
Привела его в удивление и растерянность.
Памятью о Ширин остался
Шабдиз. Им и тешил себя.
Вспоминая луноликую, возился с вороним,
В надежде найти самоцвет тешился камнем.

ШАПУР ПРИВОДИТ ШИРИН К МЕХИН БАНУ

Когда Шапур примчал Ширин в ее края,
Хосрова уже не было в условленном месте.
Он снял Ширин с быстроногого Гульгуна
И вновь поместил в цветнике Мехин Бану.
Тем самым он одарил луг кипарисом, райский сад — гурией,
Небо — солнцем, и глаза — светом.
Родственники, приближенные и прислужницы,
Терзавшиеся без нее,
Увидев ее, разом припали к земле перед ней,
5 И, уподобившись праху, облобзывали ей ноги.

Благодарственным молитвам и дарам не было конца —
Храму огня словно подарили целый мир.
Невозможно описать состояние Мехин Бану,
Которая от радости сочла тесным для себя дворец.
Казалось, юность вновь вернулась к старому сердцу,
И вновь обрело жизнь то, что, мнилось, умрет.

Она нежно обняла голову Ширин,
Будто вторично обрела жизнь в мире.
Ее радость, ее ликование
10 Не выразить и в сотне бейтов.

Царские сокровища, царские угоды
Подарила племяннице, говоря: «Все твое, делай, что хочешь!»
Она не захотела корить ее, и на волосок не упрекнула.
Не стала вспоминать всего, что было.
Ведь Бану понимала: все эти хитрости и уловки —
Красноречивые приметы любви.
И в шахе она заметила эти приметы,
Да и от серебротелых услышала кое-что на этот счет.
Старалась скрыть бродящее в кувшине вино
15 И замазать солнце глиной.

Она утешала Ширин, чтобы та стала покорной,
Обрела покой и залечила рану.
Она была безмерно нежна с племянницей,
Чтобы восстановить прежние отношения.
Вернула ей ее семьдесят куколок,
Чтобы Ширин с ними проводила дни.
И старый кукольник-небосвод
Вновь побудил ее к игре в куклы.
Когда Ширин вновь увидела девушек,
20 Луной явилась среди этих звезд,

Она вновь предалась забавам и веселью,
Вновь взялась за старое занятие.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БАХРАМА ЧУБИНЕ

Ключ к победам, обнажив зубья, глаголет:
Железная воля — вот золотой ключ к победе.
Сильная воля лучше сотни меченосцев,
Царский венец лучше сотни обычных шапок.
Ты разумом и волей сломаешь хребет целой армии,
А мечом убьешь десяток воннов.
Когда узнал Бахрам, обладавший твердой волей,

Что Хосрову досталось правление миром,
Его переполнила страсть к иранскому венцу,
5 И он обрел его благодаря крепкой воле.

Да еще распустил слух, будто
Сам Хосров проколол очи Хормуза
Он забыл о том, что, когда Юсуф покинет родные края,
Разлука лишит света очи Якуба.
Он повсюду разослал тайные послания,
В которых добро выдавал за зло:
«Сей младенец недостойн править миром,
Отцеубийце ли быть владыкой?!
Для него глоток огненного напитка
10 Дороже крови сотни братьев.

За мелодию арфы он готов подарить целую страну,
Пение для него дороже государства.
Он горяч — путей к делам не замечает,
Он незрел — добра от зла не отличает
Огонь страсти все еще жжет его грудь,
Страсть к Ширин все еще бушует в сердце.
Он безразличен к людям, отвернитесь от него,
Ведь лишившись головы, вы не обретете новую.
Самое лучшее — заковать его в оковы,
15 Доколе можно быть между огнем и водой?!

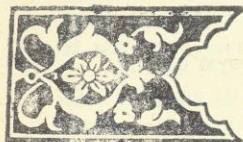
Быть может, оковы преподадут ему урок,
Если же нет, пусть последует за своим отцом.
Вы преградите путь ему мечом,
И я подспею, как разъяренный лев».
Вот так этот мстительный лев
Восстанавливал подданных против шаха.
Шаханшах понял, что судьба от него отвернулась —
Подданные отвернулись от него.
Он лишь златом укреплял свое счастье,
20 Ослеплял златом своих врагов.

Это продолжалось, пока враг не явился с войском,
Подданные подняли руку непокорности.
Без опоры беспомощным стал Парвиз,
Сошел с трона, — Шабдиз теперь был под ним.
В этой смуте, когда венец стал помехой,
Он подумал о голове — ведь она ценнее венца.

Венец Кеянидов остался без венценосца,
Он оставил мир возжаждавшему мира.
Когда по воле рока-игрока царь царей
25 Увидел над собою меч Бахрама,

На шахматной доске, вопреки всем правилам,
Куда бы ни пошел он шахом, ему грозил мат.
С помощью всяких уловок и хитростей,
Проторенными путями и по бездорожью прибыл он в
Азербайджан.

Отсюда направился в Мугань,
Как маг, исполненный любовью к тому кумиру.

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

Повидавший мир знаток слов так поведат:
Когда искатель мира шел Муганской степью,
Охотясь, стреляя там и тут дичь,
Вдали взметнулась пыль — это была Ширин.
С роем веселых подружек
Она в тот день охотилась в Мугани.
Оба охотника встретились лицом к лицу,
Летели на конях, охотясь друг за другом.
Оба стрелка, как молодые кипарисы,
5 Стреляли друг в друга стрелами взоров.

Два друга, опьянев от любви,
Влекомые страстью, удалились от друзей.
Рука царства на одного возлагает венец,
С других — срывает венец.
Здесь гиацинты кос вьются над розоподобным лицом,
Там — на розах ланит гиацинты едва пробиваются.
Здесь — мускусно-черные кудри прикрыли уши,
Там — мускусно-черные арканы свисают с плеч.
У обоих лица луной сверкают — у этого оно облачком
пушка окаймлено,

10 У той — подбородок, как ожерелье на шее луны.

Они долго глядели друг на друга,
На глазах у них сверкнули слезы счастья.

Ширин не в силах оторваться от Парвиза,
И Гульгун не мог расстаться с Шабдизом.
Тогда оба встали на стезю дружбы,
Стали искать друг в друге желанные приметы.
Вот названы имена — узнав друг друга,
Оба тут же без памяти упали с коней.
15 Прошло некоторое время, они подняли головы
И на земле из очей рассыпали жемчуга.

Уже спрашивают друг друга
О том, что пережито в разлуке.
Сказать надо было очень много, но, подумав,
Решили помедлить с этим, избрали малословье.
Оба вскочили на своих коней,
Чтобы, подобно птицам, лететь между небом и землей,
Тут со всех сторон появились всадники,
Но переликие скачут на резвых конях.
Все увидели: Солнце и Луна в неге
20 Сблизились в созвездии любви.

Любовь воспламенила их сердца,
Скакуны же под ними стоят будто вкопаны в землю.
Каждый, приблизившись к ним,
Не мог различить, удивленный: где Хосров, а где Ширин?
И, как муравьи, шептали друг другу:
«Глянь! Эта вот Билькис, а тот Сулейман!»
Со всех сторон прискакали воины,
Вокруг влюбленных стояли рядами.
Много воинов собралось у подножья горы,
25 Столько, что Земле стало жаль Быка, на котором
она стояла.

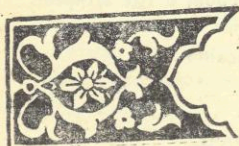
Ширин обратилась к Хосрову: «О владыка!
Да будут твоими рабами тысячи такных, как я!
Твой венец определяет удел небес,
Земля гордится, что на ней стоит твой престол.
Хотя на протяжении семи стран
Земли принадлежат миродержцу,
Тут неподалеку — прямо на нашем пути,
Стоит у нас шатер — дар шаха.
Коль шах решит порадовать нас своим посещением,
30 Сия ничтожная рабыня будет горда этим.

Коль слон пожалует на коврик муравья,
Одежда ничтожного муравья примет голубой цвет радости».
Шах ответил: «Коль ты готова принять гостя,
Я приду с великою радостью».

- 35 Ширин поклонилась в благодарность,
Возблагодарила шаха, славословию не было конца.
Она на сменных скакунах послала гонца к Бану
С вестью, что приведет шаха в гости.
Мехин Бану, услышав об этом,
Сообразила, что шаханшах не бескорыстен.

- Она вышла навстречу с богатыми дарами,
Осыпала ими и Солнце, и Луну
И привела Хосрова в такой дворец с садом,
Где райское дерево туба казалось бы веткой.
Башней сей дворец вознесся к небосводу,
В ширину и в длину был в два мейдана.
Проя прощения за скромность, она
Послала такой дар, что достоин был лишь царей.
40 Ему было преподнесено столько сокровищ,
Что невозможно было их счесть.

Царь от любви Ширин
Вкушал сладость, как от сладостной души.

НАСТАВЛЕНИЯ МЕХИН БАНУ ШИРИН

- Когда крестьянин бросает в землю чистое семя,
И из земли вырастает чистое зерно.
Коль человек чист и имеет чистый род,
Бродя по земле, он не замазает подола.
Мехин Бану, чей род был чистым и славным,
Узнав о страсти Хосрова и Ширин,
Призадумалась о делах нежно влюбленных:
Как обезопасить хворост от огня?
Она сказала Ширин: «О благоразумное дитя,
5 Владычица моя, владычица всех красавиц!

Один твой томный взгляд стоит ста земных царств,
Один твой волосок дороже всего сущего между Луной и
Рыбой.

- Счастье, как твоя тень, повинуется тебе,
Благополучие служит тебе украшением.
Твоя красота светит всему миру,
Твоя красота — под оплотом благочестия.
Ты сокровищница, хранимая печатью,
Ты не ведаешь о добре и зле, что [существуют] в мире.
Однако мир готов в любое время прибегнуть к коварству —
10 Украсть жемчужину и растереть яхонт.

- Сердце подсказало мне, что сей владыка мира
Томим мыслью соединиться с тобою!
Коль этот миродержец действительно влюблен в тебя,
То необычайная дичь поймана тобою!
Но если увидишь, что он опьянен нетерпением,
Не позволяй обманывать себя!
Нельзя, чтобы он [пленив тебя] сладкими речами,
Даром отвел сладкую халву Ширин.
Иначе он оставит тебя опозоренной
15 И к другой загорится страстью.

- Веди себя так с тем, у кого лик пылает,
Чтобы не угодить в эту печь, словно лепешка.
Я слыхала, что десять тысяч красавиц в его дворце,
Все сладкоусты и косы у них подобны цепям.
И его сердце радуют эти розы,
А ведь ты одна из роз, привяжется ли он к тебе?
Конечно, если жемчуг не окажется в его руках,
Он непременно захочет приобрести его.
Но если он поймет, что ты верна и целомудренна,
20 Он попросит тебя у меня по всем правилам.

- Блаженство небес станет твоим достоянием,
Господство над миром станет твоим уделом.
Если ты останешься чистой, как и твой род,
Ты вся будешь противоядием против его же яда.
Ну, а если в любовной игре он покорит тебя,
Найдя беспечной, опьяненной любовью,
То потеряешь доброе имя, как Вис,
Ославишь себя на весь мир.
Если он луна, то ты — солнце.
25 Если он Кей-Хосров, то мы Афрасияб.

Поверь, мужчине вслед бежать — не мужество,
Такая отвага не украшает женщину.

Много роз, когда они свежи, срывают,
И вдохнув аромат, бросают их тут же.
Немало вин разливают по чашам,
Глотнув лишь глоток, остальное выливают.
Ты сама знаешь, чтобы не уронить чести,
Надо супругами стать, а затем предаваться страсти».
Ширин, услышав эти разумные наставления,
30 Вдела их в уши, как рабские кольца.

Ее сердце соглашалось с этими словами,
Ведь и сама она думал точно так же.
Она поклялась семью светлыми небесами
И ясным писанием владыки вселенной:
«Знаю, мне придется в этой страсти испить лишь кровавые
слезы,

Но я соглашусь быть ему только законной парой».
Бану, услышав эту клятву,
Обрела покой и уверенность в ней (Ширин).
Она разрешила ей находиться с гостем,
35 Во дворце и вне дворца, не скрываясь от чужих глаз.

С одним лишь условием: не искать уединения с ним,
И все, что захочет сказать, говорить при людях.

ХОСРОВ И ШИРИН ИГРАЮТ В ЧОВГАН

На следующий день, когда от озарившего мир рассвета
Ночные лалы исчезли перед дневным лалом,
Из стана солнца вышел страж
И вручил поводья желанья Утариду и Зухре.
Он — ревностно приготовился к игре в човган,
Она — решила собрать вокруг себя звезды.
Тут же семьдесят дев, как юные львицы,
Взволнованно устремились к Ширин.
Каждая из них бесстрашна, как Исфандияр,
5 В стрельбе из лука — сам Рустам.

В игре в човган были так опытные,
Что могли отбить мяч у самого небосвода.

Ловко привязав колчаны к кипарисоподобным коням,
Они, как стрелы, вскочили в седла.
Все они прикрыли лицо свое покрывалом
И отправились к шаху, готовые служить ему.
Вышел поверенный шаха и принял их,
Сердце шаха наполнилось радостью.
Он встал и ласково приветствовал Ширин,
10 Усадил ее справа от себя.

Что он видит: красавицы, поистине сражающие сердца, —
Целый дворец сахара, край, полный сладостей.
Но не думал, что они храбры и ловки,
Что на ристалище — ловкие всадники.
Следуя призыву сих красавиц под черным покрывалом,
Шах поторопился на поле позабыться.
Он примчался на мейдан,
Периликие от радости птицами летели.
Стало ясно: каждая луна равна солнцу,
15 Каждая куропатка подобна орлу.

Да, не было сомнения в том,
Что эти птицы — горлицы на лужке, на охоте же —
истинные соколы.

Хосров сказал Ширин: «Давай-ка погоняем Рахша,
Поиграем немного в чоуганбази».
И вот они подбросили мяч к човгану царя,
Красавицы наполнили майдан возгласами.
От поднятых човганов-клюшек вся площадь напоминала
ивовую рощу,
Земля от избытка сандалового цвета вогнала луну в краску.
При каждом взмахе, когда човганы забирали мяч у ветра,
20 Чуть не ломался в небе диск солнца.

На одной стороне играла луна со звездами,
На другой скакал шах с приближенными.
Играли, словно лев и лань меж собой.
Сокол и фазан нападали друг на друга.
Мяч оказывался то у луны, то у солнца,
То Ширин вела мяч, то шах вел.
Когда пресытились игрой в човган,
Они помчали скакунов вокруг мейдана.
То Шабдиз скакал по площади, то Гульгун,
25 То всходила алая заря, то наступала ночь.

С ристалища помчались в степь,
Летели, куда хотели, распугивая дичь.
И настреляли столько разной дичи.
Что трудно было счесть.
От множества копий, всажённых в онагров,
Вокруг словно возникли камышевые заросли.
От стрел, вонзившихся в газелей,
Земля казалась лугом с алыми розами.
Царь же, видя охотящихся львиц,
30 Поразился их умению охотиться.

Каждая из красавиц на ристалище, словно птица Хума,
На охоте — каждая истый дракон.
Царь украдкой глядел на Ширин и думал:
«А какую же дичь ему подстрелить в честь красавицы?»
Вдруг увидел промчавшуюся газель,
Которую судьба послала шаху.
Но была еще газель, словно охотник с мечом,
Которая уже поймала самого льва.
Сей завоеватель мира — охотник на любую дичь,
35 Сам теперь превратился в дичь.

Когда павлин небес покинул сад,
Прилетел черный ворон сорвать розы.
Павлины земные укрылись от взоров,
Вскочив на черных, цвета воронова крыла коней.
Все они улетали в свои гнезда,
Были утомлены и до утра спали.
На следующий день, целовавшие порог шаха
Вновь явились к шатру царя.
Вновь пустили в ход клюшки и мяч,
40 Вновь поскакали на охоту.

В этих забавах пролетел целый месяц,
И никто ни разу не молвил: «Хватит!»
Царь же все искал желанный миг,
Когда смог бы подать Ширин заветный знак.
Но никак не представлялся ему этот миг,
Ибо ключ удачи оставался в тисках промедления.
Вечером, когда сахароустая возвращалась,
Птице любви взлететь не удавалось.
Шаханшах молвил: «О царица всех цариц!
45 Счастье вечно стремится взор к твоей красоте.

Давай-ка утром пораньше
Вдвоем одержим победу над небосводом-роком.
Давай возьмем вина и повеселимся,
Устроим пир, и радость будет с нами.
Ведь радуемся мы или грустим в сей обители,
Нам все равно нет защиты от этого ветхого небосвода-рока.
Нам все равно придется покинуть эту старую обитель,
Так предпочтем веселье печали, радость — грусти».
Периликая прикрыла пальцем очи,
50 Отвесив поклон, сказала: «Спокойной ночи».

Царь же, повторив слова озаряющей ночь луны,
Погрузился в раздумье: «Когда же настанет день?»

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛЬЯ ХОСРОВА И ШИРИН

Когда одетый в голубое старец-небосвод
Дал молодость цветам в садах,
И снова отправил старых и молодых
В зеленые сады с красными розами,
Земля от массы цветов превратилась в трон Кавуса,
Даже фиалки распустили, как павлин, лепестки.
О, сколько птиц запело разом о любви,
О, сколько давних влюбленных устремилось друг к другу.
Душа Ширин радовалась Хосрову,
5 А мир вновь переживал пору обновления.

Приход веселой весны радовал влюбленных,
И розы в восторге разрывали оболочку [бутонов].
Розы радости подняли в саду алые стяги,
Стаи голубей прогнали воронов.
Гиацинт стал кравчим, нарцисс взял чашу в руки.
Фиалка — во хмелю роза же — давно пьяна.
Ветерок, сорвав покров с женственных цветов,
Всем, кто томим страстью, посылал добрую весть.
Свежий ветер всюду шумел,
10 «Бычье око» направил к «Слоновому уху».

Земля была устлана маковым ковром,
Маковое же поле казалось колыбелью «Мышиных ушек».

В саду высился горделивый кипарис,
От любви к тюльпану он стонал и рвал на себе одежду.
Сплетенные локоны фиалок падали на плечи,
Ветерок обнажил уши цветов шиповника.
Цветы-невесты руками прикрывали лица,
Раскрывшиеся на деревьях цветы трепетали [на ветру].
Воздух, осыпав жемчугами-росами луга,
15 Драгоценные камни разбросал по изумрудной зелени.

Земля всюду готова была рожать,
Всюду пробивалась зелень.
Пьяные от молока матери, сосунки-газели
На лужайке играли близ матерей.
Фазаны распростерли крылья над цветами,
И на их крыльях красовались цветы.
На каждой ветке сняли приметы весны,
Ладонь каждого цветка полна была золота.
Пение соловья и песни куропаток
20 Вконец лишали терпения влюбленных.

В это желанное для влюбленных время года
Непростительно было жить без любви, грешно.
И днем и ночью Хосров и Ширин вместе
Радостно бродили по лугам и садам.
То пили вино на изумрудных лугах,
То собирали в горах нежные цветы.
И вот, бродя меж роз, держа в руках чашу,
Однажды прибыли на берег Шахруда.
Коней привязали неподалеку от реки
25 И уселись, чтобы насладиться мелодией руда и певца.

От сладких речей сладостной Ширин
Простой тростник близ Шахруда делался сахарным.
Она своей красотой оживляла все вокруг.
Как вешний дождь морские раковины.
Ее мускусные локоны сбили цену мускусу,
Сахар стал жертвой ее медоточивых лалов.
Ее сладкие уста так смеялись над сахаром,
Что вопль сахара достиг Хузистана.
Она, стройная как кипарис из царской сокровищницы,
30 Раздавала жалованье цветам, как своим воинам.

Стоило розе взглянуть на ее нарциссы,
Как от зависти она разрывала себя на части.

Жасмин, что еще вчера господствовал над цветами,
Нынче с радостью стал ее рабом, влюбившись в нее по уши.

**ХОСРОВ
УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА**

Однажды царь вышел полюбоваться природой,
С ним рядом была Ширин.
Когда рядом с тобой такая возлюбленная,
Любое место кажется тебе приятным.
Среди буйной зелени они нашли место для отдыха,
Лишь лилии росли там.
Они остановились в этом райском уголке,
И тут воздвигли царский шатер.
Слуги и прислужницы вокруг шатра
5 Собрались, как Плеяды вокруг луны.

Хосров и Ширин сидели рядом,
Они разлуку повесили вдали за одну ногу.
Рубиновые кубки из рук кравчего
Они брали и восклицали: «Да будет долгим это
наслаждение!»

Влюбленность и вино шагали рядом,
Царь царей был пьян и от того и от другого.
И вот из зарослей появился ярый лев,
Ударами хвоста взбивая прах в воздухе.
Он яростно напал на стан шаха,
10 Воины пришли в смятенье от страха!

Лев близко подошел к шатру
И злобно кинулся на Хосрова:
Царь, не мешкая, кинулся на льва,
В пиршественной одежде, без кольчуги и меча.
Он вскинул кулак к уху льва
И так ударил его по голове, что лев упал без
признаков жизни.

И повелел шах обезглавить льва.
Содрать с него его роскошную шкуру.
И с этих пор повелось среди властелинов
15 Во время пиршества иметь при себе меч.

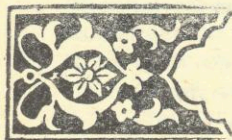
Да, Парвиз был силен и силен, как лев,
Но он был царь, цари же должны быть степенны.
Но был во хмелю царь и победил льва,
Так захмелевшего иногда зовут «победителем львов».
Под тем предлогом, что рука царя сразила льва,
Луноликая нашла возможным поцеловать ему руку.
Свои уста освежив розовой водой,
Поцеловала руку владыке, и поцелуй наполнил ее сахаром.
Царь своими устами сломал печать сахарницы,
20 Говоря: «Сахар бывает в устах, а не в руке».

Он поцеловал ее губы: «Это ведь настоящий мед,
Вот что надо покрыть поцелуями!»
Этот поцелуй был первым гонимом,
Принесшим весть от Хосрова красавице Ширин.
Хотя впоследствии он испил сотню таких чаш,
Но первая чаша не забывается.
Первая чаша вина приятнее
Всех последующих сотен чаш.
Чистым бывает лишь вино в первой чаше,
25 В последующих чашах вино всегда с осадком.

Первый цветок, раскрывшийся на берегу ручья,
Благоуханнее сотни цветников,
И первая жемчужина, рожденная раковиной,
Превзойдет ряды многих самоцветов.
Первая проба яств, дающих наслаждение,
Всегда самая приятная.
Вкусив сладкий шербет, влюбленные
Отбросили поводья всех забот.
Как только находили безлюдное место,
30 Тянулись друг к другу, как к вину молоко.

Как вор, что тянет руку к драгоценностям
Видя, что страж ничего не замечает от вина.
Одним глазом они следили за посторонними,
Другим любовались друг другом.
Стоило ослабить зоркость соглядатаям,
Как они торопливо целовались.
Пока красавица была стыдлива и трезва,
Даже птица Симург не могла отыскать путь к ее устам.
Но когда она пьянела от вина,
35 То в лобзаниях не отставала от царя.

Шах так крепко обнимал ее,
Что на ее горностае виднелись узоры шелка.
Он так впивался в ее ланиты,
Что на розовом лепестке возникали синяки.
Луноликая, стыдясь синяков на щеке,
Стремилась луну свою держать в тени.
Но была ли она пьяна или трезва,
Ширин при себе имела белила вместо розы.

ХОСРОВ, ШИРИН И ДЕВУШКИ РАСКАЗЫВАЮТ ПРИТЧИ

Сияющая ночь — светлее белого дня,
Мир сиял от света сверкающей луны.
Дул ветерок, подобный дыханию Иисуса,
Нет, не тот ветерок, что гасит светильники.
Лишь одна примета мрака тут была,
В лоне этой ночи прятался источник живой воды.
Ночной шатер был темен лишь для того,
Чтобы оберегалось ее целомудрие.
Легкий ветерок сдул пыль с чела души,
5 Звезды улыбались рассвету.

Эта ночь предрасполагала к поиску желанья.
Желание же будто было рождено самой ночью.
В одной стороне небосвода Венера сверкала жемчугом,
В другой — лунный луч был готов нанизывать жемчуга.
Земля собирала мускус целыми харварами,
Воздух целыми раковинами растирал амбру.
Ветер распространял весь этот аромат,
Пупок земли от этого уже благоухал.
Благоухание в мире подхваченное весенними ветрами,
10 Превращало воздух в кумарское алоэ.

Мелодия Зухры оглашала ночной мир,
Семидневная луна казалась чашей.
Плеяды стояли, как приближенные царя,
Меркурий пританцовывал над горизонтом.
Бодрствующие по ночам птицы, чтобы оглашать окрестности,
К крыльям Шабавиза привязали колокольчики.

Все обитатели полей и лесов, желая насладиться едой,
Укрылись в своих норах, гнездах, весело запели.
Хотя они по-разному гомонили

15 Но все же [пели] в унисон с очарованьем этой ночи.

Царь восседал на престоле Фаридуна,
Сердцем следовал вере Джамшида.
Сияние Ширин все еще стояло пред очами,
Освободив их от заботы о светильнике.

Аромат свежей зелени, благоухание цветов

Приносили Ширин весточку от Хосрова:

«Может ли быть ночь прекраснее, чем эта?

Можно ли услышать аромат приятнее, чем этот?

К чему нам созерцать друг друга издали,

20 Если мы лучи? Так увидим же друг друга в лучах!

Если в нас кровь, то почему в тебе она не кипит?

А если кипит, то почему скрываешь от нас?

Что же нам не веселиться, коль погода так чудесна?

Что же нам не печь хлеба, коль печь так горяча?

Ведь не каждый день весна в разгаре,

Ведь не каждый час в сети попадает птица.

Разумно, чтобы насыщенный хлеб был съеден,

А то, чему суждено свершиться, совершилось.

Немало хлеба охотник берет с собою,

25 Но случается, что хлеб достается рыбам и птицам.

Волк рассказал притчу хитроумной лисе:

«Я рыскал в поисках пищи, а она досталась тебе».

Эти мысли достигали луноликой

Что, как луна, стала отклоняться с пути.

Но все-таки ей удалось заковать в цепи дива страсти,

Сам ангел призвал ее следовать данной клятве.

Уже был воздвигнут трон царя царей,

Подле него — вереницы верных друзей и рабов.

Перед троном стоял Шапур для служения,

30 Словно хранитель перед «Принесенным ветром сокровищем».

А напротив восседало солнце идолопоклонников,

Вокруг нее сидели десять гранаторудых.

Ференгиз, Сухейль со станом, как кипарис,

Аджабнуш, Фалакназ, Хумейла,

Хумаюн, Самантурк, Перизад,

Хотан Хатун и радующая сердца Говхармульк.

Они ловко подавали розовую воду, сверкали рубинами,

Их ланиты пламенели, как лалы.

Когда хмель свернул скатерть стыдливости

35 И разум удалился в свое убежище,

Царь повелел, чтобы красавицы

По очереди рассказали по притче.

Сидели обладательницы рубинов губ в шелковых нарядах;

Шелками прикрыв луну, с рубинами, вдетыми в уши.

Взгляд служил им стрелой, брови — луками,

И все были зорки и точно попадали в цель.

Уста каждой из них — словно сахарница,

В их устах лишь имя Ширин притесняло сахар.

Вначале Ференгиз погнала скакуна:

40 «В земле когда-то судьбой был припрятан клад,

Некий Ферудин знал о тайне судьбы;

Раскопал землю и забрал этот клад».

Затем серебротелая Сухейль сказала: «Фазан

Под кипарисом беспечно играл.

Внезапно прилетел сокол под вечер,

И нежный фазан сделался его добычей».

Ей в ответ сладостная Аджабнуш сказала:

«В саду расцвела благоуханная роза.

Райская птица залетела в этот сад,

45 Схватила розу в клюв и улетела».

Притча Фалакназ была находчивей:

«У нас от природы один глаз был зрячим.

Затем нам был дарован второй глаз,

Два глаза видят свет лучше, чем один».

Хумейла воскликнула: «Прозрачная вода

Журча бежала ручьем меж зеленых трав.

Томимый жаждой юный лев внезапно

Появился и утолил жажду прохладной водой».

Хумаюн не отстала от других: «Был в россыпи лал,

50 Уцелевший от грабежа перекупщиков.

И вот появилась царская судьба, чтобы похитить лал,

И этот лал стал украшением его венца.

Жасминогрудая Самантурк сказала: «Однажды

Из морской раковины изошла жемчужина,

Озаряющая ночь. Рок предназначил ей сиять у шаха
На шее, рядом с таким же яхонтом».

Периликая Перизад сказала: «Луноликая
Забавлялась охотой в зеленой степи.

55 И вот появилось в небесной лазури солнце
И поймало ту луну с помощью крюка.

Смышленная Хотан Хатун так начала:
«Топольк одиноко рос, весь в шелковых нарядах,
И вот рядом внезапно вырос горделивый кипарис,
А ведь приятно взору, когда топольк и кипарис
растут рядом».

Тогда пленительница сердец Говхармульк сказала:
«Ведь когда-то и Зухра была одинокой,
И вот судьба развязала руки счастью
Предопределила сближение Венеры с Юпитером».

60 Когда настал черед Шапура,
Он обновил любовью звучанье слов:

«Ширин была медом в чаше,
А шаханшах — маслом для смешения с этим медом.
Мое искусство — смешивать краски, и поэтому я думаю,
Что в их халве я — лишь прелестный шафран».

Затем он воскликнул на языке пехлеви:
«Хвала создателю вселенной, сотворившему вас обоим!
Вы оба — светлые лучи для этого мира,
Не разлучаться вам никогда не порвать узы!»

65 Когда слова привели в движение уста Ширин,
Воздух сделался мускусным, степь наполнилась сахаром.

Она, застенчиво склоняясь, говорила:
«Сердце было без любви, я без возлюбленного.

Появился Шапур, чтобы помочь делу,
Своей вестью рассек он мое сердце на части.
Хотя веление любви — предначертание,
Все это Шапур начертал.

Конец моей нити устремлен к этим узорам,
Меня бросило в краску, и мой лик стал как алый шелк.
Раз мне суждено брать вино и сласти из рук царя,
70 Мне раб не только Кей-Хосров, но и сам Панах-Хосров.

Тень шаха да вознесет мою главу до небес!
Слугой его пусть будет судьба, счастье — проводником».

Когда настал черед Хосрову, он сказал: «Как-то раз
Черный лев прогуливался по лугу.

Ему путь праградила на этом лугу лань,
Она накинула на шею льва тугой аркан.

Вот я тот лев, а Ширин — лань,
Ее косы обвились вокруг моей шеи цепью.

75 Коль Ширин не сжалится надо мной,
Я угасну, как свеча от ветра.

Коль яростный лев набросится на меня,
И Ширин будет со мною, я тут же одолею льва».
Влюбленные были смышленные, возлюбленные — догадливы,
Каждой притче они рукоплескали.

Сердце любимой как скрижаль, покрытая прахом,
Проведешь рукою — тут же станет чистым.

Вновь закипела страсть к Ширин,
Сердце смягчилось по отношению к Хосрову.

80 Она наполнила чашу, и губы заалели,
Протянула чашу Хосрову: «На! Испей!

Пей эту сладкую чашу. Да доставит она тебе наслаждение!
Да будут в забвении все, кроме Ширин!»
С каждым миготом царь расцветал, как роза,
От слов этой неперосверленной жемчужины.
То молвил: «О чаша, уже ночь на исходе, торопись!
Ты плачь горько (от горького вина), дабы Ширин сладко
смеялась».

То молвил» «О утро! Нет, ты не скаль зубы,
Не позволяй смеяться надо мною заре».

85 В ту ночь руками кумиров, озарявших мир,
Небесная сфера играла в перстенок.

Настало утро, и царь не выиграл кольца,
[А] небо распорядилось убрать перстень прочь, ведь
петух прокричал.

Красавицы, получив свою долю наслаждений,
Покинули степь и помчались в город.

Они вкусили целый мир радости, а печали — ни крупницы,
И радость в мире не уменьшилась ни на иоту.

Когда сосуд солнца вновь разбился о камень,
И мир для обитателей стал, как сосуд, тесен,

90 Они вновь взяли в руки сосуды вина,
Влили в горло вино, словно сами были сосудами.

ХОСРОВ ОБИЖАЕТСЯ НА ШИРИН
И УЕЗЖАЕТ В РУМ

В одну прекрасную весеннюю ночь
Блеснул лик счастья, судьба поспешила на помощь.
Ночь была светла, как день, от сияния луны,
Ведь светоч-луна подняла свою чашу.
При лунном сиянии, светлее полуденного солнца,
Они осушали чаши в тени ивы.
Пересвисты птиц и восклицания кравчего: «Пейте!»
От сердец удаляли печаль разлуки.
Луна ручью вверяла свои тайны,
5 Ветерок разносил их по сторонам, толкуя на свой лад.

Виюду кипарисоподобные торопились, суетились,
Всюду, словно весенние цветы, благоухали.
Одна вместо кубка держала в руках бубен,
Другая держала в руках кувшин с розовой водой.
Когда чаша совершила не один круг,
Головы отяжелели после предыдущей бессонной ночи.
Пирующие устали от долгого сидения,
Попросили разрешения удалиться.
Хмель лишил уже сил виночерпиев,
10 И певцов уже клонило ко сну.

Пиршество продолжалось без соглядатаев,
Оно было подобно розе без шипов.
Шах сошел с пути терпения,
Решил сузить кольцо вокруг дичи желанья.
Он протянул руку и стал перстами [ласкать]
Косы красавицы, забыв про все заботы.
Он поцеловал ее в уста и сказал: «Я твой раб,
Насыпь зерна, птица сама прилетела к тенетам.
Не жалею о том, что минуло.
15 Новый день настал, с ним и новое счастье.

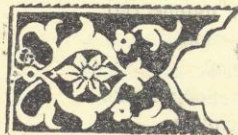
Я да ты, кроме нас тут никого нет,
Избегать друг друга? А чего тут страшиться?
Будь со мною, чье сердце испепелено!

Коль ты судьбою мне дана, будь ты ныне ею.
Все эта [наше общение] как плодовое дерево, лишенное
плодов,

Доколе мне надеяться, а теб не плодоносить?
Если мост воздвигнут даже из отборного лазурита,
Но под ним не течет вода, считай, что он бесполезен.
Собака мясника рядом с зарезанной овцой, —
20 Ей хочется отведать печень, но она ест свою печень.
Немало мускусных (темных) туч сгущается
Над пашней крестьянина, и все же пашня высыхает без влаги.
И много солончаков, кажущихся прохладными реками,
Манят жаждущих и заполняют их рты прахом.
Для чего, наполнив чашу ядом,
Называть ее сладкой чашей Ширин?
Стоит ли упускать из рук молодую жемчужину,
Ее легче сверлить, пока она молода.
Ягненка следует съедать, пока он молочный,
25 А подрастет — его непременно задержат волк.

Стоит голубке научиться летать,
Выпорхнет из рук царя и попадет в когти сокола.
Не будь яростной львицей со мною,
Есть у меня руки, которые свалят льва.
Хоть и длинная шея у горной газели,
Но аркан сноровки длинней.
Да, степная серна быстронога,
Но царские борзые не уступают ей в быстроте.
Твои кудри и родинка безмерно хороши,
30 Так уплати подать в пользу бедных.

Ты — как купец, у тебя горы сахара,
Что случится, если ты хотя бы приоткроешь сахарницу?
Если нашелся покупатель твоего индиго,
Выложи товар, будь ты даже посреди Нила.

ОТВЕТ ШИРИН

Сахароустая нежно заговорила,
Дала ответ, слаще сахара:

- «Не будет благостным, если я, прах,
Воссяду на одном троне с таким царем.
Не такая уж я смелая всадница,
Чтобы состязаться с охотником на львов.
И мой мул не так проворен,
Чтобы попевать за царским скакуном.
Я уклоняюсь не так уж бесосновательно —
5 Ведь вредно есть сахар, когда у тебя жар.

- Остыть бы немного нам с шахом,
И тогда пусть шаху и мне достанется сладость любви.
После этих слов на рубине заблестели жемчужины,
Змеями она обернулась от изумруда.
Разум ей твердил, что надо соблюсти гордость,
А сердце, о боже, непонятно куда ее толкало.
Лик ее пылал, казался решительным, как шип,
Прелестен и шип, когда рядом алеет роза.
Каждый волос был у нее вздыблен, как у разъяренного
льва,
10 Но сердце ее было мягко, как горностаев мех.

- Лук ее бровей натянут, напряжен,
И свой взгляд, как стрелу, она посылала к цели.
И пусть копья ее взоров были готовы к бою
И угрожали войной, но эти угрозы полны были желанием
перемирия.
С прелестной улыбкой уста говорили: «Не делай больно!»
Но в каждом «не делай» звучало стократ: «делай!»
Хотя ее уста прикрывало покрывало,
В то же время она приоткрывала свое ушко.
С одной стороны она тесно сомкнула колечко рта,
15 А с другой — кольцо покорности вдела в ухо.

- Если один глаз выражал кокетство,
То другой в это время упрекал.
Откинет голову назад — косы украшают пиршество,
Отвернет она лик — шея попросит извинения.
Увидев, что Хосров тверд в своем желании,
Поняла что ее целомудрие вот-вот будет посравнено.
Желая убежать, она явила шаху блеск спины,
Однако это означало то же, что белой серой гасить огонь.
Этим, быть может, она говорила:
20 «Лик шаха — единственная порука мне!»

- Нет, я ошибся, она показала трон из слоновой кости,
Напомнив шаху, что ей нужны трон и венец.
А может быть, у нее был еще один расчет:
«Моя спина, как мой лик, михраб для влюбленного».
И еще: «Коль одна сторона скрылась от тебя,
Прельстись другой, она, как видишь, светлее».
Да, кокетство красавиц восхитительно!
Они прогонят влюбленных с глаз и глазами же ищут их.
Одним глазом хмуρο приказывают «Уходи!»
25 А других подбадряют: «Погоди!»

Дороже ста жизней благосклонность красавиц,
Которые, говоря: «Не хочу», стократно утверждают:
«Хочу!»

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

- Когда Хосров увидел, что луноликая
Не склонна залечить его рану,
Он дерзнул вымолвить: «О утешительница сердец!
Доколе упрекать меня! Успокойся!
Ты пила вино и мне давала пить,
Так почему мне быть пьяным, а тебе быть трезвой?
Ты опьянена и не пытайся казаться трезвой при мне,
Ведь ты обладаешь сердцем, воистину это так!
Если решила утаить тайну, то какой в этом прок?»
5 Сокол страсти давно поймал куропатку.
- А если хочешь утаить тайну в своем сердце,
Наберись терпенья — с сердцем ты должна вступить
в боренье.
А если не в силах бороться, то возвести о своем бегстве.
Выйди из ямы страстей, разбей свой шатер на Капелле.
От любовного торга, что ведется заостренным мечом,
Заносчивым лучше спастись бегством.
Ты ведь знаешь: когда играют мечами,
Заносчивость приводит к лишению головы.
Коль твое сердце неблагоприятно ко мне,
10 Вели ему быть притворно ласковым со мной.

Пусть оно зовет меня другом, хоть и не любит меня,
Мне это принесет радость, ему тоже не будет грустно.
Шутя, было высказано немало добрых предсказаний,
Они нередко сбывались, когда исчезала несчастливая звезда.
Как хорошо предсказал тот кладезь мудрости,
Что рек: предсказывайте себе лучшее, коль можете.
Если в мыслях одно злое, тебя ждет злой удел,
Предскажешь доброе — добро подстережет тебя.
Мне достаточно целовать твои рубиновые губы,
15 Дозволь мне и теперь целовать тебя.

А если угодно приказать, чтобы я вовсе умолк.
Прикажи, но не так горячо, иначе сгорю.
Только боюсь, что завтра, раскаявшись, будешь раздирать
лик,

Оттого, что твой возлюбленный (я) будет убит.
И кровь моя грехом прольется на твой подол,
А ведь кровь влюбленных даром не льется.
Допустим, ты не благоволишь ко мне,
Но не склонна ты и к играм в поцелуй.
У меня не хватает смелости целовать твои губы,
20 Что мне целовать? Подол твой или порог?

Я не говорю, чтобы ты давала мне поцелуй про запас,
Разве ты подставила губы влюбленному ради забавы?
Дай мне один поцелуй, взамен получишь десять.
Взгляни: какая выгодная сделка!
Ты богата сахаром, его у тебя сотни харваров,
Ну к чему спорить со мною из-за куска сахара?
Если разрешишь — разрешат и тебе,
Если всего лишешь — будешь лишена и ты.
Если водонос заберет много воды из источника,
25 Воды в нем и прибудет много.

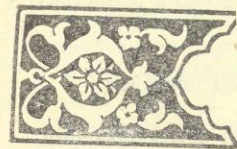
Я заключу тебя в объятия, как туча — влагу,
Ты мне душа, могу ли я с душой сражаться?
Твоя коса — дерзостный индеец-вор —
Среди бела дня начисто обокрал меня.
Коль не схвачу я твоего индийца,
То сочту себя непокорным закону индийцем.
Пусть вор с сотней топоров нападет на тебя,
Накричишь на него — он тут же испугается.
Не отрубают ведь руку индийцу-вору,
30 Он, хотя и вор, но не лишен отваги.

Ты аркан кос накинь мне на шею,
Будь довольна нынче и тощей дичью.
Ты покупаешь сердца, я продам и душу,
Ты будь кравчим, я жажду вина.
В ночь свидания мои губы смеются,
Светильнику дружбы я не дам угаснуть.
Кольцо рабства пусть повиснет в моем ухе,
Ты покупай раба, я готов продаться.
Вести счет лобзаниям — это мое дело,
35 Ты дай лобзания, дай! Я смогу их сосчитать.

Приди, чтобы вместе вступить в двери счастья,
Судьба благосклонна к нам, так будем и мы друг к другу
благосклонны.

Пока сегодня ночью мы дышим, живем.
Никто не знает, каков завтрашний день.
Есть у нас сегодняшняя ночь,
Стоит ли нам рассчитывать на одолжение грядущего дня?
Не играй завитками своих локонов,
Играй мною этой ночью, смилуйся надо мною.
Я сердцем изнемог, исцели меня,
40 Пусть твои объятия явятся оплотом для моей души!

О источник жизни, ты дороже жизни!
Тебя подобает заключить в объятия, словно душу.
Покрою поцелуями и уста твои, и ноги,
Ты — сахар, сладостна с ног, до головы.
Ты вся состоишь из одной сладости,
Ведь не зря тебя нарекли Ширин.
В такой радостный день лучше отгони печаль,
Не будешь сладостной, я не назоу тебя Ширин».

ШИРИН СНОВА ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Сахароустая ответила: «Ты изменяешь уговору:
Надо бы раскаиваться. Не будь беспощадным!
Ведь не подобает царю нарушать слово,
Худое деяние порицаемо в мире.

Ты не ищи ручья, что умчит мою честь,
Не требуй исполнения своего желания, не дождешься.
Ты стремишься постичь желания, не думая о моем желании,
Ты превратился в пламень, но и я стану рутой, сгорю.
Я и без любви сердцем была ласкова,
5 Пришла любовь, могу ли я стать холодной?!

Если же мне следовать велению страсти,
То я ежеминутно буду доставлять тебе наслаждение.
Однако невозможно играть в нарды с самим собой,
Также невозможно и вечно предаваться наслаждению.
Полмира дано нам для наслаждения,
Другая же половина для того, чтобы заботиться о добром
имени.

К чему нам идти на поводу страсти
И двух прославленных покрыть бесславием?!
Лучше проявить друг перед другом стыд,
10 Поверь, это лучший способ почитать творца.

Победить женщину — это не проявление мужества,
Ты усмири свой пыл, вот это будет мужество.
Кто одержит победу над собою, тот возвысится,
Коль победил себя, — победоноснее того нет.
Я сродни дереву с сочными, сладкими плодами,
Во мне — вкусная халва и сладкий шербет.
Сначала довольствуйся одним шербетом,
Потом и халва достанется тебе, не торопись!
Сначала шербет, и не думай пока о халве,
15 Ибо сначала пьют шербет, затем вкушают халву.

Сахар нынче у нас в устах,
Так зачем же протягивать ладонь за сладстью к Хузистану?
Так приятна студеная вода,
Пока она утоляет жажду.
А если вода покроет нас с головой — мы погибнем,
Будь она даже живой водой.
Если мое сердце не стремится к такому возлюбленному,
как ты,
То его и сердцем назвать нельзя, раз оно отказывается
от души.

Однако больной лихорадкой, вкусив халву,
20 Обречет себя на многолетние страдания».

Когда царь понял, что Ширин пуглива,
Что язык ее остер, как копьё, сама же она кротка,
Умоляюще сказал: «О озаряющая мир луна!
Упрек красавиц, кокетство я готов терпеть,
Но достойно ли одобрения то,
Что не освободит руки, а свяжет их?!
Я проделал большие расстояния, чтобы обрести тебя,
Обретя тебя, я возвысился бы над миром.
Теперь же я вижу, твой локон меня опутал,
5 Ты рядом со мною, но меня со мною нет.

Ведь я вовсе не прошу, чтобы ты нарушила клятву,
Ты несколькими поцелуями верни меня самому себе.
Ты успокой своего пленника хоть обещанием,
Считай, что обещание даешь усопишему рабу.
Розами свидания наполни мои объятия,
Ведь знаешь, что я окружен одними шипами.
Быть может, от этих роз и я запахну розой,
Возрадуюсь хотя бы аромату от твоего цветника.
Ты опьянена, в моих руках твой локон,
10 Если душа моя радуется, это понятно.

Как не радоваться — я пью вино с тобой?
Я вижу тебя — ка сердцу не ликовать?
Ты со мною — и пояс мой становится золотым,
Я смеюсь твоим смехом, и во рту сладостно.
Если избавишься от меня, как змея от камушка,
Я буду без розы, ты — без шипа.
Из-за меня болит у тебя голова, и ты хочешь избавиться
от недуга,

Но знай: ты покончишь с болью, а я с головой.
Бери мое сердце, нет лучше тебя подруги,
15 Лишь тебе вручаю я свое сердце.

Если мой облик не радует тебя,
Есть еще сердце у меня, хотя оно омрачено.

Если мои очи захотят найти тебе замену,
Пусть они будут посрамлены в чужих глазах.
А если душа моя отвернется от тебя,
Пусть она лишь во сне увидит свадебный пир!
Отныне, если возобновятся упреки между нами,
Миротворным посредником пусть будет твой локон». —
Так говорил шах и сказал немало приятных слов,
20 Взяв в руки локон подруги, он уснул.

Как только небо взяло кусок яхонта
И обагрило землю пурпурным вином,
Царь вскочил и вновь взялся за чашу —
От вчерашнего вина голова была хмельна.
Все та же страсть хватала его за подол,
Все тот же пламень лизал его гумно.
Огонь страсти бушевал, обжигал,
Все ближе подбирался к сухой траве.
Он крепко обнял гранатогрудую,
25 Будто на трон натягивали шелк.

Ширин долго билась, наконец, с силой
Кое-как высвободилась из лап льва.
Она поняла, что царь распалился.
«Не будь, — молвила, — таким горячим!
К чему горячиться, безумствовать?
Мне ли стать бесстыдной в твоих глазах?!
Если хозяин будет ворчать,
30 Слуга надерзит ему непременно.

Доколе уговаривать своих слуг,
Слуг надо либо наказывать, либо заставлять молчать.
Если конь царя начал хромать,
Трудно будет достичь желаемого.
Когда минет последний день твоих невзгод,
Счастье само ворвется в твою дверь.
Можно ли обнаружить следы трезвости в пьянице,
У которого в руках чаша, а на ногах — колодки?
Ты обрети свое царство, а я [останусь] здесь,
35 Ты верни власть, и я — в твоих руках.

Я не желаю снять без власти,
Власть и я должны быть вместе.
Стремись к власти, я готова влить в тебя жизнь,

Я ведь не враг тебе, потому не страшусь твоей власти.
Откроешь врата власти, веселись,
Гони прочь печали, ты рожден под счастливой звездой.
Вначале ты получи власть, а желание сердца — потом,
В покое обретишь сокровище, которого жаждешь.
Лишь терпение даст достичь желанья,
40 Будь спокойным — обретишь ту, что дарует покой сердцам.

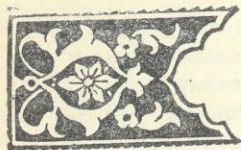
Сперва язык — затем дар речи, сначала очи — потом свет,
Сначала лоза — потом уж сок из винограда.
У разумного не сладится дело в яростном жару,
Ты ведь знаешь, бегая, коза не разжиреет.
Нет, не должна я исполнять прихоти шаха,
Пока он принужден скитаться.
Ежели я соглашусь быть с тобою,
То, став твоей подругой, отвлеку тебя от дела.
Верни себе свое царство,
45 Будет царство с тобой, и я буду с тобой.

А если предпочитаешь веселиться со мной,
Боюсь, что упустишь из рук законное царство.
Если хочешь вновь оказаться у власти.
Ты должен вытерпеть разлуку со мной.
Мир издревле принадлежит твоему роду,
И если он в чужих руках, то это величайшая
несправедливость.
Мир достается тому, кто расторопен,
Завоевание мира не терпит медлительности.
Во всем и всегда, в любом деле
50 Допустимо промедление, но не во владении царством.

Внимательно взглядишь в дела власти;
На пользу ей лишь решительность.
Ты молод, смел, как лев, наделен царством.
Ты создан для державы, увенчан венцом.
Освободи страну от пут смуты,
Покажи мощь своей длани.
С этим индийцем, что отнял у тебя твою ношу,
И по-тюркски захватил твой престол,
Расправься мечом, рассеки его,
55 И развеешь в прах следы колдовства.

Ведь в руках царей, добивающихся своего,
Должен быть и меч, и кубок.

Стоит тебе занести свой меч, как
Стекутся войска к тебе с шести сторон мира.
И небо-судьба препояшется для помощи тебе,
Вместе с тобой забросает камнями вражеский стан.
Или я приложу руку к твоему делу,
Или подниму руки [чтобы] молиться за тебя».

ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И НАПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ

Царь пришел в ярость от этого сильного пламени.
В великом гневе вскочил на Шабдиза.
Он грозно воскликнул: «Уезжаю, доброй ночи тебе!
Не страшны мне море и пылающая пустыня.
Всевышний свидетель: огонь не повернет меня назад,
И в море даже волоска не промочу.
Не думай, что я буду спать впредь,
Нет, с этого мига я говорю сну: «Прощай!»
Я вскопаю землю, как боевой слон,
И чучело брошу под ноги слону.

5 Превращусь я в слона, головой не коснусь изголовья,
Но не в слона, слепленного из глины.
По глупости я вывел осла на крышу,
Теперь с умом постараюсь спустить его на землю.
Кувшин, который я сделал своими руками,
Сумею бросить на землю и разбить.
Меня ли обучать сверканию огней в очах,
Меня теперь следует учить гореть на огне разлуки.
10 То угрожаешь мне неисполнением желаний,
То учишь мужественно переносить невзгоды.

Моя любовь к тебе лишила меня венца.
А ведь она многих лишает даже головы.
Коль не была бы моя голова полна страсти,
Разве осталась бы моя полная страсти голова без венца?!
Ты, как рок, заарканила мою голову и
Выпустила лишь тогда, когда я стал твоим пленником.
Сначала ты допьяна поила меня вином,
Затем, опьяненному, связала мне ноги.

15 Только я опьянел, ты велишь: «Поднимайся,
Бросайся на трезвого врага».

Да, я встану и наброшусь на врага,
Но дай сначала вырваться из колодца страсти.
Я решил немедля пуститься в путь,
Идти по следу своего дела.
Отныне я не забуду твоих наставлений,
Отныне я пойду на все, что меня ждет.
Ты объяснила мне мое положение,
Ты разъяснила мне суть благого и злого,
Прежде счастливой была судьба,
20 Был у меня венец, был и трон.

Ты меня заставила бродить по миру,
Ты превратила меня в несчастного и беспомощного.
Тоска по тебе, пришив к седлу, привела меня сюда,
Иначе какой вихрь мог занести меня в этой край?
Да, было время, когда дни со мною тебе были по душе.
Твои речи были слаще сахара.
А теперь ты удаляешь меня от любви,
Я должен оставить тебя, ведь такова твоя воля!
Нет, я знал, что мне предстоит уйти,
25 Ведь не собирался я злоупотреблять гостеприимством.

Я оставался, пока ты потчевала меня,
Уеду, коль хлеб на дорогу положила в суму».
Закончив речь, он вскочил на гилянского коня
И повел войско путем, что лежал через Гильгун.
Сердце его сжималось от обиды на Ширин,
И он спешил скорее достичь пределов Рума.
От страха быть захваченным врагами,
Он отказался от венца, заменив его шлемом.
Остерегаясь стражей Бахрама,
30 Он скакал без усталости, не зная покоя.

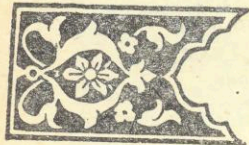
Под ним четырехкрылый орел,
С ним его меч, словно дракон.
Он погнал коня до монастыря, где монахи
Когда-то поведали ему тайны движения звезд.
Вновь прибыл шах в тот монастырь,
Где дивился мудрости постижения тайн.
Мудрости, что озарила лик счастья,
Пред ним открылись пути прорицания.

35 Оттуда он направился к берегам моря,
Миля за милей он скакал, сменяя коней.

Оттуда вновь помчал коня
Прямо в Константинополь к румскому кесарю.
Великой удачей счел для Рума
Правитель Рума, когда узнал о прибывшем.
В этом он увидел собственное счастье,
Встретил его при помощи счастливой судьбы.
Кесарь знал, что сама судьба стучится в двери,
Вручил гостю и трон, и венец.
40 Оставаясь в Иисусовой вере, он возрадовался гостю,
Да так, что выдал за него свою дочь Мариам.

Владыки в день царственной свадьбы.
О многом говорили меж собой.
О дивной невесте, о счастливом царе,
О том, какой ответ дал шах румийцам.
О том, как он вместе с Ниатусом повел войско,
Фланги которого были построены красиво, как хвост
павлина.

Я не стану продолжать, ведь другой рассказчик уже поведал.
Я бодрствую, а тот, кто шел этим же путем, — уже уснул.
Если я вздумаю сбить цену другому,
45 Другой поэт захочет сбить мне цену.

СРАЖЕНИЕ ХОСРОВА С БАХРАМОМ И БЕГСТВО БАХРАМА

Шах некоторое время предавался там веселью,
Затем попросил обещанную рать.
Кесарь предоставил ему бесчисленные войска,
При помощи злата придал его делу золотой блеск.
Вокруг Хосрова собралось столько войск,
Будто сами горы пришли в движение.
Войска в доспехах двигались, словно железные горы,
Казалось сама земля передвигалась.
Сорок-пятьдесят тысяч опытных мужей
5 Он отобрал из числа могучих витязей.

Он выступил ночью, двинулся на Бахрама,
Кольчуга стала его одеждою, шлем — чашей.
Узнал об этом Бахрам-миродержец,
Прибыл на поле боя, как лев на охоту.
Однако, если судьба хитрит, как старая лиса,
То какая польза быть львом или миродержцем.
Войска с двух сторон бросились друг на друга
С обнаженными мечами — в середине и по крылам.
10 Свист летящих стрел и лязг булатных мечей
Истерзали бы мозг слона и желчь льва.

Гром литавр достигал даже слуха мертвецов,
Сама жизнь утрачивала свой разум.
Кони были подкованы золотыми подковами,
Красные пятна крови были, как лапы на пополах.
Ржание скакунов, чьи груди колыхались огнем,
Словно ртуть, проникало в земное ухо.
Всадники сверкали мечами, как молниями,
Казалось, львы оскаливали клыки.
Смерть подстерегала всюду жизнь,
15 Судный день показался бы сейчас забавой:

Дротики вонзались острием в грудь,
Казалось, началось светопреставление.
Из голов павших торчали копыя, напоминая частый лес,
Преграждая путь мысли о бегстве.
В таком лесу онагр не смог бы спастись от льва,
И сам лев не смог бы спастись от клинков.
Стрелы проникали сквозь кольчуги,
Словно ветер проникал меж лепестками розы.
На орлиных перьях стрел
20 Начертано было указание коршунам, где найти падаль.

Кольчугорезы своими отравленными лезвиями
Тут же усыпляли на поле боя кольчугоносцев.
Волны пролитой крови поднимались до Капеллы,
И, проливаясь на землю, намолняли чашечки на **двевках**
знамен.

Рыдая над брошенными копиями,
Ветер распускал и рвал пряди знамен.
В знак траура по обезглавленным полководцам
Земля разрывала ворот, небо — свой подол.
Все сражающиеся были перевязаны —
25 Одни опоясаны мечом, у других перевязаны раны.

В этой битве, напомилавшей битву тюрков.
Вой наев смешивался с ревом тюркских труб.
Багряные шелка знамен, раскрывшись,
Напоминали бушующее пламя в горящих тростниковых
зарослях.

30 Клинков, спешащих пролить алую кровь,
Было больше, чем камней в пустыне.
В шлемы летело столько стрел,
Сколько [бывает] листьев во время листопада.
Трон царя был водружен на спину слона,
Вокруг него — ограда из обнаженных клинков.

Бузург-Умид стоял перед яростным слоном,
И с помощью астрологии определял желанный час:
Он дознавался мгновения,
Когда рынок врага придет в запустение.
Когда наступил желанный миг, он воскликнул: «Спешите!
Судьба благосклонна! Не упускайте мгновения!
Коль ты крепко стоишь на доске мести,
Выдвинь слона, ферзем объяви мат, и ты выиграл!»
35 Царь устремил слона вперед
Прямо на Бахрама — словно взбурлив Нил.

Он ударил его своей булавой, называвшейся «слоновой
ногой»,
И поверг слоноподобного под ноги своего слона.
Сжигающий мир враг был сломлен,
Хосров одержал победу, благодаря благосклонной к нему
судьбе.

Всюду текли реки крови,
Уносившие отрубленные головы, словно мячи.
Арки румийцев закручивались, как волосы негра,
Напоминая узлами длинные цепи.
Всем, кого они (румийцы) видели на ногах,
40 Индийским булатным мечом срезали головы, как локоны
индийцев.

У сторонников Бахрама распухла голова,
Как у страдающего от головной боли при виде света.
Из массы воинов Бахрама никто не спасся,
Кроме самого Бахрама и нескольких раненых.
Львиной храбрости и мощи лишился
Рок Бахрама, как царя Бахрама Гура.

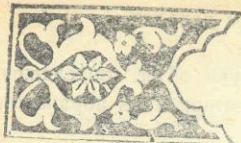
Тот, кто преисполнен самомнения и всем доволен,
Непременно подвергнется сглазу.
Я не встречал человека, который будучи объят тщеславием,
не потерпел бы поражения.

45 Надо, чтобы человек сам себя сглазил.

Ведь когда Бахрам отвернулся от Хосрова,
Его постигла судьба, которая порадовала его же врагов.
Мир сжег не одно гумно, подобное этому,
Волшебника не стоит учить волшебству.
Он всем кипарисам дал стройный стан,
Но скорбью согнул их в нужное время.
Была ли возвращена им хоть одна роза,
Которая не поблекла бы в конце концов?
Нельзя все время лакомиться сладостями,
50 Порою мы пьем чистое вино, порою — осадок вина.

Для радости и печали расчищают разные места,
Здесь бьют о землю ногами, там — головой.
Тут возносятся звуки саза музыканта,
А там вздымаются вопли плакальщика.
Но любой звук — будь то звук радости или печали —
Звучит под этим куполом лишь один миг.
Слишком жарко горнило всеядной вселенной,
В нем все сгорает — и колючки, и розы.
Мир скачет на черно-белом скакуне,
55 И наш удел — получать удары его копыт.

Рок несется на голубом скакуне,
Разуму лучше устраниваться с его пути.
Нельзя рассчитывать на постоянство кого-либо,
Мир ни с кем еще не поладил.
Рок был разгневан на Бахрама Чубине,
Оттого он оставил Хосрову трон и меч.
Бахрам с хмурым лицом отправился в Чин,
На его челе было начертано: «Когда достигнет тебя рок!»
Ну что ж! Много подобных ему подвергаются страданиям,
60 Много таких забав под сим куполом.

**ВОСШЕСТВИЕ ХОСРОВА
НА ПРЕСТОЛ В МЕДАИНЕ
ВО ВТОРОЙ РАЗ**

Когда луна вошла в созвездие Рыбы,
Луна Парвиза вошла в созвездие царства.
Венера с созвездием Тельца, Юпитер с созвездием Рака
Выстроились в счастливые треугольник и шестиугольник.
Из созвездия Овна глядело Солнце,
Озаряя Сатурн в созвездии Водолея.
А Меркурий, находясь на первой линии Близнецов,
Глядел в сторону Марса — победителя львов.
Хвост планеты чашей объял планету Марс,
5 Око-чаша Сатурна находилась у ее [кометы] головы.

При таком удачном расположении звезд
Царь благополучно взошел на бирюзовый престол.
От полуденных стран до тех, что вечно во мраке,
С Запада до Востока всюду прославилось его царство.
Дела в странах соответствовали его желанию,
С каждым днем его власть укреплялась.
Трон свой возвысил он от земли до Плеяд,
На этом троне алмазов — целый корабль, жемчугов —
целое море.

10 Он украсил трон сверкающими драгоценными камнями,
Так что трон его сиял ярче луны в темную ночь.

Он восседал на благословенном троне, как молодой лев,
Отважные войны восклицали: «Будь благословенным!»
Его царственная печать осветила мир,
И он воздал хвалу своему создателю.
Сиял его величественный лик —
В Хорасане взошло еще одно солнце.
Возгласы радости и ликования
Долетали от Мерва-Шахиджана до Балха-Бамнана.
И вот, когда он своей особой осчастливил трон и венец,
15 За него принялись ресницы Ширин.

Он не мог изгнать из сердца печаль,
Не мог призвать к себе ту, что разогнала бы печаль.

Он держал Мариам во дворце потому, что
Ею был вознесен его трон туда, куда вознесся Иисус.
Хотя и был он царем, обладал сокровищами,
Он страдал от разлуки с возлюбленной.
Не скажу, что он избегал веселья,
Нет, он веселился, но равнодушно.
Он тянулся к молодому вину
20 И наполнял чашу горькими слезами.

Он спрашивал: «О сердце, чего ты жаждешь
От мира — любви или власти?
Но любовь и власть не могут ужиться вместе,
Из них двоих можно обладать лишь чем-то одним.
Как уместны слова львов, обращенные к тиграм:
«Ослице так же трудно родить, как и пройти дорогу в
Зенджан».
Ныне у меня власть, о если бы еще и она [любовь] была
при мне,

Царство стало б милей моему сердцу.
Моя бдительная судьба хоть и оказалась счастливой,
25 Но за один волосок подруги я отдал бы сотню царств,
подобных Хотанскому.

Однажды я уснул в саду рядом с милой,
И моя счастливая судьба стерегла мое изголовье.
Но моя счастливая судьба уснула, а я пробудился
И не нашел возле себя ни подруги, ни своего сердца.
Где те бесконечные пиры радости,
Когда я обитал в райском саду любви?
Где времена, когда я сидел с луноликами,
Когда я заключал в объятия периликую властительницу?
Где нынче Ширин и ее сладостные речи,
30 Наслаждение от которых подобно живой воде?

Где утехи, где бессонная потничная пора,
Когда рассказывавшие притчи не смолкали до утра?
Где сахароносные свежие розовые лепестки,
С которых я вкушал неиссякаемый сахар?
Где времена, когда со мной была та неприступная красавица,
Которой мои руки служили золотым поясом,
Когда, как две розы, мы склонялись друг к другу,
Когда гиацинты волос сплетались друг с другом?

Иногда ее опьяневшие очи отрезвляли меня,
35 Иногда я тайно обнимал свою подругу.

Иногда мы пили вино, алое, как кровь злодея,
Иногда я склонял голову к изголовью той луны.
Мечтой ли были слова, что говорил и слышал,
Или снились они мне?

Мне говорят: «Будь радостным, как солнце,
Ибо скорби нечего делать на престоле Джамшида».
Но как же я могу наполнить уста радостным смехом,
Если на них всегда горькая улыбка или холодный вздох?
40 Кого мне кликнуть, кого на помощь позвать:
«О помогите, злой ветер обобрал мой весенний сад».

Мое воображение, безжалостное ко мне,
Весь день, дразня меня, еще более распалает меня.
Врага уж нет — множатся мои богатства.
Но нет подруги — множится моя скорбь.
Я та невезучая пташка,
Которая сменила пух гнезда на шелковый силок.
Я стремлюсь улететь в цветники,
Но, увы, мои ноги закованы золотой цепью.
Да, не могу ни сорвать цепь с ног,

45 Ни подняться с цепью в воздух.

Мне уже не под силу печаль по одному человеку,
Как же мне справиться с заботами о целой стране?!
Мне нужны сто утешителей,
Можно ли мне одному переносить сто горестей?
Я снимаю грузы с голов и перелагаю на свои плечи,
Тем самым я становлюсь посмешищем ослов.
Солнце и луна ярко освещают поверхность земли
Благодаря тому, что они светят вместе.

Мое сердце не на месте, оно лишено света,
50 Оно не может успокоиться, оттого я стражду.

И звезды — эти цветы в горнем синем саду,
Слабы светом — потому что разрознены.
Искорки оттого не обладают мощностью свечи,
Что они рассеяны, а свеча — средоточие искр.
Нет, мое сердце не склонно к венцу и трону,
И не хочу я вступать в борьбу с сердцем.
Для моего несчастного сердца наступила ночь отчаяния,

К моему больному телу вернулась лихорадка.
Мышь никак не могла влезть в норку скорпиона
55 И, глупая, привязала к хвосту метлу.

Негр и так был черным-пречерным,
Заболел, лицо его еще и покраснело».
Шах вскричал в досаде на себя:
«В руках у тебя власть, не медли!
Покуда власть с тобою, счастье благоволит к тебе,
И возлюбленная подаст тебе кубок.
Отказаться от власти не подобает облеченному властью,
Никому не дано перечить власти.
Без власти трудно достичь желанья,
60 Небо не знает слова лучшего, чем «власть»».

Все наслаждения доставит тебе власть,
Есть зерно—птица угодит в силок,
Ты посея зерна пшеницы, они основа жизни,
Другие растения между колосьями уродятся.
Власть озаряет светом удачи все задуманное,
Пусть безвластье умчится от нас прочь!»
Долго беседовал царь так вот с сердцем.
Когда приходит любовь, нет ни терпения, ни сердца.
Да, терпел он печаль долгой разлуки,
65 И вот лишь терпение указало путь к радости.

СТЕНАНИЯ ШИРИН В РАЗЛУКЕ С ХОСРОВИМ

«Так записал в тетради тот отмерявший слова,
Что немало потрудился чтобы слыть мастером.
Когда Ширин осталась одна после ухода Хосрова,
Сердце ее оказалось в плену, а душа в тисках страсти.
Из влажных миндалей сочились капли розовой воды,
На цветок миндаля полилась розовая вода.
Она упала, как зарезанная овечка,
Упала на землю, трепыхаясь.
Она обессилела, тело лишилось силы,
5 И сердечко ее истаяло, стало с муравьиный глаз.

Ветер развеял все на ее току,
Кровавыми слезами наполнился ее подол.
Как ее растрепанный локон, она была в смятении,
Она билась, как птица, в силках страсти.
От тягостных мыслей в тоске по другу
Вокруг нее было полно жемчугов, вынутых из моря очей.
То она падала, как падают опьяненные,
То в отчаянии всплескивала руками.
Ее сердце было поистине средоточием огня,
10 И хотя вся она была в огне, голова ее дымилась от мыслей.

И она надеялась, что этот дым долетит до края, где
обитало ее сердце,
И заставит того, кому неведомы огонь и дым, вспомнить
о ней.

Из очей падали жемчуга, словно с оборванной нити,
И тут же надевались на нити ресниц
Страсти в ее голове не могли утихнуть,
Так были взбудоражены, очи, что пылали, как факелы.
Уста иссохли, губы не шептали слов,
Сидела она у ручья, что вытекал из очей.
Ее стройный кипарис трепетал, как ивовый лист на ветру,
15 Дешевым стал нынче мускус, за бесценнок продают нежный
мех.

Вот она лежит во прахе, печальная,
Мускусные кудри пропитывают прах мускусом.
Ногтями, что сродни лепесткам шиповника,
Она терзала лепестки ланит.
То из миндальных очей струилась влага на сахарные уста,
То устами, подобными уннаби, она грызла миндаль
ноготков.

То, как мяч, кидалась из стороны в сторону,
То на месте скручивалась, как клюшка-човган.
Она орошала солеными слезами бессонные очи-нарциссы,
20 Эти же нарциссы увлажняли щеки-тюльпаны.

Была она стройна, как кипарис, светилась, как светящаяся
башня,
А теперь таяла, как камфара на воде.
Была храмом, сияющим при луне,
Теперь же этот храм распался, как пролитая ртуть.
Сердце изнывало от ночных атак печали,

Стан войск ее сердца был разорен, побежден.
Засидевшиеся в засаде воины печали вскочили
И разгромили стражей сил и терпения.
От сердцевины печени до самой груди —
25 Все было разграблено томлением.

Лишь султану души с трудом удалось спастись,
И то тогда, препоясав свой стан, он сдался в плен.
Она жестоко кляла день, когда ее сердце проявило
беспечность,
При этом она стенала, как стонут по-настоящему
влюбленные.

Ширин говорила року: «О жестокосердый!
Так жестоко ты еще ни с кем не поступал!
Желанного, к которому ты направил мое сердце,
Ты сам привел ко мне и сам же вырвал из моих рук.
Нога твоя внезапно наступила на клад.
30 Но не успела нога заполучить его, как ты спрятал его.

Ты сам распахнул двери весне
И сам же сорвал все весенние цветы, оставив в моем сердце
колочки.

Тебе дали светоч, который ты сама выбрала в этом мире,
Но ты сама же его погасила.
Тебе была предложена живая вода, а ты
Тут же лишилась ее, потому что не выпила.
Из печи тебе досталось лишь пламя,
И это пламя доставило тебе огорчение.
35 Нынче ты в тяжких клубах дыма,
Принесет ли тебе пользу раскаяние?»

Временами благословенный ангел неба — Суруш
Успокаивал ее сердце надеждой обрести желанного.
Временами див страсти уводил ее с верного пути,
И толкал последовать за шахом.
Немало дней она провела в отчаянии,
В конце концов направила ладью в другой край.
Рыдая, встала она с земли,
Однако была униженной, как прах дороги.
Она отправилась во дворец Мехин Бану
40 И поведала Бану о том, как поступил шах.

Бану с состраданием отнеслась к ней,
Она дала ей много полезных советов:

«Будь терпеливой еще немного дней,
Ведь никто навечно не бывает в оковах.
Не следует, подобно розе, стремиться к мимолетному
счастью,

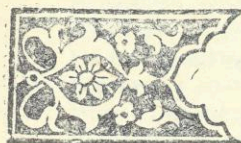
Быстротекущая река быстрее сносит мост.
Надо падать и взлетать, как мяч.
Тот, кто падает, тут же вскакивает на ноги.
Зерно должно разложиться. а потом уже возрасти,
45 И любое дело сначала бывает сложным, потом
упрощается.

Лучше если мечта не сразу сбывается
Кто пьет, торопясь, тот быстрее пьянеет.
Не надо уподобляться всаднику, который торопит коня,
Кто быстро гонит, у того конь быстрее устает.
Осел, что легко бере шестьдесят манов груза.
Не побойтся взять и шестьдесят пять,
Не видишь, когда туча грозна,
Она выплачется громко и небо прояснится.
Сейчас остается терпеливо вынести все трудности,
50 Кто знает, что пошлет тебе грядущий день?

Из-за Хосрова ты пережила немало горестей,
Да, пришлось перенести много унижений.
Тебе не было выгоды от него, ну это и не вредно,
Бояться тут нечего: ведь мясо не съедено.
Настал час терпения, не торопись!
Знай, вода с трудом течет вверх.
Настанет время — та же вода потечет вниз.
Счастье не заставит долго ждать себя.
Тогда тебе станет ясно, где зло и где добро,
55 Когда своим ключом откроешь замок.

Есть шелка, что кажутся красными и желтыми, но
Стоит их смотать, они делаются синими и зелеными.
Немало ларцов мы видим запыленными,
А ведь они содержат в себе бирюзу и яхонты». —
После всех этих слов, что молвила ей Бану,
Нетерпеливый кумир стал терпеливее.
Следом за Бану мудрый Шапур
Привел ей несколько тонких доводов.
Сердце ее было привязано к терпению,
60 Она утешалась воспоминанием о любимом.

Она сносила дни, омраченные печалью,
Без прочного счастья, без сердца в груди.

ЗАВЕЩАНИЕ МЕХИН БАНУ

День и ночь Мехин Бану успокаивала ее,
Чтобы озаряющая ночь луна не оказалась в ущербе.
Однажды она пригласила ее к себе —
Дни Мехин Бану подходили к концу.
Она вручила Ширин ключи от сокровищниц, сказав:
«Бери, старой матери недолго осталось жить».
Она с каждым днем слабела,
Болезнь пошатнула ее здоровье.
Она промучилась несколько дней, страдала,
5 Тело пресытилось душой, душе надоело жить.

Сладкая душа отделилась от мира,
Оставила она жизнь и мир Ширин.
Ее солнце закатилось во мраке,
Поклажу опустила с царского трона на землю.
Таков порядок в мироздании:
Каждой весне в срок приходит конец.
Еще не получали из камня стекла,
Которое не разбилось бы о камень.
О, как жесток сей коварный рок!
10 То он дает нам склянку, то коварно разбивает ее.

Пчела накопила мед,
Но самой не пришлось его съесть.
Не кичись своим телом — в нем гуляют ветры небытия,
Оно — пригоршня пыли, праха.
От этих ветров, срывающих шапку с головы,
Низкие травы более защищены, чем высокие кипарисы.
Не гордись этим жильем, основанным на ветрах,
Ведь его основа непрочна.
Из-за чего ты бьешься в этих стягивающих горло силках?
15 Приманкой здесь служит гнилой орех.

Не дай увлечь себя, подобно зайцу и лисе,
Року, у которого хитрость лисья, а сон заячий.

Много храбрых львов и хищных волков
Беспомощно трепыхались в лапах этого зверя.
Я вгляделся в мир взглядом, умудренным опытом, —
Наслаждение мира сродни чесанию руки.
Почешешь, и сначала руке очень приятно,
А потом, если продолжать, рука горит от боли.
Такова и чаша жизни в этом мире,
20 Сначала пьянит, после головная боль донимает.

Прочь печали, мир не стоит этих печалей!
И не радуйся, ведь мир и этого не стоит.
Если захочешь вкусить все яства мира, —
Бесполезно. Съешь столько, сколько вмещает чрево.
Будь у тебя сто сокровищ, будь одна лишь монета,
На деле тебе достанется от мира столько, сколько тебе
отпущено.
Пока здоровье не подорвано, пока оно на ногах (имеется)
Оно не устанет одолевать трудности.
Однако, когда стойкость покидает дух,
25 То с трудом обретается здоровье.

Уста будут смеяться до тех пор,
Пока твое естество усваивает пищу.
Когда же отчаяние ухватит человека за ухо,
Тогда он забудет пути спасения.
Мир — яд, его нрав слишком крут,
Вкушай понемногу, знай — в этом спасение.
Не будь чревоугодником, подобно могильным червям,
Старайся есть подобно муравьям.
От воздержания в еде никто еще не болел,
30 От обжорства ежедневно погибают сотни.

Не подобает истреблять множество трав
Лишь потому, что твое здоровье нуждается в лекарствах.
Если ты станешь так же мало потреблять хлеба, как мало
потребляешь снадобья,
То твоему естеству никогда не придется иметь дело
со снадобьем.
Все, что не пошло на снадь, радует взор, подобно розе,
А все, что съедено, будь это даже сахар, гниет и
распадается.
Если тебе не нужен мир, зачем же так долго бродить?
Ты все бродишь и поносишь его.

Сердце того свободно от мирских забот,
35 Кто, как я, не нашел в нем приюта.

Нашедший пристанище в этой пустыне
Нуждается в куске хлеба и глотке воды.
Не горюй, о ты, состоящий из горсти праха,
Горевать о прахе? Это уж совсем никуда не годится.
Миру стыдно за того человека,
Который в час расставания с ним впадает в уныние.
Пока дни твои не сочтены, не терзай себя мыслями о
пропитании,
Ибо тот, кто дал тебе жизнь, даст и пропитание.
При всей хитрости и честности, небо
40 День и ночь в движении, на двух хромых клячах едет.

Эти клячи, которых оно выбрало для себя
Следуют одна за другой — оно то на одной, то на другой.
Эта стремнина печали унесла наших отцов,
Коль отцов постигла такая участь, могут ли избежать ее
сыновья?

Если кто-либо прольет кровь этого индийца (мира),
То ему это дозволено, ведь он мстит за своего отца!
Диву даешься, что мы за наследники, —
Изо всех сил лелеем индийца, убившего наших отцов.
Пусти стрелу в хребет этому миру-горбуну —
45 Ведь он убил всех твоих предков одного за другим.

Пока небесный свод туго натягивает тетиву,
Никто из преследуемых им не нагуляет жира.
Коль путь оленю прегражден львом,
Травы под ногами оленя — острые клинки.
Ты решил задержаться в мире, но безопасно ли это для тебя?
Ведь за спиной смерч, а перед тобой зияет яма.
Страшись! Это море, спокойное с виду,
Не забывает поглощать людей.
Можешь ли отыскать зеленый край,
50 Где со временем не торчали бы пни?

Мудрец с горечью воспринимает сей мир, —
Чем сладостнее живешь, тем горше смерть.
Тот, кто в жизни вкушал и скорбь, и горечь,
На смертном одре снимет, как светильник.

Но разумные люди, которых тайны мира (жизни) вверги
в смятение,

Поступают как роза, которая лобзает руки, срезавшие ее.

Вот проповедник говорит:

«Брось мир, как солому, а я подниму его».

А вот подвижник, он в сто человеческих сил вопит:

55 «Скинь одежду!» Сам же надеется надеть ее на себя.

Поскольку в мире нет ничего прочного,

Все земное царство не стоит и рыбьей чешуйки.

Единственный гостинец от этого мира для небытия —

Наша нравственная чистота, чистая сущность.

Всезнающие мудрецы так вот изрекли:

«Хорошее и плохое станет известным в день смерти».

Много женщин прославится, подобно великим мужам,

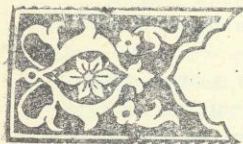
А лица многих мужчин поблекнут от содеянного.

О всевышний! Когда моя нога наткнется на камень

60 И моя ладья нырнет в теснину водоворота,

Ты выведи Низами в спокойные просторы,

Помилуй его и прояви к нему свою благосклонность.

ВОЦАРЕНИЕ ШИРИН

Когда царство перешло к красавице Ширин,
Блеск власти заполнил пространство от Рыбы до Луны.

Подданные возрадовались ее справедливости.

Все узники обрели свободу.

Она сняла бремя гнета с угнетенных,

Следы гнета она стерла со скрижали времени.

Не взимали больше налога у городских ворот

И не брали налогов с крестьян.

Города и села ею были благоустроены,

5 Ведь она благодарность людей предпочитала забавам
(развлечениям).

Под сенью ее правосудия сокол подружился с перепелом,
Волк и овца встречались у водооя.

Подданные из близких и далеких мест

Все клялись ее справедливостью.

Изобилие стало настолько внушительным,

Что единое зерно могло давать сам-то.

Когда у властителя намерения благи,

На ветвях появляются не цветы, а самоцветы.

Дерево злонамеренного сохнет на корню,

10 Добронамеренный царь широко шагает.

Изобилие и дороговизна в стране

Говорят о помыслах властителя.

Злонамерение должно быть отвергнуто царствующей **особой**,

Иначе злонамерение будет царствовать.

Ширин не имела вестей о царе царей.

Потому ее сердце не знало покоя.

Хотя счастье Кей-Хосрова улыбалось ей,

Она, как одержимая, рвалась в пустыню.

Она вопрошала любые караваны,

15 Дабы узнать что-либо о Хосрове.

Когда она узнала, что шах счастлив, как Юпитер,

И вознес свой трон с земли до небес.

Она раздала сокровища, рассыпала драгоценные камни
людям,

Чтя правила дружбы и милосердия.

Однако весть о Марием повергла ее в муки.

Мариам строжайше оберегала законы,

Еще в Руме она заставила царя поклониться,

Что он никого не полюбит, ни с кем не сблизится.

Да, когда эти вести дошли до Ширин,

20 Дыханию ее стало тесно в груди.

Ее потрясло непостоянство сердца,

И от потрясения, она как мул, увязла в страданиях.

Прошел год, она мудро правила краем,

Не обидев не только птицы, но даже муравья.

Но сердце ее, как и глаза, впадали в полупьяное состояние,

И поступки ее бывали неровными, как ее кудри.

И она боялась, что из-за сумятицы в мыслях

Проявит вдруг несправедливость.

И вот разумная красавица нашла лишь один выход:

25 Стереть со своей тетради слово «царство»,

Одной отправиться к царю Хосрову,

Одной печалиться печалью Хосрова.

Воля ее была сломлена, не могла она оставаться на месте,
Она была влюблена, влюбленной не хватает воли.
Она передала власть одному из приближенных —
Ее сердце пресытилось венцом.

ПРИБЫТИЕ ШИРИН В МЕДИИ

Вот уже оседлан быстроногий Гульгун,
Рядом скачет Шапур, держащий рукой стремя ее коня.
Из тех красавиц, что настаивали на отъезде,
Несколько Ширин взяла с собою, —
Из тех, что всюду были с ней,
Деля с ней радость и печаль.
Взяла сколько надо шелка и злата,
И множество четвероногих —
Коров, овец, коней и верблюдов.

5 Слово море, [они] заполнили степь и горы.

Она явилась в свой замок,
За ней на большом расстоянии [следовали] стада и табуны.
Вновь, как поворожденный жемчуг, водворилась в раковину,
Драгоценный лал вновь внедрился в камень.
Сия драгоценность вернулась в свою сокровищницу индийцев,
Стеклышко вернулось в каменное безмолвие,
От этой жемчужины в тех раскаленных камнях,
Стало светло, как в храме огнепоклонников.
Ее лик, напоминавший раннюю весну,

10 Превратил эту обитель в цветник.

От жара страсти, что бушевала в ее сердце,
Окрестный воздух словно горел пламенем.
Шах понял, что возлюбленная близка,
С нею приблизилась и сама надежда.
Но страх перед Марнам давил на сердце,
А Марнам день и ночь следила за ним (Хосровом).
Она не позволяла ему привести ее в свой паланкин,
Царь не мог сам отправиться к ней.
Шах довольствовался весточками от той Луны,

15 Он вдыхал ветер, веявший с ее стороны.

Шах ни на миг не забывал о возлюбленной,
И в думах о ней извивался (корчился), как змея.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ БАХРАМА ЧУБИНЕ

Когда шаханшах утренней поры взошел на престол,
Румское войско напало на отряды чернокожих.
Появился Юсуф, держа в руках апельсин,
И рассек померанец Луны, как Зулейха.
Очи небосвода освободились от колдовских чар,
Небосвод расправил наступленные брови.
Время отгородилось от шума и крика,
Земля отдохнула от бесчинств и распрей,
Счастливой судьбы, весь в новых украшениях,
Хосров велел поставить царский трон.

5

Шатер царя главой касался райского сада,
Двусторонние шелковые стяги устремлялись в небо.
Кесарь, хахан и фагфур стояли,
Но стояли от царя на расстоянии полета стрелы.
В каждом углу были утсановлены троны,
На каждом почтительно сидел властитель какой-либо страны.
А стража стояла поодаль рядами,
От страха перед шахом уставясь себе в ноги.
Кто знал, как слетают головы с плеч,
10 Тот, страшась меча палача, не дерзал глядеть на шаха.

От множества камней, сверкавших на поясах,
Ночь озарялась, и день не смел настать.
Опясавшиеся [для служения] витязи, обладавшие мощью
слона,

Опясали шатер шаха на расстоянии десяти миль.
Возникни огонь на поле боя — остыл бы от страха.
Золото веских слов преобразовалось бы в ртуть.
Хосров Парвиз восседал на троне,
Как подобает молодому шаху, с юным счастьем
и божественной благодатью.

Царский престол был надежно окружен
15 Двойным рядом придворных гулямов.

В этом золотистом чертоге молчаливые слуги
Походили на фрески на стенах.
Трон опирался о твердь земли,
Царь открыл двери для приема.
Как только утром растворили врата,
Вошел гонец с ликующим лицом.
Он пал наземь и сказал: «Будь в радости!
Будь единым миродержцем во всем мире.
Пусть на золотом троне достанется тебе золотой удел,
20 Бахраму Чубине достался деревянный удел.

Удача выпорхнула из дома Чубине.
В деревянном вместилище нет более врага!
Шаханшах, намекая на бессердечие времени,
Припомнил такую притчу о Бахраме Чубине:
«Пока [рок] бил меня деревянной палкой,
Он бил в колотушку, дабы не уснула судьба Чубине.
Как только дерево моей судьбы зазеленело,
Луна Бахрама Чубине на Востоке угодила в деревянный
гроб.

25 Не то что этого Бахрама — самого Бахрам Гура
Ожидала бы в итоге та же могила.

Из западни мира ушел один Бахрам Гур, но
Приди, взгляни: перед тобой сотни могил для Бахрамов.
Пока небо — судьба благоволила к нему,
Он не оставлял мысли о захвате мира.
Где теперь тот лев, который, играя мечом,
Кидался на нас, словно охотился на львов?
Где тот меч, который предавал мир огню,
И наносил удары по стягу Каве?
30 Сколько ничтожных, коварных людей
Пустили по ветру храбрых, как львы, мужей,

А какое множество волков заманила в западню
Хитрость старой лисы и полонила их.
Оттого лисы властвуют над волками,
Что лисы видят западню, а волки — приманку.
Многие цари, поддавшись обману болтунов,
Не вовремя начинали помышлять о вражде.
А в итоге незрелый совет сделает свое:
Вместо нежного шелка грудь царя покрывается стрелами.
35 Гордыня удалит венец с головы такого,
Не приведи бог гордиться своей силой.

Хоть масло питает светильник,
Однако он погаснет и от обилия масла.
Соль всегда сохраняет свежесть снеди,
Но и соли должно быть в разумном количестве.
Не ешь столько, чтобы хурма во рту казалась бы
противной,

40 А вкусные яства отдавали мертвечиной.
Ешь столько, сколько необходимо тебе,
Чтобы любая пища была тебе дозволена.
Застрявшему в этих вратах надобно
Знать размеры скорби и наслаждений.

Не требуй для себя места за пределами черты своих
пределов,
Не вытягивай ноги дальше собственного ковра.
Не стремись вздымать волны в поднебесье, подобно морю,
Не взлетай выше того, что тебе дано.
Говори слова в соответствии со своим занятием,
Вяжущий цыновки не может ткать парчу.
О, как великолепно сказал мудрец:
«Миробалан идет миробалану, сахар — сахару».
45 Стоит ли затевать все сызнова,
Предавая забвению обычаи старины,

Разбивая светильники тех, кто был до нас,
Отнимая добро у сирот?
Уродится то, что посеяно,
Не я говорю это, а подтверждает посеянное зерно.
Не из каждого зерна произрастает прямое дерево,
Не каждый руд издает верный звук.
Человек, поддающийся гордыне и хватающийся за меч,
Сравнив с луной, что навешивает на шею тучи,
50 Ты не прельщайся славой льва, проливающего кровь,
Рано или поздно он получит возмездие за пролитую кровь,

Этого полунегра, восседающего на муле,
Под которым, глянь, двуцветный мул,
Ты берегись! Он хищный тигр,
Нет, не искренен рок, ведь он двуцветен.
Насилие противопоставлено честной власти (правлению),
Насилие и счастливое властвование — вещи разные.
Коль осел внезапно окажется на сеновале,
Я готов жалеть сеновал, а не осла.

55 Мухе не отказаться от вожденной халвы,
Стоит ли из-за одной ягодки инжира убивать ворона?

Не подобает украшать свой дом чужим серебром,
От этого пострадает вера и станет дырявым собственный
кошель.

60 На этом суматошном базаре старайся,
Чтобы палка прачки не угодила в апельсин бакалейщика.
Если дело дошло до унижения, не храни молчания,
Ибо молчание есть разновидность унижения.
Я слышал, что закован был людьми
Некий человек, прославивший безумцем.
Ребятишки дразнили его,
Он же кидал камни прямо во взрослых.

65 Сказали ему: «Ты ведь ребятами мучим,
А обиды срываешь на старших! Почему?»
Он ответил, смеясь: «Если бы старшие не насмехались,
Разве посмели бы дразнить меня ребятишки!?»
Если блюститель закона недоволен проступком ноги,
В проступке ноги он справедливо обвиняет голову.
Никогда не взирай с презрением на бедняка,
Ведь он в собственных глазах почитаем и велик.
Ты закрой глаза на пороки добродетельных людей,
Замечать добродетели ты учишься не у дурного глаза.

70 Ведь именно дурной глаз принимает добродетель за порок,
Ты глянь на глаза ворона, не гляди на павлиньи ноги.
Если твои собственные слова полны лицемерия,
Зачем ты придираешься к чужим словам?
На собственный порок ты глядишь лишь один раз,
А на чужой порок — сотню раз.
Ты не хуже зеркала ищешь недостатки в людях,
Оставь ты бесстыдство зеркалу.
Но у зеркала есть одно, что оправдывает его:
Оно не осуждает людей за глаза.

Черно, как тень, лицо человека,
Который рассказывает за глаза все, что видит глазами.
Нельзя умалять способности противника,
Ведь в нардах можно неопытному проиграть.
Ты не кичись перед золотым зайцем,
Которого художники вырезают на кинжалах.

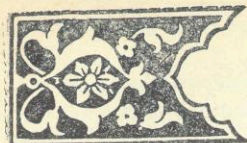
75 Знай, что когда храбрец пускает в дело такой кинжал,
Он проливает кровь сотен зайцев.
Не гляди ты с презрением на тихие воды, —
В роковой час они становятся опасными.

Не мни, что огонь лишь приятно озаряет лики,
В какой-то раз он сожжет сотню гумен.
Не гляди дерзко в раскрытую пасть льва.
В ней не клыки видны, а острые мечи.
Люди, разглагольствующие об удали,
Удалыми львами становятся лишь в день схватки со
львами.

80 Бахрам, начав враждовать с Хосровом,
Сражаясь с Хосровом, прославил свое имя.
Лучше не соразмерять силы с теми, кто ниже тебя,
Победишь или будешь побежден — все равно не избежишь
позора.

Сразиться, так с именитым — и только!
Союз с низкими, поверь, унижит тебя.
Настоящие акулы сражаются в морских глубинах,
На мелководье водятся мелкие рыбки.
Хосров немало сказал в этом роде,
Вельможи, растрогавшись, даже прослезилась.
В тот день царь сошел с трона, печалась,
Из его глаз текли скорбные слезы.
Три дня горевал он о смерти Бахрама,
85 Не подходил к трону, не дотрагивался до кубка.

Лишь на четвертый день возобновилось пиршество,
Вновь раздались громкие песни.
Царская длань начала одарять, подобно морю.
От жемчугов земля засияла, как звездное небо.
От чаш, что подавали виночерпии шаху,
Тоска по Ширин лишила его сил.
Он потребовал явиться Барбаду на пир,
Чтобы залечить свои старые раны.

ПОЯВЛЕНИЕ БАРБАДА И ЕГО ТРИДЦАТЬ ПЕСЕН

И вот появился Барбад, словно хмельной соловей,
Легко неся в руках свой саз-барбат.
Он извлекал из саза сто звонких песен,
Он отобрал из них тридцать прелестных.
При помощи этих тридцати сладостных и чарующих песен,
То одобрял внимающих, то лишал их сознания.
Когда он пальцами бил по струнам барбата,
То извлекал из высохших жил свежие звуки.

Песнь первая

5 Когда он запел песнь «Клад, принесенный ветром»,
Каждое дыхание певца словно рождало клад.

Песнь вторая

Когда же он начал песнь «Клад быка»,
Земля извергла и клад, и быка.

Песнь третья

Когда он перешел к «Спаленному кладу»,
То его жалобные вздохи спалили сто кладов.

Песнь четвертая

Вот он поет песнь «Занавес жемчужный»,
Из уст певца словно сыплются жемчужины.

Песнь пятая

Когда Барбад настроился на песнь «Такдисский трон»,
Врата райского сада отворились под сводами.

Песни шестая и седьмая

Теперь певец одну за другой пел «Колокшольную» и
«Престольную»,
10 От восторга шаха его престол закачался, как колокол.

Песнь восьмая

Вот Барбад извлек сахар из «Ларца Кавуса»,
И сахар, придя в умиление, лобзал товар певца.

Песнь девятая

Когда он перешел к песне «Луна над вершиной»,
Его пение приблизило луну к горным вершинам.

Песнь десятая

Когда же началась песнь «Крупница мускуса»,
От избытка мускуса весь дворец стал Хотанской землей.

Песнь одиннадцатая

Теперь он развернул песнь «Убор Солнца»,
И солнце на целый месяц скрыло свой убор.

Песнь двенадцатая

15 Когда он спел «Полдень», озарив пир светом,
Разум до полудня был в обмороке.

Песнь тринадцатая

Вот слышна теперь песнь «Зелень в зелени»,
От этих звуков зазеленело [все] в засохших садах.

Песнь четырнадцатая

Когда певец запел песнь «Румский замок»,
То ею он открыл замки сокровищниц от Рума до
Занзибара.

Песнь пятнадцатая

Когда же он перешел к песне «Кипарисовая роща»,
То целый год ветерок в эту рощу не проникал.

Песнь шестнадцатая

Вот настраивает певец свой саз на лад «Стройный кипарис»,
Стройные кипарисы твердят: «Мы твои рабы!»

Песнь семнадцатая

20 Когда он пел «Сладостную чашу»,
Хмель от сладких вин тут же покидал головы.

Песнь восемнадцатая

Теперь льется песня «Услада души»,
И от услады мир готов пожертвовать душой.

Песнь девятнадцатая

Когда певец исполнял «Напев Новруза»,
Счастье пировало, как в дни весеннего праздника.

Песнь двадцатая

Когда он приступил к песне «Дворцовая»,
То, растирая мускус, он оведал мускусом весь дворцовый
чертог.

Песнь двадцать первая

Когда певец пел песню «Мехргани»,
Задшевностью мелодии он очаровал внимавших.

Песнь двадцать вторая

25 Когда он исполнял песню «Добрый знак»,
Весь год протекал под добрым знаком.

Песнь двадцать третья

Когда певец с наступлением ночи переходил к песне
«Шабдиз»,
Все земные дали, внимая ей, всю ночь не смыкали очей.

Песнь двадцать четвертая

Вот льется в ночной тиши мелодия «Благой ночи»,
Никто не увидит теперь благоднее ночи.

Песнь двадцать пятая

Когда его подругой сделалась песнь «Благой день»,
И мир сделался счастливым и благим.

Песнь двадцать шестая

Когда певец пел песнь «Взор горной куропатки»,
Игривая куропатка приблизилась к певцу,

Песнь двадцать седьмая

30 Потом он переходит к «Охоте»,
И многие красавицы, подобные Венере, попадали в его сети.

Песнь двадцать восьмая

Когда он ударил по струнам, извлекая песнь «Мечь за
Сиявуша»
То уши людей наполнились печалью и они кричали: «Мечь!»

Песнь двадцать девятая

Когда же он начал песнь «Мечь за Иреджа»,
Чувство мести за Иреджа заполнило мир.

Песнь тридцатая

35 Когда же лилась сладостная мелодия «Сада Ширин»,
Деревья с горькими плодами приносили сладкие плоды.
Такие вот песни, приумножающие радость,
Барбад ловко исполнял на струнах.
И песни Барбада, которые были одна лучше другой,
Хосров стократно сопровождал возгласом: «Прелесть!»

Таков был обычай у этого светлого месяца —
При каждом возгласе он подавал кошель золота.
И за каждую песню, что была спета,

Певцу было даровано особое сокровище.
И в каком бы ладу ни пел певец,
Он получал от царя дар — усыпанный жемчугами халат.
Хвала такому возгласу, что приносит нуждающемуся
Одежду с золотой каймой.

40 Теперь, в наши дни, даже если понравишься еще больше,
Не удостоишься и шерстяной одежды.

Держи голову гордо, вознесись своими помыслами,
Сними с шеи, сбрось тесьму суетливости.
Ты, смеясь, прикрой глаза алчбы,
Я — капля, но учись у меня быть морем.
Ведь я немало сокровищ даровал царям,
И никогда не помышлял обрести хоть соломинку.
Не стремясь к богатству, я прославил слово,
Нет, мне ничего не предлагали, и я ничего не просил.
Мне достаточно того, что я наполнил мир собою,
45 Мною одарены и море, и рудник.

О Низами! В мире множество златотканной тесьмы,
Наилучшая — тесьма воздержанности, не упускай ее из рук.
Если этой тесьмой украсишь ворот халата,
Твоя голова вознесется выше гордых, надменных голов.

ХОСРОВ ПРОСИТ У МАРИАМ СНИСХОЖДЕНИЯ К ШИРИН

Когда луна выглянула из ворот небосвода,
Земля покрылась сияющим лунным покрывалом.
Хосров, оставив пиршество, отправился в опочивальню,
В сердце его возродилась страсть к Ширин.
Но только он начал рассказ о Ширин,
Уста Мариам стали горше яда.
Царь был пьян и уселся подле Мариам,
Слова пытался произносить с Иисусовым дыханием.
«Конечно, лучше, если Ширин будет вдали от меня,

5 Так же, как лучше, если соль далека от раны.

И все же враги радуются, злословят обо мне,
Ведь из-за меня она ославилась в мире.
Я обласкаю ее, окружу почестями,
Было бы богоугодно, если бы и ты обласкала ее.
Ты позволь мне привести ее из дальнего замка,
Поручить заботе служанок во дворце.
Когда я хоть ненароком взгляну на нее
Согласен, пусть расплавятся мои очи в пламени».
Мариам ответила так: «О владыка мира!
10 Небосвод охвачен твоей славой, как звездами.

Распря с тобою мир оставил за вратами,
Небо склоняет голову перед твоим велением.
Ты считаешь Ширин свежей халвой —
Но нет, не придется тебе вкусить ее сладость.
Зачем ты остывшую рисовую муку нагреваешь для халвы,
Когда у тебя такая мягкая халва?
Насладись финниками, они без колючек — это приятней!
Сладка халва, когда не мучаешься дымом костра.
Ты хочешь упрятать меня в один ларец с колдуньей,
15 Которой ведомо все колдовство Вавилона?

Она знает тысячу всяких чар,
Хотя пока она применяет лишь свое кокетство.
Она прельстит тебя и удалит меня,
Ты будешь ею доволен, я же окажусь в разлуке.
Мне хорошо известны ее чары,
Я читала множество преданий о подобном.
Многие женщины, не умея отличить сто от пятидесяти,
Разными уловками могут сбить с пути Меркурия.
Женщины, что цветы в горшках,
20 С виду — красивы, внутри — скверны.

Не следует искать в мире
Верности у коня, у сабли и у женщины.
Верность — мужество, как найти его у женщины?
Сказано: «Женщина» — этим все сказано.
Мужи долго пытались как-то оправдать их,
Но не нашли ни одну женщину что вела бы игру открыто.
Говорят, женщина была сотворена из левого ребра,
Так к чему искать в левой стороне правую?!
Что ты тянешься к той, удаленной от бога,
25 От нее можно дожидаться лишь бедствий.

Если отнесешься к ней, как к своей чести, это будет
угрожать тебе бедствием,

А если просто так — лишишься чести.

Иди о царь, предайся веселым мыслям,
Свободно вознеси свое чело, подобное лилии».

Затем она принесла перед ним клятву:

«Клянусь здравым рассудком, разумным духом,

Венцом кесарей и троном шаханшахов:

Если Ширин найдет путь в этот край,

Обвяжу я шею мускусной веревкой,

30 И повешусь, притесняемая тобой.

Пусть лучше она остается на своем месте,

Сове лучше не видеть людных мест».

Царю стало ясно из слов Мариам,

Что двум женщинам не ужиться под одним кровом.

Тогда он иначе построил свою речь,

Обласкал ее (Мариам) и проявил терпение.

Шапур часто посещал во дворце Хосрова,

И, пуская в ход всякие уловки, передавал ему слова Ширин.

И передавал тайно вести

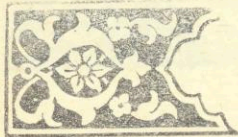
35 От кровопийцы той, что питалась печалью.

Ширин же находилась в недоумении,

Как царь может терпеть разлуку с ней?

Однако ведала сердцем: нет, это не измена,

Это терпение в интересах государства.

ХОСРОВ НОСЫЛАЕТ ШАПУРА ЗА ШИРИН

Однажды шах обратился к Шапуру:

«Доколе тосковать мне о возлюбленной?!

Ты приведи луну ночью в эту башню,

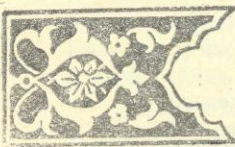
Я укрою ее, словно жемчужину, в ларце.

Ради безопасности своей державы

Я не могу открыто проявлять к ней чувства, —

Боюсь, что Мариам от чрезмерной ревности

Распнет себя, как распяли Иисуса.

УПРЕКИ ШИРИН ШАПУРУ

5 Поэтому с той желанной, луноликой мне лучше
Тайно дружить, как дружат феи.

Хотя я на пути к ней обжег ноги,

Хочу беречь ее, как обожженную руку.

Мариам бесстрашна: увидев луноликую,

Оседлает дива и пойдет на меня.

Художник, подчинившись воле царя, ответил:

«Я начерчу тебе китайские узоры, не горюй!»

Он прибыл к замку луноликой, волнуясь, как море,

Но волны его были приятны и сладостны.

Он рассказал Ширин все сначала.

10 Мол, настало время заиграть со счастьем.

«Конь царя взмылен, готов прибыть к тебе,

Но Мариам притупила меч царя.

Оттого он обязан чтить ее,

Что связан клятвой с кесарем Рума.

Так выйди, вдвоем вскочим на коней,

Отправимся ко дворцу Хосрова.

Ты тайно пируй с Хосровом,

Ведь так счастье [быстро] покинет соперницу».

Одинокая красавица, пребывавшая в одиночестве, —

С нею нет и ее самой, нет с ней и Хосрова —

С гневом крикнула она Шапуру:

«Стыдись своих слов, о далекий от бога!

Сомкни уста! У меня мозг пылает,

Хватит дерзновенных слов.

Не каждый жемчуг, что попался, можно сверлить

Не всякие слова, что вертятся на языке, можно произносить.

Не из всякого источника мы властны пить,

5 Руки могут многое, но не все следует делать.

Я не помню, чтобы ты бывал справедливым,

А теперь я окончательно поняла, что ты несправедлив.
Пусть всевышний отвратит тебя от дела, за которое ты
взялся

Пусть рассудок укажет тебе, как отворотиться от этого дела.
Ты лишил меня моего царства,
Теперь хочешь лишить и жизни?
Я от неизвестности предалась печали,
Иссохла я, теперь, промокла от слез.
Если бы он хоть немного горевал обо мне,
10 Я бы локонами подмела его путь.

Осел всячески избегает лавку, где продают попоны,
Но стоит ему увидеть лавку продавца овса, он тут же
стремится туда.

Мне ли остаться без покупателя — я драгоценна,
Я не пойду без приглашения — я же не ветер.
Седло подо мною промокло, когда я проезжала через водоем,
Но надо ли мне бросаться в море?
Что же теперь прикажешь мне, оскорбленной,
Вновь встретиться с драконом лицом к лицу?!
Если я не достойна того дворца,
15 Так зачем же мне силою в него врываться?

Ты же знаешь, в который раз приезжаю я сюда,
И каждый раз терплю унижения, и участь моя — печаль.
Этот вероломный друг ни разу
Не приветствовал меня хотя бы издали.
Доколе мне прикрываться покрывалом?
Доколе скрываться мне под мужской одеждой?
Ведь недостойно женщине, подобной мне,
Бороться с венценосной особой, словно настоящему мужчине.
Ты посмотри, что выпало мне на долю:

20 Рану посыпали солью и вдобавок вонзили [в нее] шип.
Я хотела собрать цветы и оказалась посреди колючек,
Я хотела свершить чудо и оказалась под бременем неудачи.
Сама виновата, к чему мне винить другого,
Стоит ли скрывать свою ошибку от зложелателя?
Я говорила: он мой мир, моя жизнь,
Он отнял у меня мир, а теперь покушается и на жизнь.
Не у каждого человека, который кричит: «Огонь, горю!»
Воспламеняются уста от этих слов.
Две чаши бывают у каждых весов,
25 На одной лежит ячменное зерно, на другую кладут золото.

Но весы, что Хосров преподнес мне,
Имеют одну чашу, и та наполнена ячменными зернами.
И вот этими зернами, которых не так уж много,
Питается мое влюбленное сердце.
Среди этих скал я стала походить
На изваяние, вылепленное из глины.
Глиняная невеста недостойна царской опочивальни,
Восковой апельсин не идет истинному цветку.
Немало странных поступков я совершила,
30 О которых могу поведать лишь тебе.

А что же свершил мой лютый разбойник?
Опалил меня огнем ревности.
Я еще жива, а он проводит время с другой,
На рынке любви он торгует с другой.
Пусть я вся создана из камня,
Взглянув на него, я тут же раскрошусь от стыда.
Допустим, моя душа выносливее собаки,
Но не собакой же я вскормлена?
Но пусть буду я хуже собаки, если не отброшу
35 Все его уловки, как собаку!

Я швырну собакам сердце,
От которого нет никакой пользы.
Сердце не должно стремиться к тому,
Кто готов предпочесть мне собаку.
Было бы лучше, если б мать восве не родила меня,
А если родила, то уж лучше бросила бы на съедение
собакам.

Давай говорить начистоту:
Каких только унижений я не терпела от него?
Какой правдивой я была с ним
40 А он все время обманывает меня.

Его честь не запятнана, я же потеряла свою честь,
При этом он считает, что ничего не случилось.
Да разве справедливо, чтобы такой разбойник
Предавал бесчестию меня, достойную?
В бою со мной он так разогнал коня,
Что не осталось и намека на возможность примирения.
Теперь у него венец, и он ни во что не ставит меня.
Знай! И я ни во что не ставлю его мощь и богатство.
Да, долго я гнула спину под бременем его капризов,
45 Долго пребывала в скорби, позабыв о себе,

Сердце мое было слепым, но оно стремилось к свету,
Но какое дело до слепоты моего сердца тому, кто незряч?
Да, сердце мое страдало, и я считала это за благо,
Ведь оно страдало от нахлынувшей страсти.
И оттого сейчас язвителен мой язык,
Что я все время испытывала оскорбления.
Так мне и надо, что мы разлучились,
Разве везло мне с кем-нибудь, чтобы с ним повезло!
Мне, с моей судьбой, он должен быть другом,
Да, я больна им, он же усиливает мой недуг.

Сердце трепетало, — я поняла, что грядущее
Принесет мне одни лишь муки.
Да, давно уже я признаю признаком
Грядущих мук сильное сердцебиение.
Теперь мои влажные очи невольно мигают,
О боже! Что ожидает меня впереди!
Мне не следует менять этот замок на райский сад,
Даже если таково веление судьбы.
Я с позором прогону из этого замка
55 Не то что Шапура — даже дочь кесаря, приди она сюда.

Меня хотят завлечь уловками, но я не пьяна,
Нет, меня теперь не поймать уловками.
Не знают, видимо, какой трезвой способна я быть,
Мне ведомы чары, которыми не владеют кудесники Вавилона.
Царской голове следует вознестись здесь, а не там,
Подкова тут вложена в огонь, а не там.
Если Хосров был бы не Хосров, а сам Кей-Хосров,
То и тогда не следовало бы ему сражаться с луной.
Ему лучше избегать провицательного взора монахов нарциссов
60 И сложить передо мной руки, словно лилия.

Но если в гневе он решит идти на меня,
Я так разгневаюсь на него, что доспехи на нем расплавятся.
Повелю своим косам, чтобы они, извиваясь,
Обвили шею его терпения, как веревками.
Метну стрелу взора вечерней порой
Так, что конь его запляшет от одной лишь стрелы.
Коль захочу, разожгу костер любви,
И на этом огне расплавится он, как руда.
Туго сплетены мои косы, так же туго скручу его,
65 Чарами отгону от него сон.

Или велею своему образу явиться к царю во сне,
Заставить его склониться до земли [передо мной].
Ты оставь меня поплакать о себе,
Не обучай стенаниям лишившуюся матери.
Это я постоянно думаю о нем,
Он же никогда не вспомнит обо мне.
Моя любовь не достигает даже вздымаемой им пыли,
Печаль моя для его сердца [для него] легче волоска.
Если неверный царь пресытился любовью [пусть знает, что]
70 Рок довольно сурово поступает при [виде] подобных забав.

Я наберусь терпения, и настанет день,
Когда озаряющий мое сердце придет с извинением.
Стоит ли обвивать шею гордеца арканом любви,
Ведь бесполезно стягивать веревкой шею огня.
Я презренный прах, он же заоблачное небо,
Какое же дело небу до праха!
Каждая птаха стремится лететь к себе подобной,
Голубка к голубке, сокол к соколу.
Ведь ветер не привяжешь к земле,
75 Вода и огонь никогда не уживутся вместе.

Нет, не дождусь я встречи, поэтому незачем бояться разлуки,
Мое тело бездыханно, мне ли бояться узкой темницы!
Богатые обычно боятся за свое богатство,
Тот, чья ладонь пуста, не страшится воров и разбойников.
Нет, я не та птица, которую любой может поймать в силоч,
Не каждый сокол способен (сумеет) охотиться на меня.
Пусть Хосров будет кумиром в китайской кумирне,
В солончаках своей души сладости Ширин ему не отведать.
Коль Шабдиз быстр в скачке,
80 То ведь и у Гульгуна крепкие сухожилия.

Если Мариам стала сахарным тростником,
То мои плоды взрастила сама богоматерь Мариам.
Если он кичится своим царским венцом,
Так ведь и мой платок — царственный платок!
Я никогда не забуду этой муки (горечи),
Ширин терзают душу, а Мариам наслаждается.
Один искал жемчуг и утонул в морской пучине,
Другой заслуживал укуса и обрел сладкий мед.
Невозможно в течение года доставать одну грудинку,
85 Приходится питаться и филе и шеей барана.

Была бы я счастливой, не довелось бы мне влюбиться,
Теперь я раскаиваюсь, ошиблась, что поделаешь?
Я пошутила, он подумал я лгну к нему,
Я сказала неправду, он принял [ее] за правду.
Мое сердце изнемогает от этой торговли,
Хочешь, поклянусь правосудием божьим, хочешь,
светом очей,

Нить речи нынче я очень тонко пряла,
Хотя и пряла в ночной тьме.

90 Доколе мне оставаться холодным воском,
Во мне еще бьется жизнь, и я, как свеча, засияю.

Я не желаю более хвалить царя и слать ему хулу,
О всевышний! Ты знаешь все, и этого достаточно.
Я подставлю губы тому, кто молит об этом,
Не в каждую протянувшуюся руку кладут халву.
Весеннему цветку, который ты, сорвав, бросишь на землю,
Лучше быть унесенным осенним ветром.
Лучше быть растерзанной псами на охоте,
Чем оказаться в когтях, лоящих слабых.
Если я тебе нужна — приди, как подобает мужчине,
95 Своими ногами и не утруждай других.

Славны охотящиеся отважные львы,
Лишь своими ногами доставляющие весть о себе.
Мои ноги, как и мое счастье, связаны с твоими ногами,
Поэтому не доставлю чужими ногами весть.
Разве свой груз таскают на чужих плечах?
Разве чужими зубами перегрызают цепи?
Да, сколько же можно искать пути исцеления?
Нет, я не желаю раньше времени состариться.
В старости ли мне пить вино? Да, пусть разобьется тогда
мой кубок!

100 Курд разбирает стойло, когда уже пора перекочевывать.

Я по неведению угодила в эти тенета,
Теперь с помощью разума я выберусь из них.
Разве не приходилось слышать от кудесниц,
Что в каждом доме дым знает в какое выходить отверстие?!
Во всех своих невзгодах, в своей печали
Я виню собственное сердце, а не сердечного друга.
Всюду грабителем бывает чужой человек,
Мой же грабитель — мое сердце, оно во мне.

105 С помощью чар нельзя избавиться от напасти сердца,
Ведь от домашнего грабителя запереться нельзя.

Доколе мне, как слепцу не отличать камень от лала,
Ясно видя расстояние, вопрошать о нем других?
Да, плохо относится ко мне мое сердце —
Оно само себе перерубило ноги.

Мое сердце никогда не приносило мне пользы,
Потому я решила не уповать на свое сердце.
Мое сердце мучает меня, притесняет и друг,
Нет со мною ни сердца, ни друга.

110 Лишь однажды я возрадовалась тому, что сердце вспыхнуло,
С тех пор дни мои так печальны.

Все печалится о хлебе насущном столько, сколько
предопределено,

Мой насущный хлеб — сама печаль, ничего тут не поделаешь.
Доколе мне тайно в отчаянии гореть,
Есть ли конец череде дней, сколько мне их считать?
От долготерпения во рту у меня горчит,
Зови [теперь] меня «красавицей терпения».
Хотя я далека от своей страны, от своих сокровищ,
Я все же вольна поступать так, как хочу.

115 Нельзя повелевать людьми двух родов
Теми, кто не ведает корысти, и теми, кто свободен от
рождения!»

Затем красавица своими лалами-зубами прикусила сахар,
И воскликнула так, что задрожали уннабы уст и сахар языка:
«Если царь еще настаивает на том, что меня любит,
Скажи ему: Не принимаю в расчет твоих уловок.

Если скажет: Томим ожиданием того утра,
Скажи: Спи еще, ночь достаточно длинна.
Коль скажет: Когда я вновь увижу Ширин?
Скажи: Продолжай хранить Мариамов пост.
А если скажет: Когда ему протянуть руку к халве?
120 Скажи: Опыненных мало привлекает халва.

Коль скажет: Ох, уж обниму ее крепко!
Скажи: Пусть навсегда выкинет это из головы.
А если скажет: Когда [смогу] вкусить сахар ее уст?
Скажи: Нечего издали скалить зубы!
Если скажет: Потрогаю ее волосы, ее родинку,

Скажи: Ширин сказала «Перебьешься!»
А если скажет: Постою немного с луноликой лицом к лицу,
Скажи: Шаху не устоять перед ферзем!
Коль скажет: Возьму ее подбородок, как мяч в руку,
125 Скажи: А клюшки кос на что? Получишь удар клюшкой.

А если скажет: Ох, уж припал бы к ее губам.
Скажи: придется довольствоваться слюной.
Если он склонится прикончить меня,
Скажи ему, что достаточно одной разлуки.
Если безмерная печаль нахлынет на него,
Скажи ему, пусть придержит ее, в противном случае, сама
остановлю.

А если скажет о свидании: Я слушаю ее указания.
Скажи: Пусть он помолчит, пока я сама не укажу!
Вот таких слов было высказано немало,
130 Были полны они женских угроз.

И хотя упреки разбивали сосуд примирения о камень;
Губы-сердолики назначали новую цену свиданию.
Когда она в легком опьянении излила гнев на Шапура,
Сердцу ее заметно полегчало.
Затем она, смягчась, молвила: «О красноречивый муж,
Чья речь течет как плавная вода!
Когда будешь приветствовать владыку,
Передай ему и это мое послание:
Ширин сказала: «О неверный и вероломный!
135 Где же те речи, что были сладостнее меда?»

Я полагала, что ты не отвернешься от меня,
Не станешь покупателем другого кумира.
Теперь ты показал, что я ошиблась,
Ты распахнул сердце перед моей соперницей.
Да напомнит тебе о справедливости твое несправедливое
сердце,

Да вспомнятся тебе грустные вздохи Ширин!
Как уснувшее счастье, ты не достоин дружбы,
Как рок, согласи избегашь.
Я унижена, не ищи меня, хоть я дорога тебе,
140 Коль я раба, отпусти меня.

Я по достоинству равна тебе, мы можем сидеть рядом,
Ты же хочешь относиться ко мне, как к подданной.

Берегись так унижать меня,
Подумай: Я могу вознестись выше тебя.
Рассыплю зерна печальных слез
И заставлю тебя явиться к моему порогу.
Ты занят только собственным желанием,
Ведь нельзя быть таким, как ты, себялюбцем.
Поскольку ты увлечен [только] самим собою,
145 До других ли тебе желаний?

Пока ты сбивал ноги в кровь, преодолевая путь ко мне,
Ты сломал не один лук на этом пути, добываясь меня.
И тогда Ширин достались одни шипы,
Когда плод власти стал сладким, к нему пристроилась та,
что с шипами.

Пока ты разбивал сад власти, лилась моя кровь,
Теперь в нем созрели плоды, а я выгнана из сада.
О отрада сердец, ведь я еще не согрелась у твоего огня,
[а ты]

День и ночь выедаешь мне глаза дымом.
Куда мучить еще больше? Ведь ты разграбил мой стан
150 Ты вернул себе доброе имя, а меня лишил доброго имени.

Кто при деле, дела у того идут хорошо, и он
Понимающе относится к тем, кто не у дела.
Когда ты был не у дела, ты был мне дорог, как око,
Теперь ты при деле и отвернулся от меня.
Доколь мне плавать в собственных слезах?
Доколь призывать на помощь твой образ?
У тебя не было никого, я стала тебе подругой,
Сейчас ты у дела, а тебе до меня нет дела.
Ты своим поступком ославил меня,
155 Гордо бросил свой щит в прозрачную воду.

Ты вынес тем самым мне смертный приговор,
Вновь поверг меня в мучения разлуки.
Душа моя держится теперь на волоске,
Не касайся его, он слишком тонок!
Не рази мечом неверности несчастную Ширин,
Ты уже ранил копьём Рум, и хватит тебе этого.
Ты обладаешь узорами из мастерской Рума,
Убери руку от армянской сласти.
Ты охапками срываешь розы в садах Рума,
160 Так не грабь трон и венец Армении.

Не поступай так, иначе воспламенится все вокруг,
[Смотри] не распространился бы от огня горький дым.
Для того, чтобы пить вино найдется тысяча друзей,
Лишь один среди них в день печали окажется рядом.
В любви к тебе я испытала немало мук,
Ты сверг меня в пучину, а рук помощи убрал.
Ты не бросай щепки в подол судьбы,
Не надо сыпать соль на раны скорбящих.
Ты, конечно, наслаждаешься проводя время в пирах,
165 Отвернувшись от шатров странников

Оставь меня с моими страданиями,
Дабы я могла спокойно почитать своего творца.
Считай, что ты снова вернул эту птицу в свои силки,
Но она сумела опять улететь в степь.
Не иди дорогой, где твой осел увязнет,
Не поступай так, чтобы влюбленные разводили руками.
Ты не испепеляй мою измученную душу —
Хватит, обитель ее осуждена гореть чистым огнем.
Во мне горит такой огонь любви,
170 Что, увы, все гумно, боюсь, сгорит до гла.

Печаль змеей обвилась вокруг моего тела,
Тело ноет от множества заноз.
По ночам не сплю, не нахожу покоя,
И не дождусь от тебя малейшего сочувствия.
Еще проявить терпение? Ведь мало осталось жизни.
Возвратиться в свое убежище? Так ведь в ногах уже нет сил.
По сравнению с моими слезами и вздохами
Море — лишь капля, ад — искорка.
И на этом море слез горит моя ладья,
175 Оттого я одновременно и в райском саду, и в предисподней.

Если нет, то отчего же я тайно
В этом аду ищу живую воду?
Как же мне без тебя не страдать,
В прошлом году была с тобою, в этом — без тебя.
Ты в доме, дверь которого засыпана землей,
Я вся в воде: поток моих слез поднялся выше головы.
Без тебя мои дела далеки от благополучия
Они не созрели, как незрелы мои мечтания.
Не видишь, всем суждено умереть, но
180 Пока живы, все надеются, что не умрут.

178

Разум ведет нас к вершинам знания,
Но расчеты любви за пределами этой тетради.
Тот уверенно сидит на пегом скакуне,
Кто хромает на ристалище любви.
Снадобье готовят люди разума,
И дают пить его тем, кто лишен разума.
Терпение в любви кажется возможным только от неопытности,
Влюбленность зиждется на сладостной тревоге.
Терпеливость и влюбленность — разные вещи,
185 Терпеливый влюбленным не станет.

Пусть Ширин испытает все муки любви,
Печаль и муки да будут далеки от Хосрова!»
Когда она высказала все это Шапуру,
Тот поцеловал землю и сказал:
«Твой разум выше моих советов,
Все твои слова бесспорны и уместны».
Отныне, желая просверлить жемчуг мысли,
Шапур взвешивал все, прежде чем сказать.
Да! Каждое слово надо взвесить в уме,
190 Как золото, а потом уже пустить в оборот.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФАРХАДА

Периликая красавица в шелках,
Кумир с твердым сердцем и серебряным станом, —
В той теснящей сердце долине она
Ничего не пила, кроме желанного молока.
Даже если перед ней было сто видов сластей,
Пищей для нее все равно служило овечье и кобылье молоко.
Но далеко паслись стада и табуны,
И доставлять к ней молоко было трудно.
Ибо в том ущелье всюду
5 Рос лютик, ядовитый, как змеинное жало.

Пастухи, проведавшие про ядовитое растение,
Угнали стада на дальние пастбища.

И Ширин все думала и думала о том,
Каким способом укоротить путь доставки молока.
Ведь доставка молока из далеких мест
Сильно изнуряла ее служанок.
Однажды, рассыпав волосы, подобные ночи, по плечам,
Блестящая полумесяцем колец,

10 Эту луну с испепеленным сердцем в кольце тоски
Всю ночь извивалась, как змея, от тоски.

Перед ней сидел один лишь Шапур,
Он рассказывал ей разные истории.
Мысль, мучившая стройный кипарис,
Была известна мудрому Шапуру.
Когда же розоликая сама поделилась с ним ею,
Внимающий расцвел, как лепестки тюльпана.
Он припал к земле перед ней, как индус перед пери,
Как перед Юпитером поник главой Меркурий:
«Тут неподалеку есть муж — знаток зодчих дел,
15 Молод он, и зовут его мудрым Фархадом.

В делах стронтельства он пример другим,
Знаток «Маджисте», познавший тайны Уклидиса.
Если он захочет показать свое искусство,
Тесаком нарисует птицу на рыбе.
Он каменным цветам придает живость,
Железом на камне создает живые китайские узоры.
Из-за его искусства вся страна Рума целует ему руку,
Под его киркой гранитные скалы превращаются в воск.
Вот такой мастер тебе и нужен,
20 Он заставит расти цветы среди колючек у твоего родника.

Без сведущего мастера трудно совершить дело,
Сначала отыщи мастера, затем думай о деле.
Ведь любой муж в мыслях готов создать кольцо,
Но поверь, из глины или воска, но не из железа или золота.
Если будет соизволение, я склоню голову перед тобой,
Возьмусь уговорить его.
Мы с ним оба были в Китае, мы ровесники.
Оба учились у одного мастера.
Он овладел основами всех знаний и искусств.
25 Кисть он бросил мне, ему же достался тесак».

Когда Шапур закончил свой рассказ,
Забота о молоке покинула сердце Ширин.

Когда день поднял вверх зеркало солнца,
Стоглазая ночь сомкнула очи,
Шапур начал поиски в окрестностях
И в конце концов разыскал желанного Фархада.
Радуюсь, он привел его в замок Ширин,
Как уважаемого гостя почтил его.
Пробивающий горы подобен был горе,
30 Ввергая людей в изумление своим видом.

Он ростом и мощью тела был подобен слону.
Но в нем таилась сила двух слонов.
Стражи внутренних покоев склонили перед ним головы,
Отвели его в предусмотренное место.
Фархад стоял перед завесой,
Препоясанный, засучив рукава.
Он думал: Этот игрок высоких небес
Что еще затаял за этой завесой?
35 В это время внезапно рок дал о себе знать
И начал свое лицедейство за завесой.

В сладких улыбках, расточая сахар,
Зазвучали сладостные уста Ширин.
Она сняла с яхонтовых губ два сахарных замка,
Могущих сообщить силы и сахару, и яхонту.
Сладкие финики, росшие на этой стройной пальме,
Своей сладостью наказывали настоящие финики.
Ее слова, подобные финикам с молоком,
Были настолько сладки, что сахар мог воскликнуть: «Мед
посрамлен».

Ее губы рассыпали столько сахара,
40 Что сахар вмиг простился с Хузистаном!
Я слышал, что она потому завалась Ширин,
Что речь ее была удивительно сладкой.
Ну, что тут еще сказать? Все что хочешь, —
И птицы, и рыбы от ее речей впадали в сладкий сон.
Ей стоило лишь раскрыть сладчайшие губы,
И леденцы покорно превращались в рабов.
Не найти было собрания, где внимавшие
Не прощались бы с жизнью, едва она раскрывала уста.
Стоило человеку услышать ее речь,
45 [Как он] сразу лишился сознания, будь даже он Платоном.

Когда ее слова долетели до ушей Фархада,
В нем от волнения закипела кровь.

Он из глубин сердца исторг жгучий вздох
И тут же упал, как падают в падучей.
Он долго лежал на голом прахе,
То бил себя по голове, то извивался, как змея.
Ширин, увидев, что у мужа, потерявшего разум,
Сердце бьется, кад выпорхнувшая из клетки птица,
Решила помочь ему словами,
50 Теми же зернами вернула его сердце в клетку.

Затем она сказала: «О всеведующий мастер!
Хотелось, чтобы ты меня обрадовал.
У меня есть одно желание, о искусный человек,
Освободи мое печальное сердце от пут.
Проворной рукою и своим искусством,
Ты помоги мне упрочиться в этом замке.
Стада отсюда далеки, мне же нужно молоко,
Сотвори чудо, чтобы я могла получать его всегда.
От нас до овец один или два фарсанга.
55 Надо проложить прочный канал в камнях.

Хорошо бы моим пастухам там доить молоко,
А служанкам тут пить молоко».
От сладких речей сладкоречивой Ширин
Несчастный Фархад терял сознание.
Внимать словам он, конечно, внимал,
Однако понять их мысл был не в силах.
От волнения забывал, что ответить,
В знак согласия лишь пальцы приложил к глазам.
Он спросил тех, кто был рядом с ним:
60 «Я пьян, а пьяный ничего не видит.

Я так и не понял, о чем шла речь, перескажите мне,
Чего она от меня требует, узнайте!»
Стражи сказали ему все сначала,
Пересказали ему все.
Когда Фархад уяснил смысл ее слов,
Желание ее стало для него велением,
Он был полон решимости [хотя] и знал,
Что красавицы бывают очень придиричвы.
Он покинул те места с киркой в руке,
65 Своим ремеслом готов был служить любви.

Он так раскалывал лик земли,
Словно под его ударами камни обращались в воск.

Тесаком он обтесывал камни,
Вытесывая русло будто в свежей ивовой ветке.
Каждый удар киркой о камень
Приносил каменотесу мзду драгоценными камнями в два
веса кирки.

Прошел месяц; среди каменистых скал
Создал он русло, подобное текущему ручью.
От пастбищ до самых ворот замка
70 Он уложил камни один рядом с другим.

В конце он из камней построил водоем,
Райский источник Кавсар лобызал этому водоему руки.
Он так уложил камни для русла,
Что меж ними не прошел бы и волосок.
И в этот водоем, что был выложен в скалах,
Из канала текла прохладная влага.
Возводить строение кажется трудным до тех пор,
Пока тесак строителя не пришел в движение.
Коль придется пробивать сто булатных гор,
75 Знай: будут они одолены рукой человека.

На любые подвиги способен род людской,
Лишь перед смертью он беспомощен.

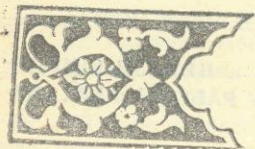
ПРИЕЗД ШИРИН К МЕСТУ РАБОТЫ ФАРХАДА

И вот оповестили Ширин, что Фархад
В месяц построил водоем и провел канал,
Так что овечье молоко по утрам и вечерам
Само по себе стекает по каналу в водоем.
Райская дева прибыла в те места,
Поехала верхом вдоль канала.
Ей казалось, что этот прекрасный водоем
Сотворен не руками человека, а волей бога.
Да, это не творение человека,
5 Эти райский сад, молчная река, водоем, для гурий!

Много хвалы она воздала умелым рукам Фархада:
Да благославит господь того, кто сотворил это!
Когда трудности были преодолены, она пригласила его к себе.

И посадила Фархада выше своих приближенных:
«Как наградить нам такого мастера, чем,
У нас нет ничего достойного.
У нее были серьги со сверкающими камнями,
Оправленные жемчужинами.
Каждая жемчужина красотой равна венцу,
10 В каждом камне цена дани с целого города.

И сняв серьги, она с пленительной мольбой
Протянула: «Возьми их и продай.
Придет день, я достану дороже их
И сполна оплачу твою работу».
Фархад высоко оценил сокровище,
Взяв у нее, положил к ее ногам
И тут же устремился в степь,
Слезами заливая степь как море.
Боясь, что тайна его раскроется,
15 Он мужественно избегал всюду людей.

ПЛАЧ ФАРХАДА ОТ ЛЮБВИ К ШИРИН

Когда сердце Фархада окутала любовь к Ширин,
Любовь исторгла крик из его сердца.
Все его дни разом превратились в страдание,
Не мог он приложить руки ни к какому делу.
Не было силы, чтобы выдержать тяжесть разлуки,
Не было терпения, чтобы собрать эти силы,
Его сердце потонуло в пучине смятения,
Он был недоволен сердцем и потому держался рукою за сердце.

Он лишился речи, и дело у него не спорилось,
5 Тело было бессильно, очи не знали сна.

Он, как дивы, избегал общения с людьми,
Его качало сильнее, чем качает выздоравливающего.
Его смятение передавалось горам и долам,
Горы и доли наполнились его рыданиями.
Его стройный стан стал поникшей розой,
Розой, изорвавшей рубашку в ста местах.
Лил он слезы, как из бутыли, стонал, как соловей,
На сердце [у него] были узлы, как на розовой ветке бутвы.
Печален был он, и утешителя не было,
10 От возлюбленной помощи не ожидал.

Спина его гнулась под бременем печали.
Ступни были в сплошных занозах.
Нет, он не боялся, что одежда его изорвется от шипов,
И не боялся, что отсекут голову ему мечом.
От разлуки он стал одержим страстью,
О терпении и выносливости полностью позабыл.
Всечасно он лил кровавые слезы,
Его ланиты напоминали тюльпаны.
Всечасно устремлял он стоны в небо,
15 Пробивая своды небесных сфер.

Он был ребенком, изнемогшим, от жажды,
Но не знавшим, где вода и как звать кормилицу.
Жар любви иссушил его тело,
Его колотило непрестанно с головы до ног.
Пламя страсти опалило ему мозг,
Он горел словно светильник.
Его сердце страдало от сотен ран,
И дерзкая душа его играла со смертью.
Он был метой страданий и бедствий,
20 Страданиям нет предела, где грань бедствий?

Он так рыдал, горько страдая от мук любви,
Что его плач был слышен на двадцать фарсангов вокруг.
Сердца с ним не было, давно ушел от него покой.
И в понесках своего сердца находился этот странник.
Он шараялся от друзей и врагов,
Как боялся колдуны руты, духи игл.
Печаль держала его за подол, он то был рад печали.
Словно клад, радостно лежащий в руинах.
То страшился он печали, — трезв был или пьян, —
25 Как змея — камней, как волк — посоха.

Сердце его стонало, очи плакали, лили слезы.
Сердце изжарилось на огне страданий.
Бедняга не знал, снадобья от ярых мук,
Не знал как залечить свою рану.
Вот так он страдал в безмерных муках.
Вдали от друзей, отрезанный от утешителей.
Страстью к Ширин был охвачен весь,
Не помнил себя, не помнил, что он Фархад.
Он направил бы подруге чашу своей печали,
30 Будь поверенный, отправил бы и послание.

Если б прах из ее замка долетел бы до него,
Он вместо сурьмы наложил бы его на глаза.
Если бы он встретил цветок, попавшийся ей на пути,
Он воздал бы хвалу цветку, обожествлял бы его.
Испытывая горечь, он скрывался от людей,
И сладкие слова он произносил лишь о Ширин.
Ему, влюбленному, мнилось,
Что она повергает в пламя любви всех, как повергла его.
Да, тот у кого в сердце пылает огонь,
35 Думает, что весь мир пылает так же.

Беззаветно влюбленный, он едва произносил ее имя,
Как падал на землю и стократно целовал ее.
Как только он взглядывал на ее замок,
Тут же разрывал душу, как разрывал одежды.
Он носился, как дикая лошадь,
Дружил с дикими зверьми.
Все бессильные перед роком звери
Собрались жалостливо вокруг него.
Одни подметали изголовье, другие — землю.
40 Одни лобызали подол, другие — ноги.

То он шел в стадо нежных газелей,
То бегал вместе с онаграми.
То утирал слезы оленям,
То расчесывал хвосты львам.
Днем его окружали газели,
Ночью утешали олени.
Он кружился днем и ночью, как небосвод,
От избытка страданий не думал о еде.
Если он шел куда-то по знакомым [прежним] путям,
45 То приходил с месячным опозданием.

Если сто преград преграждали ему путь
Он замечал их лишь тогда, когда ударялся [о них]
головой,

Если стрела неслась в глаз ему,
Он не закрывал испуганно глаз
Если на пути его попалась бы вдруг яма,
Нет, он не обошел бы ее, а неминуемо упал бы в нее.
Он порвал с миром, мир ему опостылел,
Беды сопровождали его всюду.
По ночам он рыдал и стонал до самого утра,
50 С ним было лишь сердце, переполненное скорбью.

Где бы он ни был — в степи или возле дворца, —
Стоны его пронзали камни.
Малейшая радость, которая могла разлучить его с тоской
по возлюбленной,
Любым путем тут же изгонялась им из сердца.
Но к горю, дружному с его сердцем,
Он стремился на коне, имея другого коня в запасе.
Лишь кровавыми слезами омывал он сафьян,
Зная, что его собственная звезда Сухейль находится в его
же глазах.

Он не спал даже тогда, когда сон одолевал его,
55 Ведь захлопнуть дверцы очей перед другом неприлично!

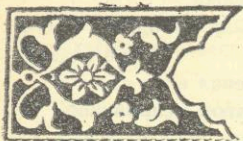
Его сердце было свободно от бремени собственного бытия,
Ибо на нем было бремя чужого бытия.
Его собственное бытие было призрачным оттого,
Что жил он жизнью друга.
Он день и ночь без усталости бродил,
Покой его тело обретало, лишь когда лишалось чувств.
Он все пытался вырваться из своей телесной оболочки,
Чтобы пребывать с другом в одной оболочке.
Он не ведал, что птица его души уже давно покинула клетку,
60 Царь бытия (его душа) давно отправился на ристалище
любви и дом пуст.

Он так связал свою волю с волей друга,
Что не в состоянии был отличить себя от друга.
Смотрел ли он на свет или на горящий огонь,
Он видел в них лишь разлуку или слияние с другом.
Все, что попадалось ему на глаза,
Он толковал как счастливое знамение.

Никто не видит, в любви дурное знамение,
А если видит, то относит к другому.
65 Истолковывают сообразно своему желанию.

Раз в неделю он отправлялся к Ширин,
Однако довольствовался созерцанием [ее] издали.
И вновь он устремлялся в степь,
Вновь он предавался тоске по возлюбленной.
Вечерами приходил он, как четвероногое,
К молочному ручью и пил сладостное молоко.
Ничего, кроме молока, он не пил в подлунном мире,
И все время кружился вокруг этого ручья.
70 Бывало по ночам он приходил к заветному водоему,
Всю ночь кружился вокруг водоема.

Во всех странах стала известной эта история,
Ее передавали из уст в уста.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФАРХАДА

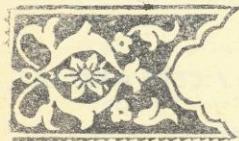
Один из приближенных шахского чертога
Рассказал эту историю шаху:
Сказал, что страдания Фархада от любви к Ширин
Всеми известны, о них сложены дастаны.
Фархад объят такою страстью,
Что он теперь бродит по пустыне.
В страсти к красоте, что сиянием озаряет сердца,
Бродит он день и ночь, сбросив одежды.
При этом повторяет: «Мое сердце больно Ширин!»
5 И возгласы его поднимаются до небес.

Он не боится ни старцев, ни юнцов,
Не боится ни меча, ни стрелы.
Чувствуется, что сердце его не склонно к свиданию с луной,
Но радо узнать что-нибудь о ней.
Он всечасно вспоминая серебротелую,
Скоро предаст себя забвению.

Каждую неделю он приходит к ее замку,
Безмерно радуется, слыша что-либо о ней».
Едва царь внял этому рассказу,
10 Возросла в его сердце страсть к похитительнице сердец.

Два соперника на поле боя хорошо бьются,
Два соловья над одной розой нежнее поют.
Коль на один товар появляется два покупателя,
Цена товара непременно возрастает.
Странной радостью возрадовалось сердце Хосрова,
Оттого, что появился еще один влюбленный.
Но в то же время возобладало чувство ревности,
Ведь в дело вмешался еще один ревнивец.
15 Тут разум царя оказался беспомощным,
Ибо ноги его давно увязли в глине.

Если недуг одолевает тело, даже
Высокий кипарис может рухнуть на землю.
Может ли больной сам помочь себе?
Ведь совет больного болен, как он сам.
В здравии и слова бывают здоровыми,
Коль человек хворает, слабы и его мысли.
Лекарь всегда ощущивает пульс (проверяет биение сердца),
Когда он сам болен, — другие щупают ему пульс.

ХОСРОВ СОВЕЩАЕТСЯ ПО ПОВОДУ ФАРХАДА

Уединившись со своими доверенными людьми,
Царь совещался с ними в течение некоторого времени:
«Как нам поступить с этим одержимым человеком?
Как нам сыграть, имея пред собою такую игральную кость?
Если оставить в покое — мое дело потерпит урон,
Если пролить кровь — так ведь невиновен он.
Я немало старался, будучи всемогущим государем,
Устроить для себя праздник без простолоднина.
А новая луна нынче удружила мне,
5 Пригласив на мой праздник безумца».

Мудрецы дали царю такой ответ:

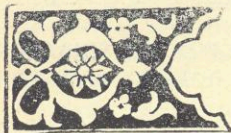
«Лишь созерцая тебя, царство обретает счастье.
Твои низжайшие рабы — венценосные правители,
Цари клянутся прахом из-под твоей ноги.
Пусть твоя жизнь будет вечной, как сама вселенная!
Счастье — помощник тебе, власть — устроительница твоих дел!»

- 10 Коль придется искать способ образумить безумца,
Цепи на него следует надеть не железные, а золотые.
Зелье безумия — золото, только золото,
Зелье само усиливается мощью золота.

Сначала следует пригласить его, вселить всякие надежды,
Осыпать его золотыми монетами, как лучами солнца.
Ради золота не только от возлюбленной, но и от веры
откажется,

За звонкую сладость откажется от сладостной Ширин.
Много зрячих слепнет от блеска злата.
Порой сила железа оскудевает перед этим блеском.
А если золото окажется перед ним бессильным,
Тогда следует занять его камнем.

- 15 Пусть он до скончания своих дней
Проводит время в сражениях с камнем!»

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФАРХАДА

Выслушав мнение собравшихся, Хосров
Повелел пригласить пробивающего горы.
Вот ввели во дворец того, кто был как гора,
За ним [шла] целая толпа людей.
Признаки печали виднелись на его челе,
Он находился в полном забвении.
На лице не было и следа покоя,
Само время оплакивало его.
Он не взглянул ни на трон, ни на Хосрова,
Он, как лев, ногами уперся в пол.

5

Тоска по Ширин так поглотила его,
Что он не думал ни о себе, ни о Хосрове.
Царь повелел принять его с почетом,
На каждом шагу осыпали его драгоценностями.
Слуги вмиг усадили слонотелого,
И у его ног громоздился ларь, словно слон.
В его сердце находился самоцвет любви,
Поэтому в его глазах золото и прах — было одно.
Когда гость не обратил внимания на золото,
10 Хосров разверз уста — ларь словесных жемчугов.

На тончайшие высказывания Хосрова
Тот отвечал так же тонко.

СПОР ХОСРОВА С ФАРХАДОМ

- Сначала Хосров сказал: «Откуда ты?»
[Фархад] сказал: «Из столицы царства любви».
[Хосров] сказал: «Каким ремеслом заняты там люди?»
[Фархад] сказал: «Покупают печаль, предлагают душу».
[Хосров] сказал: «Продавать душу не приличествует».
[Фархад] сказал: «Для влюбленных это не странно».
[Хосров] сказал: «Сердцем ли ты влюблен?»
[Фархад] сказал: «Ты сказал сердцем, я влюблен душою».
[Хосров] сказал: «Как ты чувствуешь любовь к Ширин?»
5 [Фархад] сказал: «Она дороже мне сладкой жизни».
[Хосров] сказал: «Каждую ночь ты зришь ее, как лунное сияние?»
[Фархад] сказал: «Конечно, во сне, но где этот сон?!»
[Хосров] сказал: «Когда изгонишь из сердца любовь к ней?»
[Фархад] сказал: «Лишь когда усну под землею».
[Хосров] сказал: «Если попадешь в ее чертог?»
[Фархад] сказал: «Свою голову склоню к ее ногам».
[Хосров] сказал: «Коль выколет тебе глаз?»
[Фархад] сказал: «Глаз другой ей подставляю».
[Хосров] сказал: «А если кто-то другой ею завладеет?»
10 [Фархад] сказал: «Получит удары меча, если это будет сама скала».

[Хосров] сказал: «Коль не найдешь пути к ней?»

[Фархад] сказал: «Луну созерцают издали».

[Хосров] сказал: «Не следует быть далеко от луны».

[Фархад] сказал: «Одержимому лучше быть подальше от луны».

[Хосров] сказал: «А если потребует все, чем ты обладаешь?»

[Фархад] сказал: «Я с воплями молю об этом Бога».

[Хосров] сказал: «Если доставишь ей радость ценою своей головы?»

[Фархад] сказал: «То я вмг сброшу с шен этот заем».

[Хосров] сказал: «Ты выкинь из сердца любовь к Ширин!»

15 [Фархад] сказал: «Влюбленные не способны на такое».

[Хосров] сказал: «Обрети покой, несбыточно задуманное тобой»

[Фархад] сказал: «Покой мне не сужден».

[Хосров] сказал: «Знай, от страданий помогает терпение».

[Фархад] сказал: «В разлуке с душой и терпение бессильно».

[Хосров] сказал: «Терпение еще никого не подводило».

[Фархад] сказал: «Это дело сердца, а сердца со мною нет».

[Хосров] сказал: «Любовь повергла тебя в страдания».

[Фархад] сказал: «Для влюбленного нет лучшего занятия».

[Хосров] сказал: «Не отдавай души, хватит ей сердца, что отнято ею».

20 [Фархад] сказал: «Когда друга нет [рядом], эти двое враждуют».

[Хосров] сказал: «Страшишься ли чего-нибудь в любви к ней?»

[Фархад] сказал: «Лишь мук разлуки».

[Хосров] сказал: «Хотел бы ты иметь наложницу?»

[Фархад] сказал: «Хотел бы, чтоб меня не было, это куда лучше».

[Хосров] сказал: «Каково тебе от любви к ее красе?»

[Фархад] сказал: «Об этом знает только ее образ».

[Хосров] сказал: «Изгони прочь из сердца любовь к Ширин».

[Фархад] сказал: «Могу ли я жить без любви к Ширин?»

[Хосров] сказал: «Она стала моей, не думай о ней».

25 [Фархад] сказал: «Это превыше сил несчастного Фархада»

[Хосров] сказал: «А если я взгляну на нее?»

[Фархад] сказал: «Одним лишь вздохом подожду небосклон».

Когда Хосров понял, что бессилен перед его ответами,

Решил: «Не следует более его вопрошать».

Царь сказал приближенным: «Среди обитающих на суше и на воде

Я не встречал такого скорого на ответ.

Я вижу: при помощи злата его не одолеть.

Давайте испытаю его на камне, как золото.

С этими словами он язык привел в движение, словно булатый меч.

30 Чтобы алмазная кирка нашла на основание скалы:

«Гора преградой стоит на нашем пути.

Ибо она затрудняет там прокладку пути.

Сквозь эту гору надо прорубить проход,

Да так, чтобы проход был достоин нас.

Дело такое никому не под силу,

Один ты сумел бы, более никто.

Во имя чести любимой Ширин,

Я лучшей клятвы, поверь, не знаю,

Ты обязан согласиться с такой просьбой,

35 Я нуждаюсь в этом, ты должен разрешить это дело».

И так ответил многомогущий муж с железными руками:

«Я уберу с пути Хосрова преграду,

Но с условием, что как только завершу это дело,

Условие мое тут же будет принято (соблюдено).

И сердце Хосрова, нища согласия со мной,

Откажется от сахара Ширин».

Хосров так сильно разгневался на Фархада,

Что хотел приставить к его горлу булат,

Но подумал: «Не страшно это условие!

40 Ведь он скалу будет пробивать, не землю».

А если б даже и землю — возможно ли гору прорыть?!

А если прорвет, так куда всю эту землю денет?!

Шах горячо ответил: «Да, условились,

А если откажусь, то я не сочту себя мужчиной.

Стан подтяни потуже, освободи руки,

Отправься и яви миру свою мощь!»

Влюбленный Фархад, услышав эти слова,

Спросил справедливого царя о приметах той горы.

И вот Хосров направил его к скале,

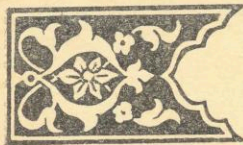
45 Которую нынче каждый зовет Бисутун.

И поскольку она вся из гранитных глыб,
В крепости ее можно убедиться
Прорубающий гору, подобный огненной горе,
Радостно двинулся от Хосрова
С быстротою ветра к подножию скалы
И, подпоясавшись, заработал киркой.
Сперва, оказав скале великую честь,
Высек на ней красивые образы.
Меткими ударами тесака образ Ширин
50 Он так воссоздал, будто Мани рисовал в Аржанге.

Затем высекавшим искры при ударе копьём,
Изобразил на скале Хосрова на Шабдизе.
Ты, читатель мой, уж наверно наслышан,
С каким благородством высечены эти образы.
И как жестоко поступила с этим благородным юношей
Старуха, взращенная на жирном царском сале.
Сало привело волка к гибели,
Благодаря ему же спасся от западни тот, кто с львом
сравним.
Но все же разжиревшее на сале величие не спасло от этой
игры,

55 А коль так, стоит ли жиреть на этом сале?

Не лицемерь! Ведь у сей жирной овцы зубы остры,
Уписывая ее курдюк, ты можешь подавиться.
Коль твоя звезда не взойшла с сияющим хвостом,
Так стоит ли тебе плестись, как хвост, сзади?!

О ТОМ, КАК ФАРХАД СРЫЛ ГОРУ И О ЕГО СТЕНАНИЯХ

Когда Фархад закончил
Высекать изображения на скальной стене,
Без передышки с утра до вечера,
Срезал гору, думая о возлюбленной,
Силой плеч сносил он гору,
Дробя огромные скалы.
Каждым ударом по гранитной скале
Казалось крепостную башню сносил.

Каждым ударом он сокрушал скалу,
5 И люди, видевшие это, приходили в ужас.

Алмазом ресниц сверлил он яхонты,
Рассказывал горе о своих страданиях:
«О гора! Хотя ты — из гранитных скал,
Сжался — раскрошишься на части.
Дозволь ради меня иссесть тебе чуть-чуть лицо,
Будь податливой под моими мощными ударами.
Иначе, ради прихоти возлюбленной,
Покуда в теле моем будет душа,
Не перестану истязать тебя,
10 Пожертвую жизнью в битве с тобой».

По вечерам, когда солнце с тоскливой степи
Заставало его на вершине горы,
Когда черным писалось по белому,
Когда поднималось знамя [заката] и опускался властелин,
Он подходил к изваянию и долго
Взирал на черты самоцвета среди скал.
Припадал к ногам изваяния, лобызал их,
От любви громко, словно литавры стонал:
«О ты — михраб для глаз живописца!
15 Дарующая исцеление душе скорбящего!

Кумир мой сребротелый с каменным сердцем!
Из-за тебя потеряло себя мое несчастное сердце.
Ты — словно самоцвет, вправленный в камни,
У меня же сердце разбито камнем, подобным самоцвету».
Он долго рыдал перед изваянием,
Потом долго просил прощения.
Затем поднимался на вершину горы,
Взвалив на спину бремя тоски.
Оттуда смотрел на замок возлюбленной,
20 Горестно восклицая: «О розовотелый кипарис!

Озари же опустошенное сердце,
Просвети того, кто уже не в силах действовать.
Утоли желание того, чьи желания тщетны,
Обнадежь того, кто лишен надежды.
Я знаю: не помнишь ты обо мне,
Тоскуешь о возлюбленном, что лучше меня.
А я тот влюбленный, что в думах о тебе дни и ночи

Испепеляет весь мир стонами, опалает вселенную.
Пока твое сердце радо Хосрову,
25 Станешь ли помышлять о таком чужеземце, как я?»

А Ширин меж тем сидела блаженно, подобная свежей розе,
Рассыпая сладостные слова о лике Хосрова.
А несчастный Фархад жертвовал
Сладостной жизнью ради души Ширин [и говорил]:
«Хотя ты и пламя, о блистающая луна моя,
Хотя я мысленно совершил и хадж и умру
Из-за любви к тебе, о озаряющий ночь светоч,
Я так несчастен, как ты видишь, так несчастен.
В этом тесном проходе (т. е. мире)
30 У меня жизнь, словно камень (т. е. тяжела).

Злая судьба схватила меня за ворот,
И злосчастье привязалось во мне.
Если лицо мое не из камня и железа,
То как мне ждать верности от камня и железа?
Не унижай более горестное сердце,
Не убивай чужестранца, словно камнем змею.
Тебе доступны самые лучшие куски [любви],
Ибо у тебя два мясника на каждый кусок.
Я же одиноко сижу на вершине горы,
35 И меня даже не приносят в жертву из-за худобы.

Я сгораю в пламени любви к тебе и смирился с этим
в разлуке,

Ибо мотылек не выносит света.
И потому к тебе не стремится этот прах (т. е. он, Фархад),
Ибо опасно быть рядом с тобой.
Клянусь таким благодарным влюбленным, как я,
Что я готов с благодарностью принять от тебя и смерть.
Быть может, избавишь ты меня от оков скорби,
Ибо для меня лучше смерть, чем подобная жизнь.
40 Да не взойдет звезда, подобная моей,
Да не родится никто с судьбой, подобной моей.
Быть может, родная мать так молилась:
«Да не исполнится ничто, из того, что ты жаждешь».
Если меч неба стал безжалостным,
То почему у тебя он срезает лишь ноготок, а мне руку?
Если вымя вселенной не благоволит [ни к кому],
То почему оно дарует тебе молоко, а мне кровь?

Клянусь молоком, которым вскормила тебя мать,
Что когда ты сладостно будешь пить молоко из моего
ручейка,

То помянешь меня за сладостное молоко,
45 Ибо для жаждущего полезны молоко и сахар.

И я коснусь молока, как пастухи [когда доят],
Ибо я жажду твоей любви, как грудной ребенок молока.
Помни меня, как будешь помнить вкусное молоко,
Не забывай меня, как забывают грудные младенцы
[материнское молоко].

Если даже не даруешь мне сладости из твоей чаши,
Мои уста будут чувствовать сладость, произнося твое имя.
Нет у меня друга и утешителя, кроме тебя,
Не оставляй же меня без друга и утешителя.
Молви слово, призови меня, голодного,
50 Обрати в светлый день мою мрачную ночь.

Знай же: хотя я нищий рядом с тобой,
Я отдам за тебя жизнь, словно богач.
Бедняк только благодаря везению
Может надеяться получить прибыль, не имея капитала.
Не сжигай сердце, любящее тебя,
Помочь которому можешь лишь ты одна.
Коли ты прославилась добротой, луна,
То не топчи по пути скитальцев.
Ныне ты не ведаешь о доле чужестранца,
55 Так опасайся же тягот дней пребывания на чужбине.

Я возлагал на жизнь много надежд,
У меня было много надежд на молодость.
Но ныне я разочаровался и в том, и в другом,
Я стал вечной обителью для бед.
Увы! Сколько бы ни было в мире друзей,
Они спутники тебе только до трудных времен.
Когда же настанут для тебя трудные времена, они
уклоняются [от помощи],
60 Если попросишь подать руку помощи, подставят ножку.

Не пей моей крови, ибо я сам испил своей крови из-за тебя.
Я — чужестранец, я — прах в твоём краю.
Что я плохого совершил? Почему ты ненавидишь меня?
Нехорошо, если я совершил зло, а ты не скажешь [какое].

Я поклонялся твоему образу,
А если и иное свершил прегрешение, то пусть стану иудеем
(евреем).

Не будь неверной преданному влюбленному,
Никто ни к кому не относился так безбожно.
Если даже ветер я, то ты, о благородный кипарис.
Качни головой, словно ива, на этом ветру.
Если даже прах я, то ты, о драгоценное сокровище,
Воздвигни молельную из этого праха.
65 Если не позволишь, о таразский светоч,

Плавиться мне в твоём светильнике, как масло,
То убей меня вдали от твоего порога,
Чтоб я стал истлевшей частицей, поверженной твоей рукой.
Я — башня на крепостной стене, где обитают сыны,
Всю ночь со мной — только совы.
Хотел бы я, чтобы ты увидела хоть раз ночью мое
горестное состояние,

[Увидела], как я встаю рано утром и не сплю по ночам.
70 Если бы даже сердце у тебя было из будата, а не камня,
То простила бы меня раненого и страдающего
Каждый миг я терплю от тебя все новые притеснения,
В своих глазах не стою и ячменного зернышка, хотя я
из-за-тебя искромсан.

Я повержен, словно загнанный вол,
Видишь меня, но проезжаешь на муле вдали.
Так сжался же над тем, кто убит тобой,
Не терзай сердце своего раба,
Все это истинно, не просто слова,
Я пригожусь тебе, не пустяки это.
75 В твоих руках я ничтожен, словно соломинка,
Хотя моя десница может сокрушить целую гору.

Если я мощью десницы одолел гору
То, что мне рать, могучая как гора?
Стоит мне поднять меч на живое существо —
И Парвиз и Шабдиз — для меня что ячменное зернышко.
И Парвиз, и Ширин, и Фархад
Все мы состоим из пяти букв, о рожденная пери.
Коли наши имена состоят из пяти букв,
Почему же десница Хосрова должна быть мощнее?
Я не знаю соперника сильнее себя,
80 В [сказаниях о] победах и поражениях у меня славы больше.

Не ведаю я о своем невезении
И страшусь лишь счастья противника.
Я обречен на удивительное невезение,
Мой недруг — самый счастливый человек.
Да не суждено будет человеку, если даже он шах,
Чтобы враг его оказался счастливецом.
Опасаясь я, что после схватки с этой горой
Удача окажется уделом недруга, а моим уделом — лишь
горе.

85 Тот, кто уговорил меня на это [единоборство],
Стремился лишь к моей гибели.

При таких страданиях мне предпочтительнее смерть,
Ибо душа моя в страданиях, а страдания — в душе.
В любви мне предстали великие испытания,
Ибо сердцем я привязался к камням, а на душе — камень.
Человек может окрепнуть в тяготах,
Но не в таких муках, которые даже железу не под силу.
Твоя любовь плавит меня, как желтый воск,
Мое сердце жалеет меня из-за этой скорби.
90 Хотя в моей поклаже нет ни золота, ни серебра,
Чтобы положить к твоим ногам харварами,

Однако мое желтое лицо, проливая слезы,
То золото кует, то серебро.
От страсти к тебе, о лучезарный светоч,
Я не знаю покоя ни во сне, ни наяву.
Если бодрствую я, то приходится скорбеть.
Если же сплю, то печаль умножается.
Раз я таков во сне и бодрствую,
То не вижу лучшего убежища, чем ты.
Приди же, чтобы я мужественно принес тебе в жертву свою
жизнь,

95 Не див я, чтобы сторониться людей.

Если у человека нет привязанности к людям,
То он высекает людей из камня.
Я высекаю из камня, и нет тайны в том,
Что камень всегда передо мной, но не каменное у меня лицо.
Из людей [в наши дни] счастлив тот,
У кого чело твердое, как зеркало.
Разве станет благоволить этот мир праха
К тому, кто стыдлив, как фиалка.
А тот, кто бесстыж и нахален,

100 Надевает шитую золотом шапку, словно нарцисс.

В мире нет даже пастуха презреннее меня,
Не увидишь никого более отвергнутого, чем я.
И нет у меня преданных друзей,
Которые сказали бы, увидев меня упавшим: «Встань».
И нет у меня никого из близких,
Чтобы поправил мне изголовье в мой смертный час.
Одинок я в своем горе, пожертвовал собой тебе,
Положил голову на [твой] порог.
Сто лет просижу я в глубокой яме —

105 Но не обнаружу над собой [вверху] ничего, кроме
собственных стонов.

Сто лет пространствую я по горам и степям,
Но никто не последует за мной, кроме собственной тени.
Несчастен я, как побитая собака. Со всеми своими горестями
Я странствую, в крови и пыли, словно укушенный бешеной
собакой.

В этом мире для собак есть конура, у меня же нет ничего,
У трав есть корни под землей, у меня же — нет.
Для барсов в горах есть убежище,
Для морских чудищ в море есть укромные места.
Мне же, созданному из праха (из земли) нет почета,
страдаю я,

110 Ни на земле нет мне покоя, ни на камнях.

На земле я, и не расстанусь с горем,
Сойду во прах (в землю), чтобы обрести покой (утешение).
Да не будет никто бездомным, подобным мне.
К чему жизнь в таких муках?
Меня гонит к тебе ветер погибели,
Не так я выразился, — мой бранный прах зовет меня к тебе.
Раз существуешь ты — то что значу я?
Мир — твой, а я в нем — никто.

115 Не следует говорить, что я живу, коль скоро живешь ты,
Иначе могу стать себялюбцем.

Я пытаюсь уйти, то тщетно,
Ибо дым указывает мне путь.
В этой обители, где ноги сбиты от беготни,
Путь достижения желанья — долог, путь ухода — короток
Быстроходен [будет] мой конь, когда покину мир,
Но не знаю, где обрету покой (не знаю, куда он привезет).

200

Поскольку я ни на миг не избавлен от горя,
Не хочу, чтобы кто-либо другой радовался в мире.

120 О сердце! Знаешь ты, что изрекли мудрецы

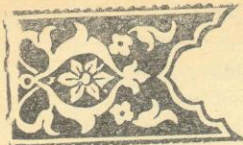
В том море, где они сверлили жемчужину мудрости?
«Тот, кто немощен по своей природе,
Не хочет, чтобы кто-либо был здоровым».
С какой стати ко мне может благоволить любовь?
Если у меня в каждом волоске — тысяча страданий.
Да, в мозгу у меня не осталось ни капли масла,
Но посмотри: сердечная мука сжигает меня, я сгораю, как
светильник.

Печаль, сжигающая меня, обратила меня в пепел,
А ведь под пеплом могут тлеть уголья
Я — лишь прах, унесшийся с места, словно ветер.
125 Веселье покинуло меня, ноги лишились сил.
Если я вновь обрету силу ног,
То прикрою их полой, словно изображение на стене.
Я скроюсь [от людей], словно точка под циркулем,
Уединюсь, общаясь с изображениями на стене.
Я окружу себя со всех сторон сотней стен,
Чтобы не видеть ничьего облика.
Не стану впредь привязываться к чьему-либо образу,
Довольно с меня поклонения картинам».
Беседуя так с изображением,
130 Он приносил ему в жертву свое бедное сердце.

Когда ночь стала отворачивать лик от мира,
Дружина дня стала поднимать знамя.
И тот, чьи дни были кошмаром, кто вставал по ночам,
Вновь оттачивал кирку ударами по скале.
По ночам до утра он рассыпал [слезы] жемчугами,
А днем он только и делал, что долбил камни.
Он исторгал столько жемчуга и дробил столько камня,
Что в его мозгу камни и жемчуга смешались.
По всему свету прошел слух о страдальце Фархаде,
135 Который сносит гору.

Со всех сторон стекались каменотесы,
Удивлялись ему и кусали пальцы от удивления.
Они дивились его железной кирке и [высекаемым] камням,
Изумленные, — все изумлялись.

201

О ТОМ, КАК ШИРИН
ПОЕХАЛА К ГОРЕ БИСУТУН
И ЕЕ КОНЬ ТАМ УПАЛ

- В благословенный день, в счастливую пору
Сидела Ширин с подругами.
Говорили они о том, о сем,
Как бывает, о холодном и теплом.
Одна вспоминала о минувших радостях (развлечениях)
И тем радовала сердце.
Другая слагала сказки о грядущем,
О том, что надо им больше веселиться.
Много было сказано слов, радующих сердце,
5 Все пересказывать слишком долго.
- Речь текла непрерывным потоком,
Наконец, коснулась столпов Бисутуна.
[Ширин], смеясь, сказала милым наперсницам
«Сегодня я отправлюсь к Бисутуну.
Взгляду на железные плечи Фархада,
На то, как режет сталью он камень.
Быть может, в один прекрасный день от тех камней и
железа
Падет на меня искра утешения».
Она велела оседлать коня —
10 Установить на утреннем ветерке расшитое золотом седло.
- Гульгуна не было в тот день в конюшне,
Пришлось ей сесть на другого коня.
Она выступала подобно весне. Как описать ее?
Была прекрасна как красавица из племени ягма.
Она поехала. Нарциссы ее полны неги,
Она была свежа, словно букет роз.
Изящная, свежая,
Она летела на коне легко, словно птица,
До того была проворна красавица,
15 Что вскакивала на коня с десяти шагов.
- Копыта ее коня на скаку приковывали утренний ветерок,
Описывая на земле круги быстро, как небосвод.

Когда к той огромной горе прибыла
Серебряная гора, благоухая мускусом и розами,
То солнце заблестало, отображая блеск ее лица,
И от ее рубинов камни там превращались в бадахшанские
лалы.

- Она подозвала к себе гороподобного каменотеса,
Сама поскакала навстречу каменотесу на гороподобном коне.
Из-за ее рубинов (уст) Фархад расставался с жизнью,
20 Сносил гору, как простой каменотес.

Из-за любимой с каменным сердцем он сносил летящие
[на него] камни;

Но мстил он только камням [киркой].
И не имелось таких весов,
Чтобы измерить его мощь, взвесив те камни.
Гороподобным телом он рассекал гору,
Ему предстояла скорбь, огромная как Демаванд.
Он непрестанно рассекал гору,
Ибо в тех камнях он находил утешение.
Лик гранитных скал он омывал рубиновыми слезами,
25 Как будто в граните он искал рубины.

- Когда он услышал [привет] из рубиновых уст Ширин,
Ему показалось, что в гранитных скалах нашел самоцветы.
Кирка в руке накалилась от пламени в сердце,
Под железом камни были мягче глины.
Рукой он рассекал камень, словно глину,
Другой же рукой бил камнем по сердцу.
Любовь к кумиру терзала его сердце.
Если перед ним стоял кумир, к чему он высекал кумира?
У сахароустой была чаша с молоком,
30 Вручила ему, сказала: «Возьми на память обо мне».

Благородный муж взял из рук Ширин молоко.
Что говорить о сладости? Он выпил его, словно сахар.
Если красавица, подобная Ширин, будет и кравчим, и в
объятиях,

- Не то что молоко, даже яд станет целительным зельем.
Когда влюбленный опьянел от чаши,
То та, что была виночерпием, решила двинуться в путь.
Она изнемогала от множества золотых украшений,
Конь изнемогал от ее каменьева.
Не то, что конь, даже золотая гора,
35 Не устояла бы под серебряной горой (Ширин).

Говорят, что ветроподобный конь
Осел под тяжестью сокровища, источающего жемчуг.
Когда влюбленный увидел, что прелестная любимая
Может упасть с коня-ветра на землю,
То он поднял коня и наездницу, на шею
Взвалил и облегчил ее положение.
Так нес он до самого замка ту, что взрастили в неге,
И на теле Ширин не пострадал ни единый волосок.
Усадил ее он на ковры в замке,
40 А потом вернулся в свою обитель другим путем.

И вновь он стал камнебойцем,
И вновь стал рассекать камни железом.
Пришел он к горе с горой [скорби] на горестном сердце,
И бился он головой об камень на каменной горе.
Подобно серне, увидевшей на горе траву,
Из солончака он подбежал к [будущей] могиле.

О ТОМ, КАК ХОСРОВ УЗНАЛ,
ЧТО ШИРИН НАВЕСТИЛА ФАРХАДА

Властитель мира Хосров непрестанно,
Неустанно навел справки о Ширин.
Не счесть было его лазутчиков.
И у каждого из них были свои обязанности.
Стоило луне (Ширин) притронуться к носу пальцем,
Как об этом подробно доносили шаху.
Когда [она] навестила Фархада
И не гору увидела, а [скальную] твердыню,
То властителю вселенной донесли:

5 Фархад увидел пленительную красавицу, и

Возросла мощь его десницы —
Теперь он каждым ударом сносит целую глыбу;
С того часа он предается радости,
Камни стали податливыми;
Тем железом, которым он испытывает камень,
Он может лишить подпорок Бисутун.
Он бьет киркой, словно воинственный лев,
Но он — не камнетес, а страстно влюбленный.

Лиса, обладая сноровкой,
10 Сокрушит в битве волка.

Если весом ячменные зернышки перевешивают золотой динар,
То стрелка весов отклоняется от динара.
Если он сохранит такую силу еще на месяц,
То проложит путь сквозь толщу горы».
Царь лишился покоя, из-за того, что камни крушились,
И что предстояла ему разлука с рубином (т. е. Ширин).
Он стал расспрашивать мудрых старцев о том,
Что ему предпринять.
Так отвечали разумные старцы:

15 «Если хочешь, чтобы этот узелок развязался,

То отправь гонца, который, не сходя с коня,
Скажет Фархаду, что Ширин внезапно скончалась.
Быть может, на какое-то время он перестанет работать
И в подчете времени произойдет промедление».
Тогда выбрали одного лжеца,
С морщинами на челе, с угрюмым лицом,
Словно мясник, готовый лить кровь в ярости,
Словно факельщик, обдававший с усов пламенем.
Научили его как передать дурную весть,

20 Пообещали золота, пригрозили булатом.

Потом отправили его к горе Бисутун,
Указали ему путь к преступлению.
Его наглые глаза увидели Фархада,
Увидели в его руках железный заступ,
[Увидели] Фархада, подобного разъяренному лютому льву,
Который, словно взбешенный слон, срывал гору.
Сердце его тосковало по Ширин,
Под его руками и камень, и железо стали податливыми.
Из-за пламени, бушевавшего в сердце и в душе,
25 Он не думал ни о себе, ни о чем другом в мире.

Он читал стихи о лике Ширин, яростно,
Словно пламя, он бил киркой и рушил скалы.
Направился к Фархаду жестокосердный муж,
Раскрыв уста, притворяясь опечаленным.
Сказал: «О несведущий невежда! Чем ты занят!
Зачем всеу губишь свою жизнь?»
Ответил Фархад: «Во имя славы возлюбленной

Я творю дела, которые зришь.
И какая любимая! — Любимая со сладостными устами,
30 Любимая, что для меня сладостнее ста жизней».

Хмурый и грубый в речах муж поняв,
Что дело спорится во имя Ширин,
Вздыхнул тяжело и сказал:
«Скончалась Ширин, но Фархад не ведает.
Как жаль застенчивого кипариса!
Вихрь смерти сокрушил его, повалил наземь.
На прах луны (Ширин) посыпали амбру,
Ее путь к могиле омыли слезами.
Но поневоле смирились с тоской о ней,
35 Предали ее земле и вернулись назад».

И так каждый миг он наносил Фархаду удары мечом,
Говорил ему в лицо печальные вещи.
И как не отсох у него, увы! — язык
Когда он говорил о ее локонах и роднике!
Как может сердце позволить сказать такие слова,
Видел ли это или нет — [неважно]!
Когда слова его дошли до слуха Фархада,
Он свалился со скалы, словно скала.
Он исторг из сердца такой тяжкий вздох,
40 Словно двужальное копье вонзилось ему в сердце.

Он жалобно воскликнул: «Увы! Натерпелся я.
Не познав покоя, умер в муках.
Если волк настигает сто овец,
Он забирает ту, которая предназначена на подаяние
беднякам.

Как прекрасно сказал возгонщик розового масла розовому
кусту:
«Не забирай себе того, что придется потом отдать».
Мой прелестный кипарис сошел во прах.
Так почему же я не осыпаю свою голову прахом?
С розового куста осыпались смеющиеся розовые лепестки,
45 Почему же сад не обратился для меня в узницу?

Улетела с лужайки весенняя куропатка.
Почему я не плачу громоподобно, словно туча?
Угас лучезарный светильник,
Почему такой день не угас, не превратился в ночь?

Угас мой светильник, и потому тяжки мои вздох,
Ушла моя луна, и потому солнце мое пожелтело.
Я соединюсь с Ширин на том свете,
Я буду нестись без передышки к небытию».
Он разжег пламя, горя из-за Ширин,
50 Поцеловал во имя ее землю и простился с душой.

Мир способен только на такое:
Дарует горе, отбирает душу.
Стоит чуть-чуть поправиться делам у бедняги,
Как его дверь окружают со всех сторон беды.
К какой бы ветке розового куста он ни прикоснулся,
Вместо роз на его голову сыплются камни.
Он до того лишен доли в радости,
Что леденец у него во рту превращается в яд.
От злой судьбы ему так немоготу,
55 Что он вынужден сложить пожитки и покинуть этот мир.

Поводья жизни таким образом отпущены,
И нога юности — в стремени.
Тот обретет от судьбы спасение,
Кто вовсе не поселится в этом паланкине (мире),
Кто уединится в келье небес, словно Мессия (Иисус Христос),
Которого никто не видит, хотя кругом полно светильников.
Этот мир — подобен диву и, если хочешь покорить дива,
То только добрым нравом сможешь этого добиться.
Да не станет твой злой нрав адом для тебя,
60 Пусть твой нрав станет раем для других.

Если ты нравом человекен,
То у тебя рай в обоих мирах.
О глаза! Не спите так беспечно, как опьяненные,
Действуйте в мире, как бдительные мужи.
Ведь в утробе земли столько будешь почивать,
Что даже небеса забудут о тебе.
Пятьдесят лет ты играешь
Этим глиняным шариком. Доколь же тебе заноситься?
Не то что пятьдесят, а пятьдесят тысяч лет проживи, [но]
65 Не полагайся на мир, он не вечен.

Невозможно быть тверже камня,
А ведь и камень рассыпается песком на многие фарсанги.
Земля — плаха [для неба]. Как же песок может не
рассеяться?

Ведь на плахе только кровь и проливается.
 Как много крови пролито во прах этой степи (мира)!
 Даже Сиявуш не спасся под этим сводом.
 Каждая песчинка, которую несет вихрь,
 Это частица или Фаридуна или Кей-Кубада.
 На всей земной поверхности нет и горсти праха,
 70 В которой не было бы крови многих людей.

Кто знает, сколь долго пребудет
 Эта древняя обитель и какового ее прошлое?
 Каждое столетие она начинается новый круг,
 Когда завершается один круг, начинается другой.
 Она никому не позволяет видеть ее круги,
 Чтобы не проникли в ее суть.
 Что можно увидеть и услышать,
 Пробыв несколько дней в ее коловращении?
 75 В каждом круге сосуществуют насилие и справедливость,
 Но тайна их неведома мудрецу.

Если не хочешь испытывать насилие за насилием,
 То не следует говорить тайн одного круга [людям] другого
 круга.

Дни и ночи — это норовистый конь. Берегись же,
 Не вручай повода своей жизни этому пегому коню!
 Одолей ты даже сотню наук —
 Не следует показывать норов этому пегому миру.
 Доколь ты будешь себялюбцем, как кошка?
 Отринь от себя [коварство] кошки, и тогда ты спасешься.
 Сколько небо ни варит в котле землю,
 80 Она так и остается сырой, как сырмятная кожа.

Игорный дом полуайцевида неба.
 Многих достойных мужей лишил состояния,
 Хотя невестой земли и является блистающая луна,
 Она в воле урагана, ибо мир этот дряхл.
 Быть может, всеобщая погибель от урагана
 Покончит навсегда с этой землей.
 Будет ли ураган или не будет в наши дни,
 Все равно ты не зажигай светильника радости на этой земле.
 На этой горсти праха (в этом мире) о ты, в чьих руках
 только прах,

85 Даже если каждый палец зажжешь как светильник,

Ничего не добьешься, ибо этот губительный мир
 На порезанный палец сыплет прах.
 Ты немощен потому, что немощен прах [из которого ты
 создан],

Так как временами он болен, а временами здоров.

Легко падать с крыши,

Если только при этом не разобьется тело.

Не видишь, как бывает с человеком во сне: когда он
 бестелесен,

С ним не случается ничего, если даже он падает с высоты
 в сто полетов стрелы.

Цитрон не страдает от дыма так,

90 Как мы страдаем от девяти незрелых цитронов неба (сфер).

Если ты, как Юсуф, не отвернешься от цитрона мирских
 [страстей],

То поранишь себя, подобно тому, как Зулейха поранилась,
 очищая померанец

Рано поутру испей напиток любви, брось камень [в бутылку
 небес] (презри небо),

Перестань думать о цитронах и померанцах этого мира.

Сними поклажу с этого мира (оставь мир) о девяти дверях,
 Быть может, спасешься от этого девятиглавого дракона.

Дыхание, которое всегда сопутствует жизни —

Это порожденный нами холодный осенний ветер.

И если ты без любви сделаешь хоть один вдох, то — ты
 мертв,

95 А ведь вдохи нам отсчитаны один за другим.

В любви надо быть Фархадом,

Надо радостно принять смерть.

Мастер точил из гранатового дерева

Железную (прочную) ручку кирки,

Чтобы она была удобной для руки,

Чтобы повиновалась его руке.

Услышал он те нестерпимые слова

И подбросил кирку высоко над головой.

Конец кирки вонзился в камень, черенок вошел во прах.

100 Говорят, что земля была влажная.

Из черенка вырос побег гранатового дерева,

Правратился в дерево и принес много плодов.

Если с того дерева ты ныне вкусишь плод,

То он будет зельем от всяких недугов.

Хотя Низами и не видел того гранатового дерева,

Он прочитал в книге эти речения.

О ТОМ, КАК ХОСРОВ
НАПИСАЛ ШИРИН ПИСЬМО
С ВЫРАЖЕНИЕМ ПРИТВОРНОГО
СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

Сказитель поведал так,
Что когда Фархад умер из-за любви к Ширин,
Сердце Ширин стало страдать из сострадания к нему,
Что, мол, нежная птица, улетела из сада.
Из-за того благородного, что рос у ручья (т. е. из-за
Фархада)

Она долго рыдала, словно весенняя туча.
Она велела облачить его, словно вельможу,
Предала земле и вернулась с ветром в руке.
Над прахом его воздвигла высокий купол,
5 Превратила то здание в место паломничества.

Стали докладывать Хосрову [отовсюду],
Что на его пути уже нет того шипа.
Опечалился шах из-за содеянного им,
От причиненного горя он сам стал страдать.
Он стал размышлять — и было о чем думать, —
Сможет ли снести возмездие судьбы.
Зло, которое причинишь другому,
В один прекрасный день обернется против тебя же.
И дни и ночи его одолевали печальные мысли,
10 И от своей печали он получил удар [судьбы].

Он вызвал к себе придворного дабира,
Который умело рассыпал на бумаге жемчуга.
Шах велел замесить на сахаре горькие розы,
Велел написать Ширин сладостное письмо.
Первым начертанием в том пленительном послании
Он восславил имя владыки:
«Во имя того, кто дарует свет зрению,
Благодаря которому создания обрели способность видеть.
Творца всех людей и джиннов,
15 Всех земных и небесных явлений,

Во имя того, кто заставил вращаться небо над землей,
Кто поместил землю в центре вращения небес».

Вслед за именами Бога и пречистых созданий (ангелов)
Он говорил о мужах-мучениках.
И писал: «Царица красавиц, пленительная Ширин,
Которую сладкоречивые зовут сахарной улыбкой,
Слышал я, что в тоске по страстно влюбленному в нее другу,
Разбила палатку возле могилы [Фархада];
Что с гианцинтов-кос на щеки-розы она рассыпает мускус,
20 Что из глаз-нарциссов на лицо-жасмин льет ртуть (слезы);

Что, скорбя, она согнула вдвое шагающий кипарис (стан),
А ее щеки цвета аргавана стали лиловыми.
Что она щеки-жасмины окружила фиалками,
Что она ранила финики-губы зубами;
Что она оцарапала окрашенными в красное пальцами
розы щек,
Что жемчужинами зубов искусала уголки луны (губы);
Что она развязала покрывало на луне (на лице),
Сняла его с лица, распустила косы;
Что она опалила весь мир своими воплями,
25 Своими рыданиями о друзьях.

Только такими должны быть друзья.
Таковы именно приметы дружбы.
Я слышал, что Ширин стало жаль поденщика-камнетеса,
Что она прошла всю гору, опустив голову долу.
Убитый чужестранец достоин оплакивания,
Пусть же мир оплакивает его всемирным плачем.
Если так умирает влюбленный, горюя о друге,
То пусть умрет тот, кто не берет с него примера
Нам нет дела до его судьбы,
30 Наше сердце страдает только из-за тебя.

Знаю я: ты сильно огорчена его смертью,
Умер он, но ты не забываешь его.
Но зачем надо было убивать его, заставив страдать?
Коли убила, доколь же теперь горевать?
Скорби о нем, ибо ты его убила.
Почти его, ибо ты и унизила его.
Если ты даже сто лет будешь сидеть над прахом его,
Ты не увидишь никого более брэнного, чем он.
Если у тебя даже сотня сердец, как у земли,
35 Не найдешь никого, кто любил бы тебя, как он.

Но поскольку нет пользы от плача,
Зачем виться дыму, раз не жарится кебаб?
Ты оплакивала его предостаточно,
Но что можно поделаться с судьбой-разбойником?
Основа жизни держится на смерти,
Никто не будет жить вечно.
Ты — солнце, а он — звезда, о пленительница.
Когда восходит солнце, звезда закатывается.
Если позволишь, ты — утро. а он — светильник,
40 Тот светильник хорош, который гаснет до наступления утра.

Ты — свеча, он — опьяневший от любви мотылек,
Когда зажигают свечу, мотылек гибнет.
Ты — сад, а он — травка, которая растет в саду.
Та травка хороша, которая засыхает и увядает в саду.
Ты по характеру — пламя, он же — страдающее алоэ,
Алоэ сгорает, когда вспыхивает пламя.
Если из твоего цветника улетела какая-то пташка,
То [зато] тебя почитает на небе Алтайр.
Из твоего кувшина вылилась всего лишь капля воды,
45 Но много рек, равных Тигру, берут начало из твоего родника.

Если осталась полная луна, то скажи новолунию, чтобы оно
сгнило.

Если есть красота, то не обращай внимания на пятнышки.
Если ушел Фархад, да пребудет Ширин!
Что нам желтые цветочки? Да пребудут розы!»
Когда писец закончил письмо,
Он поцеловал прах [у его ног] и положил его перед
[Хосровом].

Хосров поспешно вручил письмо посланцу.
Тот взял и поскакал с ним туда, куда ему было сказано.
Ширин, увидев письмо шаха,
50 Озарилась лицом, словно месяц.

Она поцеловала письмо в трех местах, распечатала,
Прочитала все слово в слово.
Она узрела печень покрытую уксусом,
Леденцы, обсыпанные ядом
Шелка, в которых копошатся сотни змей,
Финики, под которыми скрываются сотни шипов,
Грубые дерюги, обернутые в шелка,
Ядовитое снадобье, выдаваемые за целебное зелье.

У нее не было ни сил, чтобы испить этот шербет,
55 Ни душевных сил, чтобы возмутиться

Муки и горести, страдая,
Она сносила благодаря своему недреманному счастью.

СМЕРТЬ МАРИАМ

Поразмысли, о мудрец, о деяниях времени, [о том],
Что за преступлением последует возмездие.
Небеса не забудут доброго дела,
Небеса готовы воздавать за все.
Когда Хосров, соболезнуя Ширин [из-за] смерти Фархада,
Послал Ширин такие горестные слова,
То по воле Всевышнего случилось так,
Что закончились дни царствования Мариам.
Повествуют, что Ширин губительный яд
5 Дала ей испить, тот, что она сама испила.

Но коли хочешь [знать] правду, так позабудь о яде,
Она погубила ее своей волей. замешанной на яде.
Когда индусы пускают в ход волю,
То с высохшей ветви падают зрелые плоды.
Чароден представляют костяной шарик луной,
Силой обмана зрения творят фокусы.
Когда Мариам скончалась,
Она перестала есть сахар (наслаждаться) Хосрова.
Шах вселенной освободился от руки (власти) Мариам,
10 Словно роженица, которая, благодаря цикламену
разрешилась от бремени.

Когда дерево Мариам перестало плодоносить (когда она
умерла),
Хосров освободился от скорби и зацвел, словно дерево
Мариам.

Но ради ее сана и из уважения к ней,
Он выдержал полный срок траура,
Из-за траура он целый месяц не садился на трон,
Одевался только в черное.

Когда Ширин сообщили об этих событиях,
Для нее зацвели и розы, и шипы.
С одной стороны, она была рада ее смерти,
15 Ибо ее чистая душа была ныне свободна от ревности.

Но с другой стороны, она огорчилась и опечалилась,
Ибо была разумна и страшилась смертного часа.
Из уважения к Хосрову она целый месяц
Не предавалась какому бы то ни было веселью.
Спустя месяц, когда не стало в ране шипа,
Когда перед миром не стало пелены пыли,
Сердце велело ей взрастить [в себе] семена страсти,
Написать ответ на письмо Хосрова.
Слова, которые были у нее на сердце,
20 Она легко рассыпала, словно семена в землю.

О ТОМ, КАК ШИРИН
НАПИСАЛА ХОСРОВУ В ОТМЕСТКУ
ПИСЬМО С ВЫРАЖЕНИЕМ
СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

Писец прикоснулся каламом к бумаге,
И подробно записал все ее слова.
Слова были сладостны, словно сахар.
Он составил вступление к посланию:
«Именем владыки владык,
Который прощает грехи кающимся,
Он — не изображение, а творец тех, кто изображает,
Звездочеты дивятся его деяниям.
От земли до небес, от Солнца до Луны
5 Во владениях его величия (т. е. Бога) посланцы его

Даруют людям на их путях пропитание, не требуя взамен
благодарности,

И без калама он творит в скалах рубины.
Ни птиц, ни насекомых в морях и горах —
Никого не оставляет он навеки в скорби.
Тому, кто в достатке, дает познать бедность,
Тому, кто в затруднении, помогает.
Если мы позабудем о благодарности ему,
Он надерет нам уши, чтобы мы очнулись.

Изменения в явлениях [мира] происходят,
10 Если взглянуть [внутренним] оком, только по его воле.

То покой он дарует в удел, то страдания,
Ниспосылает [людям] то нищету он, то сокровища.
Все явления мира двухцветны:
То как румийцы, то как негры.
То один воздает другому справедливо
То радует кто-либо, другой устраняя [причину] горя.
Как прекрасно сказал Лахавари некоему Туси:
«Смерть осла для собаки — это свадебное пиршество».
Не каждая доля, что выпадает тебе, есть радость.
15 Не каждый лоскут под ногами является ковром.

Дарующий удел определили нам удел, который
То зельем бывает, то недугом.
Мудр тот, кто в любом деле
Умеет ладить и с розой, и с шипом.
Он — высший властелин, он — солнце над всеми горизонтами,
Он воздвиг чертог над Большой Медведицей.
Он властвует над всей вселенной,
Он властелин, к тому же и обладатель венца.
Рай — место возврата [людей] по милости его,
20 Небесный Лотос — дерево из его сада.

В этом мире, где все от Луны до Рыбы принадлежит ему;
Он знает обо всем от Рыбы до Луны.
Он знает, что день и ночь двуцветны,
Что его милость — то сахар, то колоковинт.
В этой обители из черного дерева и сандалового дерева
То похороны бывают, то свадьба
Жена шаха, хотя и сокрылась во прах,
Не велика беда, ибо много других дев.
Небо дало ей смелость уйти из мира потому,
25 Что она ведала о шахе и о том, что он быстро пресыщался
[женщинами].

Хотя и не было у шаха супруги прекраснее ее,
Он скоро пресытился ей, так что не тужил.
Пусть он заглянет в другой розовый сад,
Пусть он заключит в объятия красавицу краше ее.
Но жаль, что и она покинет свет, ибо
Наслаждается тот, кто пребудет здесь.

Не страдай, о сострадальный шах, из-за [этого] горя,
Ибо ушедший кумир — сокровище, а сокровищу лучше
лежать в земле.

30 Не скорби, ибо человек не выдерживает скорби,
А если поведает об этой скорби земле, то и она не
выдержит.

Красивые люди страдают, когда скорбят,
Не следует нежным существам испытывать муки.
Тебе лучше уж забыть о Мариам,
Если даже станешь Иисусом, не воскресишь ее.
Если твоя нежная супруга сошла в могилу
То стоит ли из-за этого пренебрегать царским троном?
Пей вино и не лей из глаз слезы, подобные вину (кровавые).
Тоска поразит тебя, если не отринешь тоску.
35 Не каждый, кто принес себя в жертву ради кого-то,
Должен так страдать и скорбеть.

Живи ты, хотя она и умерла. Тот, кто родился однажды,
В один прекрасный день должен смириться перед смертью.
Стенаниями не обижай память покойницы,
Ибо покойники желают видеть терпение, а не вопли.
Когда бренное тело гибнет,
Все одно, что бедность, что царский сан.
Не плачь и не царапай лицо из-за какого-то родника,
Это все равно, что на одну каплю станет меньше воды
в Тигре.

40 На берегах Багдада возьми чашу Джамшида,
Полагай, что в Багдаде стало меньше на [одну] старую
корзинку.

Пусть твое недреманное сердце дремлет без нее,
Как ушла она из глаз, пусть так уйдет и из сердца.
Если кипарис покинул сад этого мира,
Ты не покидай его, ибо ты — душа мира.
Пока можешь, не горюй, пей вино,
Да не падет с твоей головы ни один волосок.
Пусть даже [ангел] жизни удалится от тебя,
Пока ты жив, слава Аллаху, живо все.
Ты — драгоценная жемчужина, которая ценится, когда нет
других,

45 Ты — рубин, который, ценен, когда нет равного.

Будь одиноким, как солнце.

Ибо по закону Джамшида равнять что-либо с Солнцем —
неверие

Птице подобает спать с птицей,
Но ты — Симург, а у Симурга нет супруги.
Не страдай, хотя с тобой и нет [более] того рубина,
Ты — россыпь, а россыпь не подвластна камням.
Самый лучший властелин тот, которому нет равного,
Самый лучший драгоценный камень тот, которому нет
подобного.

50 Если серна ушла из степи, то пусть,
Ибо в степи много подобных ей.

Пусть с гумна шаха исчезло зернышко —
Ему принадлежат и небо и гумно Луны.
Если роза отцвела, то нет нужды любоваться шипами,
Взамен увядший розы весной вырастет другая
Хотя и разбит кумир, но властелин пусть останется.
Не горюй о Мариам, пусть останется Иса».

ХОСРОВ ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО ШИРИН

Когда Хосров прочитал письмо Ширин,
Он поразился тем сладостным речам.
Подумал: «Это [дружественный], не враждебный ответ —
Ведь бросаясь комьями, пожинаешь камни.
В ответ на мое письмо, которое следовало разорвать,
Я услышал то, что следовало услышать».
Ему вновь захотелось вкусить сахар Ширин,
Ибо на пути не стало роя мух.
Он перестал переживать из-за Мариам,
5 Финик лишился косточки, свеча — дыма.

Когда Мариам распрошались с радостями мира,
Для шаха мир стал, словно праздник Мариам.
Когда уходит враг, дела идут на лад,
На врага остается выплеснуть горсть воды.
Он передал Ширин много приятных слов,

Маслом слов он размягчил железо, чтобы выковать сталь.
Покорный кумир повиновался,
Ибо у нее был недуг, и недуг прошел.
Но у нее были иные надежды на Хосрова
10 Что он будет помогать ее в ином качестве.

Он должен был прислать за ней паланкин и сочетаться
браком,
Он должен был в царском паланкине назвать ее невестой
по закону.

В письмах она стала укорять,
Укоров становилось все больше, она все больше заносилась.
Она видела, что ее товар добротен,
И раз был спрос, набивала цену.
Товар дорожает благодаря покупателям,
Свет ценен только тогда, когда есть глаза.
Ради пользы своей выслушай мой совет:
15 «Не продавай товара, который не имеет спроса.

Везение состоит в том,
Чтобы не закрывать двери, когда есть спрос».
Царь пытался обмануть, но Ширин не поддавалась,
Она ни на волосок не умалила своей гордости.
Когда Хосров изнемог от харваров ее кокетства,
Он решил прибегнуть к хитрости:
Найти другую возлюбленную
И вместе со здоровыми ослами погнать хромого,
Предаться другой утехе,
20 Приступить к другому делу.

Он выслушивал рассказы от разных людей —
Бывалый муж не теряется при трудностях.

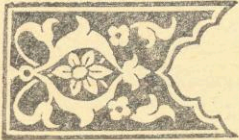
О ТОМ, КАК ХОСРОВ РАЗДАРИВАЛ ДАРЫ

С тех пор, как препоясались небеса на деяния;
Подобный властелин и венценосец не садился на трон.
Когда он давал дворцовый прием,
Перед ним стояли мужи в пять рядов.

В первом ряду он велел выстраиваться богачам,
Во втором ряду были бедняки и нуждающиеся.
В третьем ряду были немощные, больные,
Которые стояли на волосок от края могилы.
Четвертый ряд предназначался для тех,
5 На ногах которых были оковы.

В пятом ряду стояли преступники-убийцы,
И никто из них не спрашивал другого о его делах.
Перед убийцами, как знак надежды,
Висел указ о помиловании.
Главный распорядитель возглашал:
«Пусть каждый ряд видит спасение в нижнем ряду».
Когда богач смотрел на бедняка,
Ему хотелось сильнее (больше) благодарить [творца].
Когда бедняк смотрел на больного,
10 То он благодарил [Бога] за то, что здоров.

Когда больной смотрел на закованного в кандалы.
То он благодарил [Бога] за то, что свободен [от оков].
Когда же закованный в кандалы смотрел на убийцу,
То, довольный, раскрывал уста, воздавая благодарность.
Когда же убийца видел надежду на спасение,
То свеча его благодарности загоралась.
Дворец Хосрова всегда благодаря такому правосудию
Благоденствовал, благодаря благодарностям, словно Мистр
от сахара.

ХОСРОВ ПИРУЕТ ПОД СВОДАМИ ТАКДИСА (ТРОННОГО ЗАЛА)

Однажды он воссел на трон пировать и пить вино,
Соперничая с самим счастьем.
Повсюду вокруг трона Такдис
Уста венценосцев лобызали прах.
Все небесные светила
Были изображены на том царском троне.
От колышка Луны до Кейвана —
В его дворце были изображены чертоги.
Как планеты, так и звезды
5 Были расположены по градусам и минутам.

По порядку ночных светил
Сообщались сведения о дневных и ночных часах
(т. е. о времени).

Тот, кто был сведущ в звездах,
У [того] трона излагал тайны небес,
Тот, кто взирал на трон Хосрова,
Знал наизусть тысячи чаш Кей-Хосрова.
Это был не трон, а целое небо.
На нем восседал не шах, а сахибкиран.
Подобен он слону, если слон бывает в облике человека,
10 Подобен он льву, если у льва есть благоухающие амброй
кудри.

Он словно проскакал от земли до неба
И устроил пир от Плеяд до самой земли.
По сравнению с [чашами] на его пиру в Иреме чаши были
пусты,

Небо казалось колечком на двери его дворца.
Если надобно тебе величие, то отдай сердце щедрости,
Завяжи кошелек былинкой.
Если ты через силу расходуешь деньги,
То это обернется несчастьем.
Дела мирские совершай в радости,
15 Внимай с мира дань и расходуй.

Сколько получаешь, столько и раздавай.
А если даришь и не требуешь взамен, и того лучше.
Невозможно управлять миром одному,
Одному невозможно проглотить весь мир.
Всякий, кто обладает умом, знает:
Тот, кто ест в одиночку, и умирает в одиночку.
Не пей в одиночку даже родниковую воду,
Ибо тот, кто пьет в одиночку горек нравом, словно море.
Человеку нужно быть свечой:
20 Сгорать во имя других.

Вспомни: что унес с собой Карун из земных богатств?
Не стоят земных страданий земные блага.
Воистину овладеваешь благами в муках,
Но когда теряешь блага — мук куда больше.
Добываешь с трудом, теряешь в страданиях,
Бедность лучше сокровищ.
Царь Парвиз, что превзошел Джамшида,

А щедростью превзошел само Солнце,
Когда дарил, радостно улыбался,
25 Сокровища для него — что прах, сам же был скромн,
словно прах.

С утра до вечера он дважды устраивал пиры,
Яства предлагал мисками, вино — чашами.
Пиршественный стол тянулся на мили,
Мухе он давал на стол быка, комару — слона (т. е. сверх
потребности).

Из-за обилия яств на его скатерти
Гости не знали, что ели.
Быков, овец, птиц и рыб —
Даже не знаю сколько, столько, сколько ты хочешь.
Когда над его пиршеством вздымалось благоухание,
30 Утренний ветерок возвращал долг ароматом базилика.

Когда воскуривали алоэ и амбру,
То в кадилницах словно возжигали годовую дань с Индии.
Когда же на пиршественный стол приносили его личные
кушания,

То благоухание простиралось до самого Хузистана (далеко).
С утра он поедал кебаб с кровью,
В котором была растерта лучезарная жемчужина,
За десять манов золота тайком
Купленная у оманского купца.
Я слышал, что такой жемчужиной лечится
35 Природная сырьость в теле.

Для новорожденного гнедого голубоглазого жеребенка,
Благоухавшего, как багдадский базилик,
Отнятого чабаном от материнного вымени
И вскормленного молоком овцы,
Он приказывал соорудить танур из серебра,
На который уходили подати целого икlima.
И в нем сжигали вместо сухих дров
Десять-пятнадцать манов алоэ, подобного мускусу,
В нем поджаривали жеребенка. Это и было его едой.
40 Тануром, огнем и кебабом его было именно это.

Жареную конину клали на золотой поднос,
Весивший тысяча семьсот мискалей.
Он отведывал несколько кусков,
Подобных [по вкусу] ядрышкам фисташки и сахарному желе.

А затем смотрел на просителей во дворце.
Тому, на кого нечаянно падал его взор,
Он дарил золотой поднос и
Танур со всеми его принадлежностями.
45 Прекрасен был пиршественный стол, для которого
Пекли в жаре танура лепешки.

На другой день, когда из танура желтого утра
Извлекали лазоревую скатерть (т. е. небо),
Начинали все заново,
Вновь готовили танур и пиршественный стол.
Все дни он проводил в таких делах,
Всю жизнь он ведал только такие дела.
Когда же настала пора, сгнуло величие царя,
Бесплодными оказались его занятия и царский сан.
50 Если ты жаждешь почета, то общайся со счастливыми,
Ибо муж становится счастливым благодаря счастливым.

Если татарская кабарга будет пастись среди гиацинтов,
То ветерок принесет от нее на базар аромат мускуса.
А если же кабарга питается плевелами,
То вместо мускуса она источает запах плевел.
Отец — да будет дух его просветлен —
Дал мне по-стариковски знатный совет:
«Беги от несчастливцев, словно стрела,
Живи там, где живут счастливые».
55 Если хочешь, чтобы твои ночи были лучше дня, как и утро,
То зажигай свою лампу от светоча великих мужей.

Жемчуг стоит так дорого потому.
Что обитает в великих морях.

ХОСРОВ СЛЫШИТ
О ПРЕЛЕСТЯХ ИСФАХАНСКОЙ
КРАСАВИЦЫ ШАКАР

По обычаю властелинов однажды
Шах, озаряющий пиры, сидел на пиру.
Ради того, чтобы поцеловать ему руку (служить ему),
Вокруг него собрались венценосцы от Кафа до Кафа.
Перед тронем его сидели все повелители (властелины)
От Чина до Рума, от Рея до Исфахана.

От правителя Хотана до царя негров
Все держали в руках чаши (кубки) в честь Хосрова.
Когда виночерпий обошел с вином круг несколько раз,
5 У шахов не осталось ни капельки стыда.

Шаханшах сбросил покрывало стыда,
Речь его стала постепенно фривольной.
Он заговорил о том, в какой части света больше всего
Красавиц, достойных простого фарраша.
Некто ответил: «Красавицы Рума прелестны.
Прелести — это сокровища, а их там более всего».
Другой же сказал: «Красотою женщин славится Хотан.
Сложены сказки о красоте их в той стране».
А еще один сказал: «Армения — страна благоустроенная,
10 Красавицы там рождены от пери».

Еще кто-то сказал: «В краю Кашмира
Сладость красавиц — без ущерба».
И вот кто-то сказал: «Достойна царских пиров
Красавица по имени Шакар из города Исфахана.
Ее сладости завидует сахар,
От зависти к ней рыдает сахар в Хузистане.
Каждая губка ее таит сотню улыбок,
У ее уст — более сотни рабов, как и у сахара.
15 Лужайке тесно в рубашке из-за ее стана-кипариса
Ее тело белизной превосходит жасмин».

Финиковая пальма роняет плоды.
Что говорить о сахаре? Он ведь — ее домашний раб.
Когда она снимает покрывало с луны (лица),
Раздаются стоны ста Юсуфов из ямы.
И один только у нее недостаток:
Водится она и со знатными, и с простыми людьми.
Она отдыхает повсюду, словно ветер,
Словно тюльпан, она пьет чашу с первым встречным.
Она не благоволит лишь тому,
20 Кто не готов ради нее лишиться всего своего имущества.

Тот, кто обнимет ее однажды ночью,
Не забудет никогда этой ночи».
Царь был пленен чарами красавицы
И задумал новую любовную игру.
Он хотел совершить набег на Ширин

И по-тюркски ограбить тюрчанку (красавицу).
Он хотел обрести сладость одного сахара при помощи
другого сахара,

25 Распутать тугой узел хитростью.
Только камнями можно гранить каменья,
Шелк можно унизить только другим шелком.

В голове у него была страсть к Шакар,
Ибо и Шакар имела долю от сладости.
Он не мог забыть ее сердцем,
Но и вызывать ее из Исфахана, не подобало.
В мыслях о ней провел целый год,
И никто не знал, что творилось в его душе.

ХОСРОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИСФАХАН,
ДОМОГАЯСЬ ШАКАР

5 Спустя год, он двинулся в путь,
Неожиданно погнал коня в Исфахан.
Он сошел с коня в увеселительных местах,
Увидел округу поболее страны Рум.
Там были веселые и радостные люди,
В час веселья они были светлее дня.
Он предался наслаждениям, стал пить вино,
Тоскуя по той прекрасной куколке.
Тайком дознавался, где она обитает,
Узнал, где дорога к ее дворцу.

Однажды ночью он поднялся вместе с рабом,
Возжелав удовлетворить желание на базаре Шакар.
Когда Хосров прибыл туда, где жила Шакар,
Исфахан стал для него другим дворцом Ширин.
Он предвкушал сладости предстоящей ночи,
Поскольку у Шакар была улица, где она жила, а у Ширин—
дворец.

10 Он постучался в дверь потихоньку,
Вышел раб с кольцом в ухе,
Увидел пригожего юношу у дверей,
Со знаками властелина на челе.

Слуга помог слезть с Шабдиза, подобного луне,
И тут же повел коня к кормушке.
Поведя его как гостя в покои,
Он вознесся благодаря гостю головой до Кейвана.
А царь уселся на подстилках веселья,
Разбросал много монет чистой пробы.
Он велел привести Шакар,
Сказать гостю сладостные слова.
Вошла Шакар с чашей розовой воды,
15 Со сладостными, как сахар, устами, глазами, полными неги.

Имя ее было сахар, и она рассыпала сахар слов,
Она была леденцом, который был изготовлен в Исфахане.
Косы ее издавали аромат мускуса,
Улыбаясь, она рассыпала сахар.
Словно Вис, она искушала медовыми поцелуями,
Словно нянька Вис, прославилась в подобострастии.
У нее были рабыни румские и китайские,
Равных которым ты нигде не увидел бы.

20 Мрачную ночь они обращали в весенний праздник Новруз,
В делах наслаждения были опытные.

Она села и тут же велела принести вино.
О господи! Такой кумир! И одна комната!
Та жасминотелая не вино в бутылке,
А словно в сухую землю жидкий огонь наливала (т. е. оно
бурлило).

Розовую воду она наливала сосредоточенно,
Приветливо передавала в руки шаху.
Величественно восседал миродержец,
Шакар, луноподобная, затянула мелодию.
Одну за другой наполняла она чаши,
25 Усыпляя царя понемногу.

Когда упойтельное вино перестало терзать уста [пьющих]:
Шакар поднялась, взяла свечу,
И с извинениями, котрые были приняты [шахом],
Вышла из покоя.
Рабыню, которая была одного роста с ней
И которая была равна ей по красоте и проворству,
[Шакар] облачила в золотые одеяния, навесила на нее
украшения

30 И отправила [к шаху], а сама в ту ночь скрылась,
Царь, видя, что вернулась его любимая,
Взыскал с Шакар медовую долю.

Он обнял ее и удовлетворил в ту ночь страсть.
В состоянии опьянения прочел не то заклинание.
Та утренняя звезда была так сладостна,
Что шах принял ее за Шакар.
А дева дивилась поступкам Хосрова,
Хосров показался ей приятным в объятиях.
Красота Хосрова была притчей во языцех,
Он был чародеем, когда говорил ласковые слова.
Самого высокого и статного
Он превосходил на целую голову.

35

Умом он был приятен, как свежий миндаль,
Он был гибок в костях, как сахарный тростник.
Ночью, когда он гнал коня наслаждения,
Он скакал не менее тридцати фарсангов.
Днем он выпивал чашу в сорок манов,
И это составляло половину того, что он мог выпить.
Когда настало утро, дева поднялась,
Попросила у царя приказаний.

40

Она пошла к Шакар и волей-неволей
Рассказала Шакар о том, каков был миндаль (т. е. Хосров).

Она рассказала обо всем, что испытала от шаха,
Поведала ей все тайны уединения,
Чтобы Шакар знала обо всем,
Чтобы она ответила на все, о чем будет спрашивать шах.
Шакар подняла свечу и вышла к шаху.
Прекрасна была Шакар со свечой!
Царь принял Шакар, что держала свечу, за служанку,
А ту, что спала с ним, за госпожу.
Он спросил: «С тех пор, как принимаешь гостей,
Уединялась ли с таким гостем, как я?»

45

Ответила ему [Шакар]: «О единственный среди властелинов!
Я не видела в мире равного тебе гостя.
Ты обладаешь всеми прелестями красоты,
Сладостности и красноречивости.
Есть у тебя один недостаток, хотя это и неприятно тебе:
Хотя и солены твои уста, но от них исходит неприятный
запах.

Соль дает людям приятный запах,
У тебя столько соли (т. е. прелести), но издаешь противный
запах».

Той, которая пахла лилиями, шах сказал: «Что же делать?»
Жасминогрудая сказала: «Целый год есть лилии и чеснок».

50

226

Шах, покинув обитель кумира,
Целый год следовал той заповеди.
Прошел с тех пор целый год,
У Хосрова улучшилось здоровье и пропал запах изо рта.
Ему покорился своенравный небосвод,
На чесноке выросла лилия.
Он поднялся по старому обычаю однажды ночью
И вновь решил совершить с Шакар сделку.
Он вновь обрел прежнюю сладость,
Обретает сладость тот, кто обретет Шакар.

55

Когда он совершил несколько кругов в игре наслаждениями,
Дошел черед поцелуев и объятий.
Он согнул дугой ту, чьи голени из серебра.
Сам же стал другой дугой.
Царь ел сладости из познавшего чужие поцелуи рта,
В надежде на Шакар (т. е. сахар) он ел желе.
Когда рать ночи решила отправиться в путь,
Царь вновь спросил ту, чьи сладостны уста:
«Был у тебя гость, равный мне?
Обнимал ли кто-либо тебя так страстно?»

60

Шакар дала ему сладостный ответ:
«Прошлый год был в моих объятиях равный тебе.
Только изо рта у него был дурной запах,
Ты же благоухаешь. Лучше тебя не может быть никто».
Царь сказал: «Если ты находишь недостатки во всем,
То узнай же и о своих недостатках.
Она спросила: «Какой же недостаток у меня?
Недостаток, который бесславит меня?»
Ответил ей: «Недостаток этот широко известен:
Ты ни одного часа не можешь пробыть без сожителя.

65

Словно небосвод, ты ладишь со всяким,
Словно вселенная, то любишь каждого.
Ты — прекрасная птица, о китайский кумир!
Зачем же каждый миг садишься на новую ветвь?
У твоего меча узкие ножны. Жаль,
Что каждый миг играешь с мечом».
Шакар ответила ему: «О благородный муж!
Неужели ты думаешь, что кто-либо ел мой сахар?
Клянусь Всепокрывающим, чье величие я вижу воочию,
Что я с рождения пребываю в своей раковине.

70

15*

227

Никто и никогда не спал со мной за завесой,
И никто на свете не сверлил моей жемчужины.
Это с моими рабынями, которых ты видишь,
Ты уединялся ночью.
Да, сначала я вхожу к тебе,
Пирую с тобой и веселюсь,
А потом к тебе падает в объятия другая,
Не я, а та, что похожа на меня и одета в касаб.
Когда шах услышал из ее уст эти слова,
75 Душа его постигла смысл выражения:

«О том, что на жемчужине божественная печать (т. е. девственность)
Свидетельствует то, что она не просверлена».

ХОСРОВ РАССПРАШИВАЕТ О ШАКАР И ЖЕНИТСЯ НА НЕИ

Когда пламень на востоке стал блистать бликами,
Царь стремительно, словно поток, двинулся из тех мест.
Он созвал знатных мужей Исфахана,
Стал расспрашивать их о той, чьи сладостны уста.
В один голос весь город Исфахан
Засвидетельствовал невинность той целомудренной,
Что Шакар не отдавалась никому,
Что она — нетронутый цветок в своих красках,
Что свой груз она держит в своих выюках,
5 Что у нее в услужении несколько дев-рабынь,

Что хотя ее конь оседлан для любого,
Но ее страж — двуглавая железная секира.
Старухи-сводни также подтвердили,
Что она девственна в своем паланкине.
Царь счел благословенным предзнаменование звезд,
Дивясь, как от стольких мук спасся сахар (Шакар).
Он послал сватов из дворца, потребовал к себе ее,
Усадил ее по законам сватовства.
Он просверлил ее непросверленную жемчужину,
10 Для рубинового камня яхонт стал парой.

Затем он двинулся к городу Мадаину,
С ним вместе ехала Шакар, рассыпая сахар [слов].
В обществе Шакар он забывал о любви к Ширин,
Шакар дарила ему сладостную негу.
Когда шах пресытился Шакар,
Он вновь обратил взоры к сладостной обители Ширин.
Шакар грустила в покоях шаха,
Поелада колючки в финиковых рощах Ширин.
Шах страдал от страсти к Ширин,
15 Таял, словно сахар в воде.

В разлуке с Ширин он горел, как свеча в огне,
Ибо воск не страдает, пока он вместе с медом.
Тому, кто расстался со сладостной душой,
Что пользы в том, что положит в рот сахар?
Шакар никогда не заменит Ширин,
Слаще сахара сладостная халва.
Лужайка, если нет там нарциссов, — обыкновенная земля,
Сахар, если горек, то он не сахар.
Не говори, что Ширин и Шакар равны:
20 Сахар получается из тростника, а сладость — от души.

Когда горит свеча из воска Ширин,
Там сахар (Шакар) употребляется только для пламени алоэ.
Хотя сахар и сладок в чаше,
Он обязан своим вкусом сладости.
Великие мужи любят сладость,
Сахаром же обольщают детей и попугаев.
Любая вода, что сладостна (вкусна), полезна человеку,
Сахар же, соприкоснувшись с водой, тает.
Между сладким (Ширин) и сахаром (Шакар) — большая
разница:

25 Сладкое — это душа, а сахар — всего лишь
местопребывание души.

Ширин — это переликая красавица в паланкине,
А хранилища ее добродетели, ее шелка — это Шакар.
Тот, кто наделен разумом, знает,
Что сахар любят ради его сладости.
Сердце говорило ему: «Мне срочно нужна Ширин.
Шакар не дарит мне наслаждения.
Лед сахара (Шакар) прозрачнее кристалла (Ширин),
И тем не менее, кристалл сухой, а лед — мокрый
(т. е. загрязненный).

- И еще он говорил: «Не могу я без Ширин.
30 Доколь можно бороться с самим собой?
- Если даже моя голова окажется в мельничных жерновах,
Мое сердце не откажется от возлюбленной.
Если вверх ногами придется ходить, не отрекусь от
возлюбленной,
Мне не жаль отдать за нее голову.
И еще он сказал: «Глупо так поступать
Потерпи, а то ведь обесславишься.
Мне лучше потерпеть немного из-за Ширин,
Не ребенок ведь я, чтобы меня соблазнили сладостями.
Многие мили предстоит пройти, ибо
35 Тот, кто спешит, не добьется цели.
- И Ширин, и Шакар у меня в чаше,
Так зачем же жизнь для меня должна быть горькой?
У меня столько друзей, но живу я без друга.
Корабль терпит крушение из-за того, что моряков много.
Если не хочешь пасть, как тень,
Поднимаясь по лестнице, одолей по одной ступеньке,
Не будь нетерпеливым в достижении желанного,
Ибо, если не достигнешь, будешь мучаться.
Чтобы достичь многого, желай мало,
40 И тогда одержишь одну победу за другой.
- Блаженно сердце, которое действует по законам мужества,
Люди добиваются цели благодаря мужеству.
Мне нужно взять в проводники терпение.
Тот, кто унижается перед женщиной, — сам женщина.
Не дозволено мужчине поступать, подобно женщине,
Негоже унижаться, как женщина, чтобы добиться женщины.
К чему бы мне претендовать быть львом,
Если бы серна оказалась храбрее меня?
Хотя я и остриженная овца,
45 Но ведь я в своей шерсти, а не чужой.
- Как слон, я никому не поведал своей тайны,
Как кокон шелкопряда, я спал лишь в своей постели.
Та дерзкая тюрчанка так осмелела,
Что одолела не только Хосрова, но и Кей-Хосрова.
Как и курд, если она овладеет сердцем, то станет домогаться
всей груди.
Еслипустишь ее в дом, то она станет искать и сокровища.

- Если из-за разлуки с ней мое сердце обливается кровью,
то не диво,
Ибо мое сердце возалкало, а алчба порождает любой недуг.
Не следует ждать верности от возлюбленной.
50 Ведь не обязан лекарь сам готовить зелье!
- Каждый миг ее насилие вынуждает меня
Встать, пролить ее кровь и просить прощения у Бога.
Доколь мне сносить от нее муки?
Раз она мучила меня, и я помучаю»
Прекрасно сказал добрый муж из Гиляна: «Женщину
Не обижай. А если вздумаешь бить — бей как следует.
Не бей жену, но если она взбунтуется,
То так ударь, чтобы она вовсе не встала».
Сердце шаха не ведало исцеления от той боли,
55 И некому было поведать ему свою тайну.
- Можно доверять тому сердцу, которое в твоём доме,
А сердце постороннего человека для тебя чужое.
Если не хочешь, чтобы тебя обворовали,
То не пускай в свой дом вора.
Лучшему другу доверяй свою тайну так,
Словно он твой худший враг.
Не говори в присутствии посторонних то, что не следует
говорить
Не только посторонним, но и самому близкому другу.
И даже в уединении скрывай тайну от стен,
60 Ибо у стен могут быть уши.
- А если не сможешь скрыть тайну от родных,
То не имей тайн, не мечтай о них.
Не думай о том, чего нельзя высказать вслух,
Уж лучше не думать о том, чего нельзя говорить.
В этом мире ты прикрывай тайны завесой,
Не то палач казнит тебя.
Песню, которую не следует петь в пустыне,
Не стоит распевать и на царских пирах.
Кто бы ни был твой друг — мудрец или невежда,
65 Не вручай ему тайны, не запечатав ее.
- Не водись со злобным мужем,
Ибо это лишь повредит твоему величию.
В какую бы землю ты ни сажал дерево, сажай

То, которое принесет ожидаемые плоды.
На уста выноси такие слова, которые
Прославят тебя в конечном итоге.
Если даже перед тобой предстанет сто прекрасных обликов,
Ты не думай о единственном, который может быть дурным.
На свои слова смотри глазами врага,
70 Только таким путем ты познаешь добро и зло.

Когда в благоденствии ты сошьешь себе сто кафтанов,
То [от восторга] разорви рубашку в доброй славе.

ШИРИН ПОКИНУТА, И ОНА ЖАЛУЕТСЯ НА СВОЮ СУДЬБУ

Царь своим светлым умом догадался,
Что Шапур печется о Ширин.
Он призвал его на службу, приблизил к себе,
Ожидая, что в одиночестве луне (т. е. Ширин) станет
невмоготу.

Когда луна со станом кипариса осталась одна.
Ее нарциссы стали рассыпать сверкающие жемчужины
(слезы).

Однажды ночью ей стало совсем не по силам от одиночества,
И ночь показалась ей целым годом.
Ночь, черная, как гора, на которой сидят вороны,
5 И неподвижна, словно ворон, на крыльях которого целая
гора.

Ночь холодная, словно лишенное тепла сердце,
Находящееся в плену долгих ночей.
Перья и клюв птицы утра
Закованы в кандалы, и она не может взлететь.
Руку барабанщика утра обвила змея,
У звезд колючки впились в ноги (т. е. они не уходят).
У стражи выпали из рук палочки,
Караульщики и стражи с колокольчиками пьяны.
Земля наказана [небом] мраком,

10 Весь мир склонил голову в молчании перед карающим мечом
судьбы.

И солнце, и луна словно уединились в брачной комнате,
У солнца лоно закрыто, и оно не может родить утро.
Ночь вобрала в объятия все небо,
Солнце забыло о восходе.
Восходящие звезды не двигаются. словно наседка на яйцах,
Уходящие звезды словно заснули.
Земля покрылась шахским (черным) шатром,
Пребывают в покое и птицы, и рыбы.
Чернота ночи, лишившая глаза света,
15 Рассеяла звезды Большой Медведицы.

Из-за темноты ноги у мира окованы,
Небо, словно полюс, недвижимо пребывало на одном месте.
Будто телесный мир перестал творить,
Или, быть может, он находился в другом месте.
Пригнув голову, небо, словно море,
Сыпало над головой жемчужины (звезды).
Задумав воровать звезды-жемчужины, [небо]
Погрузилось вдруг в смоляной жбан (т. е. в ночь).
Небо застряло в запыленном жбане
20 И полно дыма огня (т. е. облаков).

Млечный путь на небе — словно солома на дороге,
Небо под ним — словно вода под соломой.
Плеяды по воле судьбы — словно горсть ячменных зерен,
Которые перебирает в руке индийская колдунья.
Ни мобеду читать Зенд,
Ни птицам радостно трепыхать перьями нет мочи.
Обрезаны крылья у Альтаира,
У Веги ошипаны перья.
На каждом шагу перед источающими свет звездами
25 Стояли негры с двуглавыми секирами.

Так было темно, что лампада вдовы не светила,
У бедной старушки гуль под покровом ночи утащил петуха.
Я слушал, что если ночью див станет разбойничать,
Домашний петух станет взывать к Аллаху.
Но эта была [такая] ночь, что если даже сто черных,
как смоль, дивов разбойничало бы,
Ни один петух не стал бы взывать к Аллаху.
В ту ночь сердце Ширин было в тревоге,
Ее лампада, словно сердце ночи, не светила.
От сердечной боли Ширин была печальна,
30 От тоски упрекала весь мир.

Правильна пословица, сложенная о больном:

«Ночь губит души больных».

Ночь для больного — что с жизнью расставанье,

Ухаживать за больным еще хуже самой болезни.

Она раскрыла уста и сказала: «О мир!

Ночь это или вечная мука?

Какая ночь? Кажется, это черная змея.

Кажется людоед, похожий на негра.

Потому я рыдаю, что этот черный негр (т. е. ночь)

35 Ни разу не заплачет, как плачет настоящий негр.

Что случилось, о лазурный небосвод,

В эту ночь ты, как в иные ночи, не возвращаешься?

Быть может, тебе преградил путь дым из моего сердца?

Или мои стенания вонзились в твои ноги шипами?

Не могу я найти избавления от мрака,

Не вижу примет утреннего света.

Взгляни, как ты печалишь меня!

Лишилась я веры [из-за тебя], если есть в себе вера в Бога.

О ночь! Прояви в эту ночь благородство:

40 Или убей меня поскорее или поскорее обернись днем.

Почему ты недвижна, словно черная туча?

Быть может ты идешь по огню или мечу?

Я схватила барабанщика [дня], но отвели мою руку.

Или, быть может, Плеядам сломали ноги? [чтобы они не ушли].

Я — та свеча, которая горит всю ночь.

Всю ночь рыдаю, словно свеча.

Словно свеча, я сгораю в пламени,

Так как свеча приносит пользу, когда она горит.

Смотри: старый небосвод словно завязан над моей головой
тугим узлом.

45 Услышат эти слова люди и станут смеяться.

Заговори, о птица утра, если у тебя язык.

Засмейся же утро, если есть у тебя уста.

Если ты не кафир, о птица утренняя,

Почему не воздаешь хвалу Аллаху?

Если ты не пламя, о светлое утро,

Почему не наступаешь без кремня и кресала?

В таких муках было ее сердце, подобное мотыльку,

Когда свеча утра озарила ее состояние.

ХВАЛА УТРУ

Прекрасная страна, страна утра!

В той стране ты найдешь все, чего пожелаешь.

Тот, кто взял твердыню сокровищ,

Открыл ее врата ключами утра.

Крепости надежд отрываются в той стране,

Ключи — там, дела вершатся там.

В тот час, когда рождаются души,

Вырастают на устах цветы словословия Аллаха.

Язык всякого, кто плодоносен (т. е. творит добрые дела),

5 Заговорит благодаря славословию Богу.

Если возносит хвалу Аллаху птица языка,

То как восславит Аллаха тот, кто безмолвен?

В том чертоге, где возносят хвалу Аллаху,

Ведают и язык безмолвных.

ШИРИН ПРИНОСИТ ЖАЛОБУ ПРЕЧИСТОМУ ИЕЗДАНУ

Когда Ширин благодаря [наступившему] утру обрела эликсир
жизни,

Она перестала трепетать, словно ртуть, от волнения.

Благодаря ее терпению запели птички,

Петух провозгласил: «Терпение — ключ к благоденствию».

Она подмела покой своим лицом (т. е. била челом о землю),

Жалобно сказала господу:

«О владыка! Обрати мою ночь в день,

В этом мире даруй мне победу, словно дню [над ночью].

У меня черная ночь и нет надежды на утро,
5 Так сделай же мое лицо белым, словно день, в этой ночи.

У меня скорбь, которая сокрушила бы львов-мужей,
Даруй же мне победу над этой скорбью, как даруешь
победу радости.

Нет мочи сносить эту тоску,
Освободи же меня из этой руды, словно рубин из породы.
Ты приходишь на помощь тому, кто просит,
Так приди же на помощь мне, взывающей к Тебе.
Не в силах я сносить такую тоску.

Помоги же, о помогающий взывающим о помощи!
10 Во имя слез обездоленных детей,
Во имя пламени в груди униженных стариков;

Во имя изголовья странников на дороге,
Во имя узников, томящихся в зинданах,
Во имя справедливого Судин, приходящего на помощь
взывающим,

Во имя возгласов грешников «Господи! Господи!»
Во имя доводов, которые пленяют сердце,
Во имя аята, котрый хранит душу живой;
Во имя добродетели тех, кто исповедует Твою веру,
Во имя сокровенной тайны, которой обладают Твои
посланники;

15 Во имя нуждающихся у чертога, закрытого перед людьми,
Во имя раненых, обливающихся кровью;

Во имя тех, кто находится вдали от своих жилищ,
Во имя тех, кто отстал от своих караванов;
Во имя молитв, которые произносят вновь обращенные
[в веру],

Во имя стонов, исторгаемых в пылании [души];
Во имя жертвенных базиликов тех, кто льет слезы,
Во имя Корана и светильников тех, кто встанет рано утром;
Во имя света, который скрыт от людей за завесой,
Во имя даров [божьих], которым нет счета;

20 Во имя убеждения монаха в монастыре,
Во имя счастья даруемого властелином добра;

Во имя счастливых, избравших уделом уединение,
Во имя пречистых мужей, не узревших осквернения;
Во имя поклонения, которое Ты признаешь за благо,
Во имя каждой мольбы, которую ты удовлетворяешь;

Во имя ночного вздоха, что поднимается выше небесного
трона,

Во имя имени Аллаха, что не подлежит толкованию,
Смилуйся же над моим обливающимся кровью сердцем,
Вызволь меня из этой пучины скорби.

25 Если каждый волосок на моем [теле] станет языком,
То каждый из них станет возносить Тебе хвалу.

Пока что я нема, не высказалась Тебе — нет,
Мне бы сто раз благодарить тебя, а я и один раз не сумела.
Ты — тот, кого нельзя спрашивать: «Кто Ты?»
Ты — все сущее, помимо Тебя — лишь небытие.
Ты — сокровенное за завесой единения [с Божеством],
Ты даровал небу смелость носить твой чертог.
Твоей власти нет ни начала, ни конца,
Ни первичного ее, ни последнего не знает никто.
30 К Твоему чертогу, с надеждой ли со страхом ли,
Надо стремиться только смиренно.

Ты сотворил небесам [покров] и открыл [врата] времени,
Ты даровал и мир, и душу, и удел.
Даруешь ли Ты удел или отнимаешь жизнь —
Твоя воля, твори все, что тебе заблагорассудится.
Я стою на земле, уповая на Твое споспешествование,
Тай даруй же споспешествование сверх споспешествования.
Когда Ты соизволишь принять решение
То надели меня покорностью Тебе.
И хотя каждое решение, что выносишь Ты,
35 Утверждает смерть или жизнь,

Поскольку у меня, скорбящей, нет больше сил,
Отведи от меня скорбь нестерпимую.
Не способна я что-либо совершить, но
Если я не способна, так я же под Твоей властью, о Боже.
Порадуй меня и на этот раз,
Ведь ты уже много раз одаривал меня.
Смею ли я скрыть от Тебя свою тайну?
Но если и скрою, так ведь Тебе ведомо сокрытое.
Она от чистого сердца молилась так долго,
40 Потом пала ниц на землю, словно слезинка из глаза.

Изд облегчил ей измученное сердце,
Извлек железо для ключа из руды ради этого дела.

Розовый куст счастья вновь стал юным,
Избавилась от горечи Ширин, рассыпающая сахар.
Ее моления оказали воздействие на сердце Хосрова,
Его сердце, словно небо, перевернули вверх дном.

**ХОСРОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ
КО ДВОРЦУ ШИРИН
ПОД ПРЕДЛОГОМ ОХОТЫ**

Когда небо взметнуло золотое знамя,
Которое сокрушает рать скорби,
В царе загорелось желание поохотиться,
Благодаря счастью он стал думать о своей вине.
С мыслями, светлыми, как лик Ширин,
Шаханшах двинулся в степи.
Раздались гром литавр и звуки флейт.
Казалось и земля, подобно небу, пришла в движение.
Знаменосцы подняли ввысь знамена,
5 Смельчаки во всеоружии поскакали в степь.

Выступил глава царственных всадников (Хосров),
Пешими шли у его стремени венценосцы.
С одной стороны за седло ухватился фагфур,
С другой стороны — военачальник кайсара.
У Хосрова пояс повязан, но раскрыты брови (т. е. он
приветлив),
Он возложил набекрень (т. е. гордо) венец Кей-Кубада.
Солнце было подвластно ему,
Сама луна стала его стремянным.
Над шахом развевался кавейский стяг,
10 Словно облачко, затмившее луну.

Усыпанные золотом пояса для мечей
Образовали вокруг него как бы золотую крепость.
Из-за множества мечей вокруг шаха
На целый мейдан нельзя было ступить ни шагу ни вперед,
ни назад.

В чаше, словно поросшей мечами и стрелами,
Страшились львы кривых сабель.
Двуглавые секиры, словно в улыбке расплывались,
Грозилась небу издали: «Посторонись!»
Черное шахское знамя с золотым соколом наверху
15 Напоминало черную крепость с золотой башней.

Если бы из тучи упала иголка,
То она могла бы упасть лишь на острие меча.
Глашатаи возглашали громко издали: «Посторонись!»,
Удаляя от мира дурной глаз.
Под ударами копыт камни и земля
На несколько фарсангов присмирели.
Земля прогнулась под тяжестью железа,
Воздух словно перестал дышать от движения рати.
Конюшенные и дворцовые прислужники
20 Шли отдельными отрядами по сто человек.

Гром литавр на спинах слонов
Разносился на сотню миль по горам и долам.
Из макушек золотых колокольчиков
Золотые курильницы рассыпали амбру.
Сто пятьдесят воинов-водоносцев
Окропляли его путь розовой водой.
Сто пятьдесят пригожих кадилыщиков
Курили благовония.
Тысяча рабов с золотыми поясами
25 Рассыпали монеты со своих поясов,

Чтобы всюду, куда бы они ни проскакали на коне,
На каждом шагу осталась бы золотая монетка;
Чтобы странник, пройдя по той дороге,
Узнал бы, что там проехал шах.
Когда Хосров выезжал из города, соблюдая такой обычай,
Навстречу ему словно выходила сама судьба.
Стало страшно тому, кто считал войска,
Ибо не знал он, куда направляется шах.
Так повелело победоносное сердце (т. е. шах):
30 «Хочу я поохотиться несколько дней».

Когда барабанщик ударил в барабанчик,
Взлетели ловчие птицы.
Взмыл в воздух легкокрылый сокол,
В мире не стало куропаток и голубей.

Целую неделю в тех горах и степях
Беркутам не было покоя от приказов шаха.
Шах охотился без усталости, без передышки.
От одной дичи переходил он к другой.
Не задерживался в охотничьих угодьях,
35 Скакал, поражая и сбивая дичь.

А оттуда уже он тайком от всех
Направил стремя ко дворцу Ширин.
На расстоянии одного фарсанга от желанного дворца
Он сошел с коня, словно вино, падающее на дно чаши.
Ночь покрыла мир шапкой из амбры (т. е. чернотой),
Была зима, дул холодный ветер.
Земля из-за холодов скрыла огонь в себе
И обращала блеск воды в меч.
Если даже находишься в теплых краях,
40 То не следует храбриться перед холодами.

Царь приказал развести костры,
Сжигать амбру манами, алоэ—харварами.
Кхмерское алоэ задымилось,
А с неба сыпалась камфра (снег).
Отдохнул шах, набрался сил,
И проспал с вечера до утра.
Когда рубин-солнце вышло из рудника,
От любви ко дню ночь лишилась жизни.
Небо от бега было возбуждено, словно слон,
45 Оно посинело, словно индиго, от того, что ночь душила его.

Целительница заря произвела вскрытие,
Озарила небо красным, разрезав артерию.
Царь радостно поднялся с ложа
И с самого утра стал приятно проводить время.
Он выпил немного вина из рук виночерпия,
Все радостное было изведано им.
Когда вино ударило ему в голову,
В груди его всколыхнулось желание.
Он вышел [из шатра] пьяный и воссел на Шабдиза,
50 Поскакал сильно пьяный ко дворцу красавицы.

Сердце в опьянении плясало вместе с ним,
С ним несколько царских слуг скакало.
Стражи доложили Ширин,
Что прибыл Хосров без свиты.

Ее чистое сердце утрастилось позора,
Она утрастилась внезапного налета (прибытия Хосрова).
Она велела закрыть врата замка,
Поставила у врат несколько стражников.
В руке у каждого стражника была
55 Скатерть с золотыми монетами для нисара.

Путь, которым следовал [шах], она велела
Устлать на целый мейдан коврами.
Велела украсить всю дорогу драгоценностями,
Велела разлить розовую воду и жечь алоэ.
Она поднялась на крышу дворца, словно луна,
Прислушиваясь к тому, что творится у ворот и всматриваясь
в дорогу.

Каждая ресничка ее стала копьем,
На ней словно сидел наблюдатель из крови (кровавых слез),
На дороге заклубилась пыль цвета пепла,
60 И глаза Ширин просветлели, словно родник, бьющий из
камней.

Из-за пыли показалось светлое утро (Хосров),
Из-за глиняной хижины показался цветник (Хосров).
Сама пальма устыдилась бы его свежести.
С плеча свисала инкрустированная перевязь,
На голове — царственный венец набекрень (горделиво).
Лицо — словно только что распухшая молодая роза,
65 Усы на губах — словно галие вокруг рта.

В руке он держал букет нарциссов,
Напоминавших по томности его собственные нарциссы (глаза).
Его щеки-розы плавали в испарине, словно водолазы в воде,
Под ним плясал конь, как куропатка. щеки его алели,
Вокруг него — рабы с поясами толпами,
В руках у каждого — букет цветов.
Ширин, увидев Хосрова таким воодушевленным,
Упала навзничь и потеряла власть над собой.
Некоторое время она не могла прийти в себя,
70 Очнувшись, же подивилась тому, что велела не впускать,
его, и подумала:

«Как мне не впустить его к себе,
Я ведь не в силах сносить удары разлуки с ним.
Но если хоть немного умалю свой гнев,
Опозорюсь на весь свет, подобно Вис.
Постараюсь простить ему его проступки.

Коли не смогу простить, то не моя уже вина». Когда подъехал шах, стража выбежала навстречу, Рассыпая золотые монеты, расстилая парчовые ковры. Много есть землешцев, сеющих на сотни гумнов зерна, 75 Которым и ячменного зернышка не достается от своего урожая,

И много есть таких, которые ничего не сеют, но им приносят зерно домой,

Так подумай же о деяниях неба и судьбы. Царь погнал благородного коня По парчовым коврам и подъехал ко дворцу. Он увидел железные ворота в каменных опорах, Остановился у ворот, разочарованный и в отчаянии. Не к лицу было возвращаться восвояси, Но и ломать запоры не подобало ему, Он, подозревая к себе стражника, спросил:

80 «Почему любимая заставляет ждать у ворот?

Чем обидел я Ширин? Почему закрыла передо мной двери? Ступай, передай ей: «Не шаханшах, а твой раб Посылает тебе весть.

Он хочет побывать у тебя в гостях. Что велишь ему: войти или вернуться? У тебя на устах — всегда соль, Так почему ты закрыла двери перед гостем? Открой же мне дверь, ведь я — паднишах.

85 Я стою перед тобой, как нищий, прося прощения.

Ты сама знаешь, что я ничем Не провинился перед тобой. Тебе надо примириться со мной, У меня нет сил вернуться, не повидав тебя. Если же ты хочешь продержать меня здесь, То дозвожь хотя бы увидеть тебя издали». Шах излагал так жалобно свои чувства, Что сладкогубая, услышав, тяжело вздохнула. Умелой служанке сказала луна:

90 «Окажи услугу, ступай к шаху,

Возьми с собой шестикупольный шахский шатер, Вели разбить напротив дворца.

Вели убрать внутри мусор, Ублаговонить мускусом и шафраном. Вели расстелить ковер, расшитый жемчугом, Поставьте там кресло с шестью золотыми ножками. Вели поставить кресло перед входом и закрыть вход, А потом скажи шаху: «О государь! Не красавица-тюрчанка, а твоя служанка (т. е. Ширин) на стене замка.

95 Она велела передать шаханшаху,

Мои устами велела тебе сказать Твоя раба, страстная Ширин: «Если ты наш гость, то не ломайся, Сойди там, где тебе будет указано. Чтобы избежать кривотолков, тебе лучше Остаться там, где ты есть. Я сама приду прислуживать тебе, Облбызаю дерзко прах во имя твоей мощи. Мы скажем слова, которые нам следует сказать. 100 Сказав же, поступим, как подобает».

Умелая рабыня вышла из дворца, Понесла то, что велела жасминогрудая. Она велела разбить парчовую палатку, Попросила Хосрова сойти, а сама вернулась назад. Лицо Ширин от стыда покрылось испариной, Она не знала, чем угощать шаха. Вевела разложить угощение на парчовой скатерти, Послала еще розовую воду и сладости. Со служанкой, подобной луне, 105 Послала ему шерbetы из розовой воды.

Затем Ширин украсила лицо-луну, Тело-солнце укрыла одеждой, словно тенью. Она облачилась в шелка цвета гранатового цветка, Каждая коса ее была словно аркан. Нам плечи она бросила завитую косу-аркан. От каждого колечка [которой] все мужчины мира стали ее рабами с кольцами в ушах.

Ее перевязь была из рудникового золота. А шелка были расписаны багряными цветами. Шапочка на голове усыпана камнями 110 И надета на голову на китайский манер.

Черной сеткой, подобной ароматным локонам,
Она завесила блистающую луну (т. е. лицо).
Пошла, как благословенная пава,
Словно куропатка, взмыла в воздух.
В помыслах у нее — гордость красоты,
Она познала тяготы, теперь решила.
Ширина грациозно направилась к крепостной стене,
Попцеловала землю перед шахом, словно рабыня,
Сняла из сережек много камней,
115 Бросила под копыта Шабдизу огненные рубины.

Сто жемчужин чистой воды
Она посыпала нисаром на голову Хосрову.

ХОСРОВ ВСТРЕЧАЕТ ШИРИН И БЕСЕДУЕТ С НЕЙ

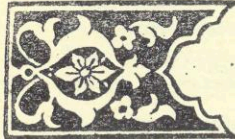
Когда Хосров увидел луну из царского шатра,
Она запечатлелась в его сердце, словно кипарис на лужайке,
Он увидел рай, обитающий во дворце,
Закрывший перед людьми врата, подобные райским.
От любви к стремительной возлюбленной
Он чуть было не упал с высокого сиденья на землю,
Но удержался на месте
И поцеловал подножие сидения.
Он открыл уста, извиняясь изысканно,
5 Расспрашивая, осыпал Ширина сахаром слов:

«Да будешь вечно свежей, о стройный кипарис!
Да будет голова у тебя юной, лицо румяным, сердце —
радостным.
Мир озарен твоей улыбкой,
Небо находится под сенью твоего высокого кипариса (т. е.
стана).

Все твои прелести оживили мое сердце,
Ты своим великодушием повергла меня в стыд.
Сокровищами, камнями, тканьями и парчой
Ты украсила мой путь, уподобила своему ложу.
Сережками-копытами с утяжеленных камнями твоих ушей
10 Ты прибавила рубины к рубинам Шабдиза.

И от стольких рубинов, брошенных под копыта,
Лицо мое покраснело.
Так осыпают камнями только в твоих владениях.
Я рад твоему лицу, о радость моя, твоему лицу.
Мы подходим друг к другу, как мед и молоко,
Ты не пожалела для меня никаких услуг.
Но почему ты закрыла передо мной свои двери?
Я ли провинился, о красавица или твоя была ошибка?
15 Ты повергла меня в прах унижения,

Ты покинула меня и воссела высоко, словно небо.
Я не стану утверждать, что я выше тебя саном,
Ибо это свидетельствовало бы о гордыне.
Разве не гость я твой? Так почему же перед гостем
Ты запираешь двери?
Не следует закрывать дверь перед гостем,
Ибо кроме тебя, нет для него ни души, ни жизни.
Благородные гостеприимные мужи
Относятся к гостю лучше тебя.
Может быть, ты — луна или периликая гурья,
20 Что нельзя к тебе приближаться?»

ШИРИН ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Ему ответил кипарис со щеками, как тюльпаны:
«Да будет вечно счастье властелина,
Да будет небо частицей ремня твоего меча,
Да будешь телом могуч, как слон, и храбр, как лев.
Голова, которая избегает твоего ошейника,
Да не найдет спасения от оков насилия.
Доброжелатель да будет смотреть на тебя добрым взором,
Да не коснется тебя дурной глаз.
Не упрекай меня за то, что я высоко на стене,
5 Ибо твои рабыни кладут свою постель высоко.

Благодаря тебе я стала знаменем нежности (приветливости),
Знамя должно быть выше головы, ты сам знаешь это.
Я — та пыль, которую ты вздымаешь на своем пути,
Если только ты разрешаешь ей подыматься высоко.

Ты воссел ради того, чтобы носить венец
На престоле падишахов.

- 10 Я из любви к тебе поднимаю рыдания
На стене, словно индийские стражи.
Властелины, у которых подданные турки,
Стражами на башнях снаряжают индийцев.

Я на этой крыше — черноокая тюрчанка,
Зовут меня твоим белым индийцем.
И если я буду восседать даже выше луны,
Все равно я — самая ничтожная рабыня шаханшаха.

- 15 Еще ты сказал, что уважающие себя люди
Не закрывают, как я, двери перед гостем.
Не гость ведь ты, а охотничий сокол,
Который хочет поймать горную куропатку.
Если гость ты, то вот я предоставила тебе место,
Сама же готова служить тебе, стоя на ногах, словно рабыня.

Согласен ты или не согласен,

- 20 Гость не должен быть навязчивым.
Я была права, велел закрыть врата,
Ибо ты провинился, явившись пьяным.
Если я живу в уединении, а ты пьян,
То долго ли до людских пересудов?
Тебе следовало несколько мудрых старцев
Избрать и послать со сватовством.
[А потом] отвези меня в паланкине по обычаю царей,
Обновить мной царские покои.

Такая искусная всадница, как я, достойна твоего седла,
Дева, подобная сахару, достойна калыма.

- 25 Быть может, ты хитришь и жаждешь
Съесть меня на закуску, словно пьяные мужики,
Овладеть мной, словно бесчувственной пьяной девкой?
Но ведь розу, понюхав, выбрасывают.
Не марай бесчестьем царское ложе.
Достаточно тебе того, что сотворил в Исфакане.
Ты можешь вытворять подобное бесчестье с Шакар,
А не с Ширин, которая намного выше Шакар.

Если тебе нужны сласти, чтобы дарить на свадьбе, то
довольно Шакар.

А Ширин — мед, а мед ведь жидкий (т. е. его нельзя
рассыпать)..

- 30 У тебя были две створки, их связали в одну,
У тебя, у двукрылой павы, оторвали одно крыло.
Не может одно сердце любить одновременно двух,
Разрываться сердцем надвое — не признак ума.
Достойны Утарида Близнецы.
Ты же — Солнце, коорому достаточно одной звезды.
Не произноси более моего имени,
А не то сладость ранит твои уста.

Тебе не надобны ни я, ни моя любовь,
Я — только игрушка для твоих любовных утех.
Не бей мечом несчастную Ширин,
Достаточно того, что ты достал копьем Рум.
Ты будь шахом, который играет одним мячом,
А не индийцем, который играет десятью мячами.
Тот, кто играет десятью мячами, разбрасывается на десять-
сторон,

- 35 Тот, кто играет одним мячом, овладевает одним мячом.
Для моих глаз ты — единственная Кыбла,
Перед твоими глазами — тысячи кыбл, таких, как я.

Если уйдет от тебя одна красавица,
То у тебя в покоях десять тысяч краше ее.
Твои благоухающие покои полны газелей,
Так не науськивай же охотничью собаку на рыдающую
газель (Ширин).

- 40 Из-за того, что разлучена я с царским гаремом,
Нахожусь я в яме темницы монастыря (замка).
Я останусь в обители своей печали,
Сохраню, словно жемчужину, свою непорочность.
Стиральную глину из-за того, что она очищает,
Кладут на голову, хотя она и земля.

Спят по ночам и птицы, и рыбы,
Но я не знаю сна из-за душевных мук. Чего же тебе
надобно?

Я [в своем дворце] — словно птица, попавшая в сикок.
Велела закрыть врата и сажу на стене замка.
Как попугай, свыклась я с железной клеткой,
Довольствуюсь одиночеством, словно Анка.
Ты — во дворце, я же — в тесной обители,
Твоя доля — рай, моя же — камни.

- 45 Раз я уж привыкла к ранам, наносимым мне гранитом,
То не надо мне в мире ни бальзама, ни цветников.

Двухдневная наша жизнь, прекрасна она или просто дым,
Как проведешь ты, так и пройдет скоротечно.
Да, если нам суждено пройти через этот проход (т. е. мир),
То легче расставаться с гранитными стенами, чем с дворцом,
Я взнуздала (покорила) само небо.
Так как же ты надеешься взнуздать меня?
Как смеешь ты сравнить львицу (т. е. Ширин) с онагром
(т. е. Шакар)?

- Ведь я — Ширин, а не грудной младенец.
Я — не дитя, у которого ты сладкими речами
50 Выменяешь на жалкий финик сладкий пирог.

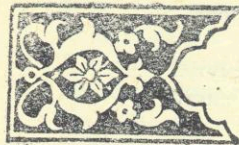
На этом гумне, где одни лишь сплошные упреки [тебе],
У тебя ко мне счет — на одно ячменное зернышко.
Когда я играю на органоне, как Зухра,
Я сначала огорчаю, а потом ласкаю.
Как и огонь, я разгораюсь только в конце,
А в начале я только дымлю.
Сначала небо дарит огонь (молнию), а потом воду (дождь).
Посмотри на жаждущих и призадумайся.
Клянусь всецелым Богом, который дарует и финик, и
колючку,

- 55 Никто не найдет меня без шипов, как финик.

Финик без косточки невкусен,
Если луна восходит днем, то не светит.
На этом пути ты найдешь много разных вин,
Но все они сплошь терпкие, а я же — сладка.
Пока ты шах, у тебя будет много друзей,
Но они — лишь скорлупа, я же, о друг, — само ядрышко,
Любя меня, богатства и саны,
Владычество и царскую власть ты обрел.
В какой час ты вспомнил обо мне?
60 В какой день ты обрадовал меня собой?

Разорвал ли ты хоть одну рубашку из-за меня?
Какое унижение пережил из-за меня?
Посылал ли ко мне кого-либо хотя бы с весточкой?
Посылал ли передать привет хотя бы раз?

Ты, ликуя, поднимал чаши вина в кругу друзей, [в то время,
как]
Каламом действовал Шапур, теслом (киркой) — Фархад».

ХОСРОВ ОТВЕЧАЕТ ШИРИН

Властелин вторично сказал
Любовно розоликой: «О кипарис жасминоликий!
Твои уннабы (красные уста) и стройный стан да будут
вечны,
Пусть уста всегда произносят леденцы (приятные слова).
Только мои уста да будут целовать твои уста,
Только моя голова да будет в ожерелье твоего подборodka.
Хотя твои упреки и очень ядовиты,
Они исходят из целебного родника.
Я не стану спрашивать, почему ты там наверху.
5 Пусть будешь наверху, лишь бы не приносила несчастья мне.

У твоего стройного кипариса высокий стан,
Выше подниматься уже не стоит.
Какой баллистой я заброшу к тебе
Жемчужины, которые сыплются из моих глаз?
Дворец твой возвышается на целую милю.
Смотри же: я пролил много слез
Если ты осыпала меня сокровищами Каруна,
То почему же повергла в прах, словно Каруна?
Где смогу я здесь раскрыть свое сердце?
10 Где приложить мне здесь голову?

Если я, как кольцо, окажусь у твоих дверей,
То я поцелую кольцо твоих дверей, как целует небо.
А потом я пойду повесив на плечо кольцо повиновения.
Нет, не то я сказал: пойду с кольцом повиновения в ухе,
подобным дверному.

Будь милосердной ко мне, ибо нет за мной
Иного греха, кроме как верность тебе.
И если есть за мной вина, так это моя жалостливость.
А грешит человек с самых извечных времен.
Не будь вечно резкой, успокойся немного.

- 15 Отринь упрямство, ведь я усмирен.

Будь по характеру чабаном, а не волком.
Не будь властелином по отношению к тому, кто сам властелин.
Не следует отдаваться во власть гнева,
Не следует унижать великих мужей.
Словно мусор, ты выбросила меня у порога,
С тех пор я зову тебя совком.
Не гони меня с твоего пути, как гонят смуту,
Ибо, если я уйду, ты будешь причиной смуты.
Не давай воли насилью,
20 Ведь если не от меня, то от судьбы пострадаешь.

Не каждое кушанье, что поставят перед тобой следует есть,
Не все, на что способна рука, следует творить.
Не каждая рука, в которой есть острый меч,
Должна проливать людскую кровь.
Виною этому унижению я сам, а не ты,
Во всем виновата злая судьба, а не ты.
Не вовремя забили мои литавры,
Не вовремя забил в барабан мне петух.
Если не так, зачем суждено мне мерзнуть в стужу?
25 Разве видел кто-либо меня в таком состоянии?

Неверно я сказал: это любовь, а не шахская власть.
Нет любви без криков о помощи.
Издавайся, сколько хочешь, надо мной,
Но только не кричи на меня, как на гонимого.
Если ты издеваешься надо мной, как владычица,
То вели же, и я распишусь в том, что я твой раб.
Если за ухо поведешь меня на продажу,
Я присягну на верность твоей сделке.
Если вырвешь мне глаз, я вытяну вперед голову
30 И подставляю тебе оставшийся глаз.

Я вижу: ты препоясалась пролить мою кровь,
Я знаю каково будет мне, когда ты станешь венценосной.
То я не отступлюсь от тебя ни за что на свете.
Если из-за тебя занесут над моей головой кинжал,
Для меня ты — и душа, и жизнь.
Не все ведают об этом, но ты-то ведь знаешь.
Трезвый ли, пьяный ли, свободен был я или нет,
Я смотрел на твой лишь образ,
Если кто-либо иной, кроме меня, исполнил бы этого напитка,
35 То он опозорился бы вовек.

В единении я разрывал, скорбя, одеяния на себе,
Через силу разрешал кронть для себя новые одеяния.
Только ради того, чтобы меня не покинуло войско,
Чтобы не обрушились основы государства,
Я не стал скитальцем на путях любви к твоему лицу
Я не пришел с танбуром к твоей ели (т. е. к тебе),
Я — властелин в мирских делах мира.
Не совместимы ли власть и любовные утехи?
Но когда я слышал о твоих локонах,
40 Я покупал аромат их за трон и венец.

Телом я наслаждался с другой,
Но сердцем и душой я был твоим пленником.
Я не испил ни глотка неправедной воды,
Я не совершил ничего несправедливого.
Если я делал шаг на пути наслаждения,
То молод был — а молодость такова.

ШИРИН ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Второй раз куколка-пава
Открыла шкатулку с жемчугами, показала сахар.
С сердоликов (т. е. губ) ее сошли изысканные слова,
Что были краше картины:
«И после того, как перестанет вращаться мир,
И после того, как исчезнут ночь и день, земля и небо,
Да будет царствовать на свете властелин,
Да будет мир повиноваться ему, а он — повелевать им.
Да будут звезды слугами ему,
5 Да будет счастье ему военачальником

У меня на сердце от Хосрова много обид,
Не говорю уже о царском сане, этому другой счет.
Ты все еще кичишься передо мной своим счастьем,
Ты все еще хочешь действовать силой.
Ты все еще кичишься своим шахским саном,
Но увы, твоя кичливость так далека от любви.
Тебе не нужны ни я, ни моя любовь,
Тебе нужны царский сан и игра в любовь.

10 В увлечениях, где надобна трезвая холодность,
Легко иметь сердце, но, имея сердце, нужно обладать и
чувством.

Тот, кто влюблен, должен познать страдание.
Не нужна любовь, при которой нет страдающих.
Любовь и кичливость несовместимы,
Ибо любовная мука не переносит легкомыслия.
Я — птица, которая летала над розами,
Которая не ведала жаркого летнего зноя.
Была я как роза, как царица саклабов,
Ныне стала владычицей склянки, словно розовая вода.
15 Как травинка, я омывала уста молоком снега,
Словно роза, росла у холодных родников.

В этой каменной могиле, в каменном замке
Я столько натерпелась, тоскуя о тебе.
Я плавилась, как золото, от внутреннего жара,
Замерзала, как лед, от внутреннего холода.
Не было руки, которая могла бы ударить в колокольчик
[двери].
Не было утешителя, с которым можно было перекинуться
словом.

20 Всегда только тебя считала я другом,
Всюду только тебя называла верным другом.
У тебя в сердце никогда не было места для меня.
Ты не утешил меня, как влюбленный.

Уж нет у меня более страха перед смертью,
Ведь я вручила свою жизнь во власть твоего меча.
Когда чаша весов [любви] склоняется к земле,
То измерит лучше тот, кто скромнее, как прах, а не камень
(гиря).

Если бы был у меня ум, то уединилась бы я в укромном
местечке,

Но раз нет, то познала то, что познала.
И если мне не удастся свершить что-либо великое,
Что служило бы примером для подражания,
То я так жалобно пожалуюсь небу на несправедливость,
25 Что попаду стрелой в цель [не достигнув своей цели].

Почему такой стройный кипарис, как я,
Должен находиться в оковах страдания?

В сердце у меня все еще есть радость,
В голове у меня все еще есть мысль о шутках.
Все еще индийцы поклоняются мне, словно огню,
Мои глаза все еще, как у тюрчанок, полны неги.
Бутоны моей розы все еще не раскрылись,
Моя морская жемчужина все еще не просверлена.
Мои уста все еще полны воды жизни,
30 В ручье моей молодости все еще есть вода.

Лицо мое — владычица красавиц Тараза,
Гордыня и кокетство — мои покорные слуги.
Я, как утренний ветерок, дарю базиликам аромат,
Я — наследница сахара, единственная в своем роде
жемчужина.

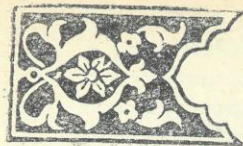
От излучаемого мною света свеча сгорит, словно мотылек,
Если новый месяц увидит меня, то сойдет с ума [от зависти].
Сердолик, если вздумает сравниться с рубинами моих уст,
будет побит камнями.

Роза моего лица по яркости превосходит саму розу.
Если упомянешь цитрон моего подбородка
35 Перед багдадским цитроном, тот поникнет [в смущении].

Если шахи возьмут в руку яблоко моих щек,
То исфаханские яблоки померкнут в корзине.
За каждую жемчужину моих уст (т. е. слова) и зубов
Я покупаю сердца и дарю сотни душ.
Я владычествую среди леопардов,
Газели у меня учатся резвости.
Олень от зависти к моим живым глазам
Источает из глаз яд, а не противоядие.

40 Если серна взглянет на меня,
То согласится уплатить за меня дань с моих владений.

За свою негу я могу купить весь Рум,
Ароматом я соперничаю с Хотаном.
Весна славится своей красотой.
Но каждый мой палец двести раз превосходит ее.
Хотя луна и славится влажностью,
Она недостойна даже лить мне на руки воду.
Когда мои уста-рубины касаются терпкого вина,
Они дарят ему сладость леденцов.
Рай во многом обязан светом моему дворцу,
45 Гурни взяли за образец мой груди-гранаты.

Я кокетливыми взглядами, как тюрчанка, пленяю сердца,
И поцелуями утешаю их.
И столь много света в моих глазах,
Что я лишила тюрчанок узкоглазости (т. е. скупости,
жестокости).
Ни у кого нет таких узких (т. е. красивых и жестоких)
глаз,
Ведь никто не устоит против узкоглазых (т. е. красивых) и
жестоких).

Когда я обвиваю луну (лицо) цепью мускусных кос,
Я многих львов опутываю ими.
Когда мои рубины (уста) сражаются сахаром (т. е. словами),
Приведи настоящего мужа. чтобы он хватал его (сахар).

- 50 Сахар стал сестрой моим зубам [по белизне],
Верность поселилась там, где клянутся мне.
У меня один мир горделивого кокетства и сто миров
стыдливости,
У меня одни врата гнева и сто врат великодушия.
Мои рубиновые уста источают сахар [слов],
Кончики моих кос волочатся по земле.
Когда я наливаю в чашу вино, то с моего языка, подобного
миндалю,
Слетают слова, сладостные, как сахар.
Хотя мои яблоки (груди) стали серебряными гранатами,
Я по-прежнему убиваю влюбленных и соврашаю мудрецов.

- 55 Мое лицо, когда озаряет мир,
Продает аргаван дешево, как мышьяк.
Мои нарциссы столь разборчивы,
Что не станут проливать кровь первого встречного.
И сколько ярости в моей голове!
И как много несчастных убила я у своих ворот!
Ступай, а не то я подниму руку, чтобы пролить твою кровь:
На моей шее и так много пролитой крови.
Покуда ты не познал силы моего удара, следуй правым
путем,
60 Моя рука поражает тех, кто следует неправым путем.
У тебя каменное сердце, у меня железная душа,
Такому сердцу подобает только такая душа
[в противоборстве].

- Царь вновь сказал: «О озаряющая сердце!
День проходит в нашей перепалке.
Не перечисляй ты мне своих достоинств:
Ты стократ краше того, что говоришь.
Ты — свет для глаз, да покинет тебя разлука.
Ты — утренний светоч утра, о свет на свете!
Рассыпая жемчуга (слова), ты похожа на море,
Но только у тебя не морская вода, а вода жизни.
Ты видела [свой] облик только в зеркале,
5 В моих глазах ты в сто раз краше, чем в собственных.
Если мои уста назовут тебя пленительной,
То мой рот наполнится сахаром от твоего имени.
Если назову тебя солнцем, то так и есть,
Ибо ты лишила блеска луну на небе.
Сахар стал сокрушаться сердцем,
Когда твои рубины-уста извлекли из породы.
Стройный кипарис на лужайке сник,
Когда твои серебряные гранаты выросли на гранатовом
дереве.
В ту ночь, когда посадили пальму, на которой растут твои
уста,
10 Вывели пальму с финиками без косточек (лучшими
финиками).
Красота твоих щек — ключи к садам Ирема,
И потому свидение с тобой, как и Ирем, недоступно.
Сердце луны пленено твоей красотой,
Сахар — раб, рожденный твоим рабом.
Когда роза твоих щек сочетается браком с сахаром слов,
То у леденца [от предвкушения] слюнки потекут.
На каждом пиру, куда приходишь ты, сладостная, как мед,
Восковые фигурки оживают, [увидев тебя].
Когда раковина порождает жемчужину,
15 Она берет жемчуг у твоих жемчужных зубов.
Если ты продашь хотя бы половинку своего волоска,
Я куплю, если даже будешь просить за нее целую страну.

Хотя ты столь прекрасна, что вызываешь зависть луны,
Не смотри на себя, ибо грешно самолюбование.
Да не сглазит никто сам свою красоту,
Ибо дурной глаз ранит красоту.
Не проливай же кровь такого падишаха, как я,
Ни за что ни про что, без вины.
Если ты царица, где твои приметы (т. е. царская щедрость)?
20 Если Ширин ты (т. е. сладостна), где твой сахар?

Оставь путь войны и ступи на путь мира,
Приведи хотя бы лицемерное обоснование [войне].
Я не сказал ничего злого, у меня нет привычки говорить зло,
А если и сказал, то в ответ на много злого, услышанного
от тебя.

Хотя вспыльчивость присуща красавицам
Но ведь и доброта ведаема красоте.
Хотя властелины и проявляют суровость,
Но они склоняются иногда к милосердию.
Не поступай несправедливо со старым другом,
25 Хотя и резка ты о, красавица, но и милосердна.

Доколь будешь убегать от пламени моей любви [быстро],
словно ветер?

Разве не прах я у твоих ног? Почему позоришь меня?
Хотя я притязану на тебя,
На шею у меня — ошейник, равного которому нет в мире,
Всем мудрецам известно,

Что тот, кто домогается, не добивается цели.
Пока будет у меня сердце, возлюбленной будешь ты.
Что говорить о душе? Ведь ты сама лелеешь мою душу.
Если я стану стараться освободиться от твоих оков,
30 То дозволит ли собственное сердце?

Довольно топтать меня конем насилия,
То во прах меня повергать, то в кровь.
[Довольно] говорить в гордости сладостные речи,
Давать мне ответы, горькие как яд.

Легко вынести резкость Ширин один раз,
Да будет она благословенна, ибо я много раз сносил.
Много брешей, на которых зиждется прочность,
Много печалей, несущих радости.
Насилие — не такое уж благое дело,
35 Не насильничай хотя бы этой ночью, ведь ночь — не целый
год.

Обрадуй мое сердце, ибо пришел я печальный,
Я жажду тебя, пришел только за этим.
И в этом стремлении я буду стоек, как свеча,
Ибо домогающихся Ширин, как я, много.
И, конечно, свеча вечно обливается слезами потому,
Что она также разлучена с губами Ширин.
Почему у сахарного тростника узелок посередине сердца?
Наверное, потому что и он находится в оковах Ширин.
Почему у финиковой пальмы шип в самом сердце?
40 Быть может, и она пленена Ширин?

Если бы молоко не было сладким,
То его не давали бы плачущему дитяти.
И сахар, и финик, и молоко даруют сладость.
Сравнима ли твоя сладость с их сладостью?»

ШИРИН ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Своим ответом луна, облаченная в касаб,
Сахаром уст обратила шаха в раба с кольцом в ухе.
Она сняла яхонтовые запоры с ларца жемчужин,
Даровала финику сладость сахара, а сахару — силу
[сладости].

Она воссела на коня, лицо ее — словно луна,
Мускусные косы она спрятала под покрывалом.
Она была стройна, как кипарис,
Она спешила, как бутон, загорелась, словно роза.

В знак служения ему поцеловала край стены,
5 Чтобы обратить кирпичи в амбру.

Поскольку была уже разбита палатка для шаха,
Она велела разбить другую, чтобы похитить его сердце.
Сначала она сказала: «О властелин мира,
Вознесший знамя над миром!

Ст Чина до Рума властвует твое имя,
Кадар-хан — слуга твой, а кайсар — раб.
Не только хакан Чина прах у твоих ног,
Подобных ему у твоих ног много на земле.
Хотя и желта халва, ее едят,

10 Так как она приготовлена на масле и на сахаре.

Я же — та халва, из которой выжали масло,
А от сладости осталось только имя.
С тех пор, как я стала приметной в мире,
Я жажду душой и сердцем только тебя.
Я шагу не ступила в поисках другого,
Поклонялась одному только твоему лицу.
Я не почувствовала в тебе благоухания любви,
[Ничего не видела в тебе] кроме кичливости и высокомерия.
Думать только о своем желании,
15 Закрывать двери перед [желанием] другого, —

Это не любовь, а плотская страсть.
Где любовь и где ты, о счастливец?
Я могу выиграть на шахматной доске слона,
Но ты — шах, на шаха нельзя идти пешкой.
Станет ли лев гостить у газели?
Насытится ли орел воробушкой?
Хотя ты — кипарис, а я — шелуха перед тобой,
Но в конечном итоге мы оба ведь из праха.
20 Рута и алоэ в кадилнице — все одно,
Дым, пары и пепел — все одно.

Твоему пиршественному столу нужен кебаб из солонины,
Мошка, растоптанная слоном, ни на что не годится.
Пламя твоего гнева горит споро,
Как бы оно не спалило котел твоих [желаний].
Ты вторгся, словно сель, в рыбный пруд,
Желая добиться заветной цели.
Я остерегаюсь потopa, что идет от тебя.
Хочешь — оставайся у ворот, не хочешь — уходи.
25 К чему тебе бросать аркан на зубцы замка луны?
Ведь не сможешь найти пути к небу!

Ты не проведешь небо фокусами,
Колдовством не привлечешь в объятия Луну.
Если хочешь просверлить непросверленную жемчужину,
То нужно нырять в глубины моря.
Плоды на ветвях в садах Ирема недоступны,
Я необдуманно сказала тебе, что врата удела широко
раскрыты.

Я — вода, зовущаяся водой жизни,
Ты — огонь, зовущийся огнем молодости.

30 Я не хочу, чтобы слились вода и огонь,
Не то ведь поднимется в мире смута.

Уж лучше, пока я жива, не общаться мне с тем человеком,
Который пресытился мной.
Ступай, наслаждайся Шакар.
Тебе не нужен мед Ширин.
Целовать сахар не следует [устам] влюбленного,
Его надо кусать зубами, которые дробят его на мелкие
кусочки.
Поцелуй Ширин — словно ходкий товар (хотят все),
Ибо сладость ее уст — особенная (т. е. не заимствованная ни
у кого).

35 Не хвали сахар перед Ширин,
Ибо ткачу не сравниться с мясником.

Есть колесо и у баллисты, и у ткацкого станка для шелка,
Но одно колесо ткет шелк, другое бросает камни.
Сахаром не превзойдут чью-либо сладость,
Только уста Ширин превзойдут сахар.
Тебя поразили прежде недуг,
И ты в качестве зелья избрал Шакар.
Ты хочешь Шакар и жаждешь Ширин,
Или за Луной гонись, или за Рыбой.
Хватит тебе любить Ширин, —
40 Ведь ты знаешь, где живет Шакар, [ступай же].

Перестав обливаться кровью сердца,
Не стану я [приходить] в отчаяние.
Не стану я впредь поклоняться шаху,
Ищи себе служанку расторопнее меня.
Вспоминяя меня, не забывай нашего прощания,
Сыграй приятную мелодию, если струны твои не лопнули.
Доколь ты будешь резок и жесток с теми, кого ты пленил?
Ты говори так, чтобы писцы записывали [твои речи].
Твое сердце не знает печали,
45 От самообольщения ты полон спеси.

Зачем мне пить кровь из твоей чаши?
К чему мне надуваться как худой овце, которую надувает
мясник?
Если мне и было плохо из-за тебя, то пусть:
Есть Бог, который исправляет дела.

Я буду жить в этой пустынной теснине,
Велю всех оповестить о том,
Как поступил Хосров с Ширин, о том,
Как оставив невесту здесь, где-то рассыпает леденцы
нисаром.

50 Довольно с меня того пути, на котором я угодила в капкан,
На котором лишилась и достоинства и чести.

Если уж обесславлена я,
То ведь вратам обесславленных лучше быть запертыми.
Пусть мои привратники избавятся от труда открывать ворота,
Чем сокровищница ценнее, тем крепче запоры.
По всему миру пошла слава о моем сахаре (т. е. сладости),
И потому врата замка сделаны из самаркандского дерева.
Если я и не смогу открыть тебе врата,
Я могу для тебя спустить аркан из кос.

55 Если мне понадобится завлечь тебя в свою чашу, словно вино,
То я косами, подобными аркану, подниму тебя на крышу.

Но ветер (т. е. легкомыслие) в твоей голове лишил твои ноги
сил подниматься по аркану,
И ты не сможешь подняться по аркану. Какой же прок от
тебя?

После того, как увидела тебя в горе, мне лучше
Не жечь моего масла в твоём светильнике.
Вот я и рассказала о том, как кипит моя кровь.
Да будут приятны твои дни и ночи. Я ухожу». Промолвила так и встала, подобная кипарису,
Повернула чело в сторону, поправила убор на голове.
Она встряхнула шелк одежд и сквозь

60 Шелка весь мир наполнился сахаром ее тела.

Как это принято у красавиц,
Она обнажила подбородок, заплела локоны.
Она облачилась в меха и шелка, якобы, чтобы скрыть свою
красоту,

Но, надевая их, являла миру свою красоту.
То скрывала под касабом цветы насрина (т. е. розовое тело),
То мочки ушей ее становились красными, как маки.
То взволнованно завязывала ленты на косах
И прикасалась мускусом (т. е. локонами) к луне (т. е. лицу).
Она замешкалась, наряжая себя,

65 Ведь она шагала по лезвию меча.

Играя цепочками на ножных браслетах,
Она повергала в горе тех, кто был закован в цепи [любви].
Косами то опоясывалась, то укладывала их как венец.
А шах жаждал и венца, и пояса.

Повязывая себе на шею платок с маками,
Она как бы затягивала шею шаха арканом.
Она словно варила халву, не разогревая сильно огня:
Ведь от сильного огня халва подгорает.
Красавица, употребив все семь

70 Средств украшения своей красоты,

На мгновение, кокетничая, повернулась к шаху спиной,
И словно на небе не стало солнца.
Меж тем локоны ее играли извивами,
Она играла бедрами и голеними.
На кого бы она ни взглянула, от ее кос-арканов он
падал, словно сраженный эфой.

Когда ожерелье кос обвивалось вокруг ее хрустальной шеи,
Она играла мускусными арканами.

Сердце, которое умрет в любви к ее шее,

75 Умрет, унося с собой на шее ее арканы

Грациозно прошла мимо шаха-витязя по стене,
Покой покинул шаха, когда ушла возлюбленная.
Он долго заклинал ее своей жизнью,
Пока не вернулась стройная пленительница.
Сел он, проливая жемчужины из нарциссов,
Водой слез он спалил весь мир.
В любых выражениях, которыми можно разжалобить сердце,
Он произнес заклинания, которые были к месту.
Поступки, от которых изнемогает влюбленный,

80 Легко совершает возлюбленная, удивительно легко.

ХОСРОВ ОТВЕЧАЕТ ШИРИН

Когда царь узрел нежность своей любимой,
Он бросил щит в неравном поединке
И смиренно перестал жаловаться.
Но как можно скрыть от сладостной красавицы свою мольбу?

Сказал он Ширин: «О глаза мои и светоч!
Хумай в моем цветнике и павлин в моем саду!
Ты — венец на моей голове и трон для моего венца!
Ты и сокрушаешь, и подаешь руку [помощи].
Ты — похитительница моего сердца, ты и утешительница его,
От тебя опьянение и от тебя трезвость.

- 5 Нет у меня никого, кроме тебя, к кому понес бы пожитки,
Нет венца лучше тебя, под которым мог бы поставить трон.
Я знаю, ты обижена мной.
Но во имя чего ты вознамерилась пролить мою кровь?
Ты так поздно идешь ко мне в объятия,
Так не убивай же так поспешно меня, вздернув на виселицу.
Прекрасно сказал крестьянин Немроду:
«Не спеши убивать, спеши сеять».
Чего хочешь от меня — покаяния или жизни? Вот и то и
другое.
- 10 Ты можешь даровать и празднество, и жертвоприношение —
и то и другое.

Не заносись, не то постигнет тебя беда,
Будь ласкова, ведь твоя гордыня превзошла всякую меру.
Не разбивай более моего сердца отчаянием,
Не ломай моей радости, как изломаны твои локоны.
Безмерна моя печаль, но нет у меня утешителя.
Ты могла бы утешить, но не ведаешь ты, как утешать.
Скорбь, что сдружилась со стонущим сердцем,
Можно поведать сверстницам и тем, кто близок тебе по
душевному состоянию.

- 15 Не следует поверять тайны тем, чьи покойны сердца:
Тот, кто не согласен с тобой, не будет с тобой в ладу.

- Убери с вьюка этот колокольчик,
Легко вздохни хотя бы на единственный миг.
В этом мире было много таких, как ты и я.
Но не пребудем вечно мы, как не пребывал кто-либо другой.
В этих вратах, через которые путь вверх и вниз,
Разве не слыхала — [словечко молвить] нет времени?
Довольно обманывать себя, о ты, чарующая сердца!
Обласкай же меня, ибо истощилось мое терпение.
Сжался надо мной, о возлюбленная, ведь настала пора.
20 Изгони из моей головы хмель, ибо настала пора.

Довольно хмурить арки бровей!
Довольно заставляя ждать под аркой ворот венценосца
(т. е. Хосрова).

- Довольно преграждать дорогу фагфуру к Фархаду,
Довольно закрывать дорогу к речке Мулиян.
Почему ты навлекла на себя земные горести?
Отринь горести, ибо настала пора радости.
Можно горевать в пасмурный день.
Веселись, ибо сегодня светит солнце.
25 Доколь ты будешь топтать поверженного?
Доколь будешь мучить своего пленника?

- Глупец и невежда тот,
Кто в пору мира жаждет войны.
Если мудрец вступит в войну,
То он оставляет лазейку для мира.
В нашей войне склонись ты к миру,
На миг успокойся, Доколь тебе гневаться?
Устрой пиршество для друзей,
Что озарились и глаза, и дни наши.
30 Я пришел в сад, чтобы нарвать плодов,
Так не сынь же мне в подол шипа.

Глазами и устами в этом цветущем саду
Ты то сахар являешь, то миндаль.
Скажи мне в твоём саду: «Встань и вкушай
Цитрон моего подборodka и померанцы грудей».
Доколь же метать копья гнева и стрелы укоров?
Не война же сейчас, закрой врата сражений.
О ты, у которой бедра как у газели! Ты сотворена не для
битв,

- Оставь повадки барса хищникам.
Снизойди же с высоты своей гордыни и спеси,
35 Не сокрушай того, кого покорила.

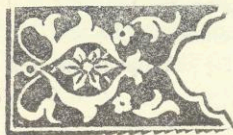
Подумай: хоть и нежна ты, куропатка,
Но сокол — влюбленный шах поджидает тебя в засаде.
Все равно с высоты замка упадешь в мои объятия,
Окажешься в моих руках и будешь в моей власти.
Я буду насильничать над твоими локонами и родничкой,
Подобно тому как насильничает надо мной твой образ
каждую ночь [в сновидениях].
Что случилось? Ведь я целиком во власти твоей прихоти,

40 Совершенно обессилел и стою, словно судьба [у твоих врат].
Нет у тебя в сердце и намека на [прежнюю] привязанность,
И нет у тебя прежних речей [со мной].

Всяк сможет свой палас
Вытащить из воды. О подруга, не торопись!
Если же хочешь, чтобы я ушел, то воздай мне по иному счету
И укороти мой недалекий путь [т. е. не гони в дальний путь].
Перестань хмурить брови, подобные месяцу,
Наполни сокровищницу камнями, опустоши шатер.
Если не хочешь впустить меня в свой дом,
То я двинусь в счастливый путь.
Я сумею уйти той дорогой, которой пришел.
45 Я вновь смогу вести с тобой прежнюю игру.

Возьму я себе зелье забвения,
Стану пить за здоровье другого виночерпия.
Другой розовой водой наполню я чашу,
Другой халвой услащу я свои уста.
Я перестану любить Ширин,
Я вновь возьму себе подругу по имени Шакар, рассыпающую
устаами сахар.

Я стану пить с ней терпкое вино,
Не буду слышать горьких слов Ширин.
Я решил вернуться,
50 Слов надо поменьше: путь-то длинен».

ШИРИН ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Смиренно первая красавица Халлуха
Поцеловала землю и дала такой ответ:
«О государь! Да будешь вечно счастливым!
В счастье да будешь сахибкираном.
Да не будет без тебя света для семи иклимов,
Да не сглазит твоего счастья дурной глаз.
Да исполнятся тысячи твоих царских желаний,
Да будешь ты царствовать тысячу лет.
Тот, кто пьет вино за здравие твое,
5 Да будет в твоих объятиях, если им буду даже я.

Довольно расточать яд, подобный сахару,
Рассказывать небылиц тому, кто заговорен,
Произносить пленительные речи,
Рассказывать сказки, рожденные гордыней
[Довольно] охотиться за дичью в золотом шатре,
Требовать покорности от моего дворца.
Падишах ничего не теряет,
Издеваясь над униженным,
И беря на охоту лишнюю собаку,
10 Чтобы поразить еще одну серну.

Я — сокровище, печати которой не коснулся даже прах,
И не дамся в руки тебе так легко.
Ты знаешь много всяких уловок,
Ты наговоришь много всяких побасенок.
Не возьмешь меня обманом,
Хотя и цветет ива, она, не плодоносит.
Ты — река, у которой нет конца,
Я не знаю твоих сокровенных тайн, как не знаю тайн моря.
Я же — маленький водоем, и хорошо известно, сколько во
мне воды.

15 Что на уме у меня, то и на языке.

У того, у кого, как у раковины, зубы внутри,
В сердце ненависть [огромная] как море.
Разве я на этой стене стала уступчивой собеседницей,
Чтобы поддаться твоим сладким и льстивым речам?
Стану ли я слушать сахарные речи,
Если у меня самой есть и мед, и сахар?
У тебя лишь [хорошо] подвешенный язык,
Ты лишь опаляешь мне сердце и ничего более.
Доколь будешь разглагольствовать о венце и троне?

20 Ты произносишь не взвешенные речи, а только тяжкие
[т. е. резкие].

Горькие слова — от мерзкого нрава,
Ведь в каждой пещере (т. в. во рту) есть дракон (т. е. язык).
С тобой я буду вести речи, только взвесив слова,
А ты не говори, не взвесив, чтобы не обидеть меня.
Решение дел откладывается, откладывается,
Я за зеркало берусь, а ты — за меч.
Доброе ли слово или злое, у него много ликов,
Между добром и злом расстояние — всего лишь на волосок.

25 В этом паланкине (т. е. мире) блаженствует тот,
Кто сначала видит глаза ворона, а потом уж его хвост.

Доброе имя — это голова, позор — это камень,
Так не бей же камнем в сосуд (т. е. голову), берегись.
Доколе будешь говорить нелепости?
По-видимому, и ты пьян и твои слова пьяны.
Слово, порожденное умом мудреца,
Возвышенно, если даже исходит из-под земли.
Когда человек говорит обидное,
Но продуманно, то уже не обидно.
Слова должны быть взвешены,
30 Многословие же — всего лишь выюк для осла.

Столько слов, сколько ты говоришь своей рабыне,
Ни один певец не молвит даже целой дружине.
Если же хочешь, чтобы страдали и ты, и я,
То говори, я же буду слушать.
Если захочется тебе чего-либо, то ты одним мгновением
Можешь удовлетворить сотни желаний.
Такую деву, как я, ты заставил поселиться в крепости,
А ныне жаждешь на свете другую деву.
Довольствуйся тем, что видишь мои слезы-жемчужины,
35 Не стремись забавляться жемчужинами в моих ушах.

Довольствуйся тем, что чувствуешь мои благоуханные вздохи
Ведь мое ожерелье обогрето кровью [т. е. слезами].
Узри лишь мои крошечные уста, подобные зернышкам граната,
А мои груди — это гранаты, что украли из сада тать.
Быть может, ты и расколешь издали камнем фундук моих
рук,

Но винная ягода моих губ будет горестной [и ты не
добьешься успеха].
Благословенно мое лицо, но в паланкине [добродетели].
Пусть будет благословенным мое целомудрие.
Не поступавай дерзко, остерегайся моих глаз,

40 Ибо в каждом кокетливом взгляде скрыто сто острых
кинжалов.

В каждом волоске моих локонов,
Скрыта черная, как смоль, змея.
Тебе не будет веселия со мной,
В кадилнице из льда не зажечь огня.

Я не попадусь в яму ради твоих тенет,
Ради твоей приманки я не сойду с правильного пути.
Твое сердце будет заблуждаться на путях любви,
Пусть будут тебе колокольчиком тяжкие вздохи [чтобы не
заблудиться].

45 Разве не видишь в каждом караване колокольчика,
Который звучит, предупреждая?

Пока караван [времени] не завершит ночи,
Ни один пегух не запоет утром.
Ты совершаешь ошибки, бьешь не в ту сторону;
Седлаешь пегого коня вместо вороного.
Собирался ты скакать в Хиндустан,
Заблудился и очутился в Вавилоне.
Шел ты к морю, оказался на суше,
Хотел ты розы, а собрал тюльпаны.
Ты душу решил лечить зельем Ширин,
50 Но разговенье совершил [красавицей] Шакар.

Я твоя возлюбленная, но у тебя много любимых.
У тебя одно дело, а потом ко мне дело?
Не унижай меня так, горестную,
Ведь ты уже причинил мне много страданий.
Ступай, забудь ту, кого изгнали из деревни (т. е. из столицы),
Оставь в деревне (т. е. в замке) ту, которую бросили.
Словно дитя, которое не видело ни отца, ни матери.
Которое вскормлено в сиротской доле подачками;
Подобно гулю, покинутому в отдаленной пещере,
55 Мимо которой даже муравей раз в месяц не проползет.

Я не видела в жизни от тебя ни малейшей радости,
Стала мишенью для стрел хулы.
Оставь меня среди этих скал, униженную, без сил,
Другие же скалы станут мне могилой.
Если камни будут сверху и снизу,
То они скроют меня от моего позора.
Я думаю о милый, возлюбленный,
Что я упала с Шабдиза в первый же день [нашей встречи].
Будь благороден, сними с меня бремя.
60 Не нужны мне розы, избавь меня от шипов.

Доколь осыпать розами и напускать пыль?
Доколь есть соль и разбивать солонку?

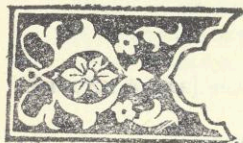
Довольно с меня того, что я из-за тебя стала несчастной,
Покинула родной дом и стала чужестранкой.
Счастье покинуло меня в тот день,
Когда ты покинул Ширин в Шахруде.
Как могу мечтать я о Мадаине (т. е. столице)?
Что делать? Судьбы не миновать.

65 Тебе нужна супруга такого же высокого сана, как ты сам.
На что способна обездоленная, вроде меня?

Ты рой колодец там, где есть вода,
Ты пускай кровь из той жилы, из которой забьет кровь.
Ты воздвиг дом любви, подобный воздушному замку.
Может быть, теперь ты заложил иную основу?
Если палас не греет, когда он новый,
То станет ли греть, когда износится?
Дерево, кривое с младенческих лет,
Выпрямится ли, когда постареет и высохнет?
Ты оказал милость и прибыл сюда,
70 Проявил благородство и царский характер.

Но эта ночь не та ночь, когда мы помиримся,
Нет надежды, что брачную комнату [для нас] приготовят.
Все еще кушание в котле не сварилось,
Все еще нет того, что нужно для халвы.
Эту ночь ты откажись от намерения повелевать,
Нельзя — не приму я пьяного гостя.
Когда же настанет пора свершения,
Смогу позвать тебя в гости.
В мире можно установить время для каждого явления,
75 Для каждого клада наступает время, когда можно найти его.

Разве не знаешь: когда петух кричит, не ко времени,
Вместо перьев он лишается головы?»

ХОСРОВ ОТВЕЧАЕТ ШИРИН

Когда Хосров убедился, что язвительная возлюбленная
Не поступится гордостью,
Умоляя ее, он пустил в ход новые уловки.

Но какая польза идти с чарами в Вавилон?
Умоляя, сказал ей: «Цель жизни моей!
Свет глаз моих! Свеча моей души!
Ты — счастье мое, юность моего счастья.
Ты — душа моего сердца, жизнь для души.
Доколь будешь угнетать меня, как угнетает небо?»

5 Будь благосклонна ко мне хотя бы миг, хотя бы для вида.

Обрадуй меня любовным взглядом,
Освободи раба, умершего от любви,
Почему не замечаешь своих недостатков, своей суровости?
Доколь будешь поносить лишь мои недостатки?
Ты подобна слепому, который не видит своей слепоты,
Который на сто ладов осуждает недостатки других.
Не бросай [в меня] из уст-рубинов камни (горькие слова),
Ты повергла меня во прах, не обагрый же кровью.
Ты погубила меня печальями,

10 Да простит тебя Аллах! Хвала твоей заботе.

Настала ночь, снег падает, словно капли ртути,
Согрей меня, словно пламя, отбрось холод гнева.
Не заставляй меня этой ночью загореться гневом от снега.
Страшен будет день, когда снег растает от моего гнева.
Пусти меня во дворец на эту ночь,
Чтобы я мог поцеловать прах у твоих ног, униженно, как
земля,

Я почтительно сяду на колени перед тобой
И закрою глаза страсти, посмотрю на тебя оком истинной
любви.

15 Быть принятым в твоём дворце достоин тот,
Кто закроет глаза страсти в твоём доме.

Считай врагом того из своих друзей,
Кто станет поглядывать за тобой из окошечка.
Тот достоин твоей любви,
Кто желает тебе возвышения в сане и умножения твоего
богатства.

Друга, который станет завидовать тебе,
Прокляни, ибо обещание его не стоит праха.
О жизнь моя! Не заставляй меня исходить кровью из горла,
Не заставляй меня более пребывать у врат, словно кольцо.
Ты истязал меня, это несправедливо,

20 Ты живешь, словно в раю, так зачем меня обрекаешь на
адские муки?

У тебя — созревшие райские плоды,
Которых нигде не увидишь, кроме как в райском саду.
Открой же врата твоего дворца-рая,
Не дай сгнить плодам дерева.
Финики на столе, но нет того, кто съел бы их —
Вспомни жаждущий Искендер — у источника живой воды.
Открой мне врата и закрой путь к ненависти,
25 Препоясавшись, как и в давние времена, на служение.

Если невозможно открыть врата,
Дать приют на ночь чужестранцу,
То сбрось покрывало с солнца (лица),
Ибо твое светило не нуждается в покрывале.
Если безумен я, то разум мой похитила ты.
Усмири мою лихорадку, ибо именно ты ввергла меня в нее.
И зелье против безумия приготовить сможешь ты,
Ибо у тебя есть яхонт (т. е. губы) и амбра (т. е. косы).
Почему отводишь от меня медовые уста,
А языком, подобным жалу пчелы, жалишь меня?
Ты так нежна, не будь же жестокой,
30 Не пристало горностаю (Ширин) быть дикобразом.

Сделай так, чтобы я вернулся от тебя радостным,
Чтобы вернулся в восторге от того, что видел тебя.
На этом пути я только ноги покрыл пылью,
Но сердце мое ликует от того, что я видел тебя.
Если твое сердце не смилостивится надо мной,
То вряд ли будет оправдание тому.
Не осыпай голову Хосрова камнями,
Не убивай его, как Фархада, осыпав камнями
Если кто-либо швыряет камень ввысь,
35 Может статься, что он упадет ему на голову.

Если разобьешь голову, то тело обагрится кровью.
Если ударишь великого мужа, то он ответит ударом.
Прояви милосердие, как те, кто ласкает сердца,
Не играй со мной, как игроки в кости.
Не каждый влюбленный непременно пьян,
Не каждый, кто потерял власть над собой, потерял из-за
опьянения.

То в мире ты со мной, то бранишься,
Да удержит тебя Бог от такого противоречивого поведения.
Так избери же белое или черное,
40 Ибо угорь — ни рыба, ни змея.

Ты злонравна. Не знаю, почему ненавидишь меня.
Следует ли любимой быть такой?
Истязашь меня непрестанно и велишь молчать.
Но я, словно море, прихожу все в большее волнение.
Чем больше призываю тебя приблизиться,
Тем больше удаляешься, как тот, кто сучит веревку.
Не наноси столько ран пострадавшемуся сердцу,
Ведь сердце — всего только сердце, не сталь и не камень.
Ты унизила меня на радость врагам. Не подобает это.
45 Доставлять радость врагам — это зло, о друг.

Даруй мне обещание — верное, как мои речи.
Не верши столько кривды в моем правом деле.
Будь ласкова со мной вопреки желанию врагов,
Втайне испепеляй меня, но внешне будь ласкова.
Не примешивай столько соли к сладости,
Ибо сладкое станет горьким, если добавить много соли.
Будь мягкой, ведь сладость — подмога тебе,
Ведь мягкость и сладость ладят друг с другом.
Я искал тебя, словно лунный свет, в облаках,
50 А нашел тебя словно облако, лишенное влаги.

Ты была мироозаряющим светильником,
Когда же далась в руки, стала опаляющей.
Издали ты привиделась мне пленительной красной розой,
Когда же приблизилась, то оказалась пламенем.
Если упреки превзойдут меру, начнется ссора,
Земля, когда затвердеет, становится камнем.
Не каждый меч наносит рану,
И десять пальцев на руке вовсе не одинаковы.
Я могу повернуть отсюда восвояси
5 И уединиться с той, кто краше тебя,

Но прежде хотел бы воздать тебе должное,
Ведь я помню наше прежнее общение.

ШИРИН ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

И вновь Ширин велела устам
Вплести в речь сладкие финики.
Сердолик (уста) над жемчужинами (зубами) подняла,
Перлы нанизывала и рассыпала жемчуга слов.
Сначала она сказала: «О шах с юным счастьем!
Тобой украшены и трон, и венец.
Благодаря твоей мощи да будут вечно против врага
Древко знамени и десница с мечом.
Рубашка счастья ладно сидит на тебе,
5 Пред твоей десницей слаба стрела небосвода.

Да дарует тебе подруга счастье, а счастье — подругу,
Ибо ты — помощник самой судьбе».
Потом она разъярилась, словно огненная гора,
Сказала Хосрову: «О заносчивый предводитель!
Ты — шах. Ступай [отсюда], ибо любовные утехы для шаха —
Это лишняя надуманная обуза.
Влюбленным может зваться лишь тот, кто
На свете любит только одну возлюбленную.
Не укоряй меня в любви к Фархаду,
10 Добром помниной чужестранца-покойника.

Для меня Фархад со своим ласковым обращением
Был названным братом в том мире.
Он ни разу не бросил на меня нескромного взгляда,
Только голос мой слышал, а меня вовсе, не видел.
Хотя я и сделала мир для него горьким,
Его горение было приятным, как горение алоэ.
Он был ко мне внимателен, был заботлив,
А от тебя я ни разу не получила весточки.
Для меня шип, который растет рядом с розой,
15 Лучше кипариса, что не плодоносит.

Приятнее положить голову на железную плаху,
Чем опоясаться золотым поясом, ведущим к моей гибели.
Медь, из которой изготовят мне браслет,

Лучше серебра, которое станут плавить на моей руке.
Светильник, который светит мне по ночам,
Лучше свечи, которая опалает мои пожитки.
Влюбленный подобен морю: у него камни на груди,
Я же подобна горе со скальной вершиной,
Я заточена, словно железная руда, в эти камни,
20 Нет радости для сердца, друзья недоступны.

Да не познает муж помимо печали еще бедность,
Безумцу очень плохо опьянеть.
Я и безумна и пьяна, а пьяная и безумная
Не может быть чьей-либо возлюбленной.
Перечеркни каламом буквы моего имени,
Ибо я недостойна быть начертанной писцами.
И при этом считай, что подул резкий ветер
И унес листок утром из твоего сада.
Меня пустил скитаться по миру поток тягот,
25 А ты сложи свои пожитки и поворачивай.

Я сгораю в сильном пламени,
Посмотри на меня, запосни в назидание себе и беги.
С неба падает снег камфарой,
Если страсть наша охладела, то так и должно быть.
Если туча стала лить слезы-соль (снег) по злосчастью,
То отринь сердце от Ширин, у которой сердце горькое.
Не люби ночь, подобно летучей мыши,
Словно белый сокол (солнце), шагай только днем.
Нет больше тех сказок, что ты слышал от меня,
30 Нет больше тех ласок, что ты получал от меня.

Не осталось ни одного ячменного зернышка с гумна [счастья],
По-персидски ли назовем ячмень или по-арабски.
Я не тюрчанка, которая не знает арабского языка,
Которая не ведает кокетства и неги.
Само небо учится у меня кокетству,
А локоны мои изломаны.
Если твое сердце — даже птица, все равно нет у него
крыльев,
Если твое дыхание — само утро, все равно не действует оно
[на меня].

Даже если вспомнишь сто снов Юсуфа,
35 Ты все равно таков, каков есть: осел Исы останется ослом.

Если тогда, когда ты был в Армении, метал дротики любви,
как туча.

То ныне, словно утренний рассвет, бьешь меня мечами с обеих
сторон.

Ты словно простой дейлемский наемник, а теперь стал
властителем,

Бросил простой топор вонна и взял царский дротик.
Ступай же, ты вовсе не нужен мне,
Можешь рыдать, и на волосок нет места для тебя в
[моем сердце].

40 В погоне за достатком, насилием и коварством
Никто не обретет больше предначертанной доли.
Перестань рыдать, не плачь без причины,
Перестань притворяться и умолкни!

Ешь то, что дозволено, как ловчие соколы,
Не ешь, как коршуны, падаль.
Меня потому зовут постоянно Ширин.
Что я вершу сладостные (приятные) деяния.
Одних я заставляю горько плакать, подобно чаше с шипучим
вином,

Другим дарую от своего имени сладостную радость.
Я — розовая вода. Если я и порождаю горечь, то не беда:
Та розовая вода хороша, которая немного горьковата.
Я предлагаю губительное вино,

45 От аромата которого ты годами пребудешь пьяным.

Поскольку я славлюсь сладостью,
Если и горьки мои слова, не беда.
Совместимы ли две сладости?
Финик хорош с косточкой, а орех — с ядрышком.
Я резка не потому что у меня характер дикобраза,
Ведь часто нежность скрыта под резкостью.
Каменя пребывают среди скал, розы — среди шипов,
И много кладов среди развалин.
Наберись же ты терпения.

50 Ты не в таком состоянии, чтобы унижаться ради успеха.

Чрезмерная пришибленность
Свойственна еврею. Но разве можно стать евреем?
Если осел распушит уши, готовый служить,
Любой мальчик сядет на него.
Когда сокол уже не может летать,
Ему приходится сносить наскоки воробья.
Если верблюд отбил от каравана,

То даже мышь тихой сапой взнуздает его.
Тот, кто стремится сразиться со львами,
55 Пусть лучше покажет клыки подобно льву.

Псы, нагоняя страх перед дракой,
Показывают клыки и разбегаются».
Затем она стала клясться:
«Клянусь душой ученого мужа и духом мудреца,
Величием свода бирюзового сада,
Светом блистающего солнца,
Картинами пречистого райского сада,
Всеми буквами, что есть на земле,
Тем вечно сушим. кто никогда не умирает,

60 Тем вечно недремлющим, что никогда не спит,

Тем всесостоятельным, кто дарует людям пропитание,
Тем, кому поклоняются и кто возвращает души,
Что вне брачных уз, хоть ты и падишах,
Не получишь того, чего желаешь от меня».
Она резко отвернулась от Хосрова,
Отказалась от сокровища, что шло к ней в руки.

ХОСРОВ УЕЗЖАЕТ ОТ ДВОРЦА ШИРИН

Вечером, когда хотанская газель (солнце),
Обмоталась, словно веревкой, мускусной пуповиной,
Тысячи детенышей газелей с молоком на губах (т. е. звезды),
Вышли пастись на лужайку [неба].
Царь, словно газель с разодранной грудью.
Выслушал укору возлюбленной с глазами газели.
Кругом шел дождь [вперемежку] со снегом.
А творец проливал [воду] словно весенняя туча.
От страха гора таяла, словно глина [в воде].
5 Сердце страдало из-за снега, словно от расплавленного олова.

Под Хосровом вороной Шабдиз
Покрылся серебряным покрывалом от дирхемов снега.
Он долго умолял ее, но и на волосок
Не повлиял на ту, чьи мускусны кудри.

Он долго стонал, чтобы возлюбленная смилостивилась,
Но из ста попыток ни одна не увенчалась успехом.
Его стенания становились громче с каждым мигом,
А ее ответы с каждым разом — жестче.
Когда первую стражу ночи сменила вторая,
10 Шах с опечаленным сердцем поехал прочь от ворот.

Коня он гнал медленно, словно выздоравливающий,
Из глаз его лились на коня кровавые слезы.
С истерзанным сердцем оглядывался он назад,
Ехал шах, и никто не сопровождал его.
Не было у него сил гнать коня быстрее, но
Перерезать Шабдизу сухожилия не хотел.
Путевым припасом его были только слезы и стенания,
А на щеках-розах блистали жемчужины-слезы.
15 В своей печали он страстно жаждал, чтобы путь ему
Преградила гора или пропасть, и думал он:

«Быть может, тогда б я остановился.
Или навеки сложил бы здесь свои пожитки».
То бил он рукой по руке от ярости,
То платок прикладывал к глазам.
Когда он в отчаянии вернулся в свой лагерь,
Сердце у него горело от жара, как горит солнце,
Разверзлись черные тучи в голубом цветнике (на небе),
Появился лунный свет.
20 Шаханшах поднял шатер словно до самых небес,
Велел полог шатра, чтобы открыть прием,

Его сердце не хотело мирских утех,
Вместо того, чтобы рвать одеяния, он разрывал сердце.
Он нисколько не думал о радостях,
Не поднимал головы с колен раздумий.
Надим, хаджиб, стражники и дастур
Покинули его, остался он с одним Шапуром.
Мастер-живописец пытался развеселить его
Своим искусством слова.
Он лил воду на пламя (т. е. на тоску),
25 Смеялся перед ним, словно лунный свет.

Утешал его, говорил: «Ширин милосердна,
Ты не обращай внимания на то, что остра на язык.
Допустим Ширин хочет браниться с тобой, но

Помни — финик растет рядом с шипом.
Не огорчайся тому, что Ширин гневается,
Ведь сладость порождает желчность.
Не печалься из-за горячности печальной Ширин,
Ведь сладость славится своей горячностью».
30 Царь, видя, что вокруг нет посторонних,
Долго жаловался Шапуру:

«Видишь, что случилось со мной сегодня?
Как поступила со мной та, что спалает мир?
Как бесстыдно поступила эта безбожница?
Разве ведомы женщине стыд и страх перед Богом?
Я положил к ее ногам венец, круглый, как крона гранатового
дерева.

Стоял перед ней, словно кипарис, прося прощения.
Она била топором по гранатовому дереву-венцу,
Секирой разрубала на поленья кипарисовое дерево (т. е. тело
Хосрова).

35 Холод на нее никак не действовал, не стала она теплее,
Лицо ее не стало менее хмурым.

На ее устах — лишь речь стрелы и топора,
Все извинения ее были хуже топора.
Да, возлюбленная может быть резкой с возлюбленным,
Но не в такой степени, в какой шип с шипом.

Я ведь тоже способен на резкость,
И у меня ведь есть душа.
Если ее красота стала как Харут вавилонский,
Если ее индийская родинка — глава чародеев Вавилона,
То от сильного холода ее жестокости я уподобился душой
льду,

40 Так что чары и Харута, и главы чародеев стали для меня,
словно письмены на льду.

Скорблю я, и тоска моя по ней
Превышает всякое терпение.
Натуру дурного ребенка знает нянька,
Дурные повадки соседа знает сосед.
Она оказалась для меня тайным врагом,
Скрыта ненависть ее под внешней любезностью.
Как только ни умолял я ее вчера,
Она не снизошла, разум покинул ее.

45 Я наговорил ей всяких приятных слов столько.
Сколько можно за целый год, а она и за месяц не приняла.

Настала ночь, но не было надежды,
Она разбила меня и зелья не дала.
Хотя свидание с Ширин и не лишено соли
И нет на свете сладостнее ее под небом.
Тем не менее я не буду сносить от нее унижения,
Она не стоит того, чтобы так страдать из-за нее.
Лучше быть растоптанным слонами,
Чем стоять с протянутой рукой перед скупердяем.
50 Погрузиться в воду, словно рыба,
Лучше, чем унижаться перед лягушкой.

Ногтями срывать камни с горы
Лучше, чем просить у недостойного человека.
Всякий найдет жемчужины в чистой воде,
А тот, кто станет искать на земле, найдет только прах.
Зачем мне рыться в камнях в поисках обломка камня?
Зачем мне ползать в темном руднике без лампы?
К чему менять царство на жизнь какой-то наглой девчонки?
Ведь ее ворона даже на комок земли не сядет.
Мне нужна равная мне по чести,
Ведь павлин женится на самке павлина».

ШАПУР ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Сначала Шапур поцеловал прах [перед шахом]
А потом заговорил, словно в огонь наливая камфарную воду:
«Не следует горячиться из-за ее резкости,
Уметь прощать — это признак великодушия.
Брань милых скоротечна, словно сверкнувшая молния,
Есть разница меж кокетством и злобой.
Если вспыльчива Ширин, то простительно,
Ибо сладость вызывает горячее.
Не только Ширин, но даже и финика
5 Не найдешь без косточки.

Если даже у тебя в голове помутится от гнева на Ширин,
Страсть к ней пусть все же не покидает.

Быть может, Ширин знала о твоём гневе,
И потому в ее сахаре (в речах) было столько уксуса
(неприятного).

Если в чем-либо перемешаны и сладкое, и кислое,
То не отказывайся от черной желчи и желтой.
Не диво, если красавицы быстро покидают [влюбленных],
Собака может быть только собакой, лев — львом.
Агат кладут рядом с жемчужиной — таков обычай.
10 Хотя в кладе лежит золото, ключ к нему делают из железа.

Нельзя порывать с красавицами из-за того, что они обижают,
Приходится сносить капризы возлюбленных.
Все красавицы, как и Ширин, злонаправны,
Где девы, там всегда благовония и румяна.
Сорвешь ли розу, не уколовшись шипами?
Нарисуешь ли окружность, не проколов бумаги ножкой
циркуля?

Красавицы своевольничают испокон веков, но
Укус водяной змеи не смертелен.
Если хочешь спастись от потока скорби,
15 Будь стойким, словно гора.

Если ты даже на слабом ветру, будешь дрожать, как былинка,
То не будешь стоять и соломинки, будь ты даже горой.
Хорошо, когда удача и неудача чередуются,
Амбра благоухает, пока ее не сожгут.
Ту луну (т. е. Ширин) нельзя завоевать наскоком,
Ибо нельзя проявлять насилие над луной.
Она ведь женщина, закрой дверь перед [ней], не спеши,
И тогда она сама спустится к тебе через окошечко,
словно лунный свет.

Вероятно, и лунный свет, и женщина созданы на один манер:
20 Если закроешь дверь, они входят через окошечко.

Быть может, ты думаешь, что она не переживает, как и ты?
Переживает, я уверен в этом, но она терпелива.
Если с горы насилия скатится хотя бы один камень,
Ей он непременно угодит в голову, а тебе — лишь в тень
твою (т. е. беды достаются только ей).

Если вонзится шип печали,
Тебе он вонзится в платье, а ей — в сердце.
Тебе надо проявить терпение в эту ночь.

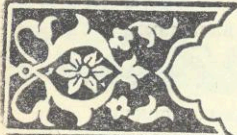
35 Ночь чревата событиями, посмотрим, что она родит.
 Счастье не движется вечно в одном направлении,
 Вода пребывает вечно в одном ручье.

Везение не бывает вечным:
 То уважение обретаем мы, то унижение.
 Из-за каждого каприза судьбы
 Не должен страдать тот, от которого судьба отвернулась.
 В какую бы сторону ни повернулся циркуль,
 Он вернется к своему первоначальному положению.
 Обездчик, усмиряющий норовистого коня,
 Бывает осторожным с необезженным жеребенком,
 Но терпением он вышколит его так,

30 Что усадит на него любого, кого захочет.

Терпение дает мужу [возможность] освободиться от оков,
 Ибо терпение — ключ к запутанному делу.
 Узел распутается, даже если он затянулся сильно,
 После темной ночи наступает утро.
 Я надеюсь, что твои муки пройдут,
 Что желание твое скоро исполнится».
 Такими приятными речами он обнадеживал шаха,
 Дружбой пытался восстановить развалины.
 Он приметам счастья украшал лик падишаха,

35 Когда же на небе появлялась звезда счастья, он гадал
 по ней.

**ШИРИН СТРАДАЕТ ОТ ТОГО,
 ЧТО ХОСРОВ ПОКИНУЛ ЕЕ**

Мастер слова из древних сказаний

Так излагает события:

После отъезда шаха Ширин огорчилась,
 По сердцу била себя камнем раскания.
 Из глаз без меры лила кровавые слезы.
 Рыдала, вновь и вновь проливая слезы,
 Поднималась и поднималась, словно подбитая птица,
 Из нарциссов (глаз) проливала ртуть (слезы) на цветки
 жасмина (щеки).

Ресницы она опускала на томные глаза,

5 Рукою сердца била по голове.

От ее горячих вздохов жажда мучила воздух,
 Из плачущих глаз орошала она землю.
 У нее не было сил сопротивляться скорби,
 Не способна была удержать сердце на своем месте.
 Когда она обессилила от горя,
 Ей стало стыдно за свои резкие речи.
 О печаленная, она села на ярко-рыжего коня,
 Конь рыжий, а слезы из глаз — цвета розы.
 Она выехала на славном коне,
 10 Словно вода, воссевшая на пламя.

Дорога была узкая, подобно линиям ее бровей.
 Ночь была черная, словно ее косы.
 Она гнала скакуна по узкой тропе,
 Темной ночью взывала к Богу.
 Ее конь, проскакавший весь свет,
 Обгонял лазоревый небосвод.
 Она ехала в платье раба,
 Скакала по следам шаханшахова Шабдиза.
 Каждую пядь, которую проходил ее конь цвета розы,
 15 Она окропляла слезами цвета розы.

Она прибыла в лагерь Хосрова,
 Поскакала на благородном коне к шатру Хосрова.
 Увидела, что стража безмолвствует,
 Что мечи их начальников лежат в стороне.
 Все спят мертвецким сном, словно накурились опиума,
 Валяются пьяные и спят крепким сном.
 Она растерялась, посмотрев на них,
 Не знала, как поступить.
 Из царского шатра Шапур увидел,
 20 Как издали быстро скакал всадник,

И своим колдовством в лунную ночь
 Мигом погрузил царя в сон,
 А сам вышел торжественно встретить Ширин,
 Не предупредив никого из гулямов.
 Ей он сказал: «О периликий! Что ты за муж?
 Если ты не пери, то ради чего кружишь здесь?
 Стоит льву появиться здесь — лишится мощи,
 Стоит приползти змее — станет муравьем».
 Розоликая увидела Шапура, узнала его
 25 И легко соскочила с гнедого коня.

Шапур удивился ее поведению,
Подошел поближе, чтобы разглядеть ее.
Узрев красоту нежной красавицы,
Подбросил вверх шапку, а голову склонил долу.
Он спросил ее: «Что это тебе вздумалось?
Ведь прах у твоих ног — тутия для нас».
Периликая сказала ему ласковые слова,
Похвалив его, как свойственно женщинам.
Взяла его за руку, отвела в сторону,
30 Рассказала о том, что случилось.

О том, как она опрометчиво и глупо поступила,
О том, что ей стыдно, что она раскисивается;
О том, как по неопытности она наговорила всякой чепухи,
О том, сколько всяких слов сказала не к месту, словно
петух.

А потом сказала: «Когда шах ускакал от меня,
Мое сердце оказалось в оковах тоски.
Я была так несчастна в том состоянии,
Что надолго лишилась рассудка.
Только по безумию я решилась ехать одна,
35 Если понадобится, даже онагр станет львом.

Подумай, мне так повезло, что господь
Не вверг меня в руки какого-либо злодея.
Мое желание оказалось угодным [Богу].
И я добралась, так как шла праведным путем.
Теперь, благодаря тебе, мне совсем мне страшно,
Я вручаю тебе свою судьбу.
Два желания у меня, ими я окована,
Исполни их, страстно хочу этого.

Первая просьба: когда шах начнет пировать,
40 Когда все кругом наполнится возгласами: «Во здравие!», —

Усади меня в укромном уголке,
Ни слова не говоря об этом шаху.
Чтобы я могла наблюдать за его развлечениями и веселием,
Чтобы могла любоваться его радующей душу красотой.
Вторая просьба: если шах обнаружит меня, то
Приблизиться ко мне сможет только через законный брак.
Если берешься исполнить мои желания,
Исполни, пока темно.

В противном случае, я вернусь своей дорогой,
45 Поскачу по своей воле к своему дворцу».

Шапур, поняв ее желания,
Обещал выполнить их, дав сотню клятв.
Он велел поставить рыжего коня, словно Шабдиза, в конюшне.
Повел ее к шатрам, как повел бы сам Парвиэ.
У Хосрова было два убранных шатра,
Украшенных камнями, похожими на Плеяды.
Один шатер, доступный всем, для винопития,
Другой, никому не доступный, — где шах почивал.
Периликую, похожую на луч света,
50 Шапур повел в шатер для почивания.

Взял ее за руку и усадил на ложе,
Вышел и запер двери шатра.
Он радостно пришел к изголовью шаха,
Целиком отдавшись сердцем служению шаху.
Он некоторое время кружил вокруг цветника (т. ложка шаха),
Иногда он зажигал свечу.

ХОСРОВ ВИДИТ СОН, И ШАПУР РАЗГАДЫВАЕТ ЕГО

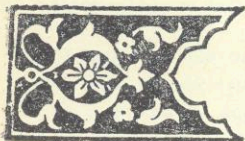
После сладостного сна шах проснулся
С лучезарным челом, словно луна на небе.
Он долго хвалил Шапура:
«О ты, который не дремлешь, словно мое счастье, когда
я сплю!

Благодаря твоему счастью я видел сон
И от радости вознесся главой выше небосвода.
Мне привиделось: в просторном саду,
Я взял в руки горящий светильник.
Растолкуй же под свет свечи луны
5 Мой сон о светильнике».

Шапур стал толковать его сон и сказал:
«Твои глаза обретут свет благодаря этому светильнику.
Бог завершит эту темную ночь,
И тогда ты обнимешь ту, чьи уста — целебный напиток.
Давай же выпьем в честь этой вести,
Окропим землю рубиновым зельем.
Устроим завтра новый пир,

- Со старым вином и новыми нарциссами.
Когда на Востоке взойдет источник света
10 И когда над морем протянутся камфарные (белые) лучи,

Мы нальем в чаши вино с ароматом камфары
И убежим от моря печали на корабль (чашу).
Лицо шаха расцвело от радости, словно тюльпан,
Словно нарцисс, он заснул, услыша эти слова.

ХОСРОВ УСТРАИВАЕТ ПИР

- Перед утром, когда паланкин солнца пришел в движение,
Мир все еще был в джамшидовых украшениях (звездах).
С востока показался ловкий вор (солнце),
Снял все украшения (звезды) с невесты утра.
Птицы (звезды) расправили крылья,
Девы [во дворце природы] загремели ножными браслетами.
Шах проснулся после приятного сна,
Радостный от сна, что привиделся ему ночью.
Он велел воздвигнуть царский шатер,
5 Рядом с которым целая гора казалась соломинкой.

- Вершина шатра вздымалась к небесам,
Дурной глаз затаился в земле, словно клад.
Площадь шатра — шестьдесят локтей на шестьдесят,
Придворные выстроились вокруг, взявшись за руки.
От золотых перевязей на военачальниках
Шатер и все вокруг казалось золотой картиной.
Посвюду стояли дейлемцы, вытянувшиеся до звезды Капеллы,
Приспустив поля шапок, словно бахрому знамени.
В проходе шатра—черные рабы,
10 Словно к белому Исфакану привязали черный подол эфнопа.

Черные негры и красавицы Чина
Словно ночь и луна сочетались.
Благодаря узкоглазой тюркской страже через щели шатра
Даже утренний ветер не мог проникнуть.
Веревка шатра была длиной на многие мили.
У шатра были привязаны слоны за слонами.

- Так много палаток было вокруг царского шатра,
Что ни солнце, ни луна не могли его видеть.
В одном шатре сидел властитель Хосров,
15 В другом же Ширин страдала.

Были посланы царские златотканые ковры,
Так что каждый порыв ветерка уносил целое сокровище.
Пыль на шатрах была для ветра сокровищем.
Наверное, все сокровища были принесены ветром оттуда.
Глашатаи созвали приближенных шаха,
А посторонних прогнали из шатра.
Не осталось в падишахских покоях
Ни одного юного мужа, кроме дворцовых слуг.
Образованные и мудрые надимы —
20 Несколько человек сели у шахского кресла.

- Посвюду стояли рядами
Вазы для фруктов из яхонта и изумруда.
В руке каждого отрока целое сокровище —
Покрытый амброй померанец.
У шаха в руке было золото дастафшар,
Он мял его, и оно проходило сквозь пальцы.
Виночерпий наполнял чаши вином-зельем,
Напевы музыкантов звучали непрерывно.
Уселся Барбед, держа в руке барбат,
25 Покорив весь мир, как и небо,

Руками он словно дарил друзьям кошель [с монетами],
Медиатром он дарил сердцам исцеление.
С сердечной мукой играл он на лютне мелодии,
И лютня его превзошла напевы Давуда.
От мелодии души громко ликовали,
Ибо она оживляла, словно дыхание Исы.
Он сердца жег, словно алоэ, в кадильницах,
Когда он играл на лютне, казалось горело алоэ.
Когда он наигрывал мелодию руками, исторгавшими сахар
[звук],

- 30 То даже ночные птицы засыпали [от восторга].

Он так старательно надрал уши барбату,
Что сердце барбата зарыдало.
Когда он водил медиатром по струнам саза,
Люди исторгали восторженные крики.

Был чангист по имени Накиса —
Приближенный надим, очень уважаемый вельможа.
Пленительнее голоса, чем у него, не видел
И горбатый музыкант (небо).
Из руда впервые он извлек мелодичные напевы,
35 Он изобрел деление на такты в песне.

Он исполнял такие пленительные мелодии,
Что даже птицы от грусти зарывались головой в песок.
Он сочинял такие звучные мелодии,
Что Зухра пускалась в пляс по небосводу.
Кроме него, который считал себя выше Зухры
Никто не помогал Барбеду.
На том пиршестве, когда началось веселье,
Одновременно заиграли и на чанге, и на барбате.
Мелодии чанга и барбата
40 Гармонировали друг с другом, словно румяна и благовония.

Их музыка пленяла слух,
Один из них утешал, другой похищал разум.
Напевами они ранили сердца,
А рабы от их напевов становились развязными.
Царь приказал, чтобы гулямы, все как один,
Вышли из шатра грациозно, словно куропатки.
Остались певцы, шаханшах и Шапур.
А все остальные покинули царский шатер.
Барбед играл на сетаре,
45 Сам трезвый, брал в плен захмелевших.

Накиса хорошо настроил чанг,
Направил медиатр на органон.
Шах чутко прислушивался к обоню,
Открыв двери сокровищ и сердца.
Когда властелин (солнце) покинул этот вращающийся дворец
(небо),

Взошла луна, подобная лику дворцовых красавиц.
Шапур, словно мотылек [вокруг свечи], закружил
Вокруг шатра источника света (т. е. Ширин).
Властительница души попросила из-за завесы:
50 «Призови ко мне одного из этих музыкантов.

Усади в моем шатре с инструментом в руке,
Чтобы сложил мелодию о том, как я пылаю,

Чтобы нанграл мелодию о моем состоянии,
Чтобы изложил то, о чем я ему поведаю».
Шапур повел Накису к тому шатру,
Усадил его шагах в двух-трех от трона со словами:
«Не смотри на этот шатер подруги шаха,
Учись царственным напевам у нее.
Мелодию слагай по уставу этого шатра,
55 Ступай по тому пути, который укажут тебе».

На одной стороне Барбад, словно опьяненный соловей,
На другой стороне Накиса в чангом в руке.
Горение свечей из амбры
Искрами напоминало рай, клубами дыма—ветви в саду.
Мелодия исполнялась на натянутых струнах,
Песня словно раскинула косы над чангом.
Шелковые струны инструмента в уши чанга
Продели колечки рабства перед подругой шаха.
Царь выжидал, какую мелодию выберет музыкант,
60 Какой лад изберет и какую песню.

Красавица во дворце своему музыканту
Поведала сердечную муку, сказала: «Спой об этом, не
раздумывай».

НАКИСА СЛАГАЕТ ГАЗЕЛЬ СО СЛОВ ШИРИН

Накиса так, как хотела красавица-кумир,
Сложил эту газель в ладу раст:
«Не дремлите, о глаза счастья ни на миг,
Пока сердцем не обретете покоя.
Взойди из-за горы терпения, о утро надежды,
Озари мои глаза светом солнца.
Соблаговоли [снизойти] ко мне на несколько дней, о счастье,
Найди ключ к оковам на мне, сними их.
Избавь меня от моей злой доли,
5 Пока можешь, спаси несчастного.

О друг, проворно подними свою десницу,
Нанеси поражение рати скорби.

Душа пылает, сердце обливается кровью,
Если хочешь сжалиться, настала пора.
Не найдешь человека более униженного, чем я,
Не найдешь друга более несчастного, чем я.
Хотя я не могу поливать на руки воду,
Я могу стать для друга кебабом на огне.
Хотя я недостойна подавать [для него] шербет из роз,
10 Но пиво смогу [ему] подавать.

Хотя я не умею расшивать [золотом] ткани,
Но я могу сжигать руту [как простые служанки].
Хотя я не умею ткать китайскую парчу,
Я смогу стряхивать пыль с его полы.
Не повергай меня, словно тень во прах,
Ведь я и так пала, униженная и жалкая.
Тебе нужна служанка по имени Парвин,
Тебе нужна утешительница, преданная, как Зухра.
В твоём дворце хочу быть служанкой, а не шахиней.
15 И выполнять все, что велишь.

Ты станешь спрашивать, как я [живу],
Но ты спрашиваешь, зная это. Что же мне ответить?
Каким может быть скорбящий скиталец,
Обездоленный и всеми покинутый,
Ради любви разорвавший завесу, словно роза, свой бутон,
Покинувший мир, так и не повидав мира?
Ставший, словно прах, мишенью для стрел?
Состарившийся, словно тюльпан, в юности?
С несбывшимися надеждами, лишившийся мира
20 Из-за несбыточной мечты оказавшийся в таком состоянии?

Ни защитника у меня, который поддержал бы,
Ни счастья нет [на свете], которое стыдилось бы скитальцев.
Сказал тонущий, оказавшись без подручного средства:
«В этом мире даже у покойника должно быть везенье».
Из-за злосчастия одиноко мое сердце,
Смирюсь я, если таково твоё желание.
Поскольку не исполняется мое желание,
Смирюсь я, чтобы исполнилось твоё желание.
25 Быть может, я горька на его вкус,
Ибо, когда мы в ладу, он сжигает меня, как горькое алоэ.

Горение [в любви к тебе] для меня — великое счастье,
Ибо горение влюбленных — это полезное горение.
Не хочу я принуждать тебя.
Если станешь лучше относиться ко мне, на то твоя воля».

БАРБЕД ПОЕТ ПЕСНЮ
ОТ ИМЕНИ ХОСРОВА

Когда Накиса спел под чанг песню,
Сетар Барбеда пришел в волнение.
Звуки, как и дела иракских мужей, вознеслись до самого
неба,

В ладу ирак зазвучала мелодия:
«Мне чудится аромат возлюбленной,
Светильник моего ума зрит облик сокровища (возлюбленной).
В каком ручье такая вода, как в нашем ручье?
В каком саду такие ароматы, как в нашем саду?
Быть может, павлин солнца на ходу
5 Рассыпал перья в саду Джамшида (т. е. Хосрова)?

Быть может, кипарис вознесся выше дворца,
Чтобы и нас возвысить высоким саном?
Быть может, сама луна [вместо лунного света] снизошла
к нам через окошко

И озарила среди ночи наше жилище?
Быть может, ветерок из райского сада повеял на нас
И нам стало так прекрасно?
Быть может, сокол прилетел к нам

И прогнал из цветника ночи черного ворона?
Быть может, живая вода явилась к нам
10 И тайком дарует жизнь нашим сердцам?

Быть может, счастье зажглось новой свечой,
Чтобы, словно мотыльку, обжечь крылья скорби?
Быть может, Ширин из уст источала целебное зелье (слова)?
Ведь в каждом уголке раздаются радостные возгласы
Скажи, о счастье, той, которая вызывает зависть у пери:
«Верни нам счастье.
У тебя много прекрасных черт, кроме доброты,
Скажу тебе правду, ибо мужество — это говорить правду.

15 Я посеял ячмень, сжал пшеницу,
Тебе я показал пшеницу, но всучил ячмень.

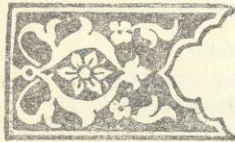
Не полагай, что з разгневался из-за твоего упрямства,
Вспомни мое смирение, мою покорность.
Никто не станет отрубать руку индийцу-вору,
Если даже он и вор, так как он — благородный муж.
У меня не такое уж большое желание к владычеству, —
Но боли в душе — сколько угодно.
Моя душа растоптана тоской по тебе потому,
Что злая судьба топчет мои жизненные победы.
Мое сердце обливается кровавыми слезами. Почему бы ему
не обливаться?

20 Какой же насильник не плакал кровавыми слезами?

Я страшусь разлуки с тобой и как мне страшиться?
Ведь мудрецы страшатся опасных безумцев.
В разлуке с твоими локонами я лишился власти над сердцем,
Потому, что мое сердце запуталось в твоих локонах (т. е.
пленено ими).

Когда уединимся, я предъявлю счет твоим устам,
И нет у меня более неотложного дела.
Если хочешь принять меня в уединении,
То к чему вместо роз протягивать шипы?
Из той шкатулки, из которой исходит только бальзам,
25 Даруй мне ибо [в ней] не убудет.

Что станет, если ты из своей живой воды
Уделишь толику тому, кто ограблен?»

НАКИСА ПОЕТ ПЕСНЮ
ОТ ИМЕНИ ШИРИН

Когда Барбед завершил свою мелодию,
Накиса сложил краше ее.
Цветущую, словно весенний красочный цветок,
Голосом весенних напевов он сложил на чанге такую газель:
«Мои глаза, хвала тебе, озарены твоим обликом.
Цветущую, словно весенний красочный цветок,
Я покорна твоему образу на все времена,

Пыль из-под твоих ног — зелье для моих больных глаз.
Мой ум, источающий мускус, радуется тебе,
5 Тобою озарен мой утренний светильник.

Ты для меня — глаза и светоч для моих глаз,
Ты — светоч для глаз и свеча в моем саду.
Солнце не небе озаряется сиянием твоего лица,
Соль получает вкус из рудника твоих рубинов (уст).
Твоя краса наделила звезды светом,
Вселенная даровала тебе красоту.
Что за вино ты пил? Ведь твое лицо — словно весна.
Пей же то, что подобает тебе.
Твоя красота, как и юность, ласкает душу.
10 Разве найдется такой, кто не отдаст жизнь за юность?

И если окажется у тебя в руке зеркало.
То сам влюбишься в себя.
Не глядись в китайское зеркало, кумир Чина,
Ибо тот, кто глядит только на себя, становится себялюбцем.
Почему человек берет в руки зеркало,
Которое отражает любого, кто глядит в него?
Тебе достаточно зеркала моих глаз,
Которое отражает только твой образ.
Клянусь владыкой, который владеет миром,
15 Что без тебя для меня сладостная жизнь — яд.

Ты — словно противоядие, я же — словно губительный яд.
У тебя — такие [радостные] дни, у меня — такие [печальные]
дни.

Рад ли ты, что покинул ту, которая лишилась сердца?
Благословенна милость! Да будет милость твоему сердцу.
Я думала, что когда я ослабну,
Ты подашь мне руку помощи.
Теперь, когда я изнемогаю от слабости и волнения,
Ты подал руку, но опутал мне ноги.
Довольно убивать свою подругу,
20 Неблагодарно убивать ту, что влюблена в тебя.

Каждый миг ты вонзаешь мне в грудь шип.
Не вонзай. Но коли вонзаешь, то утешь хотя бы раз.
Вспомни о том, кто безмолвствует,
Пусти к себе ту, которая повязалась поясом служения тебе.
По бедности я пришла к твоим дверям с пожитками,

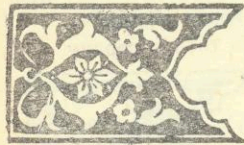
Люди теряют стыд от невзгод.
Иначе разве дерзнула бы я вынести светильник
Из стальной крепости, когда дует такой ветер?
Хотя я в замке и третировала тебя, словно владычица,
25 По своему истинному положению — я всего лишь твоя
служанка.

Не проливай крови такой подданной, как я.
Нанесет ли Каабе ущерб идолопоклонство?
Зачем нам пребывать в разлуке с обоюдной красотой?
Позволь же хотя бы издали взглянуть на тебя.
Я завершаю свою юность, вспоминая тебя,
В надежде считаю свои дни.
Блаженным будет время, когда обниму тебя крепко,
Когда даруешь мне чистое вино под звуки чанга.
Я схвачу своими нежными руками твои кудри-ночи,
30 Умру перед тобой, подобно тому, как свеча умирает утром.

В ту ночь, когда я опьянею от твоих виноподобных рубинов
(уст),

Я засну рядом с тобой до Судного дня.
Впредь только одно у меня занятие — целовать прах
у твоих ног,

Нет у меня более сил терпеть разлуку с тобой.
Я вручила тебе поводья своей судьбы,
Ты сам знаешь или убей, или же приласкай.
Пусть буду я убитая брошена перед тобой.
Это лучше, чем жить без тебя».

БАРБЕД ПОЕТ ПЕСНЮ
ОТ ИМЕНИ ХОСРОВА

Когда Накиса спел под звуки чанга эту песню,
Заговорил сетар Барбеда.
Голосом печальным, как у того, кто просит прощения,
Заставил звучать газель в ладу сипахан:
«Утром, опьянев от вина,
Я, возбужденный, пошел в сад.
В саду я увидел ароматное цветение (т. е. благоухающую
красавицу)

В когтях ворона разлуки, окропленных кровью [разлученных].
Красная роза с шипом у каждого цветка
5 Заточила сокровище в темнице.

Куколка закрыла перед мной врата.
Это был замок, запоры которого не разбивал враг.
Райское создание, сотворенное из чистого духа,
В раю же ее — любые плодовые деревья.
Так много было свежих и спелых плодов,
Но я не чувствовал ничего, кроме хмеля в голове.
Периликая, пленив мое сердце,
Лишила меня ума, как пери.
Когда я не сплю, мой ум страдает,
10 Ибо пери не покидает мои помыслы.

А если засну, она истязает мой мозг,
Во сне делает меня безумным, как пери.
К пери стремится безумное сердце.
Ищет ее там, где люди, а не в развалинах.
И потому, наверное, моя перилкая кудесница
Скрылась в развалинах (замке), словно клад.
Если тот клад (т. е. Ширин) кто-либо извлечет из развалин,
То я вделаю в венец, словно жемчужину.
Клянусь сном ее чудесных нарциссов,
15 Что ее кокетливые взгляды лишили чародея дара слова.

Клянусь чарами, которые мечут те горделивые локоны,
Что они спалили меня огнем, словно огнеметы.
Клянусь звуками ее украшений! Звоном ножных браслетов,
Она оживит мертвеца, умершего сто лет назад
Клянусь жемчугами на парче ее паланкина,
Клянусь сладостными жемчугами меда ее уст (зубами),
Клянусь ее амбровыми локонами под диадемой,
Клянусь ее косами на округлостях из слоновой кости
(т. е. бедрах),
Клянусь [владыкой] ее кокетства, который не нуждается в
чьей-либо дани,
20 Клянусь ее извинениями, которые лучше ее гордыни,

Клянусь аркой ее изогнутых бровей,
Что подобны кругу с царской печатью.
Клянусь ее ресницами, которые, если уколот острием,
То ранят сердце самого Харута,

25 Клянусь ее глазами, которые ранили меня своими укорами,
Своими взорами «не уходи, мол»,
Клянусь ее щеками, которые блеском затмевают глаза,
А матовым цветом затмят лунный свет,
Клянусь ее косами, которые служат арканами в ее замке,
Высоком, как кипарис ее стана,

Клянусь колдовством ее локонов и плеч, которые заговаривают
змея,

Клянусь ее нарциссами, которые затмили нарцисс,
Ее гиацинтами (т. е. локонами), перед которыми поник
гиацинт,

Клянусь тридцатью двумя свежими жемчугами (зубами),
Стражем у ворот которых стоят яхонты (уста).

Клянусь чарами ее глаз — миндалин, обведенных [кровью
влюбленных],

Клянусь прелестью двух сахарных унаби (т. е. губ),

30 Клянусь той ямочкой на подбородке луны,
Которая, как колодец, питает водой сердце.

Клянусь ошейником ее подбородка,
Что напоминает солнечный блик.

Клянусь ее двумя серебряными гранатами (грудами)
с сосками, как нарциссы,

Округлостью сходными с весенним апельсином.

Клянусь фундуками на ее десяти пальцах,

От ревности к которым умер горностаи,

Клянусь ее плечами, которые по блеску

Подобны серебряной пластине на троне цвета ртути (на ее
теле),

35 Клянусь ее тонкой талией на теле из слитков,
Но только слитки те — из чистого серебра,

Не могу клясться серебряными голеними,

Ибо, если поклянусь, то не засну ночью,

Прахом у ее ног, который ценнее глаз,

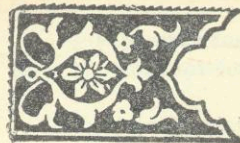
Я буду клясться в другом месте.

Если случится так, что мы пожмем руки,

То я дам ей место в середине души.

Я не выпущу ее из своих рук, пока буду жив.

Я буду властелином мира, но и рабом ее».

НАКИСА ПОЕТ ПЕСНЮ
ОТ ИМЕНИ ШИРИН

Когда руд Барбеда наиграл эту песню,
Накиса быстро настроил свой чанг
В ладу, который зовется хисари,
Извлек из паланкина такую девственницу (песню):
«Мое сердце обратилось в прах перед тобой, о стройный
кипарис!

Отбрось же, словно кипарис, тень на прах.
Почему ты отворачиваешься от моих мускусных канатов
(кос)?

Ты ни у кого не найдешь таких арканов, как у меня
Если я задавалась, словно властелин,

5 Готова придти с арканом на шею, словно пленник.

Не помещается солнце (Хосров) в моем доме,
Два мира в одной моей развалюхе.

Муравейник не снесет пяты слона,

Не сравнится комар силой с Симулгом.

Разве небо уместится в колодце?

Разве рай уместится в былинке?

Голова, которой недостойно быть даже в привратничкой,

Достойна ли быть принесенной нисаром для султана?

Не вспоминай о том, что я ранее истязала тебя,

10 Узри, что я принесла тебе свою душу и вдобавок глаза.

В том чертоге, где моему желанию и шагу не ступить,
Мне нужен заступник, и им может быть только твоё
великодушие.

Чтобы ты простил меня мои грехи,

Если найду какое-либо оправдание, то приведу

И столько раз поцелую прах перед тобой,

Что ты, прощая, велишь бить непрестанно в литавры.

Я так долго буду тереть лицо о землю,

Что обрету в прахе для себя почет.

И лицом сделаю твою подстилку такой мягкой,

15 Что твоё счастье дарует мне грамоту о величии.

Я читала в гороскопе шаха:

Властительницей божественных гонцов является луна.

Я — тот гонец, который обладает судьбой луны,

Потому я, как гонцы, прошла этот путь.

У меня тайное послание к тебе

От страстно влюбленного в тебя сердца.

Я — гонец, чтобы принести весть тебе,

А ты уплати мне твой долг из сокровищницы сердца.

Хотя мои уста и капризничали по малолетству,

20 Но я принесла их в жертву тебе за их ничтожный проступок.

Мой язык произнес слова [резкие], как пламя, —

Вот я и принесла его вместе с двумя рубинами.

Если мои локоны и не повиновались тебе,

Они наказаны тем, что ты покинул меня.

Хотя мои глаза и проявили скупость к тебе,

Они пришли с извинением, как благородный индеец.

Если изгиб моих бровей и натянул тетиву лука,

Порази их стрелой, у тебя ведь тоже есть такой же лук.

Мои кокетливые взгляды бросили в тебя стрелу в опьянении,

25 Но, отрезвев, прах у твоих ног избрали зельем для себя.

Хотя мои косы и прогневались на тебя,

Посмотри, я укротила их цепочкой.

Словно факел, принесла я свою повинную голову сюда,

А в добавок и свою душу, словно свечу.

Если твой пушок на губе и вознамерится пролить мою кровь,

То я не смогу скрыться, как не скрыться родинке под пушком.

Если свидание с тобой будет недолговечным,

Я стану умолять, обливаясь слезами.

Если твои уста-сердочки станут пить мою кровь и впредь,

30 Я раню их жемчугами-зубами.

Я — сад, в котором никто не срывает плоды,

Ворота в него видны, но не виден ключ.

Если кто-либо, кроме тебя, дотронется до моих
гранатов-грудей,

То я опьяню его кокетством и виноградным вином.

Кроме твоих уст и сахарного рта.

Никто не вкусит моего миндаля.

Если даже ты ударишь меня камнем по [моей] голове,
как по орешку,

Никто не воспользуется моими унабами (т. е. устами),
кроме тебя.

Я рассмеюсь, словно потрескавшаяся фисташка, над тем,

35 Кто возжелает вкусить мой сахар,

Тот, кто захочет воспользоваться моим цитроном,
Словно цитрон, ступит ногой на шип.

Тот, кто захочет сорвать финики с моей пальмы,

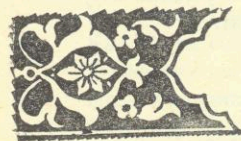
От меня не получит ничего, кроме шипов.

Тому, кто алчет мое яблоко (подбородок),

Я, словно малому ребенку дам шарик из воска.

Солнце ли. луна ли станут домогаться моих плодов,

Никто, кроме тебя, не дотронется до них».

БАРБЕД ПОЕТ ПЕСНЮ ОТ ИМЕНИ ХОСРОВА

Когда Накиса сложил под саз эту песню,

Раздались звуки сетара Барбеда.

Он мелодию сложил в ладу ушшак,

Запел газель в ладу раст:

«Меня на улицу, где ты живешь, о свеча красоты,

Небо бросило, наверное, как ножку козла.

И если мне отрежут голову [как мясники барану],

Я, как верная собака, прибегу к тебе своими ногами.

Ты похищаешь мое сердце, в том нет сомнения,

15 Похищай, ибо нет ничего лучшего, как лишиться сердца
[чтобы не страдать].

Тело, которое неспособно сносить бремя сердца,

Подавно не сможет носить бремя тоски по той, кто похищает
сердце.

И поскольку печальный муж не может служить,

То не нужно мне сердце, которое не может служить тебе.

Я стараюсь позабыть тебя сердцем.

Ибо не достиг успеха в любви к тебе.

Невозможно сердцем отвлечься от тебя,

Но невозможно и избавить сердце от переживаний из-за тебя.

Клянусь твоей жизнью, которая стократ ценнее моей:

10 В разлуке с тобой моя душа барахтается в волнах крови.

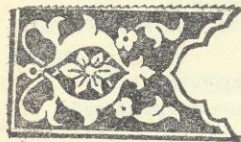
Клянусь твоими черными глазами, которые поражают газель,
Что из-за твоих глаз мои глаза покрыты прахом [т. е. ничего
не видит].

Я изнемогаю от отчаяния, опустошенный,
Я словно частичка света, отринутая от солнца.
Я расстался с тобой печальный и одинокий,
Словно рыба, выхваченная из моря.
Не заточай меня, как дуну, за тучи.
Решай сама: вот моя голова. Венец или меч?
И поскольку в царстве твоей красы произошли перемены,
15 То вновь прояви ко мне благоволение.

В течение всей жизни, когда мои взоры были устремлены
к тебе,
Не было ночи, когда бы я не целовал прах у твоих ног.

Знай же: если заставишь мои уста засмеяться,
То, вне сомнения, оживишь мертвеца.
Озари же поцелуем заколдованного,
Своим ароматом воскреси мертвеца.
Лицезрение твоего лика — милость для меня,
Слышать твой голос — счастье для меня.
Скверно то, что ты скрыта от моих взоров,
20 Словно живая вода от дурного глаза.

Бог, который сотворил все сущее,
Который создал все — от тела до души,
Надеюсь, обратит в один прекрасный день
Сжалюсь надо мной, мою ночь в день».
Когда Ширин убедилась в искусстве Барбеда.
Подумала, что неважны ее дела любви.
Она исторгла мелодию из опечаленной груди,
И сказала мастеру чанга: «Сыграй это на чанге.
Сыграй так, чтобы шах сбился с пути,
25 Быть может завершится эта перепалка».

НАКИСА ПОЕТ ПЕСНЮ ОТ ИМЕНИ ШИРИН

Накиса в песне сотворил чудо,
А потом спел эту газель в ладу рахуви:
«Живи в ладу, о друг, с верными друзьями,

Ибо вчерашний день ушел и сегодняшнего не станет.
Расправь морщины гнева. Доколь хмуриться на нас?
Посмотри, как спешит жизнь. Доколь мешкать?
Поразмысли о дружбе и царстве:
Они вовсе не долговечны.
В те несколько дней жизни, что отпущены нам,
5 К чему так тужить из-за жизненных невзгод?

В жизни, которая длится пятьдесят — шестьдесят [лет].
К чему лелеять в душе неразрешимые думы?
Много котлов, в которых кушание остывает по недосмотру,
И много кушаний, которые сварил псарь, а съела собака.
Уж лучше в эту ночь выпить нам вино.
Как знать, сможем ли повторить это завтра?
Поскольку нет надежды на завтра,
Надо помириться сегодня ночью.
Этот мир выкидывал много фокусов
10 Но ты, о душа моя, не видела мира. Какой же прок
[говорить тебе о мире]?

Сегодня тебе весна досталась в удел,
Но весенняя пора не вечна.
Если цветок не зацвел весной и человек не вдохнул его
аромата,
[То когда он] зацветет холодной осенью, то погибнет от
холодного ветра.
Цветок хорош тот, из которого получают розовую воду.
Сборщик роз вовремя должен сорвать розу, пока она не
осыпалась.
Неразумно твоему величеству, для которого золото — [всего
лишь] черепки,

Считаться с такой медью, как я.
Целое море и какая-то капля воды,
15 Лик солнца и ночной светлячок — [вот что мы].

Если твой базар красоты в разгаре,
То устрани же застой [в делах] таких несчастных, как я.
Пока можешь, покупай неходкий товар.
Откуда знать, быть может, он подорожает?
Хотя дорого целое [изделие],
Но и разбитое и склеенное также может пригодиться.
Хотя червонное золото и ценится дороже,
Но и золотой пылью не пренебрегают.

20 Ты повесил мне в ухо кольцо любви к тебе,
Купил меня с таким изъяном. Не продавай же вновь!

Я молю и жизнь, и юность
Даровать мне свидание с тобой в первую очередь, а жизнь —
во вторую.

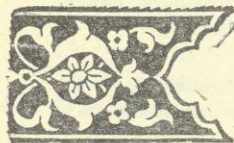
Для меня достаточно одной лишь вести о тебе
Если я большего пожелаю, пусть и вести не будет.
Я — море любви к тебе, я потеряла власть над собой.
Я пила вино в уединении, была пьяна в одиночестве.
Я — та тень, которая окружила тебя со всех сторон.
Если даже обрушатся удары мечей, не отстану я.
Я не отстану от тебя, пока не буду обезглавлена,
25 Я не отстану, пока не буду купаться в своей крови.

Доколь я буду беседовать с твоим образом?
Я поскачу на коне к твоей красоте.
При всех страданиях, которые мне пришлось пережить,
Я была за завесой, словно мелодия музыканта в ладе.
Теперь же окунусь в кровь своей плевы,
Я вылечу, словно молния из-за тучи.
Светильник не загорается до тех пор,
Пока в лампаде масло не закипит.
Я усыплю тебя, выпью чистого вина,
30 Я буду пьяной, хотя ты и будешь спать.

Прах под твоими ногами изберу в качестве зелья для себя,
То поцелуй буду получать от тебя, то боль.
Кончики твоих кудрей привяжу к своим косам.
То плакать буду от любви к тебе, то смеяться.
Я начертаю на своем сердце рисунок, что [начертан] на камне
твоего перстня,
И даже рукав на твоей руке не догадается об этом.
Я так возьму тебя в объятия,
Что даже твоя рубашка не догадается об этом.
Когда фокусник-ночь спрячет свой реквизит (звезды),
35 Я, как куколка, вернусь к себе за завесу.

Если я сумею совершить такое дело,
То каждый шип [скорби] превратится в цветник [радости].
О боже! Веди меня путем победы.
Сделай удачу моим делом в мире.
Когда Хосров выслушал эти ладные речи,

От волнения он разорвал на себе одежды.
Сотней голосов вскричал: «О Барбед! Торопись!
Укрепи дух в моем теле. Торопись!»

БАРБЕД ПОЕТ ПЕСНЮ ОТ ИМЕНИ ХОСРОВА

Когда Накиса пробудил в шахе огонь,
Сетар Барбеда стал гасить его водой.
Мастерски он начал мелодию,
От которой чанг Накисы поник головой.
Из тела царя он изгнал хворь,
В ладу зир он произнес эту газель:
«Прости, о кумир, того, кто просит прощения,
Кто сто раз извиняется за каждый грех.
Если случалось мне хотя бы на миг забыть тебя,
5 То я пил много яда, раскаиваясь.
Согласен: все, что я совершил, это проступки.
Но разве мои слезы не просят прощения?
Я раскаиваюсь за вино, которое пил.
Я наказан за все проделки, что совершил.
Забудь все мои неблагородные поступки,
В заступники позову я мои бессонные ночи.
Впредь моя голова всегда будет под твоими ногами,
Не буду поднимать ее из праха на полу твоего дворца.
Один мой глаз неотрывно будет на тебе,
10 Другой глаз будет лобызать прах у твоих ног,
Не стану скрывать: пусть буду собакой или хуже собаки,
Если от всей души не стану величать тебя своей душой.
В этой жизни ты одарила меня
Лишь приветом, но ты и этого лишила меня.
Хотя мой слух и не слышит приветственных слов от тебя,
Я уста свои освежаю только твоим именем.
Я не стенаю в лихорадке, это верно,
Но если ты поинтересуешься мной, ничего с тобой не
случится.
Но надеяться, что ты станешь расспрашивать обо мне —
пустая мечта:
15 Я доволен и тем, что ты не забыла меня окончательно.

Не придешь ли ко мне в объятия?
Если даже придешь, не поверю такому счастью.
Ты делаешь вид, что страдаешь из-за меня, о душа моя,
Но не интересуешься, каково мне — ничтожному праху.
Если ты признаешь, что мое сердце разбито,
То ведь утешить друга — святое дело.
Покуда можешь, будь со мной высокомерной.
Пока я не расстанусь с жизнью, буду сносить твоё
высокомерие.

20 Я — влюбленный, печаль подобает мне.
Ты — возлюбленная. К чему тебе печаль?

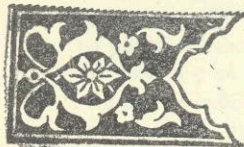
Будешь ли благоволять ко мне или нет, я настроена
Гореть, тоскуя по тебе, пока в силах.
Если мне не суждено увидеть еще тебя хотя бы раз,
Пребывай же вечно, озаряя мир.
Если я даже отдам жизнь за любовь [к тебе],
Ты должна жить.

25 Если я не вкусил плодов красоты,
Вкушай же ты плоды своей красоты.
Ты пребудь вечно, ибо общение людей не вечно,
Останусь я или нет, в том нет беды.

Говорят, что я не обрел в удел тебя. Я же отвечаю,
Что прекрасно хотя бы то, что я не причинил ей несчастья.
Если моя жизнь и моя доля прошли все,
То пусть каждый твой день будет лучше предыдущего».
Когда Барбед провел по сухим струнам
И сложил свежую мелодию, которую я пересказал,
Сердце Ширин жарко воспламенилось,
И спалило разум, словно масло лампы.
Так вскричал тот благородный кипарис — Ширин,
30 Что от ее крика и шах вскричал.

Когда шаханшах услышал сладостный голос,
То отправил посланца, чтобы примириться с Ширин.
В том ладу, в котором играла Ширин,
Шах пел в унисон своим голосом,
Словно если б кто-то делился тайной с горой,
А гора отвечала бы ему эхом.
На одной стороне луна затянула мелодию,
На другой стороне шах разорвал на себе рубаху.
Когда двое влюбленных, пылая, исторгли тяжкие вздохи,
35 У музыкантов не стало забот.

Царь велел Шапуру немедленно
Вывести из шатра всех посторонних.
Возбужденный, ведомый голосом,
Он пошел к малому шатру, лишенный терпения и разума.
Вмиг вошел разумный Шапур,
Взял его за руку, сказал: «Погоди».
Хотя Хосров уже не владел собой,
Не увидев подручного сел.
Затем спросил: «Чей этот ранивший сердце голос?»
40 Открой мне тайну».

ШИРИН ВЫХОДИТ ИЗ ШАТРА

Шах и Шапур беседовали, как вдруг
Увидели: весь мир озарился светом.
Из шатра выступила периликая,
Словно луна, выглядывающая из-за тучи.
Подобно пьяным айарам, периликая,
Терзаемая любовью, упала к ногам шаха.
Когда шах увидел возлюбленную рабыней,
Увидел в ногах ту, что была для него повелительницей,
Он от радости словно посадил ее себе на голову,
5 Сказал: «Венцу подобает быть на голове шаха. а не у ног».

Взамен милостей, которые оказывала возлюбленная,
Он воздал в десятикратном размере.
Когда завершился обряд целования ног,
Заговорили о том, чтобы целовать уста.
От воспоминаний, что мелькнули в ее уме,
Ширин нахмурилась.
Шах сильно удивился, почему, мол, ее розовое лицо
Сначала сияло, а теперь вдруг огорчилось.
Шапур сказал тихо на ухо Хосрову:
10 «Если луна смутилась — ей простительно,

Так как до самого сегодняшнего дня она
Берегла свое доброе имя.
Теперь она боится, что неограниченная власть шаха
Зажатывает лицо пятнышком срама».

Когда увидел шах, что плодоносящее семя (т. е. Ширин)
Не покорится ему вне законного брака,
Он дал много клятв и обещаний.
Что без брачных уз не притронется к ней,
Что он созовет великих мужей страны
15 И сочетается с ней брачными узами.

Но сейчас — сказал шах, — ей надо быть виночерпием,
Нам надо внимательно присмотреться друг к другу.
Когда Ширин выслушала клятву шаха,
Она улыбнулась и показали Плеяды-зубы.
Уста ее стали нырять за жемчугами,
Кончики ее локонов пустились в пляс.
От звуков плетеных золотых украшений
Музыканты погружались в дремоту.
Губы ее — словно из вина, взяв в руки чашу,
20 Налив всего лишь один глоток, она опьяняла виночерпиев.

Как можно было не радоваться, не веселиться,
Если музыкантом была луна, а виночерпием — солнце?
Сердце, опьянев от лицемерия, лишилось чувств,
И все плотские вожделения были забыты,
Опьяненные напитком совсем иного рода,
Они в упоении вовсе забыли о похоти.
Аромат благовоний и красивое лицо —
Разве не станет ликовать сердце?
Изнемогали в пленительных играх
25 Ширин и Хосров — словно вода испарялась от огня.

И страстно влекло друг к другу,
Словно магнит и железо,
Но был соблюден уговор,
Не нарушил никто данной клятвы.
Когда Хосров покорил сердце возлюбленной,
Он радостно вышел [из шатра], словно роза из бутона.
Его сердце, как свеча, истекало кровавыми слезами,
Шелка же луны (т. е. Ширин) он окропил [слезами].
Своими ресницами он как бы пришел свои глаза к луне
(лицу Ширин),
30 Казалось, что в кадьнице ее лица он сжигал свои кудри.

Он то прикипал нарциссами глаз к ее шелку (лицу),
То он гнацинты своих кудрей вязал ремнями [ее кос].

То прикасался рукой к ее серебряным гранатам (грудям),
То трепетал, подобно капля ртути.
То она играла извивами локонов,
Из ночи (черных кос) бросала на луну (лицо) мускус.
То он снимал с ее головы накидку,
Надевал ей на голову венец, какой носят гулямы.
То он обвивал стан ее косами,
35 То брал в рот сахар ее уст.

То он прикасался рукой к ее сердоликам-губам,
То брал в руку подбородок, словно яблоко.
То снимал с ее руки браслет,
То рукой обвивал ее руку, словно кольцом.
То снимал с ее ног ножные браслеты
И надевал себе на шею как ожерелье.
То приносил горящую свечу,
Смотрел на нее и сравнивал со своим сердцем.
То говорил: «Для моего тела душа — ты, ты».
40 То говорил: «Это я. Но ты ли это?»

Его сердце было пленено чистой девой,
В ту ночь он удовлетворился надеждой.
Радость обоих, горящих страстью, походила
На возбуждение вскормленного молоком льва [во время
течки].

Раковина (Ширин) берегла свою шкатулку,
Чтобы алмазное сверло не коснулось жемчужины.
Мир забыл о звуках органа
Из-за звуков поцелуев, более сладостных, чем целебный
напиток.

Утренний страж уже забил в барабан
45 А Хосров все умолял, а Ширин все противилась.

Так они нежились вместе целую неделю,
То извинения раздавались, то нежные слова.
Днем они предавались наслаждению,
Ни мига не проводили без сердечных радостей.
Ночью они играли в нарды наслаждения,
Поцелуи звучали, словно брошенные в игре кости.
На седьмую ночь, когда им стало невмоготу,
Когда желанье стало безумным, возбуждение от страсти
дошло до предела.

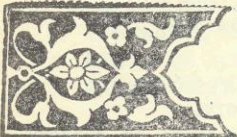
Царь приказал, чтобы луна той же ночью
50 Осветила путь в созвездие, где она обитала.

У стремени ее — воины, словно звезды,
Сосчитать которые мог бы только Бог.
Велел усадить ее в золотой паланкин
И нести ее с великим почетом, словно луну.
Как луна возвращается в свое местоположение,
Так и она вернулась из шатра в свой дворец.
Когда та серебряная наличность (Ширин) вернулась в свой
каменный замок

- 55 И в мире стало мало наличного серебра,
Когда небо подняло золотые паруса (солнце)
Так что от серебряных кораблей (звезд) не осталось и
следа,

Шаханшах оставил свою стоянку,
Двинулся в путь по направлению к столице.
Он вступил в город и велел устроить пиршество,
Отдохнул, но не знал покоя от винопития.
Повел он бровью на блистающем лице (повелительно),
И обновил мир дарами.
Богатство дает мужу возможность дарить,
Земля, пока не получит удобрений, не дает плодов.
Не льет туча дождя, покуда море не одарит ее щедро,
60 Море без дождей не наполнится [водой].

- С мужа без поклажи не берут пошлины,
Никто не станет взимать подать с развалин.
Однажды ночью шах велел звездочетам
Предсказать, какие предстят беды или радости.
Установить темной ночью
Благодаря светлым умам благословенный день [для
бракосочетания],
Чтобы паланкин пленительной луны (т. е. Ширин)
Принести в созвездие солнца.
Астрологи указали ему на трудности,
65 Установили благоприятствующий радости гороскоп.

ХОСРОВ ПРИВОЗИТ ШИРИН ИЗ ЗАМКА В МЕДАИН

В победном шествии, когда на бирюзовом троне
Счастье улыбнулось деве утра (солнцу),

Когда миру не нужно было разрывать покрывало (ночь),
И деве мира не нужны были золотые браслеты,
Шах велел приготовить для невесты убранство,
Перед которым самому солнцу стало стыдно своих
украшений:

- Тысяча молодых и черноглазых верблюдов,
Все рыжей масти с желтыми чулками на ногах,
Тысяча коней в отделанных камнями сбруях,
5 Все в золотых сбруях и с железными копытами.

Тысяча вороных мулов, с глазами, как звезды,
По сравнению с чьим плавным ходом сама судьба,
казалось, хромала.

- Тысяча куколок с грудями-гранатами,
Каждая из которых лицом — светильник идолопоклонников.
Тысяча луноликих дев, одетых в касаб,
У всех жемчужины на шапках и кольца в ушах.
В сундуках много харваров драгоценностей —
Все набиты царственными жемчугами.
Подушки-подстилки разные, шитые золотом и парчой,
10 И не сотня — более пятисот.

Сундуки полные золота и китайской парчи,
Каких и не увидишь в наши дни.
Десять паланкинов, подобных золотым павлинам,
На каждом павлине — весенняя куропатка (молодая
невольница)

- Один паланкин, сделанный из золота,
Был сооружен только ради Ширин.
От границ Бисутуна до самого Так-Гигар
Шли кони в уздечках и колокольчиках.
От множества копий на земле стало тесно,
15 От развевающихся знамен небо стало многоцветным.

Повсюду на дорогах — на конях красавицы, подобные меду,
Паланкин к паланкину, носилки к носилкам.
На дороге девы рассыпали куски сахара,
Белоснежные, как сахар, касабы были на каждой луне.
У периликих, пленительных и озорных кумиров
Уста и мушки были из сахара и мускуса.
У каждого высокого кипариса на голове
На иракский манер был повязан платочек.
Они скакали на конях, сидели в седлах,
20 Плетками служили им мускусные косы.

В косы вплетены золотые бусинки,
А на золотых бусинках — настоящие жемчужины.
Такой блеск! Такие украшения! Столько света!
Такое убранство! Да сгинет дурной глаз!
Все ехали веселые и горделивые,
Ехали встречать Ширин.
Вместо орешков головы осыпали жемчужинами,
Каждая из которых была как свежий фундук.
Вместо лепестков розы были мешочки с мускусом
25 И инкрустированные жемчуга с золотом.

На всем пути рассыпали богатства и драгоценные камни—
Ширин проводили в великом почете.
Когда паланкин с Ширин прибыл в Медани,
То земля переполнилась богатством от множества даров.
При каждом шаге Ширин, подобной ранней весне,
Шаханшах сыпал нисаром монеты к ее ногам.
Именно поэтому — из рассыпанных шахом дирхемов
Из спины Рыбы по сей день вырастают дирхемы.
Она спешилась в благословенном дворце Джамшида
(Хосрова),

30 Как будто Солнце вступило в созвездие Овна.

Царь велел созвать мобедев,
А также советников и мудрецов.
Он рассказал им историю Ширин [с чувством], так что
Они были готовы отдать за нее свои жизни.
Сказал: «Ширин стала мне супругой и возлюбленной,
Она достойна любых почестей, которые окажу.
Как ни любит меня, она — девственна.
Кто сможет прожить столько целомудренно?
Она достойна быть моей супругой,
35 Если я буду гордиться ею, она стоит того.

Вино тогда хорошо, когда есть и розы,
Ведь даже птица обретает покой только с супругой.
Если у вола в ярме не будет пары,
То некому будет пахать землю плугом».
Все вытерли прах с чела,
Воздали хвалу его поступку (женильбе).
Тогда Хосров взял Ширин за руку,
Призвал к себе мобеда, велел сесть.

40 Мобед молвил положенные по закону слова и
Сочетал их браком, как принято у мобедев.

Когда Хосров перед всем собранием сочетался с ней браком,
Он отослал ее за особую завесу.

ХОСРОВ И ШИРИН СЛЕДУЮТ В БРАЧНУЮ КОМНАТУ

Счастье, если захочет взрастить розу (невесту со щеками,
как роза),
То сначала [заставляет ее созреть], а потом уж ее возжелает
муж.

Судьба сначала выкует венец,
А потом уж возложит на чью-либо голову.
Ныряльщик за мзду находит в море жемчуг
И в скором времени его вправляют в венец.
Когда Ширин стала слаще розовой воды,
Она возвестила Хосрову: «Бери меня!
5 Пей же, да будет во здравие эта сладкая чаша,
Да забудешь ты всех, кроме Ширин».

В покои языком доброй славы
Она отправила ему разумное послание:
«Эту ночь позабудь о чаше вина,
Пусть я буду в эту ночь и вином, и виночерпием для тебя.
Не люби Ширин, если любишь вино,
Ибо одно сердце не может быть опьяненным двумя разными
вещами.

Когда хмель ударяет мужу в голову,
Он не различает, из свежего мяса кебаб или вяленого.
Когда пьяный обретет желаемое (т. е. девственницу)
10 Он говорит, что, мол, был пьян, не заметил [что обрел].

Если пьяный насильно овладеет и ста девственницами,
Отрезвев, он станет винить в преступлении трезвых.
Многие во хмелю сломали свои замки,
А, отрезвев, стали винить в этом трезвых».
Понравились эти слова шаху Аджама,
Ответил: «Повинуюсь приказу кумира».

Но то был день, когда он по обычаю пил вино,
И он не хотел нарушать заведенного порядка.
Мелодии Барбеда и песни Накисы
15 Заставили Зухру бить челом перед ними.

Напев руда как бы говорил:
«Подавай чашу, да будет благословенно наше пиршество».
Вино в чаше говрило Барбеду:
«Играй, да будет в этом году счастливый исход».
Терпким вином до краев наполнял чашу и пил без передышки
Царь во здравие Ширин.
На радостях он пил чашу за чашей.
Так продолжалось до первой стражи.
Когда же жениху настала пора отдохнуть,
20 Радостно пойти к новобрачной,

Он был до того пьян, что его, бесчувственного,
Понесли на спине, словно потерявшего сознание.
Когда Ширин узнала,
Что шах опьянел, позабыв ее слова,
Она ловко скрыла от шаха себя —
Подсунула ему деву, похожую на себя.
Она проявила находчивость, и только находчивостью
Можно обходиться с пьяными.
Была старушка у нее, приемная мать,
25 Приходившаяся родственницей со стороны матери.

Что и говорить, она была словно волк,
Не как молодой волк, а как старая хитрая лиса.
Две груди свисали, как два пустых бурдюка воды,
Не осталось силы в коленях, ни мощи в теле.
Тело сгорбленное, словно большой лук,
А спина грубая, словно сырмятная кожа,
Две щеки в морщинах, похожие на кокосовые орехи,
Каждая — словно колоковинт, наполненный ядом.
Рот и губы — потрескавшиеся,
30 Огромные, словно тесная могила.

Ее брови свисали до самых губ
И причиняли страдания рту.
Не нос у нее, а целая палатка была привязана к лицу,
Не зубы были, а несколько кусков мышьяка.
Ресницы у нее выпали, глаза были воспаленные,

Рукой еле могла есть, зубы гнилые.
Ширин, повесив на нее драгоценности,
Отправила к шаху под видом новобрачной.
Чтобы испытать его в опьяненном состоянии,
35 Чтобы удостовериться, может ли он отличить луну от тучи.

Вышла из-за завесы старуха,
Словно змея, которая распутывает клубок [своих колец].
Несчастлива душой, словно у нее вовсе не было души.
Словно хищник, у которого выпали все клыки.
Шах в тот миг был так опьянен,
Что ему огромное небо казалось петлей бечевки.
Однако все еще был способен
40 Определить, что весенняя куропатка краше пришедшей к нему.
Он вскинул брови, словно лук натянул,

Чтобы поразить жирную газель.
Когда же дичь была поражена, то она не стояла соломинки,
Даже сто таких волков не стоят ничтожной лисы.
Он увидел ворону вместо вешей Хумая.
На ложе Луна превратилась в дракона.
Подумал он: «Стоит ли любить дракона?
Снится мне это или мерещится пьяному?
Ведь не сладостна эта мерзкая горбатая старуха?
Какая там Ширин (сладость)? Она убила меня кислым
видом».

Но поскольку гуль опьянения похитил его ум,
45 Ему показалось, что перед ним мать жены.

Он словно обеими руками исторг из головы опьянение,
И чаша его и его желаний разбилась.
Через силу она закричала:
«Умираю! Во имя моей матери! Спасите!»
Когда Ширин услышала голос своей матери,
Она поспешила ей на помощь.
Она вышла из-за семи завес,
Вовсю нарумянившись.
Да разве это сахар? Какой там сахар?
50 И не леденец, который всего лишь раб ей.

Подобна была она кипарису, если у кипариса есть целебное
зелье.

Подобна луне, если луна облачается в касаб.

Она — луна, перед красотой которой солнце кажется
нищенкой,

Роза, которая превосходит сто царств весны,
Кумир, которому дозволено поклоняться.
За ее красоту дают на базаре сам рай.
Она — райский шербет, изготовленный из души,
Но надежды на нее были писаны на льду.
Мир озаряющая пленительница. Какая пленительница!

55

Охалки роз и харвары сахара.
Ранняя весна, подобная буйному цвету деревьев,
Достойная объятий счастливых.
Муштари стыдится ее лица,
Так же, как стыдится ее походки горная куропатка.
Ее сердолик, похожий на «мим», держал в кулаке камни,
Чтобы никто не мог заткнуть ей рот.
Цена ее благоухания — жемчуга, да и сама жизнь.
И локоны ее были по той же цене.
От ее родники дурной глаз погрузился в сон,
Когда же увидел ее облик, то лишился сил.

60

Над щеками, где было мускусное ячменное зернышко,
Локоны, словно чаши весов, то повышались, то понижались
на вес ячменного зернышка.
Уста и зубы ее были сотворены для любви,
Но ее уста не знали [чужих] зубов, [чужие] зубы не знали
ее уст.

Лицо ее — ветерок из сада, ласкающего душу,
Ротик — буква «мим» и не более.
Луну (лицо) она обмотала мускусным арканом (косами),
Светильник заслонив тем самым от дыма руты.
От ее гордыни сердца во всем Туркестане были разбиты,
Поцелуй ее был слаще всего сахара Хузистана.

65

Лицо ее — словно свежие пленительные розы,
Розовая вода от стыда перед ее розами (щеками) обливалась
испаринной.
И грудь, и спина — нежные и белые, как мех горностая,
Пальцы длинные, словно хвост горностая.
Тело [сладкое], будто молоко с сахаром,
Тело белое, словно молоко.
Ее тело было сочное, словно сочилось водой,
Локоны резвились, словно готовы были взлететь.

Арка бровей простиралась до мочек ушей,
70 Ожерелье подбородка тянулось до самой шеи.

Кокетливая шея склонялась к груди,
Хмельные глаза грабили целый караван.
Подобно вину, она вымывала из головы печаль,
Подобно радости, она искореняла кручину.
Она — и розы, и сахар. Какой там сахар? Какие розы?
Лишь она сама похожа на нее и никто более. Велик Аллах.
Когда царь увидел, как прекрасна возлюбленная,
Он стал, ты сказал бы, схож с одержимым, увидевшим
новый месяц.

Он разъярился, словно безумец при виде нового месяца,
75 И уснул в ярости и опьянении.

Утром, когда Хосров проснулся в обычное время,
Он увидел финик без шипов.
Он увидел прекрасную деву, прильнул к ней душой.
Увидел раскаленный танур и не медля стал печь лепешки
(обнимать).

Горькое вино пришлось ему по душе,
Поцелуй Ширина прервал его сон.
Она поднесла к его устам чашу вина,
В его объятиях расцвел букет роз.
Два мускусных ошейника (косы) сплелись с колечками его
кудрей.

80 Два граната (груды Ширина) прильнули к яблокам
(грудям Хосрова).

Фиалки (локоны) с маками (щеками) переговаривались в
молитве,

Сахар уст Ширина [говорил]: «Промедление губительно».
Когда тучу (косы) она убрала со своей луны (лица),
Терпение шаха истощилось.

Разум теряет терпение перед лицом красавицы,
Вино кумиров Чина соблазняет даже Мани.
В царство сахара (уст) вступил опьяненный муж,
Он похищал леденцы (поцелуи) и ранил сахар (уста).
Никто не вкушал слаще того утреннего вина,
85 Не наступало утро блаженнее того.

Сначала он стал наслаждаться розами.
Словно бутон, он улыбался ее лицу.

Потом он вновь отдал дань любви,
Уплатил подать из свежих плодов.
Угощение было из яблок (подбородка) и жасмина (щека),
Нарциссами и гранатами играли они.
То шах, словно белый сокол, срывался с места
И садился на грудь фазана (Ширин) в саду,
То в увеселительном полете
90 Голубка (Ширин) победно садилась на грудь соколу
(т. е. Хосрову).

Олень-самка сражалась со львом,
В конечном итоге лев-самец победил ее.
Он совершил чудо и, пока догадался страж,
Яхонтом снял печать с ее сердолика.
Он изгнал из скорбного сердца печаль,
Он овладел розой, что не знала изъяна.
Он нашел крепость с серебряным замком на вратах,
Подобную живой воде, запечатанной сверху.
Не слышала она ни крика униженных о помощи,
95 Ни десница насильника ее не коснулась.

На стрелу бутона насадили железный наконечник,
Наконечником [стрела] стала сверлить рубин.
Быть может, ночь была мраком, а шах Хызром,
Который бросил рыбу в воду жизни.
Когда доской для слона шаха стала доска цвета слоновой
кости,

Любовь забыла и трон, и венец.
Он предавался любви по правилам умножения,
Словно дабирь, вгоняя алиф в колечко буквы айн.
Я не скажу, что стрела попала в мишень,
100 Что финик без кости входил в молоко.

Талия вокруг талии стала ободком,
Благодаря чему душа слилась с душой.
Розовая вода капала в серебристую чашу,
В ядрышке миндаля сахар растворился.
Раковина прислонилась к ветвям,
В едином месте вода и огонь заключили союз.
Оттого, что огонь (Хосров) и вода (Ширин) перемешали
краски,

Ночные покои стали полны киновари и ртути.

105 Одну ночь и один день они полностью не знали сна,
Жемчужина (зубами) сверлили яхонт (уста).

Следующие ночь и день они спали беспробудным сном,
Заклучив в объятия фиалки (косы) и розы (тело).
Они спали оба в одном месте, словно павлины,
Воистину красивы спарившиеся павлины.
Когда они подняли головы от сладостного сна,
Стали возносить хвалу Богу.
Они водой ублажали свои тела,
Приготовились пойти в молитвенный дом.
С рук тех, кто обслуживал гарем шаха,
110 Не сходила целый месяц краска свадебного пиршества (хна).

Хумейла, Самантурк и Хумаюн
Окрасили хной руки в багряный цвет.
Царь однажды сидел в уединении,
Усадив рядом с собой своих куколок.
Как принято, он одарил их богатым убранством,
Дал им красных камешков и желтого золота.
Хумаюн он отдал избранному Шапуру,
Он съел его леденец, а взамен одарил медом.
Супругом Хумейлы стал Накиса,
115 Самантурк он отдал за Барбеда.

Хотанскую царевну он велел
Сочетать с Бузург-Умидом в благодарность за разумные
слова.

А затем вместе с халатом и рескриптом
Он отдал Шапуру все царство Махин-бану.
Когда пришло к Шапуру счастье,
Он велел построить много зданий.
Дез-Акта, крепость пресветлая,
Говорят, была построена Шапуром.
После того дела Хосрова пошли на лад.
120 Судьба благоволила его желаниям.

Юность, исполнение желаний и царская власть —
Что можно пожелать лучше?
Ни днем, ни ночью не расставался он с вином и музыкой,
Он ел все яства мира, а с тем, что не мог есть, прощался.
Избери уделом своим наслаждение благами мира, ибо это
приятно.
Какой смысл тужить из-за земных дел?

Беспечно раздавал он дары мира, тратил на себя.
Вознаграждая себя за долгое воздержание.
Спустя некоторое время он словно пробудился,
125 Ему стало стыдно своих вольностей.

Когда в бороде пробилась седина,
Он распрощался с шалостями юности.
От жизни до смерти — расстояние всего один волосок,
Тем более, если этот волосок седой.
Когда среди черных волос забрезжила седина,
Это признак того, что надежде нет уж места.
Фиалки локонов режутся до тех пор,
Пока еще дремлют глаза жасминов.
Черноту ночи можно видеть до тех пор,
130 Пока не засияет блеск рассвета.

В саду приятный аромат,
Пока белизна (снег) не повредит зеленому [цвету].
Гончая собака, ловящая газелей,
Когда состарится, сама становится добычей немощи.
Если лук тюрка-воина окажется вдали от стрелы,
То он станет как бы барабаном в руках старого музыканта.
Когда пшеница превращается в белую муку,
Она делается прогорклой, если ее хранят годы.
Как только новая материя будет отстирана добела,
135 Она поневоле станет добычей ножниц.

Когда в кипящем котле появляется пена,
Вся кухня как бы наполнится пеплом.
Тому, у кого потемнели на кухне волосы, скажи: «Не тужи!
Впереди тебе предстоит и мельница:
Хоть ты и черен на кухне, как амбра,
Но станешь на мельнице белым, как камфара».
С того, кто побелел [от муки] на мельнице,
Белая пыль сойдет, если он отряхнется.
Но того, на кого падет белая пыль этой мельницы
(старости),
140 Не отмоешь водой и ста морей.

Что такое юность? Это безумие в голове.
От этого безумия возникают одни лишь желания.
Когда же наступает царство старости,
Она мигом изгоняет из головы эти желания,

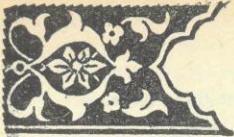
Некий юноша сказал старцу: «Что делать?
Возлюбленная покинет меня, когда состарюсь».
Старец ответил ему разумными словами:
На старости лет ты сам сбежишь от возлюбленных».
Тот, на чью голову небо полетит ртуть (седину),
145 Убегает от серебряного кумира словно ртуть.

Пока волосы черны, юноши не ведают печали.
Глаза тех, чьи волосы черны, не ведают скорби.
Печаль поворачивает вспять от негра,
Ни один негр не знает, что такое печаль.
Чернота служит бальзамом для глаз потому,
Что является проводником на дороге в Индостан.
Не спи, о голова, ибо настала старость,
Рать утра (седина) вошла в ворота [жизни].
Мочка твоего уха облачилась в саван из хлопка,
150 Неужели ты все еще не вынешь из ушей ваты?

Когда Хосров увидел жасмин (проседь) в фиалках (черных
волосах),

То в юные годы пришел в отчаяние из-за старости.
Хотя сам он был верен данному слову,
Но мир был коварен, и он стал задумываться.
То на золотом троне он играл в нарды,
То на Шабдизе скакал, словно счастье,
То вкушал он мед игры Барбеда,
То проводил время в объятиях Ширин.
Когда трон, Барбед, Ширин и Шабдиз
155 Стали вчетвером усладой для Хосрова,

Он вспомнил о том давнем сне,
И угасла в сердце радость,
Поскольку он знал, что все
Созданное из праха и воды подлежит разрушению.
Новый месяц набирает свет до полнолуния.
Когда станет полной луной, начинается убывать.
Плодовое дерево растет вверх, пока она не состарилось.
Когда же состарится, мигом осыпается плодами.

ШИРИН НАСТАВЛЯЕТ ХОСРОВА
НА ПУТЬ
СПРАВЕДЛИВОСТИ И МУДРОСТИ

Однажды Хосров веселился с той, которая озаряет сердце.
В тот день пошла речь о справедливости и мудрости.
Поцеловала Ширин прах у его ног, сказала: «О властелин!
Сойди немного с пути веселия, ступи на путь мудрости.
Ты много усердствовал в наслаждениях,
Ты много времени проводишь в сердечных утехах,
Ты благоустроил мир щедростью.
Разве нужно разорять его несправедливостью,
Уподобляясь корове, которая лягает посудину с молоком,
Хотя сама и дает молоко?»

5

Страшись того, что в один прекрасный день
Может проклясть тебя отшельник из кельи,
Что старуха вместе с непрестанными вздохами
Рано утром пустит стрелу в цель (в тебя за тиранню).
Тогда тебе не помогут крики о помощи,
Держава будет потеряна из-за проклятий людских.
Много у шахов зеркал,
Которые покрылись ржавчиной от стонов тех, кто взывает
о справедливости.

10 Если счастье твое свернет с правого пути,
Все твои деяния будут тщетны.

Стоит листьям на деревьях ослабеть,
Как осенний ветер мигом сдувает их.
Если светильник хотят погасить,
Сначала клеймят ему глаза.
Перед тем как низвергнется сель,
В горах начинают греметь тучи,
Когда град валит на землю посева кориандра,
Аромат кориандра возносится до самого небосвода.
Дерево, которое выросло кривым,
Сможет выпрямить только огонь,

15

Разорять мир и насильничать грешно,
Тебе лучше опекать своих подданных.

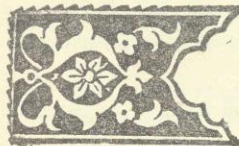
318

Как бы не сбылась притча,
Которую сложил отвергнутый народом шах;
«Когда правитель царствует чересчур долго,
Он перестает заботиться о подданных,
Мир представляется ему подобным ему самому,
И он считает мир принадлежащим ему по праву.
От гордыни, укоренившейся в нем,
Он перестает заботиться о подданных.

20

И тогда внезапно новое счастье поднимет десницу,
И укоротит длинную руку, что [направлена] против народа.
Если же он будет благожелателен к людям,
Он станет шахом над всеми людьми». У тебя есть и разум и царское достоинство,
Есть у тебя и черное и белое,
Ищи пути к тому, чтобы спастись в том мире.
Знай, что этот мир придется покинуть.
Разве сумеет приготовиться к Судному дню.
25 Тот, кто копит золото и серебро?

Подумай: задолго до тебя шахи умирали.
Но унесли ли они с собой имущество, состояние?
Имущество, которое ты оставишь, достанется твоему врагу.
А если раздаришь, оно будет твоим путеводителем.
Прочитай сказания о Дара и Джамшиде,
О том, как поступило с ними солнце.
Под сводом девяти небесных сфер так сыграй мелодию,
Чтобы ты мог постичь тайну, скрытую за завесой.»

ВОПРОСЫ ХОСРОВА
И ОТВЕТЫ БУЗУРГ-УМИДА

Когда Хосров убедился, что любящая подруга
Желает ему славы, руководствуясь знаниями,
Он призвал к себе Бузург-Умида,
Усадил перед собой в великой надежде.
Сказал: «О ты, на которого люди возлагают великие
надежды!»

Внуши и мне великую надежду на тебя.
Скажи мне: Что было первым творением?

319

Мудрый муж ценит знания об этом».

- 5 Так ответил: «Мы — те, кого прогнали из селения,
Кто остался сначала за завесой.

Тем, кто остался позади не познать этого [вопроса],
Первый знает лишь до первой завесы».

О НЕБЕ

Властелин спросил его вновь.

«У меня много подобных вопросов:

Прежде всего мне хочется знать, что представляет собой небо.

Внутри у него — живые существа. А что же снаружи?»

Ответил ему рассудительный муж:

«Не думай ты о таких далеких явлениях.

О том, что находится за пределами этого свода,

- 10 Кроме Бога, никто не ведает.

Надо тужить о том, что творится

В нашем мире, и только.

О том, чего не видит глаз,

Не следует дерзко рассуждать.

Великие мужи, которые рассуждают запросто о тайнах мира,

Говорят о небе только шопотом.

Небо закрывает перед людьми двери,

Словно фокусник, заклинания которого непонятны».

О ЗВЕЗДАХ

- 15 Следующий раз он сказал: «Не знаю,
На чем держатся звезды.

Я слышал, что каждая звезда — это иной мир,

Что там есть свои и земля, и небо».

Ответил ему: «Мы тоже слышали такое,

Но я не считаю это убедительным.

Когда мы изучили это по-серьезному,

Наблюдения показали, что это невозможно».

НАЧАЛО ТВОРЕНИЙ И БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ

В следующий раз спросил: «Зачем мы в этом мире?
Куда мы отправимся и откуда мы пришли?».

- 20 Ответил ему: «Завеса над этой тайной
Не поднимется. Так что примиришься с этим.

Ибо путь далек от обители где мы находимся.

Не зная пути, как же мы покажем конечную обитель?

Когда ты освободишься от этих путников (четырех стихий),
Сам узнаешь, каков ты и откуда».

УХОД ИЗ ЭТОГО МИРА

В следующий раз он сказал мудрецу: «О море, источающее
жемчуга!

Пречист ты, как жемчужина. и творишь чудеса, как море.

Дивлюсь я друзьям, которые уснули [непробудным сном],

И никому не поведали виденного ими сна.

Они говорят: «Сойди в землю, как и мы».

- 25 Никто не говорит: «Мы ушли этим путем. Приходи ты тем
же путем».

Ему ответил знаток сокровенного:

«Загробный мир — наличная плата за этот мир.

Мелодия того мира не умещается в музыкальный лад этого.

Если ты и заиграешь, то будут разные мелодии.

Если подуешь на огонь, то он разгорится.

Если же польешь [воду], то [огонь] погаснет».

О ВЕЧНОСТИ ДУШИ

В следующий раз шах с недреманным счастьем

Задал мудрый вопрос;

«Если мир пожирает душу, как и тело,

- 30 То почему он во сне притесняет нас?

Если душа вечна, но расстается с телом,

То скажи: куда девались души стольких покойников?»

Так ответил ему: «Это трудный вопрос.

Но видеть душу без тела невозможно.

Не следует спрашивать о душе без тела,

Без круга невозможно видеть вращение.

Когда душа расстается с телом, [то перестает влиять на него]

И приводит в движение небо».

О ТОМ, КАК ТЕЛО ВИДИТ ВО СНЕ

Он вновь спросил: «Если душа не вечна

- 35 То существуют ли тела, что видим во сне?

Что же такое видения, которые мы видим во сне?

Кто хранитель этих видений?»

Ответил ему: «Благодаря тому, что ты часто видишь сны,

Ты привыкаешь к мертвым картинам.

Когда мысль и сновидение сливаются воедино,

Тогда и появляется пробуждение».

О ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Вновь сказал: «После смерти

Буду ли я помнить о событиях этой жизни?»

Ответил ему ученый старец:

40 «О светлый светоч, озаряющий мир!

Ты — тот свет, который до единения с прахом

Владычествовал на крыше небес.

Но спроси тебя о приметах [небес]

Ты ничего не сможешь припомнить.

Когда в один прекрасный день покинешь эту обитель тягот,

Боюсь я, что и об этом мире ты ничего не будешь помнить.

Тот, кто не помнит событий вчерашней ночи,

Сможет забыть и сегодняшнюю ночь».

О ТОМ, КАКОВЫ ЗЕМЛЯ И ВОЗДУХ

И снова сказал: «Расскажи о вращении неба,

45 Расскажи о земле и о воздухе».

Ответил ему: «Уж лучше бы просил советы.

Доколь спрашивать о земле и воздухе?

Воздух — это ветер, который колеблется от другого ветра,

Земля — это прах, который не стоит и [горсти] праха.

Первым плодом чрева вселенной была земля,

Последним плодом чрева земли был человек».

О СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ПУТЕМ УМЕРЕННОСТИ

Он вновь спросил: «О мудрец!

Дай мне советы лекаря».

Ответил ему: «О пронцательный муж!

50 Мир души и душа творения!

Искусство лекаря скрыто в одной мысли,

Эту мысль Бог заповедал людям:

«Ешь и пей то, что пожелаешь,

Но не много и не мало, ибо и то и другое губительно.

Сторонись обжорства и недоедания, ибо это вредно,

Придерживайся умеренности, этого достаточно».

Я читал, что в некоей стране два мудреца

Пришли как-то к одному роднику.

Один из них выпил мало воды, уверяя, что вода вредна для

здоровья,

55 Другой выпил много, полагая, что это полезно для здоровья.

Поскольку они не соблюдали умеренности,

Один умер от жажды, другой — от того, что перепил».

О ТОМ, КАК ДУША ПОКИДАЕТ ТЕЛО

И вновь он спросил: «Как вылетают

Души людей из гнезд?»

Ответил ему: «Не следует говорить

О том, чего не видел, о чем ведаешь только с чьих-то слов.

Я слышал, что жили на свете четыре мудрых мобеда,

Все четверо жили душа в душу.

Они некоторое время пребывали в затруднении,

60 Не зная, как покидает душа мудреца тело.

ПРИТЧА ПЕРВОГО МОБЕДА

Один из них сказал: «Душа расстается с телом так,

Как бросаются в пучину воды.

Человек усиленно барахтается, чтобы спастись,

Но тщетны его чрезмерные старания.

А когда же он пробудится от тяжелого сна,

То устрашится того, что видел во сне».

ПРИТЧА ВТОРОГО МОБЕДА

Второй мобед сравнил [расставание души с телом] с замком,

Который властелин вселенной поднимает до небес.

Если человек падает с него.

65 От страха хватается за зубец.

Если удержится, то отделается тем, что поранит руки,

А если упадет, то вред будет непоправимый.

Хотя руки его слабеют от напряжения,

Он цепко держится за зубец.
А когда он лишается наконец сил,
Срываются и он, и зубец».

ПРИТЧА ТРЕТЬЕГО МОБЕДА

Третий мобед рассказал такую притчу:
«Чабан с отарой повстречался с волком.
Кровожадный волк уволок овцу,
70 Чабан бросился, схватился с ним.

Волк изо всех сил тянул к себе,
Чабан же пытался отбить овцу.
Но поскольку волк был коварней.
Чабану осталось лишь разорвать одежды».

ПРИТЧА ЧЕТВЕРТОГО МОБЕДА

Четвертый мобед сказал: «Тайна [раасставания души с телом]
Похожа на человека в брачной постели.
В его объятиях — новобрачная, прекрасная, как луна,
Но пораженная безумием.
Невозможно отрешиться от ее красоты,
75 Но нельзя и сойтись с ней из-за ее безумия.

И наконец, когда безумие возобладает,
Муж бежит от нее, словно серна ото льва».
Мобеды некоторое время говорили об этом,
Не видя листов, они много слов наговорили.
Когда умирал кто-либо из них, произносили: «Увы!
Судьба дает нам мат, не ведая наших шалостей».
Каждый говорит на свой лад о покойнике,
Живой не познает тайны умершего,
Кроме пророков, ибо они — доверенные люди.
80 И не говорят непосвященным того, что видят».

О ПРОРОЧЕСКОЙ МИССИИ БЛАГОРОДНОГО ПРОРОКА

Когда речь перешла к безгрешным мужам,
Царь спросил о венце пророков:
«Кто тот, который в Аравии претендует на сан пророка?
Какое отношение имеет его религия к нашей?»
Ответил ему: «Эти божественные слова

Выходят за белизну и черноту.
Обыкновенные люди [добывают славу] в этом мире
в сражениях.

Слава же того мужа — за пределами вселенной.
Он ни о звездах не говорит, ни о высокомо небосводе,
85 Ибо и то, и другое — всего лишь картинка, а он —
подмастерье самого художника (Бога).

Он летает над этими девятью завесами (небесными сферами).
Я не был за теми завесами, не знаю их тайны.
Не шути, о шах, с верой арабов,
Ибо это истинная вера, а с истиной не шутят».
Тело Хосрова затрепетало в страхе,
Словно куски кебаба на сильном огне.
Но поскольку победоносная судьба не благоволила к нему,
Призыва пророка он не воспринял.
90 Когда Ширин увидела что старый учитель
Открыл перед шахом двери сокровищницы слов,

Она похвалила его, сказала: «О несравненный старец!
Глаза судьбы не видели равного тебе.
Поскольку ты открыл перед Хосровом россыпи сокровищ,
То даруй и мне толику, если можешь.
Дай мне ключ к [сокровищам тайн], не заковывай тайны в
цепи,
Изреки из «Калилы» несколько мыслей.

БУЗУРГ-УМИД ПРИВОДИТ СОРОК МОРАЛЕЙ К ПРИТЧАМ В «КАЛИЛЕ И ДИМНЕ»

Бузург-Умид расцвел, словно лепестки розы,
Поведал сорок притч и сорок моралей.

1. Бык Шитрибе и лев

Так начал он: «Остерегайся своих подозрений.
95 Так же, как остерегался бык Шитрибе лютого льва.

2. Обезьяна — плотник

Усмиряй страсть, ибо она бесполезна,
Ведь обезьяна не станет плотником.

3. Лиса и барабан

На этом пути хитростью ты обретешь то же,
Что обрела лиса от разорванного ею барабана.

4. Скрыга-отшельник, проигравший рубище вору

Не скупись, не то скорбь твоя будет долгой,
Как у скупого отшельника, проигравшего рубище.

5. Ворона и змея

Не нарушай данного в чужом доме слова,
А не то с тобой поступят, как ворона поступила со змеей.

6. Цапля и рак

100 Если будешь хитрить, дождешься возмездия,
Какое постигло цаплю от клешни рака.

7. Заяц и лев

Не бери взяток, послушай моего совета о том
Как наказал заяц взяточника-льва.

8. О том, как одна из трех рыб спаслась от крючка

Можно избавиться самоубийством от обитателей праха,
Подобно тому, как та старая рыба спаслась от губительного
крючка.

9. О том как шакал, волк и ворона сговорились убить верблюда

Шакал, волк и ворона сговорились между собой,
Чтобы покончить с верблюдом.

10. Морской кулик и морские волны

Хитростью можно спастись от врагов,
Как спасся морской кулик в пучине.

11. Утка и черепаха

105 Много голов, которые из-за [своего], языка сошли во прах.
У черепахи с утками так и случилось.

12. Птица, обезьяна и светлячок

От неблагородных людей дождешься того же,
Чего дождалась глупая птица от обезьяны.

13. Умный купец и глупый купец

Хитростью не присвоить имущество людей так,
Как присвоил умный купец имущество глупого.

14. Лягушка, змея и ласка

Если ты будешь хитрить с мудрецом,
То погибнешь, как погибла лягушка от змеи.

15. Мышь, пожирающая железо, и сокол, похищающий детей

Не прибегай к хитрости и не слушай хитреца,
Ибо мышь пожирает железо и сокол похищает детей.

16. Женщина и художник, сжигающий палатки

110 Если ты на шатре нарисуешь рисунки хитрости,
Уподобившись тому художнику, который сжигал палатки.

17. Лекарь-невежда, который смешал зелье с ядом

Стараниями мудреца тело обретает здоровье,
Исцеление руками глупца губительно, как отравление.

18. Голубка с ожерельем и освобождение голубей из тенет

Мудростью можно спастись от беды,
Подобно тому, как вырвалась из тенет голубка.

19. Союз вороны, мыши, газели и черепахи

Не предавайся шуткам, учись верности
У мыши, которая разорвала тенета, и у вороны, которая
не разжала клюв.

20. О том, как мышь и отшельник
нашли золото

Не похищай с чужой нивы и ячменного зернышка,
Ибо мышь похитила у отшельника ячменное зернышко и
лишилась золота.

21. О волке, который околел, похрав тетиву
лука

115 Не обольщайся, как волк, похравший тетиву,
Не то небосвод неожиданно поразит тебя стрелой в сердце.

22. Ворона и сова

Отринь от себя алчность, ибо она, словно злосчастный
хаммал,
Не ладит с разумом, как ворона не поладила с совой.

23. О том, как заяц прогнал слонов
от родника

Не презирай врага, не пренебрегай им.
Вспомни о слонах, которых посрамил заяц.

24. О кошке, которая постилась, голубке
и зайце

Надо избегать алчность и обмана —
Вспомни, чем обернулся для кошки однажды пост.

25. О том, как вор отобрал у отшельника
овцу, назвав ее собакой

Когда коварный мир плетет сети коварства против кого-либо,
Он ставит на овце клеймо собаки.

26. Муж, жена и вор

120 От дряг обратись к верности,
Как та жена, что от страха перед вором обратилась к мужу.

27. Див, вор, отшельник

Если враги твои вцепятся друг в друга, ты спасешься,
Подобно тому, как спасся от дива и вора праведный муж.

28. Жена, плотник и тесть

Не следует ослеплять глаза своего сердца,
Как тот плотник, что был обманут женой.

29. О том, как дева, происходившая
от мышей, выбрала мышей

Если ты не дурной, то не дружи со злым,
Как та людоедка, происходившая от мышей.

30. Обезьяна и черепаха

Ты можешь спастись от бед этого мира, отвернувшись от них,
Подобно тому как спаслась обезьяна от черепахи.

31. О том, как лиса обманула осла
и привела его ко льву

125 В этом мире не следует быть беспечным, как осел,
Сердце которого сожрала лиса из-за его беспечности.

32. Отшельник, думающий о долге, и кувшин
с медом и маслом

Не думай об уплате неправого долга,
Подобно тому бедному мужу, который думал о наличной
халве.

33. О том, как отшельник убил верную ласку

Уж лучше не водиться с коварным отшельником,
Который убил безо всякой причины верную ласку.

34. О том, как голубь заклевал голубку

Не вини кого-либо без оснований
Подобно тому голубю, который заклевал голубку.

35. О том, как мышь разорвала тенета
кошки

Умом спасай себя из этой пещеры (т. е. соблазнов мира),
Подобно тому, как мышь спасла кошку из тенет печали.

36. О жаворонке, шаха и шахзаде

130 Улетай, пока не запутаешься в путях [жизни]
Подобно жаворонку, который вылетел из клетки.

37. Шакал-отшельник и уплата животными
дани льву

Искренностью ты можешь спастись от меча,
Как тот шакал-отшельник от гнева льва.

38. Путешественник, ювелир и змея

Сверши добро и не страшись вражды кровопийцы,
Добром спасся путешественник от змеи.

39. Четыре купеческих сына, крестьянин,
шахзаде и богач

Каждому мужу дан удел по мере его достоинств,
Начиная от купца и кончая шахским сыном

40. О том, как львица отправилась
на охоту, а в это время сожрали
ее детенышей

Не заостряй свои когти кровожадностью,
Из-за этого лишилась детенышей кровожадная львица».

135 Когда старец-знаток слов произнес свои речи,
Сердце Хосрова стало пленником этих сокровищ

Он раскаялся в своих неправедных деяниях.
Заложил новую основу дворцу правосудия.

НАСТАВЛЕНИЯ НИЗАМИ

О сердце! Зажгись светом от светоча,
Учись у свечи поклоняться огню.
Укрась свой ум, если поклоняешься огню любви,
Если уж ты избрал храм огня души.
Я, Низами, сотворенный из праха, — ничто в михрабе
мира, но
Ста таким мужам, как Бузург-Умид надеру уши (т. е.
превзойду).

У меня много слов, приятных для сердца,
Но к чему их говорить, если никто меня не просит?
Я познал весь круг мира,
5 Познал все тонкости тайн мира.

Все расположение небесных тел по таблицам
Я изучил благодаря астролябии ума.
Но кто спрашивает меня о тайнах неба?!
Потому-то я никому подробно и не объяснил их.
С головы до пят [тайны] этого древнего цветника (мира)
Я разъясню тебе, если станешь слушать.

Из той точки, от которой потянулись различные
[радиальные] линии,
Первой возникла линия алиф (длина).
10 Когда с той линией соединили другую линию,
Пересекающую ее, возникла ширина.

Когда же пересеклись три линии, идущие от центра,
То пространство превратилось в тело (т. е. объем).
Линия, пространство, а потом объем —
Это то, что зовется тремя измерениями.
Возможно познать мир до конца.
Таким путем от самого начала до предела.

Когда разум постигает это,
Он одним прыжком одолевает расстояние от начала до конца.
Тот, кто не имеет видимого конца, — это Бог,
15 Его бытие не имеет ни начала, ни конца.

Ты думай о Боге, ибо люди познания
Видят сквозь завесу тайны творения.
Познай себя, ибо на пути к [сокровенному] знанию
Ты познаешь Бога, если познаешь себя.
Коли так близко перед тобой зеркало [познания],
К чему тебе стремиться к нему? Не думай о таком далеком.
Ты — тот свет, для которого небосвод — только сосуд
лампадки,

В тебе заключены черты обоих миров.
Низами! Не говори более о сокровенных тайнах,
20 Ибо перестанешь излагать повесть.

ОПИСАНИЕ ШИРУЙЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЯНИЙ ХОСРОВА

Когда Хосров познал мудрость жизни,
Он с легким сердцем решил расстаться с миром.
У него был от Марьям сын непутевый,
Зловоние исходило из его рта, как у льва, а сам звался
Шируйе.

Я слышал, что этот отцеубийца
В юные годы, когда ему было всего девять лет,
Будто бы сказал на свадьбе Ширин:
«О, если бы Ширин была моей женой».
О любви ли его мне рассказать или о ненависти,
5 О знаниях его, о счастье или о вере?

Дворец шаха из-за него всегда был полон дыма.
Отец всегда был недоволен им.
Хосров сказал Бузург-Умиду: «О мудрец,
На сердце у меня тяжело из-за этого непутевого сына.
Я опасуюсь сына со злой звездой,
Я знаю: гороскоп его злосчастен.
Из-за зловредности души
Он смотрит на меня, словно волк.

От этого негодяя, не приходится ждать добрых дел:
10 От огня (Шируйе) родится только пепел.

Он не скажет того, что по душе человеку,
Он говорит только то, что ему по душе.
Ни фарра нет у него, ни степенности,
От фарра и степенности он бежит на целый фарсанг.
Он порожден мною, как огонь родит дым,
Он родился от меня, но сторонится меня.
Ни Ширин, ни меня он не любит,
Ни братьям, ни сестрам своим не скажет доброго слова.
Он смотрит на пери (Ширин) глазами,
15 Которыми осел смотрит на седельника.

Обо мне и говорить нечего, так как я для него — все равно,
что змея.

Конечно, я змея, но такая, у которой позвоночник
является он.

Не любая жена — хорошая жена, не каждый рожденный
тобой — сын,
ни каждая роза приносит плоды, не каждый тростник —
сахар.

Много есть новорожденных, которые убивают породивших их.
Много есть железных инструментов, которые насильничают
над камнем.

Много чужаков, которые намного ближе родных
Благодаря своей преданности».

Бузург-Умид сказал: «С прозорливый шах!
20 Твое пречистое сердце ведает добро и зло.

Я знаю: этот сын неприятен тебе,
Но не частица ли он твоей сути?
Не подобает питать вражду к сыну
И сердце отторгать от родного.
Никто не трясет ногой гранатовое дерево,
Так как оно сажает плоды вверх головой, словно дитя
[посаженное на голову].

А вот тутовое дерево трясут ногой,
Потому что его дети подвешены вниз головой.

Ты — добр, и сын твой не будет злым,
25 Лук вырастает таким, какими были семена.

Когда кроют парчовую ткань,
То золотые лоскутки тоже идут в дело.

Если и упрям твой горячий сын,
Время само исправит его, ты не тужи.
Это молодость в нем бурлит,
К старости вовсе исчезнет его строптивость».

ХОСРОВ УЕДИНЯЕТСЯ В КАПИЩЕ ОГНЯ

После этого Хосров возымел желание
Сделать своим жилищем капище огня,
Чтобы не водиться впредь со сверстниками,
Чтобы поклоняться только огню, как поклоняются мобыды.
Когда пол..... Хосрова перенесли в капище огня,
Шируйе стал буйствовать троне, словно разъяренный лев.
Он не раставался с чашей вина,
А к шаху со всех сторон приставил стражу.
5 Он и этим не довольствовался и в конце концов велел
заковать отца в цепи,

Отведя ему укромное местечко.
Сын помыкал отцом, повергнув его в печаль,
И, кроме Ширин, никого не допускал к нему.
Сердце же Хосрова ликовало благодаря Ширин,
И он восклицал: «Пусть будет на мне хоть сто оков,
я свободен!»

Он сажал луну рядом с собой и говорил: «Не тужи.
У любого впереди — такая участь.
От ветра, который срывает с голов шапки,
Трава не шелохнется, а кипарис гнется перед ним.
Охотник, ликуя пускает стрелу,
10 В ту дичь, которая краше всех.

Когда от землетрясения гора раскалывается пополам,
Опасность падения грозит тому, что выше.
Как только у ягненка прорезаются зубы (т. е. он начинает
пасть),

За ним гонятся волки, наточив клыки.
Если пламя разгорается золотом,
Дым прежде всего попадает в глаза красавиц,

Ты — со мной, то все счастье со мной».
Та, чьи уста — сахар, не расставалась с ним.
15 Утешала его и прислуживала, говоря:

«В жизни всякое случается,
То радость, то печаль выпадает на долю.
Когда дела затянулись тугим узлом,
Умирает тот, кто много горюет.
Надо быть радостным с лица,
Пусть ноги в оковах — лицо не должно быть в них.
Не нужно осложнять свой недуг:
Сколько недужных вернулись к жизни с края могилы.
Не каждого здорового человека трясет лихорадка,
20 Не каждый больной лихорадкой умирает.

Много замков, запоров которых не видно,
Как помотришь вблизи, оказываются вовсе не замком, а
ключем.

Мудростью изгони сердца скорбь,
Ибо одна влечет за собой другую, словно песок
впитывает влагу.

Даже если и захватил твое место враг,
То ведь и Муканна сотворил луну.
Но разве колодец в Нахшабе прославился?
Разве озарится мир от железного диска?
В нашей стране, где по глупости людей
25 Камфару считают черной, а слепоту — светом,

Надо мириться с мерзостями.
Глупцы достойны лишь презрительной успешки.
Зловредный мир не знает стыда,
Сторонись его, ибо он далек от совестливости.
Судьба наделила стыдом только того,
Кто уже умер, и того, кто еще не родился.
Никто не пребудет вечно в этой бренной обители,
И ты не пребудешь, не страдай [попусту].
Если бы этот мир был вечен,
30 То разве сменяли бы государи друг друга?

Если бы небо даровало царство навечно,
То от Кей-Хосрова не перешло бы к Хосрову (к тебе).
Тот, кто привязан сердцем к этому цветнику (миру).
Как и роза, дольше плачет, чем смеется.

35 Если не достанется тебе мир в удел [навек], то не рыдай,
Считай, что с плеч твоих упало бремя.
Или ты останешься в этом мире, или имущество,
Уж лучше остаться бы тебе, а не имуществу.
Каждому, кто стремится к радости, подобно барбату,
Неизбежно приходится сносить и то, что дерут уши.

Гори в этой обители, словно солнце,
Ведь от ослов нет пользы, кроме как везти Ису.
Этот мир — подобен дракону и кровожадному Заххаку.
На плечах у тебя вырастают змеи и кусают тебя.
Из-за капли страсти, пролитой из чресел,
Посмотри как ты остался вовсе без чресел (без поддержки).
Не взваливай на плечи бремя всего мира,
Взваливай столько, сколько по животу (по силам), а не
столько, сколько можешь взвалить.

40 Подумай: импонент и бесплодная женщина спаслись,
Ибо ни чресла, ни живот у них не было бремени.

Если у тебя есть разум, не привязывайся к чему,
Довольствуйся тем, что у тебя есть.
Нет в мире большего покоя, чем воздержание,
Нет радости большей чем душевный покой.
Если есть лепешка и глоток воды, сиди спокойно,
Ибо душевное спокойствие — прекрасная страна.
Гордись воздержанием, ибо только благодаря ему ты спасся.
Забота [о жене и детях] — тяжкая обязанность
Аскет, что поселился в пещере,
45 Спасся [от зла] чужаков благодаря воздержанию.

Затворник, что укрылся [в пещере] горной,
Плодом удовлетворенности миром спасся от людского зла.
Этот мир, словно змея, полон изгибов (поворотов судьбы),
Для тебя будет лучше не иметь от него ничего.
Поскольку тебе ничего не свершить своей рукой,
То пусть за этот мир-змею хватаются другие.
Если в оковах ты, то довольствуйся этим,
Ибо ты — сокровище, а сокровища всегда хранят под замком.
Если же ты окажешься на дне ямы,
50 То вспомни о счастливом исходе Юсуфа.

Если тот, кто ниже тебя, займет твое место,
Считай, что севший выше тебя, — лишь знамя.

Тебе кажется, что ты обделен саном,
Но ведь ты превыше всего в обоих мирах.
Сердце вселенной — ты, не считай себя презренным,
Только благородством можно победить этот мир.
Знай же, что Изед возвысил тебя над всеми творениями,
Сотворил мир только ради тебя.

55 Если проникнешься этими мыслями радостно,
То избавишься от уз венца и трона.
А если ты нуждаешься в венце и троне,

То пусть земля будет тебе тронем, а солнце — венцом».
Так утешала она Хосрова, болея за него,
Провела с ним в подобных наставлениях день.
Настала ночь. а благородный кипарис (Ширин),
Говорила слова и утешала шаха.

ШИРИНЕ УБИВАЕТ ХОСРОВА

Луна не светит, и темная ночь
Совратила небо с пути, как совращает гуль.
У неба хоть и тысячи рук, но он бессилен,
Шаханшах полон слез, но оно незряче.
Серебряные голени Ширин лежали в золотых оковах.
Красавица-кумир с завитыми косами и серебряными руками
Проливали на его золотые оковы слезы, словно слезала
игральные кости.
Жалея его истрадалась от оков ноги,

5 Она натирала и целовала его ноги.
Она рассказывала увлекательные сказки,
Ибо человек легко засыпает под сказки,
Каждое слово из ее уст несло зелье,
Она прислушивалась к ответным словам и
Когда Хосров заснул и не стало слышно его шаха.
Его сон передан и Ширин.
Два нежных возлюбленных погрузились в сон.
Но бесстыдное небо бодрствовало и [видело их].
Мир хотел сказать: «Явилось опьяненное несчастье»,

10 Но чернота ночи затыкала ему уста.
Спустился через окошко [Шируйе] с лицом, как у дива,
Природе его совершенно чужда была жалость.
В ярости он жаждал крови, словно мясник,
Словно факельщик, он источал пламя от гордыни.
Словно вор-домушник, который ищет вещи впотьмах,
Он стал искать ложе падишаха.
Он подошел к изголовью шаха с мечом в руке,
Разорвал ему печень и погасил свечу.
Он вонзил ему в печень меч.

15 Брызнула кровь, словно сверкнула молния из-за тучи.
И, отделив солнце (душу) от луны (шаха),
Он, словно орел, выпрыгнул через окошко.
Шах очнулся от сладкого сна, пронзенный мечом,
И увидел, что он насмерть ранен в печень,
Кровь в постели лилась потоком.
Его сердце изнемогало от жажды.
Подумал: «Разбужу Ширин от сладкого сна
И попрошу ее дать шербета».
Но потом сказал про себя:
20 «Любезная подруга не спит ночами.

Если увидит, как несправедливы ко мне, в каком я тяжком

Не уснет больше, начнет плакать, стенать
Уж лучше промолчу,
Пусть умру, а она пусть спит».
Так и рассел в муках с душой верный муж
Так и не разбудил Ширин ото сна.

ПРИИТА

Ты увидишь чудесный розовый куст, похожий на солнце,
Своим цветением вселяющий надежду в этот мир
Внезапно обильно прольет кровь базилик.
25 С мечом
а в ярости обрушивает град,
И от куста не остается ни веточек, ни лепестков.
И когда садовник проснется,
Не увидит в саду ни розы, ни цветника.

Что скажешь на это? Разве не станет он оплакивать розу
кровавыми слезами?
Если роза осыпалась, почему ему не лить розовую воду
(слезы)?

О ТОМ, КАК ПРОСНУЛАСЬ ШИРИН

От крови, которая, словно вода, вытекала из раны шаха,
Нарциссы Ширин пробудились от благостного сна.
Прежде, когда судьба благоволила к ней,
Она просыпалась ночью под звуки флейт и труб.
Но взгляни, как холодно обошлось с ней небо на этот раз:
Ее пробудила горячая кровь шаха.
Она растерялась, словно подбитая птица,
Ибо этот ужас снился ей.
Она подняла шелковое покрывало с постели шаха,
5 Увидела море крови, тяжело вздохнула.

В ночи она искала небесный свет,
Глаза ее видели только развалины.
Увидела лампаду, лишенную венца головы,
Скованница была разбита, вылила масло.
Рать ушла, а военачальник умер.
В рыданиях провела она ночь,
Долго плакала, а потом решила действовать.
Смешала розовую воду мускусом и амброй,
10 Стала лить на окровавленное тело.

Она омыла его камфарой и розовой
Так, что тело белизной светило, словно дой,
Она убрала тело шаха подобающим образом.
Так что лучше и не убрали бы.
Ширин омыла шаха камфарой и розовой водой
И, облачив его в ладные одеяния,
Сама облачилась во все новое.
Вложила в это дело всю свою душу.

ШИРУЙЕ СВАТАЕТСЯ К ШИРИН

Сердцу Шируйе Ширин была желанна,
Но он не решился никому сказать об этом.
Тайком отправил человека передать ей: «Не переживай
сильно.

Неделю поноси бремя скорби,
А когда пройдет неделя, то двухнедельная луна (Ширин),
Зацветет в моем саду, подобно розе.
Я предоставляю тебе главенство над всеми людьми.
Я буду почитать тебя больше, чем Хосров.
Я сокрою тебя под золотом как сокровище,
5 Вручу тебе ключи от сокровищниц».

Ширин выслушала эти слова,
Стала едкой, словно уксус, закипела, словно вино.
Но решила провести его, чтобы он не проявил нетерпения,
И отцеубийца поддался ее обману.
Потом все вещи Хосрова —
От древних одеяний до новых сдежд,
Она раздала бедным, немущим
За упокой души шаханшаха.

ШИРИН РАССТАЕТСЯ С ЖИЗНЬЮ О ДАХМЕ ХОСРОВА

Она проснулась от сладкого сна
Утром Ширин пробуждешь свою сладостную душу.
И вознамерилась принести камфару,
Негр из Абине пути камфара рассыпалась.
Но настрел на луну из крепости.
Нега луна вошла в крепость, негр засмеялся.
Она велела принести, как требовал обычай,
Царственные носилки из кхмерского алоэ.
Паланкин был обит золотыми пластинами,
5 Был украшен жемчугами и камнями.

По обычаю древних персидских царей
Она велела уложить Хосрова в паланкин.
Паланкин подняли на плечи властелины,
Рано утром понесли на место погребения.
Властелины спешились,
Выстроились вокруг паланкина.
Барбед не мог держать в руках калам.
И он обрубил себе пальцы, как режут калам.
Бузург-Умид лишился разума,
10 Трепеща, словно ивовый лист.

Он стал печально причитать:
«Смерть шаха лишила нас душ.
Где опора и приют шахов Аджамы?
Где военачальник, меч и знамя?
Где тот, кого зовут владыкой вселенной?
То Парвизом его звали, то Кисрой.
Когда ступит на путь ухода [из этого мира],
Что Джамшид, что Кирса, что Хосров — [все одно]».
15 Среди рабов и невольниц с непокрытыми головами
Шествовала Ширин, словно кипарис.

В ушах ее — серьги с камнями,
За плечи — переброшены косы в кольцах.
На печальные нарциссы наведена сурьма,
Руки, как у невесты, окрашены хной.
На голове — желтый, как солнце, шелк,
На груди — красный шелк, схожий по цвету с Нахид.
Она шла за царским паланкином, словно пьяная,
Тот, кто лицеизрел ее, терял самообладание.
Она шагала на мейдане верности ему,
20 Совершала танец за его паланкином.

И казалось, что Ширин нисколько
Не печалится из-за смерти Хосрова.
А Шируйе думал к тому же,
Что Ширин сердцем привязана к нему.
Всю дорогу луна шла, танцую,
Шла так до самой гробницы, шаха
За ней шли рабы и невольницы,
Пролывая из нарциссов ртуть (слезы).
Когда паланкин с шахом положили в гробницу,
25 Вельможи остановились лицом к лицу.

Ширин повязалась поясом перед мобедом,
Вошла в гробницу, чтобы отдать последний долг.
Она закрыла перед лодьями двери гробницы,
С кинжалом в руке направилась к паланкину.
Сняла повязку с бока Хосрова,
Поцеловала рану на боку,
И в то же самое место, где была рана,
Она вонзила в свое тело кинжал.
Теплой кровью она омыла ложе,
30 Обновила тело шаха новой раной.

Потом она сжала шаха в объятиях,
Прильнула устами к устам, плечом к плечу.
Закричала громким голосом,
И люди догадались о случившемся:
«Душа с душой и тело с телом [наши] слились,
И тело и душа избежали разлуки».
На пиру у Хосрова, светоча лучезарного,
Да будет благословенным сладостный сон Ширин.
Да простит Бог того человека,
45 Который, оказавшись в том месте, вознесет молитву:

«О боже! Не дай состариться этой земле,
Прости этих двух верных влюбленных».
Хвала Ширин и ее прекрасной смерти.
Хвала тому, как она жертвовала жизнью и брала жизнь.
В любви умирать надо так, как она,
Так надо отдавать жизнь за возлюбленного.
Не каждая женщина — трусливая баба,
А тот мужчина, что не умеет страдать — женщина.
Много прекрасных жен, которые по сути — львы-мужи,
40 Много свернутых шелков, где в складках сокрыты львы.

Поднялась пыльная буря на пути насилия,
Напала внезапно на розу и пальму.
Поднялась туча из моря скорби.
Пролила потоки от гор до гор.
Над степью разразилась буря,
И небо и земля словно смешались.
Когда великие мужи прослышали об этом
Они тут же воскликнули:
«Хвала тебе, о мир, хвала тебе, о земля!
45 Даруй же женихам именно таких невест.

Коли музыкантами стали негр и русский,
То невозможно сыграть свадьбы лучше этой».
Обоих венценосцев уложили на одни погребальные носилки,
Двери гробницы за ними крепко заперли.
Оттуда мужи вернулись опечаленные,
На той гробнице написали изречение:
«Кроме Ширин, которая покоится во прахе,
Никто не убивал себя ради другого».

ПОРИЦАНИЕ МИРУ

Не привязывайся сердцем к миру, ибо этот холодный мерзавец

Никому не бывает предан.
Если эта подлая судьба и дарует человеку что-либо,
То под конец все равно отбирает у него.
Сначала она дарует жизнь в сто черед,
А потом отбирает ее в единый миг.
Пока стоишь на ногах, ты — талисман весь в завитках,
Когда же свалишься, то ты — ничто.
Укажи мне шею, на которой не было бы аркана,
5 Под этим сводом, который ничто иное, как тюрьма-твердыня.

К этому своду невозможно взлететь,
Этот свет-обруч невозможно отстегнуть.
Как мы сможем отстегнуть этот обруч?
Если никто не отстегивал, отстегнем ли мы?
Уж лучше в этой гибельной обители праха
Будем сидеть во прахе (униженно) под гнетом судьбы.
Да заплачем по себе хотя бы раз —
Никто не заплачет о нас так жалобно, как мы сами.
Я слышал, что Платон и дни, и ночи
10 Непрестанно лил из глаз слезы, испепелявшие мир.

Спросили его о причине плача.
Он ответил: «Ничьи глаза не лили слез без причины.
Я плачу потому, что тело и душа в гармонии,
Привыкли друг к другу с давних времен.

Но они прервут свою дружбу,
И я оплакиваю день их разлуки».

* * *

15 Ты хочешь пройти путь, который длинен,
Не ходи без припасов, ибо нет на том свете припасов.
Подняться на небеса ты сможешь, только шагая ногами души,
Оставь же темницу праха для праха.

Не спрашивай: «Как можно подняться на крышу вселенной?»
Можно подняться, если сможешь преодолеть свое «я».
Спроси дерзновенно у пронизательного разума:
«Как подняться на крышу этого дворца?»
И когда получишь от разума дозволение,
Водрузи знамя над этим царским дворцом.
Пусть будет разум старцем для твоего ума и ничто иное.
Обо всем спрашивай его, а не людей.
Слово, которое исходит не от этого древнего старца
(разума),

20 Грешно, по мнению мудрецов, и вовсе не слово это.

Разум — это ноги. а твоя телесная природа — оковы на
ногах,
Дыхание, словно напильник, постепенно перепиливает оковы.
В этой золотой крепости плодоносить будет тот,
Кто разобьет на себе эти железные оковы.
Подобно этим врагам (людям), которые разлучают тебя
с другом

И стараются отстранить тебя от дела,
Не поедай с этого гумна (мира) даже просяного зернышка,
Страшись этого гумна и опасайся за себя.

25 Подобно Исе, уезжай на осле от людей,
Пусть останется под ногами волов (людей) много гумен.

Уйди от этих девяти людоедов с Быком на спине,
Нагрузи свой скарб, как и земля, на спину Быка.
Если ты даже станешь Зухрой в созвездии Тельца,
То и на этой большой куче (земле) ты — временный
житель.

Много жаждущих воды, которые в надежде [испить воду],
Соблазнились солончаком и превратились в солонину.
Много было паломников в Мекку, которые падали с верблюдов

И не могли отличить горькую тыкву от кислицы [потеряв
сознание].

30 Крепость небосвода — словно большая тюрьма,
Она опоясана вокруг драконом (Млечным путем).

Может ли быть горьким веселье того,
Кому приходится дышать рядом с драконом?
Сложи пожитки и уходи из этого мира, как ушел Бахман.
Доколь тебе быть в обществе дракона?
Хотя и нет тебе особой пользы от того, что уходишь из
этого мира,

Но в конечном итоге ты избавишься от соседства с драконом.
Зачем ты возлюбил то, что после смерти
Придется оставить самому лютому врагу?
С достоинством уйди из этого преходящего мира,
35 Иса уходит с почетом, а осел — под ударами палок.

Тебе нужен покой? Так не обижай никого,
Ибо за зло быстро воздается.
Жизнь деревьев и птиц основана
На потенции, которая заложена в силе прорастания.
Недолго живет тот, кто рубит дерево.
Ремесло доводит охотника до нищеты.
Смирись, ибо этот мир — теснина,
Натяни повод (остановись), ибо конь хромает.
Не дыши через узкую глотку,
40 Сними путы с хромающих ног.

К чему селиться в царстве,
Где на шее — оковы, а на ногах — путы?
В этой жизни, за которой скоро последует небытие,
Надо довольствоваться тем, что есть, и тем, чего нет.
Имущество, состояние, дети, жена и сила —
Все сопутствует тебе до самой могилы.
Эти путники будут идти в печали с тобой,
Но никто не сойдет вместе с тобой во прах.
Никто из твоих друзей не последует за тобой,
45 Каждый вернется своей дорогой.

И в смерти, и в жизни, во сне и в опьянении
Ты сам по себе, где бы ты ни был.
От этой горести помыслов об ограблении каравана (т. е. благ
этого мира]

Отврати повод и вознеси знамя в небеса.
Все столь несправедливо, что чем бы ты ни занялся,
Мир будет казаться тебе враждебным.
Сфера дыхания, что устремляется к небу,
Ограничена, она — от рта до пуповины.
Потому: если ты умен, покинь [этот мир].
50 Ибо сотни раз убивали сотни тех, кто лучше тебя.

Землю, которая не страшится поглощать нашу кровь,
Пусти на ветер, ибо она — сплошной прах.

ПРОПОВЕДЬ

О сердце! Не сиди в покое, ибо твои друзья уже уселись
[на коней].

Собери поклажу, они уже собрали пожитки.
Разве можно долго пробыть на этом корабле (в мире)?
Надо сбросить пожитки в море.
В этом море (мире) не переставай предаваться скорби,
Нырять вглубь и не дыши.
При всей красе, присущей человеку,
Он все равно из праха, даже если он на небе.
Земля изотрет и камень разобьет [человека].
5 Не пробудет вечно никто в этой тесной обители.

Оставь эти развалины, гулям,
Будь ангелом, не ступай впредь по этой [презренной]
земле

Храбрецы, которые пали в сражениях,
И сердце, и душу спасали от мук агонии в постели.
Мук агонии избежит тот.
Кто смирился со смертью до ее наступления
Не пребудешь [в этом мире], если даже привыкнешь к нему,
Уйди по своей воле, прежде чем умрешь [не по своей воле].
Если станешь копать лоно земли,
10 А теперь они в жалком виде под землей.
Много было тел, казавшихся железными,

То окажется, что все было прахом.
Где Джамшид, Фаридун и Заххак?

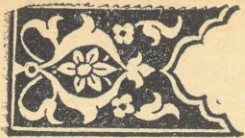
Все сошли во прах. Как прекрасен прах!
Узри сердца, что плавают в кровавых потоках праха.
Не знаю я, что это за губительное море [этот мир].
Видел ли ты явившегося сюда с литаврами на слонах,
Которому не пришел бы призыв об уходе?
Если сошел во прах сотворенный из праха, в этом нет
насилия:

15 В конечном итоге нет бытия, кроме небытия.

Подумай: как легко опьяняет мир человека!
Подумай: как радостно повергает он [человека]!
Низами! Довольно этих речей, молчи.
Что толку говорить с миром, заткнувшим уши ватой.
Доколь ты будешь жаловаться на этот мир?
Скрой свои рыдания под улыбкой.
Что дает нам земля такого, что бы снова не отобрала?
Что поднимет земля такого что бы не сбросить?
Дерево, виденное тобой цветущим, от засухи
20 Обращается в один прекрасный день в доску.

Весну [судьба] являет озарением для вселенной,
Но в один прекрасный день пускает ее на ветер.
Дает и отбирает, и стыда не знает,
Одно только и знает: давать и отбирать.
Преступления всех девяти тонких сосудов (небес)
Собери в один сосуд и ударь по нему камнем.
Быть может, тогда под пятой злобного коловращения
Будет разбит этот голубой сосуд (небо).
Отринь мир, ибо из-за пустяка
25 Этот свернувшийся клубком небосвод заставит тебя
корчиться [от страдания].

Откажись от себя, ибо эти четыре стихии
Не спасут тебя от семи железных оков.
Эта ветхая обитель — всего лишь глина и камни.
В ней руки и ноги наши увязли, как в тине.
В этом [мире] камней и глины разумный муж
Не станет соединять глину с глиной, камень — с камнем.

**МОРАЛЬ СКАЗАНИЯ
О ХОСРОВЕ И ШИРИН**

О читатель! Как и это сказание, ты — [причина] для
размышления.

Так не думай же, что ты читаешь сказку.

Прочитав наше сказание, прольют слезы,

Горькой розовой водой окропят [могилу] Ширин,

За то что она прожила так мало

И в юные годы, словно роза, была развеяна по ветру.

У нее была легкая походка, как у моего кыпчакского кумира,

Мне казалось, что она была моей Афак.

5 [Афак] была красивая, разумная, благославенная

Ее прислал мне в дар владетель Дербента.

Ее шелка были броней [ее целомудрия] и даже более
надежны, чем броня,

А платье ее было более целомудренное, чем само белье.

Она надрала уши многим головам,

Мне же она в супружеской жизни положила подушку.

Подобно тюркам, ей было привычно кочевать.

Она захватила пожитки [моего сердца], подобно тюркам.

Если и ушла моя тюрчанка из шатра тайком,

О Боже, ты сам знаешь моего [сына], рожденного от тюрчанки.

**НАСТАВЛЕНИЯ
МОЕМУ СЫНУ МУХАММЕДУ**

Узри, о семилетний сын, отрада очей,

Свое место в созвездии Стрельца.

Я тебя взрастил, но долю тебе дал Бог,

Не моим именем, пусть именем Бога тебя нарекут.

Смейся в пору новолуния (младенчества),

Ведь и мы смеялись короткое время.

Когда твое новолуние станет в глазах людей полнолунием,

То зажгут звезды во имя твоей красоты.

5 Каламом зачеркни слова, рожденные желаниями,
Вознеси знамя в знаниях, ибо они — божественны,

Живи в славе, чтобы славный разум воскликнул:
«Хвала мудрому сыну Низами!»

**О ТОМ,
КАК ХОСРОВ УВИДЕЛ ВО СНЕ
БЛАГОРОДНЕЙШЕГО ПРОРОКА**

Так повествует бодрствующий мастер слова:

«Царствие Парвиза пострадало, померкло от того,

Что в одну из ночей, светлых, как лунный свет,

Хосров увидел во сне красоту Мустафы.

Он гарцевал на арабском скакуне,

Волосы спадали цепями, словно аркан.

Приветливо сказал Хосрову: «О благородный муж!

Ступи на путь ислама, отворотись от неверия».

Хосров ответил ему: «Головы лишусь,

5 Но от религии, которой придерживаюсь, не отрекусь».

Стремительный всадник

Резко ударил его по голове плеткой.

Когда Хосров проснулся,

От головы его, словно от огня поднялся дым.

Целых три месяца проболел он со страху.

Ни одной ночи не спал от скорби и горя.

И вот однажды от горького хмеля он вышел из себя,

Сказал Ширин в покоях: «Вставай.

Пойдем в сокровищницу, в собрание камней,

10 Посмотрим на то, что рассеивает горестные мысли.

Взвесим благовония, камня, шелка —

Все, что хранится в сокровищнице.

Одарим тех, у кого нет достатка,

И тем самым украсим наши души».

Оба единомышленника направились в сокровищницу.

Ногой негде было ступить там от множества камней,

Кошелек были привязаны к кошелькам цепями,

Видимо, со времен Кей-Хосрова [собирали их].

Из сорока сокровищниц, что были его кладами,

15 Одна из десяти была на виду, девять — скрыты под землей.

Они обошли одну за другой все сокровищницы,
Осмотрели богатства, что были на виду.
Другие сокровищницы разыскали по книгам,
Потребовали от хранителей ключи.
Казначей принес ключи и книгу.
Земле стало неважно сносить тяжесть камней.
Когда шах посмотрел на сокровища, что были сокрыты,
А также запертые подземелья и ключи к ним,
Он увидел среди ключей один из чистого золота,
20 Блестевший, горевший, словно свеча.

Он стал спрашивать служителей, где вход в сокровищницу,
От которого был тот золотой ключ.
Ему показали. Он тут же
Велел рыть землю в указанном месте.
Когда с земли подняли гранитные плиты,
Глазам открылся высокий свод.
Под ним был мраморный сундук, отделанный жемчугом.
На сундуке же — тяжелый замок из золота.
По приказу шаха заглянули внутрь,
25 Вытащили все, что было за запором.

Нашли пластину-талиман из простого серебра,
На нем лежала скрижаль из золота.
На той скрижали было изображение из золота и серебра,
Золотом по серебру начертана надпись.
Позвали старца, чтобы прочитал надпись,
Изумился шаханшах смыслу прочитанного.
Когда ту надпись разобрали,
Прочитавший сделал такое сообщение:
«Шах, по имени Ардешир Бабахан,
30 Который ловкостью превосходил всех ловких мужей,

Знал тайны звезд во вселенной.
Изучал внимательно указания неба.
Изучая семь звезд, узнал,
Что в определенное время вращения небосвода
Будет знамение, согласно начертанному здесь:
В стране арабов появится счастливец,
С ласковой речью, доблестный, добродетельный.
Верный, соблюдающий клятву, правдивый в речах.
Он затмит звезды чудесами,
35 И будет этим он печатью пророков.

Он создаст государство из народов разной религии
И только его вера будет господствовать над религиями.
Царство будет принадлежать тому,
Кто последует законам его религии.
Мудрецы должны будут поверить ему,
Ибо от войны с ним — вред, от мира с ним — польза».
Шаханшах посмотрел на изображение.
Он онемел от страха, страх сковал душу и сердце.
Дословно он сказал: «Это лучезарное изображение —
40 Тот самый всадник, которого я видел во сне».

Душа его пришла в такое смятение,
Будто из его костей мозг вытек.
Спросил он гонцов, проехавших весь свет,
Кому встречался в мире этот муж.
Все сказали: «Изображение, о котором идет речь,
Которое дарит сердцу зрение, а глазам — свет,
Похоже лишь на пречистого пророка,
Благодаря которому земля в Мекке благоухает амброй,
На Мухаммеда, которого избрал Изед,
45 Уста которого — ключ к замку всего мира».

Из сокровищницы вышел огорченный Хосров.
Из-за той жемчужины (пророка) на голову ему упал камень.
Ширин увидев, что разум шаха взбаламучен,
Что шах расстроился из-за того прекрасного изображения,
Сказала шаху: «О ты, мудростью и благородством
Украшающий венец и трон Кей-Кубада.
Знай же, что не зря было написано
На этом изображении, которое скрыто было от нас.
Задолго до нас об этих событиях
50 Составили гороскоп и предсказали:

Этот пророк — обладатель счастья,
С древних времен идет благая весть [о том, что]
Он несет особое божественное знамение,
И знамение это служит подтверждением его религии.
Его путем и законом не шутят.
Перед ним не следует заноситься.
Если шах последует его религии,
То не оставит на своем пути плевел и шипов,
Избавится от божественной кары,
55 Приобщится к вечному счастью,

О нем останется слава добронравия,
И шахская власть останется в его роду.
Хосров ответил Ширин: «Правду говоришь,
Это знамение уже воздействовало,
Но религия моих предков стала той,
Какую определил Иездан.
Как мне отвергнуть путь и религию предков?
Как мне будет стыдно перед прежними шахами.
Сердцем согласен, но судьба не велит.
60 На новый путь ступит тот, к кому благоволит счастье».

В те времена, когда счастье повиновалось Хосрову,
Когда имя его гремело от Востока до Запада,
Наш пророк убедительными доказательствами
Утверждал в мире пророческую миссию,
Заставлял луну то входить в затмение,
То играть с его рубищем.
То свои тайны он рассказывал гранитным скалам,
То камни сами рассказывали ему сказания.
Его величие свергало гору.
65 Гордыню земли он развевал, словно ураган.

Перед его дарами сокровища были ничтожны,
Ветерок, исходящий от него, одаривал сокровищами.
Людям он даровал чаши призыва [к истинному пути].
В каждой стране он взывал ко всем [без разбора].
Он велел смешать благоволия своих даров,
Написать для каждого амулет от сглаза.
Для эфиопов он обновил красоту священным писанием,
Жителям Аджамы он нарисовал мушку точкой.
Когда он покончил дела с негусом,
70 На имя Хосрова написал письмо:

ПИСЬМО ПРОРОКА ХОСРОВУ

«Владыка, что является творцом бытия,
Сущность которого — неиссякаемый источник щедрости,
Древнейший, началу которого нет исхода.
Мудрец, которому нет конца.

У всякого, кто попытается познать Бога, сомкнутся уста,
Разум того, кто заикнется о нем, мигом сгорит.
Если он велит всех даже отшельников этого мира
Бросить в ад, веление его исполнится в миг.
Но он и несчастного грешника [может]
5 Отправить в рай — кого Ему страшиться?

Он владычествует без причины,
Не диво, если владыки даруют и отбирают,
Ничтожным комаром Он губит тирана,
Наделяет пророческим даром посредством червей.
Могучего Симурга лишает мощи деяний,
А какому-то мотыльку дарует сан военачальника.
Возблагодари ты Его, если способен благодарить,
Одного только Его признай [властелином].
Уста твои пусть только Его поминуют,
10 Отрекись от любой религии, кроме Его религии,

К чему бы ты ни призывал, Бог — Он,
Какого бы смысла ты не пожелал, падишах — Он.
Не говори ни о какой иной мощи, кроме мощи судьбы.
Ты — властелин, но власть принадлежит Богу.
Не могут претендовать на божественность сонмы слуг,
Божественности достоин только сам Бог.
О ты, о слабый, имя которому Хосров,
Будь ты даже Кей-Хосров и будь у тебя даже сто чаш,
Поскольку ты — тварь божья, все равно умрешь в конце
концов.

15 Разве спасешься от десницы смерти?

Кто знает, какие питает помыслы толпа,
Находящаяся в плену праха: коварные или благородные?
Если бы земное царствование было бессмертным,
То слишком многие стали бы претендовать на божественность.
Не любуйся собой, ибо у любующегося собой нет видения,
Смотри на Бога, ибо глядеть на себя — это не заслуга.
Избавься от себялюбия, ибо согласно исчислениям
Число творений очень велико.

Земля — всего лишь пылинка среди творений,
20 А обитаемая часть земли — и того меньше.

В обитаемой части земли Ирак — всего лишь частица,
А Меданн в этой частице — всего лишь один город.

В твоём городе живут люди всякого рода,
И ты — всего лишь один из них, один человек [пребывающий]
во сне.

Соразмерь посредством видения
Свои пределы и свои возможности в кругу творений.
Подумай: перед величием Аллаха
Творение — всего лишь тлен.

25 В мире, который так презренно погран,
Невозможно претендовать на сан владыки.

Признай, что у мира есть властелин,
У которого нет места и который не нуждается в месте,
Властелин, который даровал человеку сан господина,
Даровал мне сан пророка среди людей.

Откажись от поклонения огню,
Мечтай о рае шарията, перестань служить аду.
Словно павлин, наслаждайся нашим садом (исламом),
Перестань гореть в огне, словно мотылек.
У огнепоклонников храм полон дыма,

30 Всякий, ~~кто~~ поклоняется огню, — Немрод (тиран).

Ты пребываешь в огне, это мерзко,
Стань мусульманином и спасись от огня».
Когда письмо было завершено, нисец
Запечатал его именем Мухаммеда.

С резвым гонцом-сороходом
Послал то послание к Парвизу.
Когда посланец вручил письмо Хосрову,
У того от страха кровь вскипела.
Каждое слово послания

35 Приводило его в оцепенение, словно он принимал опиум.

От острой боли каждый волосок на теле колот, как острие
копья,

От жара кровь в жилах пылала, как вулкан.
Увидев лучезарный унван послания,
Он стал подобен укушенному бешеной собакой, которая
видит воду.

Он увидел черные устрашающие письма —
Увидел написанное: «От Мухаммеда Парвизу».
Гордыня падишахов не дала ему стать на истинный путь.
[он подумал]:

«Кто дерзнет [так писать] такому шаху, как я?»

40 Кто смеет при всем моем величии
Написать свое имя выше моего имени?»

Лицо его побагревело, как капли огня,
От гнева — замыслил зло и совершил зло.
Он разорвал послание, гнувшее шею [мужам],
Не послание [разорвал], а собственную славу.
Когда посланец узрел его гнев,
Поднялся, чтобы вернуться [назад].
Он сообщил светочу сведущих мужей (Мухаммеду)

45 Об огне, который исторг пустой дым.
От гнева великий светоч (Мухаммед)
Вознес молитву [быструю], как мотылек.

Великий вред был от той молитвы Ирану,
Венец скатился с головы Хосрова.
Чудесной силой шарията Мустафы
Его царство восстало против него.

Небо ниспровергло его трон,
Сын занес меч чтобы убить его.
С небосвода неожиданно раздался гром,
В его дворце обвалился свод.

50 На Тигре наведен был железный мост,
Случился паводок, и мост снесло.

Налетел самум огненный,
Ни Гульгун не остался в конюшне, ни Шабдиз.
Его войско было разбито в бою при Зикаре,
Его орел был заклеван голубем.

К нему вошел некий муж с палкой в руке,
И в ярости сломал палку,
Сказав Хосрову: «Я — та несокрушимая рука,
Которая с презреньем сокрушила твою религию».

55 В ту счастливую пору чудодейственным даром пророка
Совершалось много подобных назидательных событий.

Посмотри на тех, у кого каменные сердца и которые
Не веруют в божественное споспешествование хотя знают
о нем.

Хотя свеча религии и не дымит
И, подобно глазу слепца, не приносит [мирской] пользы,
Божественное провидение показало им чудеса,

Но тем не менее они лишились божественного
покровительства.

Хвала пророку, который в опасениях и надеждах
Превзошел Фаридуна и Джамшида.

60 Хвала великому мужу, от страха перед венцом которого
Каждая шея носит ошейник податей ему.

Хвала воину, который владычествует над семьей дружинами
(всем миром),

Который кормит людей от Рыбы до Луны.

Хвала той полной луне, которая поконится во прахе,

Которая озарила светом весь мир от земли до неба.

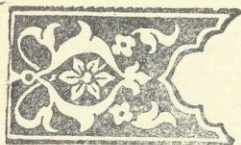
Хвала знатному всаднику, от праха под ногами которого
Все творения получают дар видения.

Хвала предводителю вождей сокровенного

Тому, кому до Судного дня будет служить слово,

Ради которого на земле в день пять раз бьет в барабан
стража,

Чей трон по ночам возносятся к небу.

ВОСХОЖДЕНИЕ ПРОРОКА НА НЕБО

Однажды ночью, пренебрегши бренной обителью,

Поконился Мухаммед в комнате Умм Хани.

К нему прибыл из процветающего дома (рая) Джебраил,

Привел молниеносного Бурака из [царства] света,

Он был прекрасен, подобен саду —

Голова его не знала узды, а круп — клейма.

Не туча — нечто блистательнее тучи нейсана,

Не ветер — нечто быстрее ветра в саду.

Словно в море, в седле его были жемчуга,

5 Даже в помыслах человек не садился на него.

С мощной спиной, тяжелыми подковами. быстрый на подъем,

Взором острый, мгновенный в скачке,

Узкоглазый посланец семи небесных чертогов (т. е.

Джебраил)

Прибыл к шаханшаху (Мухаммеду) с тем конем.

Словно птица, взлетел пророк в Медине,

В конечном итоге прибыл в Масджид ал-Акса.
Хотел он сделать прежних пророков своей кыблой,
Но он превосходил их, и они последовали за ним.
Став предводителем пророков,

10 Он ступил на путь к величественному властелину.

Словно мысль мудрецов, пророк вышел

Из голубого шатра ангелов в зеленых одеяниях.

Из пучины небес, словно райский ветерок,

К берегам небесного полюса он привел свой корабль.

Он разверз сердце неба в созвездии Скорпиона,

Положил руку на чело созвездия Льва.

Млечный путь бросал солому его Бураку,

Колос созвездия Близнецов рассыпался от любви к нему.

Созвездие Стрельца он сделал стражем сокровищницы
[счастья],

15 Созвездия Весов велел взвешивать счастье.

Он закрыл лоно матерям мира,

Взнесся выше Большой и Малой Медведиц.

С высоты он даровал венец Юпитеру,

Своим блеском затмил блеск Солнца.

Чтобы отогнать назойливых [шейтанов], пытавшихся
взобраться на небо,

Он дал из своего колчана стрелу созвездия Близнецов.

Подобно Юсуфу, он напился воды в созвездии Водолея,

Подобно Юнусу, сделал остановку в созвездии Рыб.

Плеяды у стремени его были в смущении,

20 Обвязавшись портупей, чтобы стать начальником стражи
[для него].

Под ним рассыпал перья Альтаир,

И отстал от него, словно созвездие Лиры,

На глаза он наложил печать: «не захотел глаз».

И не стал смотреть на переливы базиликов небесного сада.

Покинув голубой мейдан,

Он простер стремяна над просторами.

Увидев его в полете, зеленый павлин (небо)

В быстром беге сбросил и крылья, и перья.

Когда от его стремени отстал Джебраил,

25 Он натянул повод и пролетел мимо Микаила.

Подлетел Исафил, усадил его на крыло и

Доставил в свое парчовое жилище.

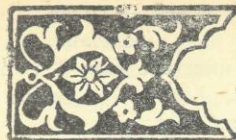
Оттуда он перенес знамя к дереву Туба,
А потом полетел к Небесному Лотосу.
Скрижаль за скрижалю он читал листы [небесной книги].
Гнал коня своего от одной пустыни к другой.
Он проскакал небесные просторы,
И навстречу ему показалась вершина небесного Трона.
Он погнал коня за пределы обоих миров,
30 Водрузил знамя на расстоянии двух луков от небесного Трона.

Вечность, сняв покрывало, обнажила свой лик,
Сняла завесу (раскрыла тайны), обнажила все сущности.
Локоны на лбу шести направлений он разметал,
Пространству набросил покрывало на лицо.
Мухаммед находился в пространстве без пространства,
Появились приметы бесприметности.
Он услышал божественное слово без посредника,
Владыку вселенной увидел без направлений.
Его тело заплясало всеми своими частями,
35 Его сердце стало смотреть всеми глазами.

Лицезрея, он все более изумлялся,
И сердцем, и глазами он смотрел.
Раздался глас: «О желанный для чертога!
Проси, что тебе хочется».
Пророк был обителем благородства, не ведал жадности,
И без раздумья попросил дары из сокровищницы
милосердия,

Воздав молитву за грашников своей религии,
Бог исполнил все его просьбы.
Облачившись в халат божественного благоволения,
40 Он вернулся назад с сокровищами очищения [от скверны].

Он унесся туда розой, вернулся же драгоценным кипарисом.
Он унесся туда молодым месяцем, а вернулся полной луной.
Для людей [своей религии] он принес радостную весть,
Принес грамоту об освобождении от ада.
Да будет хвала от нас непрестанно
Душе такого прекрасного человека, как он.

НАСТАВЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

Берегись, о Низами! Берегись! Покуда ты жив,
Хочу, чтобы ты был распростершимся (скромным).
Взгляни на жемчужину, возвращенную морем,
Как она возвысилась, после того, как была в глубинах
[моря].

Подобно зерну, возвысьйся, если упадешь вниз.
Не возносись, как колос, не то свалишься с ног.
Будь смирен, ибо нрав у неба крутой,
Благородно ступай, ибо ноги жизни медлительны.
Если воздух загрязнен, то примиришь с пылью.
5 Если нет зелья, то привыкай к боли.

Лекарь этого мира — фокусник,
Как обманщик, облачается в десяток одеяний.
То ужалит жалом, уверяя, что это зелье,
То даст кислоту, уверяя, что она умеряет желчь.
Чтобы избавить от головной боли, дырявит ухо,
Его канарская драцена — это кровь Сиявуша.
От его бальзамов не заживают раны,
От его зелий не излечиваются больные.
В колыбели мира ты, словно дитя, соси свой палец,
10 Пусть кровь твоя будет тебе и медом, и молоком.

Учись быть довольным у инжира,
Который сам себя и дитя, и грудь, и инжир.
На этом ристалище, подобном проигрышной шахматной
доске,

Наименьшая потеря — мат меж двух ладей.
И всего печальнее то, что в опасной ситуации
Нашей ладье противостоят ладья праха (смерть).
К чему ты кружишь с оковами на ногах в этой палатке?
Ослабь чуть-чуть узел у себя на шее.
Вынь ногу из этих тонких сапог,
15 Ибо хромаешь из-за тесной обуви.

Ступай. А когда же пойдешь и достигнешь цели,
Считай, что и не видел ты этой деревни (мира).

Если и выпала тебе радость, то вместе с ней — сотня
бедствий.

Если выпадал тебе лепесток розы, то вместе с ним — сотня
шипов.

Юность твоя прошла в горестях и бедах,
Жизнь твоя — желчь и страдания.
Пока живем, мы страдаем от нашей жизни,
Ибо находимся в одном мешке с кровожадными волками.
Когда же умираем, то в отчаянии и горе
20 Приходится от волков идти к червям [в могиле].

Из Гургана в Кирман путь не малый,
А от нас до смерти расстояние — меньше волоска.
Есть у нас головы, но они опозорены,
И мы сидим, уткнув с горя голову в колени.
Голове, которая страшится палача,
Следует лежать на коленях [скорбеть].
Представь страну, куда надлежит отправиться.
Не страна эта, а темница и яма.
25 Когда мы страдаем от жары, сильной, как огонь,
Мы охлаждаем себя ледяной водой.

Когда же лед тонок, как волосок, мы линяем
И облачаемся в одежды из шкур зверей.
Сколько можно пройти на наших ногах?
Куда можно долететь на наших крыльях?
И несмотря на это, мы насильничаем во всем.
Хвала горстке немощных насильников!
Тот, кто повредил хотя бы крылышко муравья,
Сам испытает насилie [со стороны] змеи.
30 Я сам видел своими глазами на дороге,
Как воробей поймал муравья.

Но клюв его не успел склевать муравья,
Как налетела хищная птица и покончила с воробьем.
Если ты совершил зло, остерегайся беды,
Ибо возмездие заложено в природе.
Небо — зеркало правосудия и потому
Накажет тебя тем, что содеял ты сам.
Тот, кто свершив зло, стал громко кричать об этом в мире,
Не против другого свершил он зло, а против себя.
35 Разве ты не слышал от людей этой обители:
Тот, кто вырыл яму, сам в нее угодит.

Дворец творения — это не шутка,
И небо и земля не обделены правосудием.
В каждом камне, из моря ли он или россыпи,
Сокрыты жемчужина или яхонт.
Каждый, кто подобно Исе, обладает тутией разума,
Из разных корней создает зелья,
Если незрячи наши глаза, взирающие на назидательный
пример,
Сможем ли мы отличить розу от простой травы?
Допустим, что ты — москательщик (хозяин) бытия,
40 Но ведь и ты сгоришь, если ты даже алоэ.

Если даже ты овладел наукой Галена,
Все равно умрешь, как и Гален, когда придет смерть.
Поскольку в конце концов надлежит умереть в жалком
состоянии,
То нет разницы между Платоном и простым курдом.
Уж лучше нам запомнить изречение:
До смерти бывает другая смерть.
Освободился от страданий тот, кто пренебрег [этим миром].
Именно так спасся попугай избавившись от клетки.
Если даже будешь верен в дружбе, как Юсуф, этому
старому волку
45 Облачившемуся в дерюгу, поклявшемуся сотню раз,

Все равно он так положит на быка твою поклажу,
Что ты одним глазом будешь плакать, а другим смеяться.
Неужели ты думаешь, что в такой трудной поездке
Могут навеки сохраниться этот сгусток крови и горсть
костей?
Доколе ты будешь лить воду в этот сосуд?
Доколе ты будешь просеивать прах через эту решетку?
В конечном итоге придет конец
В девяти кухнях (небесах) и этому большому котлу (миру).
50 Когда всему настанет исход
И из-за завесы тебе покажут тайны,

Даже пылинки не увидишь в этом видимом мире,
Кроме пыли на той оболочке, в центре которой находишься.
Отсюда захвати продукты, ибо там нет фуража,
Здесь ищи припасы, ибо там ничего нет, кроме раковины.
В этих черных сокровенных раковинах
Ты найдешь много жемчужин-смыслов,

Ты увидишь невиданные ранее пленительные картины,
Найдешь новые и ласкающие мелодии.
Старые мастера произнесли пречистые слова,
55 Нет — не слова, они нанизали жемчужины.

Но старые слова — словно напоявшие старухи —
Если и встретишь среди них Зала, знай это редкость,
как Анка.

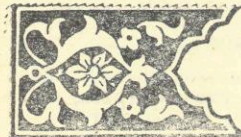
От течения времени и под воздействием пыли
Желтеют (т. е. становятся болезненными) щеки жемчужины.
Я не скажу, что старое золото ценится ниже нового,
Но монеты времен Дакиянуса не стоят и ячменного
зернышка.

Минуло пятьсот семьдесят шесть лет,
Но еще никто не рисовал подобной мушки на лице красавиц.
Когда я узнал, что в каждой стране
60 Есть дева, любящая меня,

Я разорвал от страданий свой амулет на кусочки
И к каждой частице привязал один бейт.
Чтобы тот, кто хочет видеть меня,
Увидел бы частицу моей души.
Если я — душа, скрытая за завесой, мое тело — моя книга,
Если я стал Юсуфом, то рубашка моя — опять же книга.
Эта дева (книга) не облачится в глину (не умрет).
Если и облачится для глаза, не облачится для сердца.
Во что бы ни облачилась, она видима нам,
65 Если позовешь Хызра, он тут же явится.

Когда станешь читать эту поэму,
Зримо увидишь Низами в его словах.
Да разве скроется от тебя творец красоты,
Который в каждом бейте открывает тебе новые тайны?
Если спустя сто лет, ты спросишь: «Где он?»,
Из каждого бейта раздастся глас: «Вот он».
Я уподобился шелковичному червю, написав книгу,
Я дарю шелк, отрывая листок.
Да буду проклят я, если выпью хотя бы глоток запретной
воды,
70 А дозволенной воды ни глоточка я не пронесу мимо своего
рта.
Я не засыпаю ночью, пока не пересчитаю свои сокровища,
У россыпей моих сокровищ нет запоров.

Я — благодатная земля для приложения труда,
Из одного ячменного зернышка я взращу целое сокровище.
Если перед севом я поем горсточку чьих-либо зерен,
То во время жатвы верну целое гумно.
Хвала, более тысячи похвал той земле,
Которая, проглотив горсточку, порождает целое сокровище.

ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

Тот, кто станет завидовать Низами,
Пусть видит, как дышат без вдохов, плачут без слез.
Приди, посмотри, как я копаю по ночам рудник.
Не рудник я рою, а расстаюсь с жизнью.
Каждой жемчужиной, которая вылетает из моих уст,
Я сражаюсь грудь к груди [со злом].
Великим огнем сжигаю я мозг,
Ловлю по ночам самоцветы (вершу великие дела)
И отправляю их, чтобы весовщики шаха
5 Послали бы мне несколько ячменных зернышек.

О боже! Придирчивые люди сидят в засаде,
Даруй же мне крепость, где бы мне скрыться от них со
своими речениями.
Речи всегда содержат добрые или злые слова,
Каждый хочет, чтобы были лишь добрые, но это не всегда
удается.

Однако наделенный способностью понимать смысл,
Знает, что мой стих имеет свой стиль.
Если ты лев, то не кидайся на скитальца:
Со скитальцем враждуют только собаки.
Много мужей отрицавших [мой талант], нападали [на меня]
с мечом,

10 Ударяли меня мечом. но гасили свою свечу.

Много уст умолкло передо мной,
А ведь рты простирались до самых ушей.
Они приходили ко мне с претензиями на дар Исы,
А на деле оказывались ослими.
Не страшусь я укоров тех, кто создан из праха и воды,

Поскольку у меня золотая броня от небес.
Хотя каждая звезда зажигала свечу от меня,
Никто не учился у меня быть солнцем.
Встречая на своем пути какую-нибудь пылинку,
15 Я сотней рук возносил ее высоко.

Если простой камень прикасался устами к моему кубку,
Он становился жемчужиной, словно прикасался к алмазу.
Взгляни на мое терпение: коня моего раба
Я веду за повод, словно гулям-тюрок.
То я настраиваю саз у того, кто лишен умения играть,
То жалкого воробья нарекаю соколом.
В [мерзком] вороне вижу только [красивые глаза],
Каждой образине я говорю только приятное.
20 Одним ухом я вбираю чашу мерзостей,
Другим — выслушиваю приятное.

И я искусно берегу свой светильник
В урагане подобных слов.
В любой стране, где зажигают светильник [жизни],
В лампаду наливают масло из сосуда [чтобы он горел],
А в нашей стране, если даже зажжен амбровый светильник,
На него направляют холодный камфарный ветер [чтобы
погасить его].
Дашь сахар — а возвращают яд,
За тонкую мысль приходится слышать брань.
Я из своей полы, словно море, сыплю жемчуга (прекрасные
слова),

25 А мой карман полон камней укоров —
Этим они все равно что бросают в море комки глины.
Не бросайся же комками, а обрети жемчуг (мои слова).
Уста людей сладки благодаря моим устам,
У меня же во рту горько, как от смертельного яда.
Я шагаю, как вол, работающий на мельнице:
Рассыпаю повсюду зерна и ищу зерна для себя.
Подобен я молнии, которая весело смеется:
Тонет в воде (дожде) и сгорает в огне.
О сердце! Разве ты — не клад? Почему же жалуешься
на змей?

30 Ведь на клade всегда сидит змея.
Если павлин покидает рай,
То змеи станут сторожить врата, заняв место кольца.

Змеи станут рассыпать нисаром перед павлином свои
аммониты,

Ибо они — одного хозяина слуги.
Это пленительное изображение (мир) — помесь:
Отец — индеец, мать — игривая тюрчанка.
Это медь, покрытая свинцом (подделка).
Нет, ошибся я, это — клад и дракон (т. е. надо остерегаться
соблазнов),

35 Это — жемчужина, покоящаяся в голубом море,
Светильник, поставленный на кресте.
Ты извлеки жемчуг и оставь в покое море,
Отдели светильник от алтаря христианина.
Ты не смотри на то, что в книге говорится о капищах огня,
Ты смотри на слова, которые замешаны на крови.
Избери себе невесту с венцом, сидящую на троне,
С головы до пят верную единобожию и восхождению
пророка на небо.

**ТОГРУЛ-ШАХ
ПРИГЛАШАЕТ НИЗАМИ В ГОСТИ**

Когда пленящие мысли моей головы
Освободили меня от колдовских чар этой куклы (т. е. поэмы),
Каждый ум поздравил меня
И я вспомнил поговорку: «Путь разума един».
Этот паланкин (поэму), в котором за завесой скрывается луна,
Да что там луна, скажем прямо — солнце,
Купили с большой охотой
И вознесли до самого небосвода.
Понаобещали мне столько добра, имущества,
5 Что и поверить невозможно было:

Много тюков китайской парчи,
Которой не коснулась пыль, кроме мускуса;
А также хорасанских, хутталанских коней,
В золотой сбруе, царственных поводьях.
Из шахских богатств мне обещали
Гулямов пять, невольниц десять.
Но посмотри: не выполнили обещания!
Столько пало коней, столько вьюков пропало! —

Поскольку покупатель [поэмы] сложил пожитки [в этом мире],

10 Оставил ниву не сжатой,

Я горько сожалел, стеная,
Подняв над головой словно свечу, меч из вздохов.
И вдруг ко мне прибыл посланец с письмом,
Торопливо передал мне привет и сел со словами:
«Соверши поездку в тридцать дней,
Шах с войском прибыл — он в тридцати фарсангах отсюда.
Он хочет принять тебя на несколько дней.
Не упускай такого благоприятного случая».
И еще сказал: «Вот послание шаха.
15 Это и путеводитель тебе и амулет в пути».

Шахское веление я приложил к голове,
Поцеловал в трех местах, раскрыл.
Я почтительно прочитал шахское веление,
Понял, что мой ключ — из железа, а железо — из руды.
Я поднялся с места, чтобы служить шаху,
Вскочил на спину коня,
И поспешно поскакал в степь,
Гарцуя на коне по горам и долам.
На скажу я обгонял онагров,
20 Летел я, обгоняя птиц.

Не мог насытиться путевой пляской,
А конь подо мной плясал резвее меня.
Всю дорогу, словно калам, сгибался я в поклоне,
Всю дорогу я ехал и бил челом о землю, словно циркуль.
На каждой остановке в пути,
Я вожду слышал молитву во здравие шаха.
У каждого родника, где пил свежую воду,
Я вновь возносил молитву за шаха.
Ветерок счастья от каждой горы и ручья
25 Приносил мне весточку о благоволении шаха.

От мускусного благоухания его величия земля
На каждом шагу благоухала свежей амброй.
Когда завершились тяготы пути,
Я поцеловал прах у порога шаха.
Гонец вошел и известил шаха,
О том, что ручеек притек к морю.

Из дворца вышел главный хаджиб,
Передал от моря (шаха) жемчужины ныряльщику (Низами).
30 Меня повели на шахское пиршество,
Словно Меркурий повели к Луне.

Шах восседал, подобный блистающему солнцу,
С венцом Кей-Кубада на троне Джамшида.
Небо, целуя прах перед ним, жаждало воды,
Луна была пронзена кинжалом начальника его стражи,
Величие фарра его венца
Облачило в траур [от зависти] Кейван.
Его вассалы от Саксина до Самарканда
Стояли во дворце, неся свой черед службы.
Врата его были открыты подателям со всей державы,
35 Всюду стояли навьюченные верблюды.

Волны (ткани) цвета индиго бушевали, как море,
А посередине были жемчуга и наханг.
Над троном возвышался венец Кызыл-шаха,
Венец счастья возложил он на трон.
На райском пиршестве — райские яства,
Лужайка была полна маленькими бассейнами с вином.
Его щедрая десница одаряла всех дарами,
То целый город дарил, то доходы с города.
Мечи узкоглазых стражников
40 Даже Кадархану не позволяли войти без дозволения.

Звуки органа и напевы чанга
Восходили до самой обители Зухры.
Музыканты зазвенели своими шелковыми струнами,
Те, кто облачился в шелка, разорвали одеяния [от восторга].
Мелодии, разные по своим ладам,
Все едино ласкали души слушателей.
Газели (красавицы) исполняли стихи Низами,
И бальзамом ложились они на раненные души музыкантов.
Виночерпии держали [чаши] с вином на ладони,
45 Шаханшах пил вино, а пьянел его недруг.

Когда сообщили, что прибыл Низами,
К его радости прибавилось еще больше веселия.
Он оказал уважение моей набожности,
Не так уважил, как уважают показных отшельников.
Он приказал убрать вино с пиршества,

Обойтись со мной ласково.

Он приказал виночерпиям служить мне,
Музыкантов отпустил довольными после челобития.
Повелел: «Сегодня до самого вечера
Предпочтем Низами музыке и вину.

50

Звуки его стихов приятнее звуков чанга,
Его речи — сплошной напев.
Раз прибыл Хызр, перестанем пить вино,
Чтобы обрести от Хызра воду жизни».
Потом пришел главный хаджиб и сказал:
«Войди, друг знания и единственный в своем роде».
Я вошел внутрь, дрожа, как ивовый лист,
Словно пылинка, которая стремится к солнцу.
Неся голову на собственной шее [чтобы принести в жертву].
Опустил ее, вытянув шею,

55

Чтобы поцеловать ему ноги, словно прах,
Но вдруг вижу, что он поднялся, словно небо, высоко.
Он великодушно заключил меня в объятия,
Отнесся так, как Сулейман отнесся к муравью.
От его величия я пришел в волнение,
Словно я обнял оба мира.
В служении ему я как бы превратился в изображение
(остолбенел),

Его счастье велело мне сесть, и я сел.
Когда его величество соизволил велеть, я заговорил,
Сказал слова, которые одобрил его величество.

60

Если б Забани услышал шутки, которые понравились Ризвану,
То засмеялся бы.
Наставления, которые нужны шахам,
Мудрости, которые открывают двери.
Много смешных и приятных историй
Поведал я им, смешав с сахаром.
То я заставлял их плакать, как плачет туча,
То заставлял смеяться, как [смеется] роза.
Я рассказывал, а шах восклицал: «Хвала тебе!»
Разум просыпался, а невежество погружалось в сон.

65

От моих мелодий виночерпии теряли разум,
Музыканты забывали о своих мелодиях.
Вошел рави и стал читать панегирик,

Подобный жемчужине, и вскоре ковер наполнялся
брошенными дарами.

Когда властелин слушал мой рассказ,
Он словно набивал сластями свой рот.
Когда рассказ дошел до лучших мест,
Когда стали читать повествование о Хосрове и Ширин,
Шаханшах положил мне руку на плечо,
Похвалив, вдел мне в ухо серьгу.

70

Из благоволения он рассыпал сахар (приятные слова),
Говорил о повествовании о Хосрове и Ширин.
Сказал: «Ты зложил основу, украшенную жемчугами,
Ты этим творением воздал слову по справедливости,
Ты рассказал бесчисленное множество историй,
Как бы обновил нас этим повествованием.
Деву (эту поэму) такую живую
Для которой покрывало Ширин было паланкином,
Ты предоставил нам для наслаждения.
Чем же тебя отблагодарить за ее локоны и мушки?»

75

И я, и брат мой обязаны
Уплатить тебе достояние, дозволенное, как молоко матерн,
Брат мой, что был шаханшахом мира,
Что был для мира и царем, и пахлаваном,
Что дал тебе в награду из каменье и сокровищ
За эту книгу, над которой ты долго трудился?
Я слышал, что он решил освободить тебя от нужды,
Велел даровать тебе в удел две деревни.
Так как же: даровали тебе те деревни?
Прислали тебе рескрипт на деревни или нет?

80

Когда я узнал, что тот, кто щедр, как море,
Хочет — устроить дела купца (т. е. Низами),
Хочет благоустроить разоренную деревню,
Хочет освободить [Низами], попавшего в затруднение,
Я вновь вознес за него молитвы, подобающие его счастью,
И счел подножие его трона каменьями.
Когда я вознес молитвы за счастье шаха,
Я сообщил ему о проделках небосвода, сказал:
«Я с самого начала стал нанизывать яхонт
В этот инкрустированный венец не ради корысти.

85

Моя цель при написании этой сладостной повести
Была восславить властелинов.

Поскольку уста мои изрекли славу Хосрову,
То стану ли я взывать к чарам Шакар и Ширин?
Да, счастливый шах из своих владений
Даровал мне уже то, что о чем ты говорил.
Когда море его жизни двинуло корабль,
Не только мне, но всему миру нанесен убыток.
Но поскольку жив такой шах, как ты,
А также мироукрашающие царевичи,

90

Вторично мой базар будет в разгаре
От тех многообещающих слов». —
Одобрчл мои славословия и похвалы шах,
Благодаря искренности, которую питало мое сердце к нему.
Когда он убедился в том, что похвала моя искренняя,
Он подарил мне деревню Хамдуниян.
Он даровал мне скрепленную печатью бумагу о владении,
Сопровождаемую также печатью Кызыл-шаха с припиской:
«Вся деревня подарена целиком
Нами Низами от потомка к потомку.

95

Даровал ему я в свободное владение без уплаты податей,
Освобождено оно от податей до Судного дня.
Тот, кто будет сомневаться в справедливости этого,
Он враг мне, пусть Бог будет ему судьей.
Если какой-либо скупец станет укорять его,
Кроме страха, да не будет он ничего знать.
Да будет он проклят во веки веков,
Да будут его потомки мишенью для проклятий». —
Когда у того, чьи дела были в упадке, дела пошли на лад,
[Шах] велел открыть двери казны и укрепил

100

Мой дух божественным споспешествованием,
А мое тело — шахским халатом.
После того, как он соизволил дать мне рескрипт,
Разрешил мне вернуться туда, где я поклонялся Богу.
Я отправился к шаху с благословенным счастьем,
Вернулся от него с троном Махмуда [Газневида].
Я отправился к нему так, как отправляются паломники в
Мекку,
Возвратился от него так, как возвратился пророк из
восхождения на небо.
Однажды завистник из числа тех, кого ты знаешь,
Который является тайным карманным вором,

105

370

Хоть обликом он и Юсуф, но слова его были как
кровожадный волк,

В миндальную халву подкладывая алмаз,
Сказал мне: «Мир не воздал тебе по заслугам.
За что же ты так усердно благодаришь судьбу?
Разве невесте, у которой небо целует ноги,
Дают в виде калыма разоренную деревню?
Деревню и какую деревню? Как печь для обжига извести.
А в длину и в ширину — всего полфарсанга.
Не приносит доходов, одни только расходы из твоего
кармана,

110

А окраинные земли ее обрабатывают абхазцы».

Я дал такой ответ своему завистнику:
«Того, кто благодарен за дар, не считай неблагодарным.
Почему, переодетый разбойник, тебе следует
Ходить в ту разоренную деревню, как лунному свету (т. е.
ночью).

Прочитай благодарственную мою хвалу, узнай, что такое
Хамдуниян.

Одна такая благодарность стоит двадцати деревень.
Если увидишь ты в той деревне волов и ниву,
То в моей хвале увидишь целый рай в каждом байте.
Если там колосья полны зерен,

115

То я принесу целыми пригоршнями жемчуга.

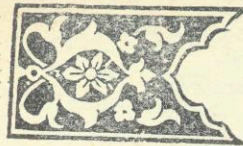
Если там вода — от щедрот Евфрата,
То от щедрости моих уст течет вода жизни.
Если там имеется в вечном владении чаща леса,
То у меня сотни чащ кхмерского алоэ.
Моя благодарность не во имя даров,
А за то, что эта деревня — честный заработок.
Если эта деревня разоряется,
То довольно счастья шаха в качестве благоустройства.
Одна жемчужина ценнее харвара простых раковин,
Немного пресной воды лучше целого потопа [соленой].

120

Шах вселенной собирался подарить не эту деревню,
А целых десять, поскольку я заслуживал того.
Но когда царь убедился в том, что я удовлетворен,
Он подарил это именованное согласно моей просьбе.
Поскольку я удовлетворен и даритель рад,
То ты поскорее кончай свою болтовню».

24*

371

ОПЛАКИВАНИЕ
СМЕРТИ ШАМС АД-ДИНА
МУХАММЕДА ДЖАХАН-ПАХЛАВАНА

Что я говорил? Куда велела речь нести носилки?
Куда я шел? Где остались мои пожитки?
Когда шах обрел свой черед власти,
Он вымыл в стране пыль смуты.
Его величие подняло до небес владычество,
От его власти семь икlimов разбились вдребзги.
Звуки его барабанов разносились на две мили,
Кто мог знать, что это — звуки об его уходе [из этого мира].
Гром литавров, казалось, длился два месяца,
5 Кто мог подумать, что шах собирается уйти [из этого мира].

На престоле он мало знал покоя,
Рождение и смерть его — словно молния сверкнула.
Он не вкусил плода из сада юности,
Как и Зулкарнайн, не вкусил воды жизни.
Он погиб от раны, нанесенной недругом.
Да будет возмездие [недругу] в том мире большее, чем
рана.

Из этой развалюхи (мира) он унес в небо треножник,
Преодолея ступень праха и воды.
Если он отправился в страну основной субстанции,
10 Да пребудут долго его потомки [в этом мире].

Если для него кормильцем стала божественная щедрость,
Да будет мир вечно во власти его наследников.
Хотя прах даровал ему носилки,
Да не будет знать ущерба тот, кто сменил его на троне.
Хотя он и лишился венца, да будет ему венцом довольство
[Бога им].

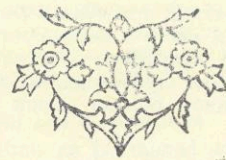
Да будут вечны головы оставшихся венценосцев.
Да живет вечно наследник шахских владений,
К которому обращены молитвы доброжелателей,
Поддерживаемый [Богом] Нусратадин, от которого
15 Творение обретает свет для видения,

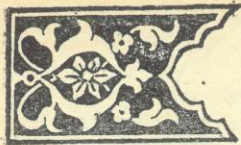
Он — опора царей, великий атабек.
Подобный Фаридуну. Да будет благословен для мира

Абу Бакр Мухаммед, который своей справедливостью
Радует Абу Бакра и Мухаммеда.
Царствуя, он дарит венцы венценосцам,
По своему счастью он — память о государях.
Благодаря его мудрости семь звезд сладостно смеются,
Девять небесных сфер препоясались служить ему.
Звезды — подножие его высокого трона,
20 Небо целует копыта его коня.

Его трон при завоевании им стран да будет
Рескриптом о господстве над странами.
Миру во веки веков да будет он властелином,
Да исполнится все то, что он пожелает.
Счастье да сопутствует ему в удачах.
Жизнь да будет помогать его счастью.
Я речь свою завершил словами о счастье,
Когда листы дошли до этих мест, я свернул их.
О Боже! Все погрешности, что случились,
25 Прости мне по великодушию, ибо ты милосерден.

Да будет радоваться душа того,
Кто скажет: «Да обретет милосердие Низами».

ПРИМЕЧАНИЯ¹

Начало книги

Б. 5. *Ты давидовым искусством...* Согласно мусульманским представлениям, Давуд (библейский царь Давид) обладал прекрасным голосом и своим пением доставлял радость слушателям. Речь идет, конечно о псалмах Давида, написанных в восхваление бога.

Б. 7. *Да так, чтобы внимающий разум осчастливился,
И земля от ее мускуса превращалась в Халлух.*

Мускус — ароматическое вещество черного цвета; Халлух — город в Туркестане, жители которого славились белизной кожи. Поэт хочет, чтобы при чтении его поэмы и разум и весь мир просветлели.

В восхваление единства божия

Б. 17. *Зрение узрело лишь тогда, когда оставило узоры
собственного бытия.*

Лишь тогда, когда была убрана завеса перед ним.

Т. е. зрящий лишь тогда сможет увидеть бога, когда освободится от своего бренного тела. Бытие есть та завеса, которая застилает взор человека, стремящегося узреть своего творца.

Б. 20. *Ты разорви себя на сто частей, как роза в саду,
Ибо с таким клеймом невозможно остаться неврежденным.*

Т. е. ты, как бутон розы, разорви себя на много частей, ибо на тебе клеймо единства божия, бренное тело должно распасться и сгнуться, и тогда душа вернется к единому богу.

Б. 21. *Ты явился оттуда, примчался сюда, но
Пройдешь эти места и вновь достигнешь тех.*

Обращение поэта к человеку: ты явился из горного сада, снизошел на грешную землю. Проведешь некоторое время тут на земле и вновь при праведном образе жизни возвратишься в райский сад.

Б. 31. *Шесть сторон [хомутом] он надел на шею пространства
И четыре жемчужины вручил земле (миру).*

Шесть сторон — весь физический мир в принятых в древности шести измерениях. Четыре элемента — огонь, вода, земля и воздух.

Б. 43. *Всю землю он перемерит, но она и на волосок не
изменится,*

Пройдет ураганом, но все запахи останутся.

В бейте говорится о бескорыстии бога при сотворении мира. Сотворение мира и всего сущего указывает, по религиозному учению, на необъятную божественную щедрость.

¹ В примечаниях использованы примечания к поэме «Хосров и Ширин», составленные Е. Э. Бертельсом и Вахимом Дастигирди.

В разъяснение прямого постижения и познания разумом

Б. 1. *Знаешь ли ты, странники небесных сфер (звезды)
Отчего вращаются вокруг сердцевины земли?*

Согласно средневековым представлениям об устройстве мироздания, земля считалась центром вселенной, вокруг которой вращались семь или девять сфер, с расположенными в них планетами.

Б. 11. *Ты питай любовь к идолам, как Ибрахим,
Но при этом — очисти храм от идолов.*

Порок Ибрахим (библ. Авраам) — вначале поклонялся идолам, которых делал его родитель Азер. Уверовав в Аллаха, он разбил всех идолов и в силу этого стал называться «другом» (халил) Аллаха. Обращаясь к себе, поэт восклицает, что надо очистить храм (здесь — сердце) от идолов, преграждающих путь к всевышнему.

Б. 13. *...между Луной и рыбой.* По представлениям древних, земля якобы держалась на огромной рыбе (на ките); здесь имеется в виду, все что находится между землей и небом.

Б. 15. *И одежду разума в цвет индиго выскрась.* Индиго — краска ярко-синего цвета, который на Востоке символизировал траур.

Б. 27. *Ни от движений бровей не явится новый свиток,
Ни от движения ногтей не сошется новая одежда.*

Т. е. на все должно быть соизволение бога, без этого ничто не свершится.

Б. 30. *Одному десять ячменных зерен заменяют михраб,
Другой из двух камней сооружает астрольбию.*

Намек на индийских «чародеев», которые обманывали людей, приписывая ячменным зернам сверхъестественные свойства и выдавали за сложный инструмент астрольбию, якобы помогающую постичь тайны небес. Речь здесь идет об обмане, ничего общего не имеющем с истиной.

Б. 31. *От вращения этого торопливого небосвода
Нам такое же поучение, как от зерен и камней.*

Т. е. люди не постигнут тайны небосвода с его звездами и планетами, как не постигают истину (тайну) упомянутые кудесники.

Мольба о прощении

Б. 6. *И мы, будучи созданными из праха,
Со стены твоей пытаемся соскоблить краску.*

Речь идет о самоунижении перед богом. Обращаясь к богу, поэт говорит, что раз бог сам создал нас из праха, могут ли люди приписать себе еще и частицу его субстанции.

Б. 14. *Я прах, но разум мой — зерно от Тебя.* Т. е. я создан из праха, а мое сознание — как зерно, которое во мне, и оно от Тебя — это признак единства божия.

Б. 16. *Ты озарил мой лик, дай свет и моим очам.* Обращение к богу: создав меня из глины, Ты вдохнул в меня жизнь и тем самым озарил мой лик; теперь же дай свет очам моего разума, чтобы я мог оценить твоё благодеяние.

Б. 22. *Передо мной путь с семьюдесятью двумя тропами...*
Имеются в виду семьдесят две секты, на которые распался Ислам, но истинным путем идет лишь одна.

Б. 33. *Слишком легковесны (ничтожны) поступки мои,
Чтобы взвешивать их на весах Твоего правосудия.*

Поэт хочет сказать, что человеческие добрые деяния настолько ничтожны, что нечего и пытаться сравнивать их с божьей благодатью.

Б. 41. *Когда же придет пора сна, так усыпи меня,
Чтобы от моей розы осталась хотя бы розовая вода,
даже если разлетятся лепестки.*

Т. е. когда я умру, пусть мои сочинения и мое имя останутся навечно.

Б. 42. *И в смертный час дай мне так произнести слова свидетельства....* Слова свидетельства: «Нет божества кроме Аллаха» — должны быть последними словами правоверного мусульманина в земной жизни.

В восхваление пророка, да благословит его Аллах и да приветствует

Б. 6. *В дыхании его — ласка для сирот,
Вот почему он прозван «Сиротой-жемчужиной».*

«Сиротой-жемчужиной» («дорр-и ятим») называют крупную жемчужину редкой величины и красоты. В этом бейте Низами меняет игру слов («ятим, т. е. сирота и «дорр-и ятим»).

Б. 8. *Четыре стороны дворца шариата он очертил,
И четыре его стены он основал на вечности.*

Под четырьмя сторонами дворца шариата поэт имеет в виду четырех первых халифов — Абу Бакра, Омара, Османа, и Али Ибн Абу-Талиба, — правивших после пророка Мухаммеда.

Б. 12. *Он избранный Аяз, избранный из избранных,
Со ступени «счастья» перешел на ступень
«прославляемого».*

Аяз — любимый раб султана Махмуда Газневида (999—1030). Смысл бейта: Мухаммед — избранный среди избранных, любимый пророк Аллаха, поэтому он со ступени «счастья» (мас'уди) поднялся теперь на ступень выше, т. е. на ступень «прославляемого» (махмуди).

Б. 17. *Четыре его друга пять раз по очереди били в барабан*
Т. е. четыре халифа после Мухаммеда подтвердили вслед за ним необходимость пятикратной молитвы.

Б. 18. *Он поверенный божественного откровения,
Хранитель тайны вознесения.*

Т. е. пророку Мухаммеду было доверено божественное откровение (Коран) и дано было вознестись к престолу Аллаха.

Б. 19. *Перед людьми он из праха изваял дива.*

Бейт содержит намек на пророческие чудеса, приписываемые Мухаммеду.

Б. 21. *В трудные дни и легкие, в горах и пещерах
Его наперсниками были змеи да ящерицы.*

Мухаммед в начале своей проповеднической деятельности часто скрывался от своих преследователей в горах и пещерах.

Б. 22. *Зубы его часто бывали во власти камней,
Иногда же губы (голову) он клал на камень.*

Намек на то, что Мухаммеда в начале его пророчества мединцы забрасывали камнями, а также на то, что Мухаммед иногда клал камни под голову.

Б. 24. *Голову того, кто сломал ему зуб, на крючке
Сам рок-небосвод с удовольствиям принес к его порогу.*

Т. е. рок наказал противников пророка.

Б. 25. *Уста его до Страшного суда говорят: «Моя община!»* Пророк до дня так называемого Страшного суда повторяет «Моя община», защищая приверженцев своей религии. Здесь намек на его изречение: «Глаза прикрыты, но уста не знают покоя...»

О том, что предшествовало написанию книги

Б. 4. *Птицы, бьющие в литавры,
Пятую стражу пропели с рассветом.*

На Востоке в средние века перед дворцом властителей пять раз в сутки били в литавры, возвещая время суток. Предрассветное пение птиц, совпадавшее с пятым ударом в литавры, говорило о наступлении рассвета.

Б. 6. *Пришел указ: возобновить мерную речь!* Т. е. пришел указ шаха, требовавший, чтобы Низами сочинил поэму.

Б. 7. *Туган шах слова одержал победу,
Кара-хану калам вручили меч.*

Туган-шах и Кара-хан титулы тюркских правителей. Низами об-разно передает содержание шахского указа. Низами своим поэти-ческим даром покори́л мир, и теперь ему вручают калам, чтобы он навел порядок в поэзии.

Б. 10 И думал: *В каких вратах мне показаться?* — Т. е. поэт долго взвешивал, какой сюжет предложить вниманию шаха.

Б. 13. *Дело освободилось из тисков, что стискивали его,
Железо для твоего ключа извлекли из руды.*

Т. е. железо для ключа, которым можно будет открывать ворота любой сокровищницы, уже извлекли из руды, и поэту надо-этому указу радоваться.

Б. 14. *Заставь подняться на путях мира новую любовь.* Т. е. воспой никем еще не воспетую историю любви.

Б. 16. *Твоя речь, словно лезвие, с главы небосвода
Сбрила волосы глубоких смыслов.*

Эта сложная необычная метафора имеет в виду первую поэму Низами «Сокровищницу тайн», полную глубоких философских мыс-лей.

Б. 17. *Ты калам Утарида превратил в гвоздь,
И туника Зухры начала колоть ей тело.*

Т. е. все, даже небесные светила, завидовали поэтическому мас-терству Низами. Утарид — планета Меркурий, Зухра—Венера.

Б. 19. *Нам же — [пред тобою] соломонову печать снимать.* — Атабек хочет сказать, что поэт сочинит для него прекрасную поэму, а он сломает печать сокровищницы и вознаградит его.

Б. 22. *Ты сможешь на золото наложить пробу льда
И все это отдать продавцу холодного пива.*

Данный бейт содержит намек на предание о том, что великий Фирдоуси, получив от султана Махмуда за «Шах-наме» вместо зо-

лотых монет серебряные, тут же отдал их в бане продавцу пива. По аналогии с историей Фирдоуси, Тогрул I хочет сказать поэту, что, если он поступит с ним подобным же образом, то он волен поступить, как Фирдоуси.

Б. 33. *Коль я захочу птицу, то она в окошко влетит, а если
рыбу —*

Расколется земля, и рыба предстанет.

Смысл бейта: шах настолько щедр и милостив к поэту, что все его желания тут же исполнит.

В похвалу Тогрул-Арслана

Б. 12. *Чтобы он связал локоны Хабеша и Тамгача,
В Чаче задумал он брать Шуштер.*

Смысл бейта: шах был занят войнами и без конца переходил с войсками из одной страны в другую отдаленную страну. Хабеш — Эфиопия, Тамгач — название области в Восточном Китае. Уже в Чаче — Ташкенте он думал о битвах за Шуштер.

Б. 19. *Шах тут же положит подкову на огонь.* — Выражение «положить подкову на огонь» означало срочно вызвать кого-либо к себе.

Б. 24. *Сити и мехсити за их газели*

В ночь получают по сто сокровищ, и это всем известно!

Речь идет о придворных певцах, которых называли сити (очевидно производное от арабского сейидати (моя госпожа) и мехсити (великая моя госпожа), которых награждали щедро.

Б. 38. *Разве тебе неведомо, что молния, плавящая железо,
Прибавляет свет светильнику немощной старухи?*

Бейт, как во многих случаях, построен на образах-антитезах: сверкающая молния и слабый свет светильника, железо и слабая старуха. Молния, разряжаясь, способна расплавить железо и одновременно осветить лачугу старухи, как бы усиливая свет от слабой свечки.

Б. 40. *Шах наш — Сулейман, и с ним на этом пути
То Рыба заговорит, то сама Луна.*

Сулейман — библейский царь Соломон, который по преданию, понимал язык всех тварей, находившихся в пространстве между Рыбой (Китом), на которой будто бы держалась Земля, и Луной Низами возвеличивает своего патрона, уподобляя его Сулейману.

В восхваление великого атабека Шамс ад-Дина Абу Джафара Мухаммеда ибн-Дениза

Б. 5. *Абу Джафар Мухаммед своей щедростью
Станет завоевателем Хорасана, как некогда Махмуд!*

Речь идет о Султани Махмуде Газневиде, захватившем Хорасан и основавшем там государство Газневидов (XI в.).

Б. 7. *Он солнце и для избранных и для черни, свидетельство
тому —*

Его имя: «Солнце веры и мира!»

«Солнце веры и мира!» — так переводится имя восхваляемого Низами атабека — Шамс ад-Дин ва-д-Дуня.

Б. 10. *Одним зарвелшлся черед пророков,
Другой уже при жизни стал последним из владык.*

Патрон Низами атабек Ил-Дениз носил имя Мухаммед, как и пророк — основатель ислама. Пророком Мухаммедом завершился черед пророков, им «запечатан» список «посланников Аллаха». Низами хочет сказать, что и Мухаммед Шамс ад-Дин Ил-Дениз будет властвовать вечно, став тем самым последним владыкой страны.

Б. 11. *Один в созвездии арабов — вечная луна,
Другой в царстве Аджамы — с предвечности шах!*

В этом бейте Низами, продолжая поэтический ряд гипербола, сравнивает атабека с пророком Мухаммедом.

Б. 13. *Слава испившему воду из такого источника
Два «мима» в его имени повисли на ушах обоих
миров колыцом рабства.*

В арабском начертании имени пророка Мухаммеда буква «м» («мим»), имеющая форму колечка в начале и середине слова, встречается дважды. Эта буква-колечко сравнивается поэтом с кольцом, который носили в ухе рабы. Смысл бейта: оба мира — реальный и ирреальный — подвластны Мухаммеду. В следующем бейте говорится о слове «мир» (алам), в котором в арабском начертании лишь одна буква «мим».

Смысл бейта становится ясным, если представить, что в начертании имени «Мухаммед» первый «мим» находится в начале — являясь «венцом», а второй — в середине, подобно поясу. Возможно и другое объяснение, т. к. смысл бейта не совсем ясен.

Б. 22. *Небо на свои уши надело девять его колец.* — Девять колец — девять небесных сфер в средневековой астрологии; одновременно намек на кольцо, носимое рабами.

Б. 23. *Весною родился он во имя справедливости...* В оригинале обыгрываются слова «умеренность» и «справедливость», звучащие одинаково. Весна — сезон мягкий, умеренный, и родившийся весной — справедлив; таков смысл бейта.

Б. 22. *Земля подчинена воле властителя,
Хотя сама зависит от Быка.*

Намек на представление древних народов, будто земля покоится на спине быка.

Б. 41. *Судьбу обоих миров он вручил своей душе,
Пока жива его душа, нельзя сказать, что он усоп.*

«... своей душе», т. е. своему отпрыску. Из этого следует, что сын атабека Ил-Дениза был жив.

Б. 47. *Едва он из страны тюрков проник в Рум,
Как превратил его с помощью индийского меча в своего
индийца.*

«Превратить в индийца», т. е. превратить в покорного раба.

Б. 52. *Пусть тут же упадет в воду, даже если он сахар.* Выражение «пусть упадет в воду» означает, пусть сгинет, исчезнет, уничтожится.

Обращение во время целования земли

Б. 4. *Фаридун был ребенком, пасшим коров.* — Фаридун был из рода древних иранских царей. Во времена тирана Заххака он пас коров. Он же возглавил впоследствии восстание против Заххака.

Б. 5. *Джамшида лишили жизни змеи Заххака,
Тебе же даруют свою жизнь небесные драконы.*

Согласно легенде, Заххак был обманут дьяволом, после поцелуя которого на его плечах выросли две змеи, причинившие ему страшную боль.

Б. 7. Каждый богатырь стремится получить отличия хосроев,
А ты сам хосров и богатырь при этом.
Хосров (хосрой) — персидская форма кесаря, титул древних персидских царей.

Б. 8. У Сулеймана был перстень, у тебя правая вера
У Искандера зеркало, у тебя же ясные установления.
Сулейман (библ. Соломон), имел, по преданию, волшебный перстень, дававший ему власть над духами. Искандер (Александр Македонский) считался изобретателем зеркала. Поэт хочет сказать, что ты не уступаешь этим героям древности, у тебя более действительная вещь — ислам.

Б. 13. Да, ты собрал сокровища силой железа,
Теперь же часть его преврати в стекло.
Т. е. при помощи меча и отваги ты собрал множество сокровищ, теперь пора предаться веселью и наслаждению. Пусть на пиршествах появятся стеклянные сосуды и зеркала из полированного железа.

Б. 15. Я из тех, кто утром выходит в путь,
Я звонарь волшебных харутов шаха.
Поэт хочет сказать, что он раньше других приступает к благородному делу — сложению стихов, и идет впереди придворных поэтов шаха. Харут — см. Словарь.

Б. 22. Я — муравей, не достойный быть жертвенной тварью
[для тебя].

Но и саранча не годится в дар Сулейману.
Намек на предание о том, что муравей притащил ножку саранчи в дар могущественному Сулейману. Низами считает свою поэму недостойным даром шаху.

Б. 28. Низами проводит дни в уединении,
Оно наполовину уксус, наполовину мед.
Низами говорит о том, что жизнь его не так уж сладка, как может показаться, судя по его поэзии. Он обречен на одиночество и терпит лишения.

Б. 38. Коль отгонишь, поцелуй твой порог издали,
Если приветить — «Свет на свете».
«Свет на свете» — (ар. «Нур ала нур») взято из главы «Свет» Корана. Низами хочет сказать, что если его примут и областакуют, то он своим искусством явит светящиеся перлы слов, самоцветы на самоцветах.

В восхваление шаха Музаффар ад-Дина Кызыл-Арслана

Б. 5. Он, как Мехди, пребывает в западных пределах,
Дозорные его давно перешли границы Востока.
Мехди — последний имам, якобы таинственно скрывшийся от людей и ожидающий срока своего возвращения, чтобы указать людям путь Истины. «Западные пределы» — здесь границы Мекки и Йемена.

Б. 6. Если он перстнем наложит печать на воск... Т. е. шаху подвластно множество стран от Рума на Западе и до Чина (Ки-

тая) на Востоке, которые обязаны высылать дань Кызыл-Арслану без промедления.

Б. 7. Если он захочет, то с помощью булатного меча
Из источника Зенга заставит течь русскую реку.

Смысл бейта: если он захочет, он может обезглавить негра жителя Зенга и выпустить алую кровь. В поэзии Низами русы всегда ассоциируются с красным цветом.

Б. 12. Он одной рукой раздаст жемчуга сотни морей.
Не намочив при этом даже кончики пальцев.

Т. е. ему ничего не стоит без колебаний раздарить сокровища.
Б. 14. Всего семь икlimов, но если б даже их было семьдесят,
Все разом выветрились бы, если бы не пыль, вздымаемая

Семь икlimов означают весь мир; власть над ними в поэзии Низами означает всю полноту власти. Царь победоносно прибывает копытами коня все земли, иначе они выветрились бы от круговорота времён.

Б. 24. Угли от сожженного им врага испускают аромат руты.
Ведь и Марс, оказавшись в хвосте, становится счастливым.

Смысл первой строки: Когда жгут врага шаха, все рады, ибо жгут его врага. Смысл второй строки основан на астрологических представлениях: когда Марс оказывается в хвостовой части кометы, он считается приносящим людям счастье.

Б. 31. Каждое насекомое, оказавшееся у него на пути,
Уже достойно иметь дворец в черепе Немврода.

Немврод — легендарный тиран, по повелению которого пророк Ибрахим был свергнут в пламя. В наказание за это Немврод умер мучительной смертью — в мозг его через ухо проник муравей.

Б. 32. Меркурий собирал гиацинты вокруг Меркурия названа
Может быть, поэтому обитель Меркурия названа «гиацинтами Девы».

Согласно астрологическим представлениям, Меркурий (Утарид) находится в созвездии Девы. Поэт хочет сказать, что это произошло оттого, что Меркурий «собирал гиацинты около разума Кызыл-Арслана» — набирался от него мудрости. Под гиацинтами подразумеваются волосы.

Б. 33. Если он ударит закаленным мечом по морю, то
Бык спросит Рыбу «Каково тебе?»

Здесь поэтическая гиперболa: удар меча царя почувствует не только Бык, но и Рыба, на которых якобы держится земля.

Б. 37. От всех превратностей судьбы (эпохи)
Мы спасемся, ведь у нас такой Мехди.

Под Мехди подразумевается Кызыл-Арслан.

Б. 38. Пусть угрожает нам страшный тайфун,
Нам нечего бояться — у нас есть такой Сулейман.

Намек на предсказания астрологов о вхождении пяти планет, Солнца и Луны в созвездие Весов в 1185 г., что якобы предвещало стихийное бедствие.

Б. 61. Пусть ветер всегда [играет] в кудрях его,
То взбаламутит Индию, то взвихрит Чин.

Бейт не совсем ясен, вероятно он означает: пусть радостные дни шаха продлятся вечно, пусть всегда ветер походов развеивает его темные (знак молодости) волосы. Чин (Китай) одновременно

но следует понимать как «извивы волос» (в оригинале слово-омоним — Чин имеет два значения).

Б. 62. ...От жителей Чина да не хмурятся его брови. — Поэт хочет пожелать своему патрону, чтобы тот не изгибал брови, хмурясь, не был бы озабочен действиями жителей Чина (Китая).

О проникновении в сущность сей книги

Б. 26. Я весь ушел в область предания
И капище огня превратил в райский сад.

Т. е. поэт весь поглощен преданием о Хосрове и Ширин, которые были огнепоклонниками, и он капище огня (предание) превратил в райский сад — иначе говоря, лишь под его пером это старое предание о язычниках стало читаться с удовольствием.

Б. 40 Беловые списки в обиходе неизвестны,
Черновики хранились в Барде.

Речь идет о списках предания о Ширин. Этот бейт Низами весьма прозрачно говорит о каких-то списках, хранившихся в древней Барде. Е. Э. Бертельс настаивал на таком понимании: без — беловой список, савад — черновик. Много труднее, утверждал Е. Э. Бертельс, решить вопрос о языке этих черновых списков.

Б. 50. Ведь ему шестидесятый год жизни,
Стрела выпала из лука молодости.

Т. е. когда Фирдоуси писал последние разделы «Шах-наме» он был далеко не молод — ему было уже шестьдесят лет, и изображенные любовных сцен было ему не под силу.

Б. 53. В той части, где речь должна идти о любви,
Я выскажусь, не следуя за мужем-воином.

Под мужем-воином подразумевается поэт Фирдоуси, уделивший в своей эпопее много места батальным сценам.

Несколько слов о любви

Б. 2. Небесный свод признает лишь один михраб — любовь.
Т. е. во вселенной есть лишь один предмет поклонения — любовь, под которой подразумевается взаимоприятие между всеми телами, а также в более широком смысле — любовь в трактовке суфиев.

Б. 28. Пусть не принесет она пользы недостойным,
Пусть будет полезна тем, кто прекрасно читает и
красиво пишет.

Здесь Низами выражает беспокойство о возможных искажениях, которые могут быть в будущем привнесены в текст поэмы малограмотными переписчиками.

В оправдание сочинения этой книги

Б. 9. После пятидесяти сорокадневных постов и сорока лет
Не касайся ты этих слов, марающих листья.

Т. е. обращаясь к себе, поэт, которому в это время было ровно сорок лет, хочет сказать, что он, соблюдая пятидесятый раз сорокадневный пост, уже достиг совершенства в богоугодном, подвиж-

ническом образе жизни и поэтому не приличествует ему мараить свою репутацию словами о страсти.

Б. 13. Ты на медь наводишь позолоту. Чего добиваешься?
Смешай свое золото со своим серебром.

Смысл бейта: медь старого предания о язычниках (о Хосрове и Ширин) под твоим пером обретает золотой блеск. Но тебе, поэт, лучше думать о собственной набожности, что сродни золоту. Смешав это золото с серебром своего таланта, достигнешь высоких ступеней благочестия. Иными словами, тебе лучше сочинить поэму на религиозную тему.

Б. 16. Знатки слова сочтут твоё сердце мертвым,
Лишь чтецы Зенда назовут его живым.

Т. е. поэты-мусульмане осудят тебя (поэта) за то, что ты восстанавливаешь старую зороастрийскую легенду, и сочиняемое тобой придется по душе лишь чтецам священного писания огнепоклонников — т. е. Зенда.

Б. 29. Так зачем ты засиделся в этой дыре,
Когда в твоих руках иракская чеканка?!

Монеты иракской чеканки во времена поэта отличались чистотой металла, высокой пробой.

Б. 40. Ведь дыхание Иисуса не возымеет действия на Моисея. —
Дыхание Иисуса, согласно преданию, воскрешало усопших, но Моисей, будучи сам посланцем бога, не был подвластен иисусову дыханию.

Б. 47. Прежде у меня была радость, которая теперь покинула
меня. — Поэт намекает на то, что пора молодости и утех давно оставила его.

Начало повести о Хосрове и Ширин

Б. 1. Так начал рассказ тот старый сказитель... Это обычная для поэтического стиля Низами ссылка на свой первоисточник. Как видно, ссылка абсолютно неясная. Так поступали после Низами почти все персоязычные авторы сюжетных поэм. Они, как и Низами, тщательно скрывали свой источник.

Б. 9. Нарек его именем Хосров Парвиз. Имя главного героя повествования дословно означает «победоносный царь». Но Низами дает иной вариант толкования имени Парвиз — «висящий у груди» придворных кормилиц.

Б. 29. Стоило ему направить стрелу в мишень, как
Превращал барабан Зухры в соколий барабан.

Барабан Зухры (Венеры) — это музыкальный инструмент, на котором она играет. Соколий барабан — барабан, при звуках которого охотничьи соколы устремляются к дичи. Смысл бейта: Хосрову сопутствовало небесное предопределение.

Б. 45. Тайны этого крутящегося циркуля. — Под крутящимся циркулем поэт подразумевает вращающийся небосвод, рок.

Б. 48. Чтобы сыну была дарована долгая жизнь, шах
Укоротил руки тем, кто любил глубоко запускать
руку в мир.

Т. е. Хормуз, творя справедливость, отсекал руку тем, кто пытался глубоко запускать руку в государственную казну.

Б. 51. Или пребудет в доме тюрка-гуляма. — Под тюрком-гулямом подразумевается подданный воин или хозяин, — Т. е. если кто устроит веселье в доме воина или любого подданного — за это наказывать.

Б. 54. ...Мир освободился от дел своих же рук.
Т. е. мир освободился от злодеяний.

Пиршество Хосрова на лугу и наказание его Хормузом

Б. 8. Солнце, как лотос, простерло свой щит на воде... Выражение «Простирать щит на воде» означает утомиться, сдаваться. Здесь говорится о закате солнца.

Б. 16. Чернокрылая ворона, достав из своих объятий
Золотое яйцо, положила под крылья попугая.

Здесь чернокрылая ворона — ночь, золотое яйцо — солнце, попугай, по цвету ассоциируется с небесным сводом.

Хосров направляет старцев к отцу для заступничества

Б. 6. Он надел саван, захватил острый меч,
Словно настал день светопреставления.

Согласно мусульманским представлениям, люди, восстав из мертвых в день Страшного суда, будут держать в руках саван, и в случае, если не будут прощены, снова наденут его.

Б. 10. Ты не смотри на своего Юсуфа, как на того волка. — Согласно легенде, заточив Юсуфа в колодезь, братья обманули своего отца, сказав, что Юсуфа растерзал волк. Смысл бейта: Хормуз называет своего сына Хосрова Юсуфом.

Рассказ Шапура о Ширин и Шабдизе

Б. 12. Я много блуждал под этим шестисторонним шатром.

Шестисторонним шатром назван мир с его шестью сторонами, по представлению древних народов.

Б. 20. Величава, оттого и зовут ее Мехин Бану. — Мехин Бану — дословно означает «Великая госпожа».

Б. 21. «Шемира» истолковывается как Мехин Бану. — В создании образа Мехин Бану Низами использовал армянские и сирийские хроники о царице Семирамиде (Шемире), отдельные черты которой мы находим в трактовке образа Мехин Бану.

Б. 25. Когда наступает осень, она в Абхазии... Под Абхазией подразумевается Грузия.

Б. 29. И в этой темнице, полной извилистых ходов... Имеется в виду подлунный мир.

Б. 32. Два негра на нем для сбора фиников... Два негра — т. е. две черные косы Ширин.

Б. 36. Волосы молодой травой ниспадали на розу. Роза — здесь лицо Ширин.

Б. 37. От зефира ее мускуса (волос)

Знойно пылали, словно больные, ее нарциссы.

В этом бейте автор продолжает поэтические сравнения; от мус-

кусного зефира, что веет с ее волос, глаза (нарциссы) Ширин пылали, как у больных.

Б. 41. И ножом этим одно яблоко разделено на две половинки. — Под двумя половинками яблока подразумеваются щеки Ширин.

Б. 44. То соболями, то горностаями торгует.

Ветер, коснувшись черных волос Ширин и ее белого лица, то темнеет, как соболю, то делается белым, как горностаю.

Б. 50. Отважных, что львов сражает, в зычный сон погружает... Смысл строки: храбрецы, которые не боятся львов, при встрече с Ширин останавливаются в оцепенении с широко открытыми глазами, подобно зайцам, которые спят с открытыми глазами.

Б. 57. Ведь руки ее обладали десятью каламами. — Десять каламов, т. е. десять пальцев.

Б. 71. Порой гумно луны наполняют мускусом... Т. е. на лицо набрасывают волосы. Гумно луны — лицо красавицы, на которое падают волосы, пахнущие мускусом.

Б. 83. И царица влюблена в него, как птица Шабавиз.

Ночная птица Шабавиз — легендарная птица, которая, по поверью, по ночам тоскует и до утра не спит.

Б. 96. Перестань повторять «сахар» да «сахар»,
Раз произнес это слово, отправляйся в Хузистан.

Хузистан — область в Иране, славившаяся сахаром, который получали из местного сахарного тростника. Хосров говорит, что пора отправиться в Армению за Ширин.

Поездка Шапура в Армению за Ширин

Б. 23. В том краю, что можно считать частью области Ирак,
Которая находится в поясе крепости Анхарак...

Гору Джирам поэт считает частью исторической области (иклима) Ирак. На этой горе и была построена крепость Анхарак (по другим спискам — Алхарак или Аштарак). Акад. Н. Марр считает, что гора Аштарак находится в Армении.

О происхождении Шабдиза

Б. 1. Который во время речи сверлил несравненные жемчуга.
Т. е. монах поведал Шапуру невероятные рассказы о разных диковинах.

Б. 16. Ты же с куском влажной глины
Собираешься связать мечту о вечности?!

Смысл бейта таков: Если гранитные скалы со временем разрушаются и рассыпаются, то стоит ли считать себя вечным в этом мире человеку, созданному из глины?

Шапур первый раз показывает Ширин изображение Хосрова

Б. 2. На нардах из эбенового дерева
Исчезли оба сандарусовых камушка

Т. е. на черном небесном своде исчезли и солнце, и луна. Нард (нарды) — распространенная на Востоке игра (шашки на доске)

особого вида передвигаются в соответствии с числом очков, обозначенных на шаштигранных игральных костях).

Б. 11. *Джамшидовым* обычаем был обновлен мир. «Джамшидовобычай» — наслаждение вином. Здесь поэт хочет сказать, что чаша солища опрокинулась на землю, и земля, начав купаться в его лучах, осветилась.

Б. 39. *От этой жаровни их лица пылали.*
Сожгли они руту и ушли прочь.

Жаровне уподоблен портрет Хосрова. Ширин, увидев портрет, заплакала. Дым сжигаемой руты, по поверью, устраняет чары.

Шапур третий раз показывает Ширин изображение Хосрова

Б. 40. *Из раковины глаз падали царские жемчуга.* — Иными словами, Ширин проливала горькие слезы.

Появление Шапура

Б. 1. *Внезапно появилась та волшебная птица,*
Залетела, как свойственно магам.

Речь идет о Шапуре, который появился в одежде зороастрийского жреца — мага.

Б. 18. *Хотя проворный индиец и завлек ее в сети...* Под проворным индийцем имеется в виду Шапур.

Б. 19. *В поисках индийца [она] совершила набег,*
Все тюрки стали индийцами ее красоты.

Т. е. Ширин в поисках этого индуса (Шапура) совершила много набегов и все смельчаки (тюрки) оказались в плену и рабами (индийцами) ее красоты.

Б. 37. *Это совершенное изображение*
Есть сияние Солнца семи климов.

Т. е. Хосров является властителем всего мира (семи климов).

Б. 44. *Сердцем мучалась но извлекала из камня лалы.*

Т. е. Ширин печалилась, но, несмотря на это, выспрашивала все о Хосрове.

Б. 51. *Разом сняла покров с подноса.* —

Т. е. сразу же рашила открыться Шапуре.

Б. 71. *Оперение его стрелы все еще на орле,*
Листья его лилии все еще в водной глубине.

Поэт хочет сказать, что Хосров очень молод, незрел. Стрела его лишена еще перьев, лилия его еще не расцвела, даже листья пока что под водой.

Б. 72. *Его сияющее солнце еще не затмили лучи...* Т. е. Хосров еще молод, лицо его не покрыто бородой.

Б. 82. *Меченосец отдаст свой меч проповеднику.* — Иными словами, храбрые воины при виде Хосрова прячут меч в ножны.

Б. 129. *А если тебе так уж необходимо оседлать его,*
То темная ночь (Шабдиз) для меня не краше

блестящей луны (Ширин).

Мехин Бану хочет сказать, что ей, разумеется, Ширин дороже самого редкого коня.

Б. 1. *Когда утром китайский казначей вставил*
Золотой ключ в замок усыпанного алмазами ларца...

Этот бейт содержит описание наступления утра. Китайский казначей — время, которое при помощи солища (золотого ключа) открывает ларец звездного неба.

Б. 23. *О, что за игру затеял с нами звезда —*
Ее умчало на себе дурное предназначение.

Текст оригинала не очень ясен. Под дурным предназначением имеется в виду конь Шабдиз.

Б. 36. *Когда солнце вышло из колодца Бижена,*
Очи мира обрели зрение от его сияния.

Колодец Бижена — темница, в которую был заключен Бижен — возлюбленный красавицы Маниже. Бижен и Маниже — персонажи «Шах-наме». Здесь образно говорится о наступлении утра.

Б. 46. *Да, в разлуке я должна проявить терпение,*
Пока не увижу искр из-под копыт ее Бурака...

Т. е. ее коня Шабдиза. Бурак — легендарный конь Мухаммеда, якобы вознесший его на небо.

Б. 55. *Да не останется для тебя тайной старинная притча о том,*
Как некая женщина совершила в пути колдовство.

Б. 56—58. Низами намекает на старую азербайджанскую притчу, смысл которой заключается в том, что если женщина расстанется с зеркальцем и гребешком, т. е. перестанет следить за собой, перестанет вести себя как женщина, она испытает трудности, которые под силу лишь мужчине.

Купание Ширин в источнике

Б. 12. *Да, словно лазурное небо служило завесой для Пляд,*
Словно лотос объял шиповник.

Речь идет о белизне тела Ширин, которое прикрывала голубая шелковая ткань, сравниваемая с лазурью неба и лотосом.

Б. 17. *Мускусом она украсила камфару,*
Увидев ее камфару, мир, казалось, проглотил камфару.

Смысл бейта: свои черные, благоухающие волосы Ширин рассыпала по белым, как камфара, плечам, и мир, увидев ее белые плечи, впал в оцепенение. Проглотить, съесть, камфару — значило лишиться отваги, обессилеть.

Хосров видит Ширин в источнике

Б. 1. *По-персидски слагавший стихи старец...*

Низами снова намекает на Фирдоуси, обработавшего предание о Хосрове и Ширин в «Шах-наме».

Б. 45. *Нет, не луна она, а ртутью покрытое зеркало,*
Сверкала, как сама Нехшебская луна.

«Нехшебская луна», иначе «Луна Муканна». Согласно преданию, Муканна — вождь восставших крестьян в Средней Азии (VIII в.), желая доказать свое пророческое чудо, изготовил в городе Нехшебе зеркало больших размеров, назвав его луной.

Б. 60. *Из глаз его изливались капли, как из тучи, —*
Ведь Луна появилась в созвездии Водолея.

Здесь Луна — Ширин; ручей поэтом уподобляется созвездию Водолея. В то же время строка имеет прямое значение: по астро-логическим представлениям, когда Луна входит в созвездие Водолея, считается, что это к дождю. Таким образом, строки данного бейта имеют между собой тесную связь.

Б. 61. *Жасминогрудая не видела шаха,
Ведь гиацинты заслоняли вид нарциссам.*

Б. 63. *Перед ней фазан, осененный Хумой,
Над тополем возвышается кипарис.*

Типичные для Низами сравнения: Шах уподоблен красочному фазану и осенен Хумой (см. словарь) Статного шаха поэт сравнивает со стволом кипариса и подчеркивает, что царь возвышался, словно кипарис, среди тополей. Сравнение для персоязычной поэзии необычное, но обычное для поэтического стиля Низами.

Б. 74. *Смотри, две розы укололись у двух источников,
Эти двое жаждущих не смогли утолить жажду.*

Две розы — Хосров и Ширин, пронзили друг друга своим взором, оба хотели утолить жажду любознательности, но не смогли.

Б. 75. *Один с первого же дня стал жертвой родника,
Другую же родник столкнул в колодец.*

Смысл бейта: Хосров с первого же дня был влюблен в Ширин, очи которой сравниваются поэтом с родником. И Ширин из-за очей Хосрова оказалась в колодеце страсти.

Б. 79. *И солнце вселенной — родник крови!
И оно бродит по небосклону чтобы опалить.*

«Родник» и «око» по-персидски звучат одинаково. Низами, называя солнце «родником крови», хочет сказать, что родник вообще утоляет жажду, но не спасает от жажды страсти, а родник солнца даже усиливает муки жаждущего.

Б. 86. *...Твердя: «Стои! Ты сахар свой смешай с розой! —
Здесь «сахар» — уста Ширин, «роза» — губы Хосрова.*

Б. 93. *...Удары подков коня достигли Быка и Рыбы. —*

Т. е. удары подков коня Ширин почувствовали мифические Бык и Рыба, на которых якобы поконится земля.

Б. 106. *...Ибо ворон унес его соколиху.*

Вороной конь Шебдиз сравнивается поэтом с вороном.

Б. 108. *Его белый сокол превратился в черного ворона,
Его мускусная ива превратилась в колючий куст.*

Смысл бейта: счастье изменило царевичу.

Б. 109. *Ива его склонилась и стала ивой плакучей,
Слезы его орошали плачущую иву, как инжирное
дерево.*

В оригинале бейт содержит весьма сложное поэтическое сравнение. Речь идет о печали, нахлынувшей на Хосрова, который поник головой и плакал, орошая слезами плачущую иву, так же обильно, как орошают инжирное дерево, требующее много влаги.

Б. 116. *А я слышал, когда вода замерзает, образуется золото»...*

Согласно средневековым представлениям, золотоносными являются замерзающие реки.

Постройка замка для Ширин

Б. 17. *У нас поселилась явно колдунья,
Спустившаяся с Вавилонских гор.*

В древности Вавилон славился своими кудесниками.

Б. 34. *Тоску по Хосрову она сделала своей наперсницей,
Захлопнула дверцы сердца перед обоими мирами.*

Т. е. она отбросила все мысли о мирских заботах и предалась только тоске по возлюбленному.

Приезд Хосрова в Армению к Мехин Бану

Б. 9. *...А из Мугани уехал в Бахарзан. —* Мугань обширная степь в Азербайджане. Бахарзан — название местности в Армении. Города и селения с таким названием встречаются и в ряде областей исторического Хорасана.

Б. 19. *В благодарность судьбе, укрепившей оплот,
Давшей прибежище ей во дворце хосроев.*

Во дворце хосроев — т. е. иранских царей.

Б. 31. *...Направился вскачь в сторону «Белого сада».*

«Белым садом» назывался один из дворцов Мехин Бану в древней Барде.

Пиршество Хосрова

Б. 13. *В саду пламени огонь-землепашец,
Жнет фиалки и сажает тюльпаны.*

Смысл бейта таков: уголь, разгораясь, из темно-фиолетового становится красным, подобным тюльпану.

Б. 16. *Они — огнепоклонники из Индии.*

Читают Зенд, словно сам Зардушт.

В этом и следующих двух бейтах Низами образно описывает веселый треск горящих углей на жаровне. Здесь черные, как индийцы, угли уподобляются огнепоклонникам-парсам, которые, как их пророк Зардушт (Зороастр), читают перед огнем Зенд.

Б. 17. *Словно эфиопские писцы, оказавшиеся в Булгарии,
Проворно действуют своими каламами, побывавшими*

в киновари.

В этом бейте черные угли уподобляются темнокожим писцам из Эфиопии: Булгария была расположена на Волге и входила, по утверждению Низами, в состав «Семирусья» (Хафт-рус). Булгария ассоциируется с красным цветом, как и древняя Русь. Пламя горящих углей сравнивается с каламами, т. е. перьями этих писцов, которые окунали их в киноварь.

Б. 19. *Кувшины голосили, напоминая петухов,
Что оповещают о времени.*

Во времена Низами кувшины для вина изготовлялись в виде петуха.

Б. 26. *Музыканты, на шелкострунных чангах
Играя, сорвали завесу и выдали влюбленных*

В оригинале — слово «парде», которое означает и струны, и завесу. Поэтому вторую строку можно перевести и так: «Играя, оборвали струны».

Б. 27. *Звучащий в стонах чанга пехлевийский лад... Под пехлевийским ладом подразумевается исконно иранская мелодия.*

Б. 28. *Кеманча стонала, как пророк Муса... Кеманча — смыч-*

ковый музыкальный инструмент. Печальные звуки (стоны) этого инструмента сравниваются с песнопением пророка Мусы (Моисея), который вымаливал у бога разрешения лицезреть его.

Шапур рассказывает Хосрову о Ширин

Б. 23. *О том, как индеец свел ее с пути*

И направил ее в сторону Туркестана шаха.

Под Туркестаном подразумевается шахский гарем, так как в те времена особенно ценились красавицы из Туркестана.

Б. 27. *Мои очи следили, как глаза изготовителя стрел*

За мастерской того, кто изготавливает луки.

Стрелы и луки изготовлялись в старину разными мастерами. Изготовители стрел следили за размерами лука с тем, чтобы стрелы соответствовали луку. Поэт хочет сказать, что очи Шапура, как глаза влюбленного, неотрывно следили за возлюбленной, т. е. Ширин.

Б. 29. *А в каждом ее волоске дышал Иисус*

Т. е. каждый ее волосок источал аромат, обладавший способностью Иисуса, который своим дыханием исцелял больных.

Б. 31. *...Оба мира привязывал к себе один ее волосок.* — Мир этот и мир потусторонний висели на одном ее волоске. Иными словами, увидевший ее, тут же был готов принести в жертву ей оба мира.

Б. 32. *Как хузистанец от алчных (глаз) муравьев.*

На сахар, изготавливавшийся хузистанцами нападали муравьи и, несмотря на свои малые размеры, причиняли убыток.

Шапур второй раз едет за Ширин

Б. 39. *...К единственному светочу времен.* Т. е. к Ширин.

Б. 56. *Они, как Зухра, обнажили руки и плечи,*

Цену свою находя на чаше весов.

Зухру (планету Венеру), на Востоке представляли в виде обнаженной женщины, которая особенно ярко сверкала в созвездии Весов. Наложницы Хосрова, предаваясь в его отсутствие веселому времяпрепровождению, повышали себе цену, т. е. торговали собой.

Хосров узнает о смерти отца

Б. 2. *...Поведал слону рассказ об Индостане.*

Т. е. напомнил Хосрову, находившемуся на чужбине, о его родине.

Б. 4. *...О том, что владыка Чина и страны негров удален от престола.*

Т. е. Хормуз лишился своего трона.

Б. 5. *Сей рок с нравом воинствующего тюрка*

Лишил двух индийцев его очей способности нести стражу.

Как известно, сасанидский царь Хормуз был ослеплен и убит в темнице. Поэт сравнивает черные глаза царя с рабами-индийцами, несшими стражу при царских покоях. Низами всюду намеками обходит историю придворной борьбы, изложенную в «Шах-наме» и в арабских источниках.

Б. 15. *...Индиго его всегда с баканом, мед с уксусом.* — Здесь

говорится о том, что в этом мире радость всегда соседствует с горем, (индиго — синего цвета, синий — цвет траура; бакан — краска красного цвета).

Хосров восходит на трон вместо отца

Б. 6. *...Так что люди забывали о справедливости Ануширвана.* — Сасанидского царя Хосрова Ануширвана называли Справедливым. Низами хочет сказать, что Хосров Парвиз, по восточности на сасанидский трон, начал править справедливее, чем его знаменитый предок.

Шапур приводит Ширин к Мехин Бану

Б. 18. *Вернула ей ее семьдесят куколок...* Т. е. семьдесят прислужниц Ширин царица Мехин Бану вернула в распоряжение своей племянницы.

Бегство Хосрова от Бахрама Чубине

Б. 10. *Для него глоток огненного напитка*

Дороже крови сотни братьев.

Огненный напиток, т. е. вино. Смысл бейта: Хосров вино и веселье предпочитает благополучию своих подданных.

Встреча Хосрова и Ширин на охоте

Б. 10. *У обоих лица луной сверкают — у этого оно*

облачком пушка окаймлено,

У той же подбородок — как ожерелье на шее.

Речь идет о лицах Хосрова и Ширин. Хосров юн, его лицо (луна) едва окаймлено пушком волос. У Ширин же пухлый подбородок озаряет ее лицо.

Б. 31. *Коль слон пожалует на коврик муравья,*

Одежда ничтожного муравья примет голубой цвет радости.

В поэмах Низами голубой (синий) цвет означает и траур, и радость. Смысл бейта: Коль слон, символ могущества, пожалует к ничтожному муравью в гости, то последний безгранично возрадуется.

Б. 38. *Башней сей дворец вознеся к небосводу,*

В ширину и в длину был в два мейдана.

Мейдан — здесь мера площади, приблизительно 140—200 кв. метров.

Наставления Мехин Бану Ширин

Б. 10. *Однако мир готов в любое время прибегнуть к коварству, —*

Красть жемчужину, растирать яхонт.

Низами говорит, что рок готов в любую минуту сыграть с человеком злую шутку, и ради этого он не остановится перед чарами.

Б. 24. *То потеряешь доброе имя, как Вис,*

Ославишь себя на весь мир.

Вис — героиня поэмы Фахраддина Гургани (XI в.) «Вис и Рамин». Вис, жена царя, изменила своему супругу с его братом Рамином. Низами часто ссылается на поэму своего предшественника.

Б. 25. *Если он Кей-Хосров, то мы Афрасияб.* — Кей-Хосров — легендарный царь Ирана, Афрасияб — царь Турана, который враждовал с Ираном. Мехин Бану хочет сказать, что противник наш и именит, и славен, но и мы по мощи и славе ему не уступаем.

Б. 32. *...И ясным писанием владыки вселенной.* — Ширин клянется священным писанием. Автор не уточняет каким — Авестой или Евангелием. Достоверные исторические источники утверждают, что она была христианкой-монофизиткой.

Хосров и Ширин играют в човган

Б. 2. *Из стана солнца вышел страж*

И вручил поводья желанья Утариду и Зухре.

Под Утаридом (Меркурием) подразумевается Хосров, под Зухрой (Венерой) — Ширин. Солнце, взойдя, поводья желанья вручило им, т. е. с восходом солнца Хосров и Ширин возымели желание прогуляться по лугам.

Б. 19. *От поднятых човганов-ключек вся площадь напоминала
ивовую рощу,
Земля от избытка из сандалового цвета
вогнала луну
в краску.*

Ключки для игры човган делались из ивы, древесина которой имеет красноватый оттенок, как и сандал. Поэт хочет сказать, что лицо Ширин отражало этот красноватый цвет. Одновременно Ширин, как и ее подруги, от смущения краснела, т. к. царь Хосров играл блестяще, в отличие от них.

Б. 36. *Когда павлин небес покинул сад,*

Прилетел черный ворон сорвать розы.

В этом и следующих бейтах поэт описывает закат солнца и наступление ночи, когда последние отблески вечерней зари начинают исчезать.

Описание весны и веселье Хосрова и Ширин

Б. 7. *Стаи голубей прогнали воронов.* Т. е. весна одержала окончательную победу над зимой, символом которой здесь выступают вороны.

Б. 10. Упомянутые в этом бейте «Бычье око» и «Слоновое ухо» — названия цветов.

Б. 11. *...Колыбелью «Мышиных ушек».* — «Мышиное ушко» — цветок, похожий на незабудку.

Б. 27. *Она своей красой оживляла все вокруг,*

Как вешний дождь — морские раковины.

По поверью, жемчуг образуется из капель весеннего дождя, проникающего в раковину. Ширин даровала жизнь природе, как весенний дождь раковине.

Хосров убивает льва во время пира

Б. 6. *Хосров и Ширин сидят рядом.*

Они разлуку повесили вдали за одну ногу.

Они покончили с разлукой, которая всегда преследовала влюбленных, поступили с ней, как с овцой: разделав тушу повесили за одну ногу поодаль от себя.

Б. 36. *Шах так крепко обнимал ее,*

Что на ее горностае виднелись узоры шелка.

С горностаем сравнивается нежное и белое тело Ширин, которую царь обнимал так крепко, что на Ширин отпечатывались узоры ее шелкового платья.

Б. 39. *Но была ли пьяна или трезва,*

Ширин при себе имела белила вместо розы.

Поэт говорит, что красавицы всегда держат в руке розу, а Ширин вместо розы держала в руках белила, чтобы прикрывать следы страстных лобзаний.

Хосров, Ширин, Шапур и девушки рассказывают притчи

Б. 3. *Лишь одна примета мрака тут была,*

В лоне этой ночи прятался источник живой воды.

Источник сказочной живой воды, по поверью, находится в стране мрака. Ночь, описываемая Низами, была светлой, и догадаться, что все же была ночь, можно было лишь по присутствию Ширин, которая автором уподобляется источнику живой воды.

Б. 5. *Легкий ветерок сдул пыль с чела души...*

Выражение «сдувать пыль» означает «рассеивать печаль». Иными словами, поэт хочет сказать, что легкий ветерок радовал душу.

Б. 8. *Земля собирала мускус целыми харварами,*

Воздух целыми раковинами растирал амбру.

Под утро с рассветом земля чернела, как мускус, рассвет же без остановки растирал амбру, т. е. проливал свет и аромат на эту черноту, и земля становилась белой, как перламутр, и благоухала.

Б. 9. *Пупок земли от этого уже благоухал.* — Выражение «пупок земли» употреблено здесь по аналогии с чупком самца кабарги, где находится мускусная железа.

Б. 10. *Благоухание в мире, подхваченное весенними ветрами,*

Превращало воздух в кумарское алоэ.

Кумар — город на Индостанском полуострове. Кумарское алоэ — славилось и в Закавказье.

Б. 13. *Бодрствующие по ночам птицы, чтобы оглашать
окрестности,*

К крыльям Шабавиза привязали колокольчики.

В старину начальник шахской охраны ходил с колокольчиками, чтобы стража не уснула. Поэт хочет сказать, что окружение Хосрова в ту ночь не спало. Даже птица Шабавиз звенела колокольчиками на всю округу. Смысл бейта: в природе в такую ночь все бодрствовали.

Б. 16. *Царь восседал на престоле Фаридуна,*

Сердцем следовал вере Джамшида.

Под «верой Джамшида» имеется в виду винопитие.

Б. 25. *Немало хлеба берет с собою охотник,*

Но случается, что хлеб достается рыбам и птицам.

Т. е. хлеб, который охотник берет для приманки, при неудачной охоте съедается птицами и рыбами, которых он хотел изловить.

Б.30. *Перед троном стоял Шапур для служения,*

*Словно хранитель пред «Принесенным ветром
сокровищем».*

Согласно преданию, после взятия Антиохии Хосров стоял на берегу моря, и в это время ветер пригнал судно, полное драгоценностей. Это сокровище и было названо «принесенное ветром» (Бадаварад).

Б. 85. *В ту ночь руками кумиров, озарявших пир,
Небесная сфера играла в перстенок.*

Игра в перстенок заключалась в том, что кольцо, лежащее на кисти руки, надо было движением самой руки направить к кончику пальца и надеть на палец. Смысл бейта: небо-судьба предоставила такую возможность Хосрову, который не сумел ее использовать. Поэтому небо распорядилось убрать кольца, т. е. красавиц, прочь, ибо уже настало утро.

Б. 93. *Вновь были просверлены вчерашние лалы. Т. е. они снова
взялись за вчерашнее, рассказывали притчи, веселились.*

Б. 95. *Переливающееся вино — словно павлин, но без змея,
Уста Ширин — финики без шипов.*

Намек на мусульманское предание о том, что змей-искуситель проник в райский сад, обвинившись вокруг ног павлина; павлин был проклят — ноги прекрасной птицы стали безобразными, напоминая змея.

Б. 114. *Когда невеста ночи, украсив руки хной,
Накинула на себя покрывало, усыпанное звездами.*

Под невестой ночи имеется в виду Луна, которая украсила руки хной; под покрывалом усыпанным звездами, — ночное небо.

Хосров обижается на Ширин и уезжает в Рум

Б. 20. *Собака мясника лежит рядом с зарезанной овцой,
Ей хочется отведать печень, но она ест свою печень.*

«Есть свою печень» — значит терзаться тоской, страдать. Смысл в том, что собака не получит желанного мяса (печени).

Б. 32. *Если нашелся покупатель твоего индиго,
Выложи товар, будь ты даже посреди Нила.*

Краска из индиго боится воды. Хосров говорит, что если он жаждет индиго, то пусть она выложит перед ним его, даже если товару грозит вода. Иными словами, покорись моему желанию.

Ответ Ширин

Б. 5. *Я уклоняюсь не так уж безосновательно —
Ведь вредно есть сахар, когда у тебя жар.*

Сахар, по средневековой восточной медицине, приносит вред, если употреблять его при высокой температуре тела.

Б. 7. *После этих слов на рубине заблестели жемчужины,
От изумруда змеями оберегалась.*

Т. е. Ширин, опомнившись, прикусила губу (рубин), и засверкали белизной ее зубы (жемчужины): Под змеями подразумеваются длинные косы, которыми она прикрыла губы, защищаясь от поцелуев Хосрова, названного здесь изумрудом.

Б. 19. *Желая убежать, она явила шаху блеск спины.
Однако это означало то же, что белой серой гасить
огонь.*

Ширин повернулась спиной к шаху и хотела убежать, однако, при виде ее спины огонь страсти в Хосрове разгорелся еще больше, т. е. поступок Ширин возымел обратное действие.

Ответ Хосрова Ширин

Б. 7. *А если не в силах бороться, то возвести о своем бегстве,
Выйди из ямы страстей, разбей свой шатер на Капелле.*

Капелла (по персидски — айюк) — название звезды первой величины в созвездии Возничего. Слово «айюк» означает также и «надзиратель», «блюститель». Низами обыгрывает два значения этого слова и устами Хосрова говорит Ширин, что она может найти защиту лишь у блюстителя нравственности — у айюка.

Б. 31. *Ты аркан кос накинь мне на шею,
Будь довольна нынче и тощей дичью.*

Смысл бейта: Хосров просит Ширин принять его, если даже она считает, что он недостойн ее.

Ширин снова отвечает Хосрову

Б. 20. *Однако больной лихорадкой, вкусив халву,
Обречет себя на многолетние страдания.*

По представлениям средневековой восточной медицины, халва относится к горячительным яствам, приносящим вред при лихорадке.

Хосров умоляет Ширин

Б. 13. *Если избавишься от меня, как змея от камушка,
Я буду без розы, ты — без щипа.*

Под камушком подразумевается магический камушек, который, по поверью, находится в голове змеи и является целебным при укусе змеи. Хосров хочет сказать Ширин, что если она выбросит его из головы, забудет его, он лишится Ширин, а она — его.

Хосров покидает Ширин и направляется в Рум

Б. 5. *Я вскопаю землю, как боевой слон,
И чучело брошу под ноги слону.*

Боевых слонов обучали сражению, выставляя на поле чучела людей. Хосров хочет сказать, что он должным образом подготовится к предстоящему бою с Бахрамом Чубине.

Б. 7. *По глупости я вывел осла на крышу...
Теперь с умом постараюсь спустить его на землю.*

«Вывести осла на крышу» означает поставить себя в неудобное положение, совершив глупость.

Б. 43. *О том, что Ниатус должен вести войска. — Ниатус — сын византийского кесаря Маврикия. Ему было поручено командование византийской армией, выделенной кесарем на помощь Хосрову в его борьбе с Бахрамом Чубине. Имя искажено очевидно переписчиками текста поэмы, правильно Тиатус — Феодосий.*

Б. 44. *Я не стану продолжать, ведь другой рассказчик уже поведал. — Под «другим рассказчиком» Низами подразумевает Фирдоуси, который в «Шах-наме» подробно изложил данный эпизод.*

Сражение Хосрова с Бахрамом и бегство Бахрама

Б. 13. *Ржание скакунов, чьи груди колыхались огнем,
Словно ртуть, проникало в земное ухо.*

Попадая в ухо, ртуть прорывает перепонку и вызывает глухоту. Поэт хочет сказать, что от ржания коней земля глухла.

Б. 22. *Волны пролитой крови поднимались до Капеллы,
И, проливаясь на землю, наполняли чашечки на древках
знамен.*

На древках знамен под полумесяцем делались небольшие чашечки. Кровь, испаряясь, кровавым дождем лилась на землю, наполняя чашечки на древках.

Б. 23. *Рыдая над брошенными копьями,
Ветер распускал и рвал пряжи знамен.*

Намек на обычай рвать на себе волосы от горя, рыдая над убитым.

Б. 24. *В знак траура по обезглавленным полководцам,
Земля разрывала ворот, небо — свой подол.*

Т. е. и земля и небо рыдали, оплакивая смерть знаменитых полководцев.

Б. 26. *В этой битве, напоминавшей битву тюрков. — Под «битвой тюрков» Низами подразумевает жестокое сражение.*

Б. 34. *Коль ты крепко стоишь на доске мести,
Выдвинь слона, ферзем объяви мат, и ты выиграл.*

Поэт сравнивает поле боя, где Хосров сидит на боевом слоне, с шахматной доской.

Б. 43. *Львиной храбрости и мощи лишил
Рок Бахрама, как царя Бахрама Гура.*

Бахрам Гур — сасанидский царь Бахрам V (421—438 гг.), прозванный «Бахрамом, убивающим онагров», который трагически закончил жизнь.

Б. 51. *Для радости и печали расчищают разные места,
Здесь бьют о землю ногами, там — головой.*

Смысл бейта: для радости и для печали избираются разные места, на одном танцуют (бьют ногами), веселятся, на другом скорбят (бьют о землю головой).

Б. 55. *Мир скачет на черно-белом коне. — Под черно-белым конем подразумеваются день и ночь или светлое, счастливое и мрачное, несчастливое.*

Б. 56. *Рок несется на голубом скакуне. — Под голубым скакуном подразумевается вращающийся небесный свод.*

Б. 59. *На его челе было начертано: «Когда достигнет тебя рок..!»* «Когда достигнет рок, мир становится тесным» — арабское изречение. В тексте оригинала приведено по-арабски.

Восшествие Хосрова на престол в Медине во второй раз

Б. 2.—5. *Венера с созвездием Тельца, Юпитер с созвездием Рака,
Выстроились в счастливые треугольник и шестиугольник...*

В этом бейте и бейтах 3—5 Низами ссылается на астрологические представления, согласно которым именно такое расположение небесных светил сулило людям удачу и счастье.

Б. 14. *Возгласы радости и ликования
От Мерва-Шахинджана долетали до Балха-Бамиана.*

Каждый большой город имел свой почетный титул, например Шахинджан и Бамиан — почетные титулы старинных городов Мерва и Балха.

Б. 23. *Как уместны слова львов, обращенные к тиграм:
«Ослице так же трудно родить, как и пройти дорогу
в Зенджан».*

Зенджан — город в иранском Азербайджане; дорога к Зенджану очень трудная, и ослы с трудом преодолевали ее. Мы явно имеем дело с поговоркой, вышедшей из употребления.

Б. 55. *Мышь никак не могла влезть в норку скорпиона.
Глупая, привязала к хвосту метлу.*

Это поговорка о человеке, который, желая поправить дело, только ухудшил его.

Стенания Ширин в разлуке с Хосровом

Б. 8. *От тягостных мыслей в тоске по другу
Вокруг нее полно жемчугов, вынутых из моря очей.*

Смысл бейта: Ширин в тоске по Хосрову плакала и была вся в слезах.

Завещание Мехин Бану

Б. 16. *Не дай увлечь себя, подобно зайцу и лисе,
Року, у которого хитрость лисья, а сон заячий.*

Смысл бейта: не стоит прельщаться жизнью, в который нас подстерегает рок; это хитрая лиса, которая спит, как заяц, с открытыми глазами и следит за нами.

Б. 45. *Пусти стрелу в хребет этому миру-горбуну... Мир-горбун — небосвод, рок. Смысл — не считайся с роком.*

Б. 54. *Вот проповедник говорит: «Брось мир,
Как солому, а я подниму его».*

В этом бейте, как в следующем, Низами разоблачает ханжество, лицемерие. Проповедник, предлагая бросить мир, как солому, сам думает, что эта солома пригодится ему.

Хосров узнает о смерти Бахрама Чубине

Б. 1. *Румское войско напало на отряды чернокожих. — Под румским (византийским) войском подразумевается свет, а отряды чернокожих символизируют ночной мрак.*

Б. 2. *Появился Юсуф, держа в руках померанец,
И рассек померанец Луны, как Зулейха.*

Здесь сказано, что с восходом Солнца исчезла Луна. Согласно легенде о Юсуфе, Зулейха, чистила ножом померанец, когда Юсуф вошел во дворец, и порезала себе палец. Смысл бейта: с появлением солнца, луна исчезла.

Б. 13. *Возникни огонь на поле боя — остыл бы от страха.
Золото веских слов преобразовалось бы в ртуть.*

Т. е. шах имел настолько устрашающий вид, что даже веские слова на устах стали бы дрожать, как ртуть. Иными словами, от страха никто не смел произнести ни слова.

Б. 20. Пусть на золотом троне достанется тебе золотой удел,
Бахраму Чубине достался деревянный удел.

Прозвище восставшего полководца Бахрама Чубине дословно означает «деревянный», что обыгрывается поэтом в этом и следующих бейтах.

Б. 21. Удача выпорхнула из дома Чубине,
В деревянном вместилище нет более врага!

Во второй строке под «деревянным вместилищем» подразумевается брэнное тело Бахрама Чубине, покинутое им — врагом Хосрова.

Б. 23. Пока рок бил меня деревянной палкой,
Он бил и в колотушку, дабы не уснула судьба Чубине.

Т. е. рок при помощи Бахрама Чубина бил меня палкой (чубин), в то же время он бил и в колотушку, чтобы судьба Бахрама Чубине не дремала.

Б. 24. Как только дерево моей судьбы зазеленело,
Луна Бахрама Чубине где-то на Востоке угодила в
деревянный гроб.

Бахрам Чубине после поражения отправился в Чин, где и умер. *Где-то на Востоке*, т. е. в Чине (Китае).

Б. 25. Не то, что этого Бахрама — самого Бахрам Гур
Ожидала в итоге та же могила.

Вновь игра слов. Гур — эпитет сасанидского царя Бахрама — означает и «онагр» и «могила». Бахрам Гур, охотясь на онагров (гуров), угодил в могилу.

Б. 29. Где тот меч, который предавал мир огню,
И наносил удары по стягу Каве?

Каве — легендарный кузнец, возглавивший восстание против царя-тирана Заххака. Кожаный передник этого кузнеца служил знаменем для восставших. В дальнейшем это знамя стало государственным знаменем сасанидских царей Ирана и стало называться «Кавеев стяг».

Б. 31. Хитрость старой лисы и полонила их. — «Старая лиса» — этот мир, рок.

Б. 40. Застрявшему в этих вратах надобно
Знать размеры скорби и наслаждений.

Под «этими вратами» поэт имеет в виду физическое существование человека, которое недолговечно, и потому оно уподобляется воротам, через которые рано или поздно придется пройти. Поэтому он советует своему читателю взвешивать все, думать о последствиях деяний на земле, имея в виду загробную жизнь.

Б. 49. Человек, поддающийся гордыне и хватающийся за меч,
Сравним с луной, что навешивает на шею тучи.

Смысл бейта: Человек должен проявлять благоразумие в каждом поступке.

Б. 51. Этого полунегра, восседающего на муле,
Под которым, глянь, двуцветный мул...

Низами под полунегром подразумевает изменчивый мир, судьбу; двуцветный мул — ночь и день (сутки). Речь идет о превратностях рока.

Б. 55. Мухе не отказать от вожденной халвы,
Стоит ли из-за одной ягодки инжира убивать ворона?!

Смысл бейта: Даже ничтожная муха стремится к халве, на

приготовление которой тратится столько сил. Ягодка инжира властно тянет к себе ворона, так стоит ли из-за нее лишать жизни птицу?!

Б. 57. На этом суматошном базаре старайся,
Чтобы палка прачки не угодила в апельсин бакалейщика.

Смысл бейта: царям следует править осмотрительно, так, чтобы подданные не терпели гнета от тех, в чьих руках палка наказания.

Б. 66. Ведь именно дурной глаз принимает добродетель за порок,
Ты глянь на глаза ворона, не зри павлиньих ног.

Глаза ворона считались образцом красоты, а ноги павлина некрасивы. Смысл бейта: в каждом явлении старайся увидеть прекрасную сторону.

Б. 72. Нельзя умалять способности противника,
Ведь в нардах неопытному можно и проиграть.

Т. е. в игре в нарды труднее угадать, как сыграет именно тот, кто малоопытен.

Появление Барбада и его тридцать песен

Б. 1. Когда он запел песнь «Клад, принесенный ветром»,
Каждое дыхание певца, словно, рождало клад.

В этом и в последующих бейтах перечисляются названия знаменитых напевов, сложенных Барбадом — придворным певцом царя. По мнению Е. Э. Бертельса, эти причудливые обозначения есть не что иное, как названия мотивов-ладов, бытовавших в сасанидском Иране. Низами каждый раз искусно обыгрывает названия песен-напевов Барбада, как в данном случае: ветер — дыхание.

Б. 9. Когда Барбад настроился на песнь «Такдисский трон»,
Врата райского сада отворились под сводами.

«Такдисский трон» — в переводе означает сводчатый трон, — Один из тронов сасанидского царя так и назывался.

Б. 18. Когда же он перешел к песне «Кипарисовая роща»,
То целый год ветерок в эту рощу не проникал.

Т. е. от этой песни Барбада в роще был такой аромат, что в течение года не было нужды в ароматном ветре.

Б. 24. Когда певец пел песню «Мехргани»
Задшевною мелодии зачаровал внимающих.

«Мехргани» — эта песня, видимо, исполнялась во время праздника «Мехрган», названного так в честь солнца («Мехр»). Праздник этот справлялся осенью в дни сбора плодов. В оригинале игра слов заключена в созвучии слов «Мехргани» и «мехрбани» (задушевность, нежность).

Б. 26. Когда певец с наступлением ночи переходил к песне
«Шабдиз»,

Все земные дали, внимая ей, всю ночь не смыкали очей.

Песнь эта была сложена в честь коня Шабдиза, в имени которого есть слово «шаб», т. е. ночь; с этим и перекликается вторая строка бейта.

Б. 13. Зачем ты остывшую рисовую муку нагреваешь для халвы,
Когда у тебя такая мягкая халва?

Для приготовления халвы рисовую муку предварительно нагревают. Смысл бейта: Марнам говорит, что она уже готовая, мяг-

кая халва, а халва Ширин давно остыла, так стоит ли трудиться?
Б. 19. Многие женщины, не умея отличить сто от пятидесяти,
Разными уловками могут сбить с пути Меркурия.
Меркурий выполняет функцию небесного писца-счетовода. Смысл бейта: многие неграмотные женщины своими чарами могут сбить с пути даже небесного писца Меркурия (Утарида).

Упреки Ширин Шапуру

Б. 34. Допустим, моя душа выносливее собаки,
Но не собакой же я вскормлена.
Собака в мусульманских странах — презренное животное, поэтому Ширин говорит, что она заслуживает большего уважения, чем собака.
Б. 37. Сердце не должно стремиться к тому,
Кто готов предпочесть мне собаку, —
Под собакой имеется в виду Мариам.
Б. 69. Моя любовь не достигает даже вздымаемой им пыли
Печаль моя дала его сердца (для него) легче волоска.
Смысл бейта: для Хосрова моя любовь равно ничего не стоит, так же и печаль моя остается невидимой ему, он не может вообразить, как тяжело мне.
Б. 79. Пусть Хосров будет кумиром в китайской кумирне.
Т. е. Пусть Хосров будет самым красивым мужчиной, сладость моя ему не достанется.
Б. 81. Если Мариам стала сахарным тростником,
То мои плоды взрастила сама богоматерь Мариам,
Низами исходит из легенды о богоматери, которую накормило высохшее пальмовое дерево, когда она, голодная, села возле него.
Б. 89. Нить речи я нынче очень тонко пряла,
Хотя и пряла в ночной тьме.
Т. е. Ширин хочет сказать, что нынче она тонко намекала на свои отношения к Хосрову.
Б. 100. В старости ли мне пить вино? Да, пусть разобьется мой кубок!

Курд разбирает стойло, когда уже пора перекочевывать.
Последняя строка — поговорка. Ширин хочет сказать, что она не намерена ждать Хосрова до преклонных лет, дабы не уподобиться курду-кочевнику.

Б. 102. Разве не приходилось слышать от кудесниц,
Что в каждом доме дым знает, в какое отверстие
выходить?—

Б. 116. Затем красавица своими лалами-зубами прикусила сахар,
И вскрикнула так, что задрожали унабы уст и сахар языка, —

Смысл бейта: Ширин от гнева прикусила язык и вскрикнула так, что губы ее задрожали.

Б. 119. Коль скажет: Когда я вновь увижу Ширин?
Скажи: Продолжай хранить Мариамов пост, —
«Мариамов пост» — пост Девы Марии, при рождении Исы (Иисуса) она соблюдала пост и ей запрещалось говорить. Ширин говорит Хосрову, что для него лучше всего, если он будет молчать.

Б. 124. А если скажет: Постояю немного с луноликой лицом
к лицу,

Скажи: Шаху не устоять перед ферзем.

В оригинале поэт применяет игру слов: «рух» одновременно означает и «лицо» и «ферзь». Шаху, — говорит Ширин, — не устоять перед «рухом», т. е. «моим лицом», так же как перед более сильной шахматной фигурой «ферзем».

Б. 147. И тогда Ширин достались одни шипы,
Когда плод власти стал сладким, к нему
пристроилась та, что с шипами.

Т. е. Когда Хосров пришел к власти, с ним находится Мариам, ранее не ведавшая о его заботах.

Б. 155. Ты своим поступком ославил меня,
Гордо бросил свой щит в прозрачную воду.

Т. е. бросив свой щит в чистую воду моей чести, замутил ее.

Б. 164. Ты не бросай щепки в подол судьбы,

Т. е. не гневи судьбу.

Б. 182. Тот уверенно сидит на пегом скакуне,
Кто хромает на ристалище любви.

Под пегим скакуном поэт имеет в виду судьбу. Смысл бейта: у того дела в этом мире хороши, кому не дано изведать страданий любви.

Начало любви Фархада

Б. 17. Если он захочет показать свое искусство,
Тесаком нарисует птицу на рыбе.

Т. е. на рыбе, на которой, по средневековым представлениям, якобы держится земля, Фархад нарисует птицу.

Плач Фархада от любви к Ширин

Б. 56. Его сердце было свободно от бремени собственного
бытия,

Ибо на нем было время чужого бытия.

Словами «собственного бытия» переведено понятие «худи» (от слова — «сам»), что можно перевести как «самость». Поэт хочет сказать, что влюбившись, Фархад уже не принадлежал самому себе, он жил только бытием возлюбленной. Понятие «худи» («самость», собственное «я»), в дальнейшем, особенно в творчестве выдающегося поэта Мухаммада Ибала (1877—1938), в системе его суфийских построений занимает ключевую позицию. Долгое время считалось, что термин «худи» — изобретение только самого Мухаммада Ибала. С обнаружением этого суфийского термина в одном из произведений Амира Хосрова Дехлеви специалисты стали склонны считать, что термин «худи» мог появиться лишь в Индии, и рассматривать его как порождение сложного индийского суфизма. Комментируемое двустипное свидетельство, что истоки понятия «худи» восходят к творчеству Низами, оказавшего мощное воздействие на все развитие литературы в мусульманских странах Востока.

Б. 60. Он не ведал, что птица его души давно уже покинула
клетку,

Царь бытия (душа его) давно отправился на ристалище
любви и дом пуст.

Поэтическая гипербола: Фархад так страдал, что не знал жив или нет, его душа (царь бытия) была поглощена любовью к Ширин, и тело (дом) было без признаков души.

Хосров совещается по поводу Фархада

- Б. 4. *Я немало старался, будучи всемогущим государем,
Устроить для себя праздник без простолюдина.*

Хосров здесь намекает на то, что еще в юности простой селянин, в доме которого он пировал, послужил причиной наказания царевича.

- Б. 5. *А новая луна нынче удружила мне
Пригласив на мой праздник безумца.*

Под «новой луной» подразумевается Ширин, безумец же здесь Фархад. Смысл бейта: Хосрову вновь приходится иметь дело с простолудином Фархадом. К тому же, согласно народному поверью, лунный свет усиливает болезнь (безумие).

Спор Хосрова с Фархадом

- Б. 53. *И как жестоко поступила с благородным юношей
Старуха, возвращенная на жирном царском сале.*

В этом бейте, забегая вперед, поэт напоминает читателю об исходе спора между царем и тружеником, который кончается в конце рассказа самоубийством Фархада. С другой стороны, этот эпизод о вероломной старухе Низами увязывает со своими мыслями о коварности рока, который расправляется с такими людьми, как Фархад, через властителей, подобных Хосрову.

- Б. 54. *Сало привело волка к гибели
Благодаря ему же спасся от западни тот, кто
со львом сравним.*

Волком назван здесь Фархад, который погиб; Хосров уподобленный льву, на сей раз спасся от рока благодаря тому же обстоятельству (салу), что привел к смерти Фархада.

- Б. 55. *Но все же разжиревшее на сале величие не спаслось
от этой игры,*

А коль так, стоит ли жиреть на этом сале?

Т. е. Хосров так и не спасся от рока и в конце концов был убит. Низами призывает своих читателей подумать, стоит ли так уж полагаться на благосклонность рока, который в любой момент может расправиться с человеком.

О том, как Фархад срыл гору, и о его стенаниях

Б. 3. *Огромные скалы* — в оригинале «скалы без весов», то есть такой величины, что их невозможно взвесить ни на каких весах.

- Б. 6. *Алмазом ресниц сверлил он яхонты.*

То есть, он лил кровавые слезы.

- Б. 10. *В битве с тобой.*

То есть, сокрушая тебя.

- Б. 12. *Черным писано по белому.*

То есть чернота ночи затемняла белизну дня. Под властелином имеется в виду солнце.

- Б. 13. *Самоцветом* названа Ширин.

- Б. 17. *Ты словно самоцвет, вправленный в камни.*

То есть, твой портрет высечен на скале и подобен драгоценно-словно из сердца выжимали кровь, и она вытекала в виде кроваво-изображением Ширин на скале.

Б. 21. *Опустошенное* (в оригинале — «выжатое») — то есть, словно из сердца выжимала кровь, и она вытекала в виде кровавых слез.

Б. 27. *В оригинале игра слов*: выражение «джани ширин» означает одновременно и «сладостная душа» и «жизнь Ширин».

- Б. 28. *Хотя я мысленно совершил хаддж и умру.*

Хаддж — большое паломничество в Мекку, совершаемое в месяц зул-хиджа. *Умра* — малое паломничество, совершаемое в любое другое время года. Этим словом обозначается также обряд хаджа, но без принесения жертвы.

В этом и последующем бейтах говорится, что хотя Фархад в своих мыслях и совершил к святые своей возлюбленной все виды паломничества, тем не менее он не добился ее благосклонности и находится в жалком состоянии.

Б. 32. *...от камня и железа* — то есть от судьбы, подобной по своей жестокости камню и железу.

Б. 34. *...два мясника* — то есть два кровожадных глаза. Смысл бейта: У тебя нет недостатка в жирных кусках мяса любви, так как твои глаза, словно мясники скотину, убивают влюбленных.

Б. 34. *...а мне кровь.* — Может пониматься двояко: 1) кровавые слезы; 2) кровь, которой обливается сердце.

Б. 47. *...вкусное молоко...* — то есть молоко из канала, который прорыл Фархад.

- Б. 59. *...подставят ножку...* — Дословно — «схватят за ногу».

Б. 60. *Испил своей крови...* — то есть, мое сердце обливалось кровью.

Б. 60. *Я поклонялся твоему образу* — то есть совершил великий грех, так как, согласно исламским догмам, поклоняться следует только Аллаху. Поклонение всякому образу, изображению и т. д. рассматривается в исламе как идолопоклонство.

Б. 64. *Если ветер я ...* — то есть, если я ничтожен, никчем, ничего не значу.

Б. 35. *...из этого праха...* — то есть из этой глины. Большая часть домов во времена Низами строилась из самана — глины, смешанной с соломой.

Б. 67. *...от твоей руки...* — то есть, я хочу превратиться в истлевшую кость, будучи убитым твоей рукой, а не вражбой. Здесь содержится намек на аят Корана: «И сказал: «Кто оживит кости, в то время как они истлевшие?» (36/79). Мотив «истлевших костей» часто обыгрывается в персоязычной поэзии.

Б. 71. В оригинале «частички» дословно звучит «джоу-джоу» (ячменные зернышки), чем создается эффект эвфонии: джоу — ячменное зернышко, джоу-джоу — частички.

Б. 78. Слова «Парвиз», «Ширин» и «Фархад» в арабской графике пишутся пятью буквами.

- Б. 87. *Ибо сердцем я привязался к камням...* — то есть он по-

любил камни, так как прорубает через каменную гору канал для любимой.

Б. 91. *То золото кует, то серебро.* Золото — пожелтевшее от страданья лицо, серебро — светлые слезы, то есть лицо желтеет, и слезы текут.

Б. 97. *...каменное лицо и твердое лицо* — в следующем бейте подразумевают бесстыжее лицо.

Б. 98. *...как зеркало* — зеркала в то время изготовлялись из отполированного металла и были твердыми.

Б. 99. *...стыдлив как фиалка* — с фиалкой в персоязычной поэзии сравнивается стыдливый, скромный человек, так как ее цветы растут с опущенными венчиками.

Б. 100. *...словно нарцисс.* Нарцисс, цветы которого напоминают широко раскрытые глаза, в персоязычной поэзии символизирует иногда наглость, бесстыдство.

Б. 110. *Созданному из праха, нет почета.* — В оригинале непереводаемая игра слов, поскольку «почет» и «камень» обозначаются в фарси одним словом «санг». А слова «камень» и «прах» составляют поэтическую фигуру «танасуб», значение которой можно определить выражением «семантическая гармония».

Б. 116. *...проводником служит лишь дым* — то есть дым застилает дорогу.

Б. 123. *...В мозгу не осталось ни капли масла* — по народному восточному поверью, основная часть мозга составляет масляное вещество. Поэт хочет сказать, что, хотя в его голове и нет масла, но горит светильник, который сжигает его.

Б. 126. *...заверну их в полу* — то есть буду их беречь.

Б. 134. *...исторгал сколько жемчуга* — В. Дастирди полагает, что речь идет о словах-жемчугах. Допустимо и толкование «жемчуга-слезы», что, на наш взгляд, предпочтительнее.

Б. 136. *...кусали пальцы* — имеется в виду сильное удивление.

О том, как Ширин поехала к горе Бисутун и ее конь там упал

Б. 2. *...о холодном и теплом* — т. е. о том, о сем.

Б. 6. столпов Бисутуна — «сутуни Бисутун»; игра слов, поскольку «сутун» — столп, «бисутун» не имеющий столпа, а также название скалы. В точном переводе звучит так: столп без столпа.

Б. 10. *утренний ветерок...* — то есть конь.

Б. 16. *...приковывали утренний ветерок* — то есть конь скакал так быстро, что утренний ветерок отставал от него, словно пригвожденный подковами к месту.

Б. 17. *...серебряная гора* — речь идет о Ширин.

Б. 18. *От ее рубинов камни там превратились в бадахшанские.* То есть, от ее губ, подобных рубинам, гора Бисутун уподобилась бадахшанским россыпям рубинов.

Б. 36. *сокровище, источающее жемчуг* — Ширин, говорящая красноречивые слова.

Б. 43. *к могиле* — то есть к той горе, где он обрел могилу.

О том, как Хосров узнал, что Ширин навестила Фархада

Б. 8. *Лишать подпорок Бисутун* — в оригинале сказано оставить Бисутун (название горы) без подпорок.

Б. 10. *Но он — не землекоп, а воинственный лев* — в оригинале — игра слов, основанная на омографах: «кулунги» — страстно влюбленный и «куланги» — камнетес.

Б. 11. *Если весом ячменные зернышки...* — то есть Ширин, как чаша весов, может в своих чувствах склониться к Фархаду, хотя он по сравнению с Хосровом все равно, что ячменное зернышко по сравнению с золотым динаром.

Б. 13. *Царь лишился сил из-за того, что крушили камни.* — Здесь игра слов, поскольку слово «санг» означает и «камень», и «силу».

Б. 19. *Словно факельщик* — имеется в виду человек, который поджигал нефть и направлял пламя на вражеский корабль (т. е. греческий огонь).

Б. 48. *Угас мой светильник, и поэтому тяжки мои вздохи.* — Непереводаемое обыгрывание значений слов, поскольку в фарси понятие «тяжкий» и «холодный» передаются словом «сард». (Смысл бейта: угас светильник, он не греет, и поэтому вздохи холодны, тяжки).

Б. 56. Смысл бейта: Поэт говорит, что молодость всегда находится на пути к старости, к тому миру.

Б. 58. *Которого никто не видит, хотя кругом столько светильников.* — Имеется в виду Иисус Христос — никто из смертных его не видит, хотя на небе его окружают множество светил.

Б. 64. *...глиняный шарик* — земной шар.

Б. 69. Это частица или Фаридуна или Кей-Кубада — то есть это частица праха их истлевших тел.

Б. 78. *...пегий мир.* — Мир назван пегим из-за того, что белый день сменяется черной ночью.

Б. 79. *...И тогда ты спасешься.* — Речь идет о том, что, отказавшись от соблазнов этого мира, человек обретет потусторонний мир.

Б. 82. *Она в воле урагана* — приблизительно в то время, когда Низами писал «Хосров и Ширин», звездочеты предсказали всемирный ураган, который разрушит землю.

Б. 85. *...в чьих руках только прах* — имеется в виду тот, кто ничего не имеет.

Б. 86. *...сыплет прах.* — Во времена Низами небольшие ранки посыпали землей, чтобы остановить кровотечение.

Б. 90. *Цитрон не страдал от дыма так.* — Цитрусовые плоды на дереве портятся от дыма.

Б. 92. *Зулейха поранилась, разрезая померанец.* — Не совсем точное использование коранического сюжета о Юсуфе и Зулейхе. Зулейха, решив проучить египетских знатных жен, порицавших ее за любовь к Юсуфу, пригласила их в гости и попросила очистить от кожуры померанцы. Увидев Юсуфа, вельможные дамы от восторга перестали следить за своими действиями и порезали ножкиками пальцы.

Б. 93. *«О девяти дверях»* — то есть мир, на который влияют по представлениям того времени, девять небесных сфер. Под девятиглавым драконом тоже подразумевается мир.

Б. 94. *осенний ветер* — ветер который срывает плоды жизни. Жизнь наша, говорит поэт, протекает в душевном холоде, поэтому с дерева жизни осыпаются плоды и листья, словно от осеннего ветра.

О том, как Хосров написал Ширин письмо с выражением притворного соболезнования

Б. 4. *...с ветром в руке* — то есть ни с чем, с пустыми руками. Б. 35. *Если у тебя даже сотня сердец, как у земли* — намек на то, что в землю зарыты люди.

Б. 45. *Смысл бейта: Пусть из сада Ширин улетела ничтожная пташка (Фархад), зато тебя почитает Альтаир-Хосров. «Альтаир» (Вега) — дословно значит «летающий орел».*

Б. 52. *печень, покрытую мускусом*. В те времена обманщики поджаривали куски печени животного, покрывали оболочкой из мускуса и продавали как мускус. Поэт хочет сказать, что Ширин прочитала неискренние слова.

Смерть Мариам

Б. 6. *Она погубила ее своей волей* — то есть она погубила ее, обладая сверхъестественной силой.

Б. 10. *Десница Мариам и цикламен* на фарси являются оioni-мами («чанг-и Мариам»). Согласно поверию, роженице, которая не могла разрешиться от бремени, помогали родить с помощью отвара дикого цикламена.

Б. 14. *...зацвели и розы и шиш* — то есть в этой весте для Ширин были и радость, и огорчение.

О том, как Ширин написала Хосрову в отместку письмо с выражением соболезнования о Мариам

Б. 14. *«Лавасари» и «Туси»* — эти имена идентификации не поддаются. По-видимому, имеются в виду жители двух местностей.

Б. 22. *Колоквинт* — растение с очень горькими плодами.

Б. 23. *...из черного дерева и сандалового дерева* — это надо понимать как изменчивый, двуликий.

Б. 40. *...стало меньше на старую корзинку* — под старой корзинкой имеется в виду Мариам.

Б. 44. *Если даже жизнь удалится* — поэт обыгрывает омографы «хасти» (жизнь, бытие) и «хасты» (ты еси).

Хосров получает письмо Ширин

Б. 4. *Ибо на пути не стало роя мух* — то есть не стало соперников, готовых наброситься на Ширин, как рой мух на сахар. Имеется в виду Фархад.

Б. 5. *Финик лишился косточки, свеча — дыма* — то есть избавился от того, что досаждало.

Б. 6. *...праздник Мариам* — христианский праздник в честь того дня, когда с пальмы для богородицы Мариам стали падать финики.

Б. 19. *...знать хромого осла*. — Хромой осел всегда следует за здоровыми. В данном контексте Ширин сравнивается с хромым ослом,

который станет шагать вслед за новой возлюбленной, сравниваемой со здоровым ослом.

О том, как Хосров раздаривал дары

Б. 14. *...словно Миср от сахара*. — Миср — Египет. Во времена Низами на Ближнем Востоке употреблялся египетский сахар. То есть Иран процветал благодаря сиреведливости Хосрова, как Миср процветал благодаря вывозу сахара.

Хосров пирует под сводами Такдиса

Б. 4. *От колышка Луны до Кейвана*. Кейван (Сатурн), по представлениям восточной космографии, находится на седьмом небе, Луна же — на самом низком. Поэтому Луна служит как бы колышком для дворца Хосрова, который вознесся до Кейвана.

Б. 8. *Знал наизусть тысячи чаш Кей-Хосрова*. — то есть знал все тайны вселенной, так как в чаше Кей-Хосрова, согласно легенде, отражалось все происходившее в мире.

Б. 11. *Он проскакал от земли до неба* — то есть завоевал весь мир.

Б. 13. *Завязки кошелек перышками лука* — то есть завязки так, чтобы его можно было легко развязать.

Хосров слышит о прелестях исфаханской красавицы Шакар

Б. 13. *Ее сладости завидует сахар* — здесь игра слов, в оригинале Ширин значит сладкая.

Б. 16. *Финиковая пальма роняет плоды*. Смысл бейта: даже дерево смущено тем, что плоды ее по сладости уступают устами красавицы.

Б. 17. *Раздаются стоны ста Юсуфов из ямы* — то есть мужчины заточены в ямочку на ее подбородке, как Юсуф, брошенный братьями в колодезь.

Б. 19. *Словно тюльпан...* — т. е. чаша тюльпана доступна всем, ее может сорвать любой прохожий.

Б. 23. *По тюркски* — то есть в набеге, как кочевники-тюрки. Под тюрчанками в поэзии имелись в виду тюркские красавицы.

Б. 24. *...выиграть сладость одного сахара при помощи другого сахара* — то есть усмирить одну красавицу, (Ширин) вызвав у нее ревность к другой (Шакар).

Б. 26. *Ибо Шакар имела долю от сладости* — непереводаемая игра слов. «Шакар» — означает сахар, «ширин» — означает и сладость, и качества Ширин. Таким образом, допустим и такой перевод: Ибо и Шакар имела долю от достоинств Ширин.

Хосров отправляется в Исфахан, домогаясь Шакар

Б. 7. То есть Хосров отвернулся от дворца Ширин, его заменил ему дом Шакар в Исфахане.

Б. 26. *Когда упоительное вино перестало терзать уста [пьющих]* — то есть, когда они перестали пить, поскольку сильно опьянели.

Б. 48. *Хотя и солены твои уста, от них исходит запах* — соленый по-персидски означает приятный. Вместе с тем соль препятствует разложению продуктов, следовательно, от соленых уст (т. е. рта) не должен исходить неприятный запах, но тем не мене из уст Хосрова исходит.

Б. 68. *У твоего меча тонкие ножны...* — то есть ты ведешь опасную игру, так как меч может прорезать слишком узкие ножны.

Хосров расспрашивает о Шакар и женится на ней

Б. 16. *Ибо воск не страдает, пока он вместе с медом.* — Речь о том, что воску приходится плохо, когда его отделяют от меда, делают из него свечу и зажигают.

Б. 17. *Для того, кто расстался со сладостной душой* — здесь в оригинале обыграны слова «сладостная» (ширин) и «сахар» (шакар).

Б. 20. *Сахар получается из тростника, а сладость — от души.* — Под сахаром подразумевается телесное начало, под сладостью (т. е. Ширин) духовное.

Б. 21. *Там сахар употребляется только для пламени алоэ.* — Когда сжигают алоэ для получения аромата, в кадилницу бросают сахар, чтобы огонь горел ровно.

Б. 22. В этом бейте обыгрывается двойное значение слова «ширин»: 1. сладость; 2. качества Ширин. Поэтому возможен и такой перевод: «Он обязан своим вкусом качествам Ширин».

Б. 45. *Но ведь я в своей шерсти...* — то есть я в своей стране.

Б. 50. *Не следует ждать верности от возлюбленной,*

Ведь не обязан лекарь сам готовить зелье.

В персидской поэзии верность присуща лишь возлюбленному, а возлюбленная, как правило — неверна. Бейт оправдывает возлюбленную: она не должна быть верной, подобно тому, как лекарь не должен заниматься изготовлением зелья (лекарства).

Ширин покинута, и она жалуется на свою судьбу

Б. 8. *Руку барабаничка утра обвила змея* — то есть барабаник из-за змеи не может пошевеливать рукой и ударить в барабан, чтобы возвестить о наступлении утра.

Б. 10. *И солнце, и луна словно уединились.* То есть они уединились в брачной комнате и не хотят покинуть ее. Поэтому луна не уходит и не уносит с собой ночь, а солнце не выходит из комнаты и не приносит утра.

Б. 21. В этом бейте в оригинале обыгрывается название Млечного пути, которое по персидски включает в себя (формально) слово «солома».

Б. 23. Смысл бейта: еще не наступило утро, так как перечисленные здесь события совершаются днем.

Б. 24. У Веги ошипаны перья. — В фарси звезда Вега называется «наспр» (орел). Смысл такой: у Веги-орла ошипаны перья, и он не может улететь с небес, поэтому не наступает утро.

Б. 25. Смысл бейта: негры (т. е. ночь) стояли на страже, чтобы звезды не могли исчезнуть.

Б. 37. *Быть может, тебе преградил путь дым от моего сердца?*

Здесь образно говорится о том, что сердце горит от тоски, и дым от огня заволакивает путь.

Б. 36. *Ни разу не заплачет, как плачет настоящий негр* — то есть не наступает утро: когда негр плачет, обнажаются его белые зубы белизна их сравнивается со светом утра.

Б. 45. *Смотри, старый небосвод...* — то есть небо словно бы не движется, ночь не проходит, небо завязалось тугим узлом.

Б. 47. Низами вкладывает в уста Ширин слово «кафир», получившее распространение значительно позже описываемых событий. Такие анахронизмы характерны не только для Низами, но и многих других поэтов, писавших на фарси.

Ширин приносит жалобу пречистому Йездану

Б. 5. *Так сделай же мое лицо белым* — то есть сделай меня счастливой (чтобы лицо мое, просветлело).

Б. 18. *Жертвенные базилики* — имеются в виду слезы.

Б. 40. *...извлек для ключа из руды ради этого.* — То есть, он выплавил из руды железо, чтобы изготовить ключ, которым открыл бы ее закрытое сердце.

Б. 43. *Его сердце, словно небо, перевернули вверх дном.* Согласно представлениям, сложившимся в персоязычной поэзии, небо представляет собой опрокинутую чашу. *Перевернули сердце* — то есть под воздействием молений Ширин Хосров в корне изменил свое поведение.

Хосров отправляется ко дворцу Ширин под предлогом охоты

Б. 6. *Глава царственных всадников* — то есть Хосров.

Б. 8. *Раскрыты брови.* — В оригинале вместо «раскрыты» дословно — «развязаны», следовательно, налицо антитеза: вязать — развязывать.

Б. 14. *Двуглавые секиры, словно в улыбке расплывались* — два кончика секиры сравниваются с губами.

Б. 15. *Черное шахское знамя.* — Здесь анахронизм, т. к. черное знамя вошло в употребление в Иране только начиная с династии Аббасидов.

Б. 22. *Из макушек золотых колокольчиков.* — Курильница располагалась на верхней части колокольчика.

Б. 25. *Рассыпали монеты...* — Имеются в виду монеты, которые были пришиты к поясу. Рабы отрывали монеты с пояса и разбирали их.

Б. 31. *Барабаник для соколов* — охотничьих соколов выпускали на ловитву под звуки маленького барабана.

Б. 39. *И превращала блеск воды в меч* — то есть вода превратилась в лед.

Б. 61. *Из-за глиняной хижины* — т. е. из-за пыльной тучи.

Б. 84. *У тебя на устах всегда соль* — то есть на пиршестве красоты, там, где собираются красавицы, ты выделяешься. «Соль» в персоязычной поэзии — нечто вкусное, приятное.

Б. 9. ...словно индийские стражи — в средние века в Иране стражниками служили выходцы из Северной Индии, которые по цвету кожи были темнее жителей Ирана.

Б. 11. *Зовут меня твоим белым индийцем* — то есть, как и страж-индеец, стою на крепостной стене, но я, в отличие от черного индийца, белая.

Б. 27. *Две створки...* — то есть Шириин и Шакар. *Двукрылая пава.* — Хосров с двумя возлюбленными.

Б. 29. *Достойны Утариды Близнецы,*

А ты — Солнце, которому достаточно одной звезды.

Утарид (Меркурий) находится в созвездии Близнецов (т. е. двух звезд), а Солнце располагается в знаке зодиака Овен, то есть одной звезды.

Б. 32. *Достаточно того, что ты достал копьем Рум...* — то есть победил Византию.

Б. 33. *Ты будь шахом...* При игре в човган (конное, поло) применяют один мяч, а в Индии десять.

Б. 46. ...*просто дым* — то есть ничтожна (речь идет о Шириин).

Б. 51. ...*на одно ячменное зернышко* — то есть твои упреки мне ничтожны, как ячменное зернышко, тогда как моими упреками полно все гумно.

Б. 53. Смысл бейта: когда разжигают костер, человек сначала мучается от дыма и лишь после получает пользу от разгоревшегося огня.

Б. 54. *Посмотри на жаждущих.* — И в этом бейте речь о том же: сначала солнце вызывает у человека жажду, и лишь потом ему дается вода, чтобы утолить жажду.

Б. 55. *Никто не найдет меня без шипов...* — то есть беззащитной.

Б. 61. *Разорвал ли ты рубашку* — рубашку разрывают в состоянии сильного горя, например при смерти близкого человека.

Хосров отвечает Шириин

Б. 11. *Если я, как кольцо, окажусь у твоих дверей.* — На Востоке к дверям привешивали кольцо, которым стучали, чтобы оповестить хозяина дома о приходе.

Б. 12. *С кольцом повинования в ухе* — имеется в виду кольцо, которое носил раб.

Б. 25. ...*гореть в ступе* — то есть сгорать от любовного жара при морозной погоде.

Шириин отвечает Хосрову

Б. 6. *Не говорю уже о царском сане.* То есть не стану говорить о том, что он не сделал меня шахиней.

Б. 14. *Владычицей склянки* — то есть хозяйкой замка, тесного, ка склянка, в которой хранится розовая вода.

Б. 28. *Все еще индийцы поклоняются мне, как огню.* — Как известно, индийцы не поклонялись огню. Низами, как и многие другие мусульманские поэты, не видел особой разницы между разными

ми, религиями и вольно обращался с реалиями религиозных культур.

Б. 29. *Моя морская жемчужина все еще не просверлена.* — Шириин хочет сказать, что она еще девственна.

Б. 39. *Источает из глаз яд.* — Согласно поверью, глаз оленя служит противоядием.

Б. 40. ...*согласится уплатить за меня дань с моих владений.* То есть серна будет так поражена красотой Шириин, что уплатит в восторге дань, которую обязаны вносить в казну Шириин.

Б. 43. В средневековой ближневосточной астрономии считается, что Луна — носитель влажности.

Б. 44. *Они дарят ему сладость леденцов...* — то есть леденцы дарят устам сладость, утерянную от терпкого вина.

Б. 47. «*Тангчашм*» в фарси означает одновременно и узкоглазый и скупой. Это надо понимать так: благодаря свету моих глаз тюрчанки перестали быть скупыми, то есть жестокими по отношению к влюбленным.

Б. 50. *Когда мои рубины сражаются сахаром* — то есть когда уста произносят слова.

Б. 56. *Продает аргаван...* — то есть лицо дарит людям румянность щек даром, не требуя платы за то, что они смотрят.

Хосров отвечает Шириин

Б. 27. *Ошейник, равного которому нет в мире* — то есть Шириин держит Хосрова, как прирученное животное, в ошейнике, равного которому нет в мире.

Б. 41. *Если бы молоко не было сладким.* Игра слов, слово *ширин* — и сладкое, и имя возлюбленной, а молоко — *шир*. Следовательно *сладкий* в фарси дословно будет *молочный*.

Б. 42. *Эти бедняги...* — то есть свеча, сахарный тростник и финиковая пальма.

Шириин отвечает Хосрову

Б. 4. *Спешила, как бутон* — Бутон спешит раскрыться.

Б. 17. ...*на шаха нельзя идти пешкой.* Согласно тогдашним правилам игры в шахматы, пешка не могла нападать на шаха.

Б. 25. *К чему тебе бросать аркан на зубцы замка Луны* — то есть зачем стремиться к неосуществимому.

Б. 32. *Ступай, наслаждайся Шакар* — здесь двойное понимание: «ступай, наслаждайся сахаром», «ступай к Шакар».

Б. 33. Смысл бейта: хотя исфаханская красавица и зовется *Шакар* (сахар), но целовать ее не следует, так как сахар только грызут мелкими кусочками.

Б. 35. *Не хвастай сахаром перед Шириин.* Т. е. не хвастай [красавицей] Шакар перед Шириин. *Ибо ткачу не сравниться с мясником.* Ткач — Шакар, мясник — Шириин, из-за которой обливаются кровью и гибнут влюбленные в нее, словно под ножом мясника.

Б. 46. *Зачем мне пить кровь из твоей чаши?* — то есть зачем Шириин будет горевать из-за него; *Которую надувает мясник.* Мясник надувает тушу тощей овцы, чтобы легче содрать овчину. Смысл бейта: зачем мне уподобляться тощей овце и надуваться от гордыни безо всякого на то основания?

Б. 49. *...где-то рассыпает леденцы нисаром* — то есть сватается к другой.

Б. 54. *Аркан из кос* — реминисценция, созвучная эпизоду из «Шах-наме» Фирдоуси: красавица Рудабе спустила со стены замка косы, чтобы ухватившись за них, к ней поднялся Зал.

Б. 57. Не сжигать моего масла в твоём светильнике — то есть не связать судьбу Ширин с судьбой Хосрова.

Б. 69. *Она словно варила халву...* — то есть Ширин медлила, чтобы Хосров не ушел.

Хосров отвечает Ширин

Б. 17. *Убери с выюка этот колокольчик* — то есть привяжи другой колокольчик, измени свое поведение.

Б. 18. *В этих вратах, через которые путь вверх и вниз*. Путь вверх — движение души в небо. Путь вниз — движение тела под землю.

Б. 22. *...закрывать дорогу к реке Мулиян*. — Намек на известное стихотворение таджикско-персидского поэта Рудаки (X в.), в котором он воспел Бухару и реку Мулиян. Саманидский эмир, прослушав стихотворение, вскочил мигом на коня и поскакал по направлению к Бухаре.

Б. 31. Под сахаром имеются в виду приятные слова, под миндалем — миндалевидные глаза.

Б. 41. *Всяк сможет свой палас ...* — то есть каждый способен справиться с собственными обязанностями, делами.

Б. 43. *Наполни сокровищницу камнями*. — То есть собери драгоценности, брошенные мне под ноги в виде нисара, и наполни ими вновь казну. *Опустоши шатер* — то есть вынеси ковры, разноцветные в шатре.

Б. 46. *Стану пить за здоровье другого виночерпия*. — Хосров намекает на Шакар.

Ширин отвечает Хосрову

Б. 10. *Беря на охоту лишнюю собаку* — Собакой Ширин называет исфаханскую красавицу Шакар, посредством которой Хосров хочет поймать Ширин.

Б. 16. *У того, у кого, как у раковины, зубы внутри* — под зубами подразумевается жемчужина. Смысл бейта такой: если кто-либо скрывает тайну, как раковина жемчужину, значит он испытывает великую ненависть.

Б. 25. *Кто сначала видит глаза ворона...* Глаза связаны с понятиями «совершенство», «достоинство», а «хвост» — с недостатками, пороками. То есть блажен тот, кто видит достоинства, а не пороки.

Б. 38. *Быть может, ты расколешь издали камнем фундук моих рук?* — То есть ты сломишь мою волю (как ломают фундук) и возьмешь то, что желаешь (как ядрышко из ореха).

Б. 59. *Что упала я с Шабдиза...* — то есть в первый же день «стречи Ширин упала с коня Хосрова.

Б. 61. *Доколе есть соль и разбивать солонку?* — То есть до каких пор пить воду из колодца и плевать в него. Иными словами: доколе домогаться любви Ширин и разбивать ей сердце?

Хосров отвечает Ширин

Б. 2. Вавилон славился чародеями, поэтому ходить туда с чарами, хочет сказать Хосров, — бесполезное дело.

Б. 28. *И зелье [против безумия] сможешь ты приготовить*. — Речь идет о зелье, приготавливаемом из толченного яхонта и амбры, которое, как полагали, излечивало от безумия.

Б. 50. *Биаб* означает одновременно и «лишенный влаги» и «лишенный достоинства».

Ширин отвечает Хосрову

Б. 27. *С неба падает снег камфарой...* — снег сравнивается с камфарой по белизне.

Б. 35. *Если даже помнишь сто снов Юсуфа*. — Согласно коранической легенде, Юсуф увидел во сне, что ему поклонились звезды. Намек на пословицу: «Осел Исы (т. е. Христа), если даже совершит паломничество в Мекку, так и останется ослом».

Б. 36. *...дротик у любви, как туча*. — У тучи единственное оружие — молния, напоминающая дротик. *Мечами с обеих сторон* — то есть утром свет рассеивается и справа, и слева, следовательно он как бы бьет мечами с обеих сторон.

Б. 41. *Ешь то, что дозволено...* — то есть сочетайся законным браком, не стремись к внебрачной связи.

Хосров уезжает от дворца Ширин

Б. 1. *...мускусная пуповина* — то есть ночь.

Б. 13. *Перерезать Шабдизу сухожилия не хотел* — Хосров не мог убить коня от усталости.

Б. 16. *Сложить пожитки...* — то есть поселиться.

Б. 25. *Смеялся, словно лунный свет* — то есть колыбался от смеха, словно трепетный лунный свет.

Б. 29. Согласно восточной медицине, сладкие кушанья ведут к ожирению.

Б. 40. *Письмена на льду* — равнозначно в русском языке выражению «вилами на воде писано».

Шапур отвечает Хосрову

Б. 1. Камфарная вода употреблялась для тушения огня.

Б. 4. *Ибо сладость известна как горячее*. Согласно средневековой восточной медицине, все съедобное делилось на два вида: 1. вызывающее жар в теле; 2. вызывающее холод в теле.

Сладкое якобы вызывало жар.

Б. 8. Согласно средневековым медицинским воззрениям, телесная природа человека состоит из четырех основ: крови, слизи, черной желчи, желтой желчи. В зависимости от преобладания этих основ определялся и характер человека, причем определенные кушанья способствовали росту тех или иных основ. В частности, сладкое способствовало росту желтой желчи, кислое — черной. С дру-

гой стороны, черная желчь порождает страсть, желтая — гнев. Смысл бейта: никто не может преодолеть свою природу.

Б. 12. Смысл бейта: красавицам свойственны как злой нрав, так и румяна и благоволия.

Б. 14. Водяная змея — не ядовитая змея. По-видимому, имеется в виду уж. Смысл бейта: хотя красавицы и притесняют, но не доводят до смерти.

Ширин страдает от того, что Хосров покинул ее

Б. 10. *Словно вода на пламени.* — Под водой подразумевается Ширин в блеске, а под пламенем — рыжий конь.

Хосров устраивает пир

Б. 10. *...черный подол эфиопа.* — Эфиоп в персоязычной поэзии символизирует черный цвет.

Б. 16. Т. е. ветер уносил золотые нити, выпавшие из ковра.

Б. 29. *...горело алоэ.* — Слова «лютня» и «алоэ» на фарси являются омонимами.

Б. 30. сахар звуков... — то есть сладостные мелодии.

Б. 31. *...надрал уши барбату* — то есть провел медиатром по струнам.

Б. 54. *Учись царственным напевам у нее.* — То есть слагай песни со слов Ширин.

Б. 59. Смысл бейта: Струны чанга стали рабами Ширин.

Накиса слагает газель со слов Ширин

Б. 10. *Подавать шербет* — почетное занятие, *подавать пиво* — низкое занятие.

Б. 14. Ширин называет себя то Парвином, то Зухрой.

Б. 18. Разорвавший завесу — то есть преступивший черту стыда, опозорившийся.

Б. 19. *словно прах.* — Большая часть стрел во время сражения падает на землю, как и прах. *Состарившийся в юности,* — цветок тюльпана отцветает за один день, поэтому стареет в юности то есть очень рано.

Барбед поет песню от имени Хосрова

Б. 15. *Посеял ячмень, сжал пшеницу...* — то есть совершил неравноценный обмен, обманул.

Б. 17. *индийцу-вору* — имеется в виду наемный воин из Северной Индии.

Накиса поет песню от имени Ширин

Б. 24. Когда дует такой ветер. — Ширин хочет сказать: если бы я не потеряла стыда из-за бедствий, то разве смела ли бы выйти из крепости, когда дует ветер твоего гнева?

Б. 26. *Нанесет ли ущерб Каабе идолопоклонничество?* — то есть ислам не пострадал от того, что на земле существуют идолопоклонники. Следовательно, я, говорит Ширин, такая же ничтожная, как идолопоклонники, не могу повредить Хосрову.

Барбед поет песню от имени Хосрова

Б. 31. *...ошейник ее подбородка* — двойной подбородок считался признаком красоты.

Накиса поет песню от имени Ширин

Б. 13. Бить непрестанно в литавры — то есть постоянно и громко заявлять о чем-либо.

Б. 20. В этом бейте в оригинале обыгрывается слово *хурди*, означающее и «малолетство» и «миниатюрность».

Б. 35. С потрескавшейся фисташкой сравниваются раскрывшиеся в смехе уста.

Б. 36. Словно цитрон, ступит ногой на шип — на цитроновом дереве рядом с плодами растут шипы.

Барбед поет песню от имени Хосрова

Б. 3. *...как ножку козла.* — Мясники проносили ножку козла мимо отары, и овцы следовали за ним, после чего они выбирали овцу пожирнее, чтобы забить.

Накиса поет песню со слов Ширин

Б. 27. *Я была за завесой, словно мелодия музыканта в ладе* Чепереводимая игра слов, поскольку в оригинале *парде* означает и завесу и музыкальный лад. «За завесой» — то есть в гареме, вдали от посторонних мужчин.

Барбед слагает песню со слов Хосрова

Б. 35. *У музыкантов* — имеются в виду Барбед и Накиса.

Ширин выходит из шатра

Б. 18. *Уста ее стали нырять за жемчугами* — то есть ее уста раскрываясь в смехе, показывали зубы, подобные жемчугам.

Б. 23. *...от напитка иного рода* — то есть от объятий и радости встречи.

Б. 30. *кадильница ее лица* — подразумеваются розовые, как пламя, щеки.

Б. 42. *вскормленный молоком* — согласно поверью, левенок, вскормленный только материнским молоком, бывает горделивым. В оригинале игра слов: «возбужденный лев» — *шир и маст*, «вскормленный молоком» — *ширмаст*.

Б. 43. В бейте речь идет о девственности Ширин.

В бейтах 54—55 дано метафорическое описание наступления дня.

Хосров привозит Ширин из замка в Меданн

Б. 2. *...делать золотые браслеты* — то есть утру уже стала нужна заря, которая ковала золотые украшения из золотых солнечных лучей, так как начало светить солнце.

Б. 21. В оригинале бусинки и жемчужины названы одним и тем же словом, поэтому «бусинки» воспринимается как не настоящий жемчуг.

Б. 29. ...вырастают дирхемы — с серебряными дирхемами сравниваются белые чешуйки. (Рыбы).

Хосров и Ширин следуют в брачную комнату

Б. 46. *И чаша его и ее желания разбились* — то есть и шах, который вместо Ширин увидел старуху, и старуха, которая желала Хосрова, обманулись в своих ожиданиях.

Б. 53. *Кумир, поклоняться которому дозволено*. — Ислам запрещает всякое идолопоклонство. Но Ширин была так красива, что поклоняться ей было не грех.

Б. 54. ...писаны по льду — т. е. не осуществимы.

Б. 58. *Сердолик* обозначает здесь «ротик»; *похожий на мим* значит миниатюрный (арабская буква «мим» — имеет кружочек); камни — зубы.

Б. 61. *Мускусное ячменное зернышко* — т. е. темная родинка, величиной с ячменное зернышко.

Б. 62. Смысл бейта: От малейшего колебания воздуха локоны развевались.

Б. 64. *Светильник заслонила от дыма руты*. — Под светильником имеется в виду лицо, а руту сжигали для чтобы избежать слеза. Поэт хочет сказать, что она преградила путь дыму от руты, которую сожгли, чтобы предотвратить лицо от слеза.

Б. 70. *...одержимый, увидевший молодой месяц*. Согласно поверью, безумец, увидев молодой месяц, начинает буйствовать.

Б. 95. Смысл бейта: Ширин пребывала как бы в заточении, ничто ее не коснулось, ни крики о помощи, ни рука насильника, и она оставалась девственной.

Б. 97. *Который бросил рыбу в живую воду*. — Согласно легенде, описанной в «Искандер-наме» Низами, вяленая рыба, брошенная в живую воду, оживает.

Б. 98. *Когда доской для слона шаха стала доска цвета слоновой кости*. Здесь слон — шахматная фигура, а доска цвета слоновой кости — тело Ширин.

Б. 99. *...вгонял алиф*—аллегорическое изображение акта соития. Действием умножения — то есть многократно.

Б. 114. *Он съел его леденец, а взамен одарил медом*. — Под леденцом подразумеваются советы и наставления Шапура Хосрову, а под медом — красавица Хумаюн.

Б. 129. Фиалки отцветают раньше всех, когда цветут жасмины, фиалок уже нет.

Б. 133. *То он станет как бы барабаном...* — то есть как оружие станет бесполезным.

Б. 137. *Предстоит тебе впереди и мельница*. — То есть не тужи о том, что ты почернел от дыма на кухне, так как будет впереди еще мельница, на которой ты побелеешь от муки, то есть поседешь.

Б. 150. *...не вынешь из ушей ваты?* — То есть не прислушаешься к тому, что происходит в мире. «Саван из хлопка» здесь седина на висках.

Б. 156. *Он вспомнил о том давнем сне* — речь идет о вещем сне, который видел его дед Хосров I Ануширван (431-479), согласно которому счастье династии Сасанидов должно было закончиться под натиском арабов.

Ширин наставляет Хосрова на путь справедливости и мудрости

Б. 9. *Которые покрылись ржавчиной*. — Зеркалами в то время служили отполированные металлические пластины, которые покрывались ржавчиной, если за ними не было ухода.

Б. 12. Сначала клеймят ему глаза. — В масляных лампадах, когда хотели гасить их, прижимали фитиль металлическим стержнем.

Б. 23. ...и черное, и белое — то есть все, что есть на земле.

Вопросы Хосрова и ответы Бузург-Умида

Б. 2. Здесь игра слов — «Бузург-Умид» значит «великая надежда».

Б. 5. *прогнали из селения* — то есть из мира вечности; «за завесой» — здесь вдали от вечного мира.

Б. 82. Под венцом пророческой миссии подразумевается пророк Мухаммед.

Наставления Низами

Б. 1. *Поклониться огню* — то есть сгорать, как мотылек, от любви в огне.

Б. 2. В этом бейте поэт говорит о мистической любви к Богу.

Б. 23. *Так как оно сажает плоды...* То есть гранаты растут вверх, словно ребенок, которого взрослые берут на плечи. Поэту их не трясут, так как они не падают.

Описание Шируйе и завершение деяний Хосрова

Б. 2. *...звался Шируйе*. — «Шируйе» на фарси означает «львенок».

Б. 6. *...полон дыма* — то есть полон неприятностей.

Б. 15. *...осел смотрит на седельника* — то есть ненавистного ему человека; осел ненавидит того, кто изготовил для него седло.

Б. 18. *...насильничает над камнем* — то есть обрабатывает его. Поэт говорит, что железо насильничает над рудой, из которой оно выплавлено.

Хосров уединяется в капище огня

Б. 22. *Муканна сотворил луну*. — Муканна, вождь среднеазиатского восстания против арабского халифата, показывал из колда в Нахшабе отполированный диск и выдавал его за луну, которую он будто бы сотворил. То есть и недостойный человек может творить чудеса. Муканна в устах Ширин — явный анахронизм.

Б. 32. *...Как и роза, больше плачет, чем смеется.* — Роза смеется несколько дней, когда цветет, но страдает много дней, когда из нее выделяют розовое масло.

Б. 35. *...и то, что дерут уши.* Игра пальцами на струнах барбата сравнивается с надиранием ушей.

Б. 51. *Считай, что севший выше тебя лишь знамя.* — Намек на то, что хотя знамя расположено высоко над государем, шах все же выше его достоинством и саном.

Шируйе убивает Хосрова

Б. 10. *Явилось пьяное несчастье.* — То есть пришла к Хосрову смерть.

Ширин расстается с жизнью в дахме Хосрова

Б. 46. *Коли музыкантами стали негр и русский.* — Негр — символизирует черную ночь, русский — белый день. Смысл бейта: Если в мире дни и ночи сменяются, то всех новобрачных ждет один конец — смерть.

Порицание миру

Б. 22. *Кто разобьет на себе эти железные оковы* — то есть тот, кто преодолеет свою человеческую природу.

Б. 26. *Девяти людоедов с быком на спине.* — Имеются в виду девять небесных сфер, над которыми находится созвездие Тельца. Под быком дальше подразумевается Бык, на котором якобы поконтся, по поверью, земля. Смысл: покинь небесные сферы и оставь поклажу созвездия Тельца.

Б. 28. *...превратились в солонину* — то есть люди высохли в пустыне.

Б. 40. Смысл бейта: покинь этот мир.

Проповедь

Б. 3. *Ныряй вглубь и не дыши* — то есть порви все связи с этим миром и умри.

Б. 12. *Как прекрасен прах* — т. е. смерть прекрасна.

Б. 13. *...с литаврами на слонах* — указаны атрибуты царской власти.

Б. 26. *Четыре стихии* — четыре первоэлемента античной и средневековой философии: земля, вода, воздух, огонь. *Семь железных оков* — оковы семи небес (по представлениям людей той эпохи).

Б. 27. *...увязли в тине* — оказались бездейственными.

Б. 28. *Не станет соединять глину с глиной, камень с камнем.* То есть не станет заниматься какой-либо практической деятельностью.

Мораль сказания о Хосрове и Ширин

Б. 4. *...у моего кыпчакского кумира.* — Речь идет об Афак, кыпчакской рабыне, ставшей женой Низами.

Б. 6. *...более целомудренное, чем само белье.* — То есть к ее платью рука мужчины прикасалась не чаще, чем к белью, к которому вообще не прикасалась.

Наставления своему сыну Мухаммеду

Б. 4. *Когда твоё новолуние станет в глазах людей полной луной* — то есть, когда возмужаешь.

О том, как Хосров увидел во сне благороднейшего пророка

Б. 7. *Из головы... поднялся дым* — то есть он опечалился.

Б. 33. *Знамение* — имеется в виду Коран.

Б. 33—38. — Речь здесь о пророке Мухаммеде.

Б. 63. *...играть со своим рубищем* — намек на легенду, согласно которой, Мухаммед заставил луну спрятаться в его рубище и вызвал тем самым затмение.

Б. 69. *...жителям Аджамы он нарисовал мушку* — то есть украсил лицо жителей Ирана точками арабского алфавита, словно мушками.

Письмо пророка к Хосрову

Б. 7. *Ничтожным комаром он губит тирана.* — Намек на библейско-кораническое предание о тиране Немроде, который погиб от комара, проникшего по велению Аллаха в его мозг через ноздрю. *Дарует пророческий сан...* — Намек на пророка Аййуба (библейского Иова), которому, перед тем, как даровать пророческий сан, Аллах ниспослал испытание: его тело покрылось язвами, в которых копошились черви. Аййуб выдержал испытание.

Б. 13. *Не могут претендовать на божественность сонмы слуг.* — Низами хочет сказать, что Бог един и нет места многобожию.

Б. 14. *...и у тебя сто чаш* — намек на легендарную чашу Джамшида, в которой можно было видеть все происходящее в мире.

Б. 64. *Хвала предводителю вождей сокровенного.* — Имеется в виду Коран.

Восхождение пророка на небо

Б. 14. *Млечный путь бросал солому его Бураку, Колос созвездия Близнецов рассыпался на [зерна] от любви к нему.*

Непереводимая игра слов, поскольку в фарси Млечный путь является омонимом выражения «бросающий солому», а созвездие Близнецов — слова «колос».

Б. 16. *...закрыв лоно матерям мира.* — Матери мира — четыре стихии античной и средневековой философии. Смысл бейта таков: он преодолел материальную основу мира.

Б. 18. Согласно поверью, метеориты являются огненными стрелами, которые пускают ангелы, чтобы поразить злых духов, пытающихся взобраться на небо.

Б. 19. *...в созвездии Водолея.* — На фарси созвездие Водолея звучит как «созвездие Ведра». Следовательно, здесь содержится намек на то, как Юсуфа вытащили из колодца в ведре, опущен-

пом, чтобы взять воды. В созвездии Рыб — намек на библейско-кораническую легенду о том, как Юнус (Иона) прибыл во чрева Кита (Рыбы).

Б. 20. ...*рассыпал перья Альтаир* — По-персидски Альтаир называется «Наср-и Таир» летающий орел.

Б. 22. ...*не захотел глаз* — часть коранической фразы: «не захотел глаз и не преступил границ дозволенного», то есть он не стал любопытствовать.

Б. 32. *Локоны на лбу шести направлений*. — Смысл бейта таков: не стало ни шести направлений во вселенной, ни пространства, и Мухаммед преодолел все земное и небесное.

Б. 39. *Воздал молитву за грешников своей религии* — То есть молил Аллаха простить грехи согрешивших мусульман.

Наставление и завершение книги

Б. 2. *Как она возвысилась благодаря падению!* Имеется в виду жемчужина, которая сначала находится в глубине моря, а потом возносится, становясь дорогой.

Б. 8. *Его канарская драцена*. — Непереводимая игра слов, поскольку канарская драцена (известное лекарство) в тексте обозначена по-арабски (дам-ал-ахвейн), а по-персидски ее звучание (хун-и сиявушан) близко к звучанию слова «кровь Сиявуша» (хун-и Сиявуш). Смысл бейта: лекарство этого мира проливает кровь невинных людей (Сиявуш погиб безвинно).

Б. 12. ...*который одновременно* — Инжир подобен дитяти, так как питается молоком, т. е. соком дерева, по форме подобен груди женщины и похож на молоко, так как в незрелом состоянии истекает млекообразным соком.

Б. 21. Выражение «из Гургана в Кирман» является омографом выражения «от волков к червям».

Б. 28. ...*хвала горстке немощных насильников!* — эти слова употреблены в ироническом плане.

Б. 38. ...*обладает тутией разума* — то есть обладает способностью познавать разумом свойства вещей и умеет создавать из трав лекарства (тутия — мазь для глаз).

Б. 40. Если ты даже алоэ... — то есть, если даже ты являешься чем-то ценным.

Б. 43. *До смерти бывает другая смерть...* — то есть человек всю жизнь страдает.

Б. 44. *Благодаря этому попугай спасся из клетки* — намек на притчу из «Мантик ат-тайр» Аттара, согласно которой, по совету попугаев из Индии, местный попугай притворился мертвым и был выброшен из клетки, после чего он преспокойно улетел на свободу.

Б. 46. Смысл бейта: деяния миров вызывают то смех в силу своей несуразности, то плач в силу горести.

Б. 47. *Неужели ты думаешь...* В оригинале сказано в таком «хафтхане». Хафтхан — путешествие, где герой по пути совершает семь чудесных подвигов (в «Шах-наме» Фирдоуси).

Б. 48. Смысл бейта: до каких пор ты будешь иметь дело с этим миром?

Б. 53. *В этих черных сокровенных раковинах* — то есть в строках поэмы «Хосров и Ширин», в черных по цвету строках.

Б. 56. *Но если встретишь Зала...* — то есть, если среди старых

слов и встретишь свежие, как юный Зал, то это редкость, как и вещь птица Анка, которую люди не видят.

Б. 60. *Есть дева...* имеется в виду читатель.

Б. 63. *Если я стал Юсуфом...* — в Коране упоминаются три рубашки Юсуфа.

Б. 65. *Смысл бейта:* — какая бы мысль не пришла тебе в голову, ты найдешь ее в моей книге.

Порицание завистников

Б. 9. Стихи, по-видимому, обращены к придворным поэтам, которые видели в Низами пришельца-чужака.

Б. 11. *А ведь рот простирался от уст до ушей*. — То есть у них были огромные рты, которым они много говорили.

Б. 12. ...*с претензиями на дар Исы*. — То есть претендовали на способность воскрешать мертвых, как это якобы делал Иса (Иисус).

Б. 14. ...*быть солнцем* — то есть озарять других и давать им возможность светиться. Поэт хочет сказать, что другие поэты заимствуют у него отдельные мысли или образы, но не могут следовать целиком его творчеству.

Б. 17. Смысл бейта: мне приходится унижаться перед теми, кто ниже меня по достоинству.

Б. 26. ...*бросают в море комки глины* — то есть они занимаются бесполезным делом, поскольку глина в воде все равно растворится.

Б. 28. *В жернова, которые, вращает вол, сыплется зерно, но он не может его есть*. — Смысл: Низами одаривает других своими произведениями, но не встречает благодарности.

Б. 30. *Почему же жалуешься на змея?* По поверью, на клade всегда сидит змея, поэтому около сердца поэта тоже должна быть змея. В тексте под змеями имеются в виду хулители и завистники.

Б. 31. ...*заняв место кольца* — то есть змея, свернувшись клубком, станет на место кольца в двери.

Б. 32. ...*нисаром свои аммониты*. На фарси аммонит называется «позвонок змеи». Смысл: змеи и павлины — враги человеческого рода и, следовательно, самого Низами; они объединились против поэта, хуля и порицая его.

Б. 37. ...*замешаны на крови* — то есть строки написаны кровью, перемешанной с тальком, который гасит огонь — символ зороастризма. Этот и предыдущие бейты являются ответом тем, кто упрекал Низами в симпатиях к зороастризму — домусульманской религий Ирана.

Тогрул-шах приглашает Низами в гости*

Б. 17. *Понял, что мой ключ — из железа, а железо — из руды*. То есть поэма написана по всем правилам.

Б. 28. Смысл: и небо, и луна зависны от шаха.

Б. 37. *Каханг* — морское чудовище. В данном контексте — вышнее изображение каханга.

* В современном низамиведении принято считать, что в этой главе речь идет не о Тогрул-шахе, а об атабеке Кызыл-Арслане (1186—1191). — Прим. ред.

Б. 57. ...как Сулейман отнесся к муравью. — Согласно преданию, Сулейман оказал большие почести простому муравью, который принес ему в дар ножку саранчи.

Б. 74. Для которой покрывало Ширин было паланкином — то есть, для поэмы жизнь Ширин была сюжетной основой.

Б. 76. ...дозволенное, как молоко матери. — Согласно исламским нормам, все блага мира делятся на дозволенные (халал) и недозволенные (харам). К недозволенным относится все, что заработано несправедным путем, а также вино, свинина, кровь животного и т. д. Молоко матери считается идеалом дозволенного.

Б. 77. Брат мой, что был шаханшахом мира — Речь идет о Шамс ад-Дине Мухаммеде Джахан-Пахлаване.

Б. 78. ...и царем и пахлаваном. — Здесь обыгрывается имя покойного атабека Джахан-Пахлавана, которого Тогрул называл своим братом.

Б. 88. ...счастливый шах. — Имеется в виду Джахан-Пахлаван.

Б. 89. Когда море его жизни двинуло корабль — то есть, когда он умер.

Б. 100...у того, чьи дела были в упадке — то есть у Низами.

Оплакивание смерти Шамс ад-Дина Мухаммеда Джахана-Пахлавана

Б. 7. Искендер Зулкарнайн (Александр Македонский), по преданию, отправился в страну вечного мрака в поисках воды жизни, но тщетно — он не нашел ее.

Б. 9. Треножник. — Имеется в виду специальное приспособление для наказания преступников. Низами хочет сказать, что Джахан-Пахлаван и на небе будет наказывать, как и в этом мире. Праха и воды — то есть материального бытия, поскольку человек, согласно Корану, сотворен из глины.

Б. 10. Страна основной субстанции. — Низами имеет в виду загробный мир.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абу-Бакр — первый халиф (632—634), который пришел к власти после пророка Мухаммеда.

Аджам — общее название, которое давали арабы завоеванным ими странам. В персоязычной литературе этим словом обозначают Иран.

Айар — член сообщества (подобного средневековым европейским рыцарским орденам), объединявшего недовольные элементы, которые нередко выступали против властей и имущих. Под видом айаров зачастую действовали и так называемые «благородные» разбойники (грабившие богачей), и обыкновенные грабители.

Алхарак — название горы неподалеку от Гянджи, современного Кировабада.

Альбурз — Эльбурс — горная цепь на севере Ирана, вдоль берега Каспийского моря.

Альтайр — звезда Вега в созвездии Лиры

Анка — волшебная птица, которая, по поверью, обитала на краю света, недоступная взору людей и поэтому она символизировала нечто невидимое, недоступное.

Арганон (органон) — на Востоке этим словом, как правило, обозначали струнный музыкальный инструмент.

Аргаваан — багряник или иудино дерево, ствол которого, лишенный коры, приобретает ярко-красный цвет. В персоязычной литературе обозначает багрянец.

Аржанг — священная книга последователей Мани (см.). Эта книга украшалась прекрасными миниатюрами, в результате чего она стала символом непревзойденной красоты, красочности.

Арран — Кавказская Албания, древнее государство, находившееся на севере современного Азербайджана.

Астролябия — средневековый прибор для определения долгот и широт в астрономии.

Афак — имя тюркской рабыни, которая была подарена Низами правителем Дербента и стала его женой.

Афрасияб — мифический царь Турана, стремившийся захватить Иран. Сказанию о борьбе туранцев и иранцев посвящена значительная часть «Шах-наме» Фирдоуси. В литературе Востока Афрасияб символизировал сильного и жестокого правителя.

Аяз — любимый раб султана Махмуда Газневида (XI в.). О любви Махмуда и Аяза было написано много поэм. Имена их употребленные вместе, служили символом преданных друзей, верных влюбленных.

Аят — дословно: знамение (араб.). Коран делится на суры (главы) и аяты, представляющие собой отдельные ритмико-синтаксические единицы.

- Бадахшан** — область на Памире, где в средние века добывали драгоценные камни-рубины и гранаты. Низами часто сравнивает красавицу с бадахшанским лалом.
- Балкис** — царица Савская, посетившая Сулеймана (библейского Соломона). В мусульманских литературах Балкис — супруга Сулеймана. Служит символом мудрой и красивой жены.
- Балх** — средневековый город на левом берегу Амударьи, на территории современного Афганистана. Название происходит от древней Бактрии, которая в качестве сатрапии входила в состав Ахеменидского Ирана. После завоевания Александром Македонским Бактрия стала центром греко-бактрийского государства. В средние века Балх был процветающим городом, впоследствии разрушен ордами Чингиз-хана. Развалины Балха находятся неподалеку от города Мазари-Шариф.
- Барбат** — струнный музыкальный инструмент, в Европе его называли барбитон.
- Барбед (Барбад)** — придворный музыкант сасанидского шаха Хосрова Парвиша, героя поэмы «Хосров и Ширин».
- Барсам и бадж** — Барсам — пучок веток длиной в пядь, который держали в руке зороастрийские служители культа при жертвоприношениях. Бадж — сокращенный вариант основных зороастрийских молитв.
- Бахарзан** — согласно персидским источникам — название местности в Армении. Локализации не поддается.
- Бахман** — в «Шах-наме» Фирдоуси — легендарный царь древнего Ирана, сын Исфандияра. Исфандияр, смертельно раненный Рустамом, попросил последнего перед смертью взять Бахмана на воспитание. Впоследствии в эпической традиции образ Бахмана слился с Артаксерксом III, царем из династии Ахеменидов. В литературе Бахман — символ могущественного властителя.
- Барда (Барда, Бардаа)**. Один из древнейших городов Азербайджана, долгое время был столицей Аррана. Город лежал недалеко от впадения реки Тартар в Куру. В X веке (943—944) город был захвачен дружинами русов, разграблен и разрушен. Впоследствии был восстановлен, но потерял свое былое значение. После этих событий столицей Аррана сделалась Гянджа.
- Бижан** — сын Гива и внук Рустама в «Шах-наме» Фирдоуси. Совершил много подвигов, из-за любви к Маниже, дочери Аفرасияба, был захвачен в плен и заточен в яму. Маниже осталась верной ему и порвала с отцом. Был освобожден Рустамом. Бижан — символ доблестного воина.
- Бисутун** — высокая скала в горах северо-западного Ирана, на которой высечены барельефы и надпись в честь побед ахеменидского царя Ирана Дария I (522—486 гг. до н. э.). С этой скалой связано много популярных в Иране легенд, она часто фигурирует в фольклорных и литературных текстах. В настоящей поэме Фархад прорубает проход через эту скалу. В литературе символизирует нечто огромное, мощное. Часто с Бисутуном сравнивается боевой конь.
- Бурак** — мифическое верховое животное, нечто среднее между мулом и конем, на котором, пророк Мухаммед якобы был вознесен на небо, и он за одну ночь перенесся из Мекки в Иерусалим. Эти события описаны в Коране. В литературе Бурак — символ сказочно быстрого коня.
- Бухара** — город в Средней Азии. В X в. Бухара была столицей государства Саманидов, в ней сложился крупный литературный центр. Бухара играла большую роль в истории Средней Азии и в последующие века.
- Вис** — героиня романтической поэмы XI в. «Вис и Рамиш». Символизирует легкомысленную, беспутную красавицу.
- Галие (галия)** — ароматная косметическая мазь, которой пользовались в средние века женщины на мусульманском Востоке. В литературе галия — символ благоухания, аромата. Часто с ней по благовонию сравниваются локоны возлюбленной.
- Гандже (Гянджа)** — город в Закавказье — ныне Кировабад в Азербайджанской ССР, в средние века после разрушения русами г. Барда (см.) Гянджа была столицей Аррана. Гянджа — родина Низами, откуда и происходит его нисба, то есть имя по названию местности, из которой он вышел.
- Гебр** — так мусульмане-персы называли огнепоклонников-зороастрийцев. В устах мусульманина звучит как бранное слово.
- Гилян** — название области на севере Ирана, на берегу Каспийского моря. Дialect жителей Гиляна сильно отличается от литературного персидского языка.
- Гуль** — сверхъестественное существо в арабском фольклоре, тождественное персидскому диву. По поверью, гуль обитает в пустынных недоступных местах, заманивает путешественников и пожирает их.
- Гульгун** — дословно «цвета розы». Так обозначается в фарси гнедая масть коней. В настоящей поэме Гульгун — кличка коня Ширин.
- Гулям** — этим словом обозначали наемного воина, а также раба, слугу. В средние века, (начиная с IX в.) малолетних пленников обучали ремеслу воина, готовя из них профессиональных солдат для правителя. Этим рабов-воинов впоследствии стали именовать гулямами. С течением времени этим словом стали обозначать просто слугу.
- Гур** — 1) древнее название горной области в центральной части Афганистана. Из Гура происходила средневековая династия Гуридов (1000—1215), правившая Афганистаном и Северной Индией; 2) дикий осел, онагр.
- Гуриш** — прекрасные, вечно юные девы, которые, согласно Корану, будут ублажать праведников, попадающих в рай.
- Дабир** — писмоводитель, писец. В средневековом Иране дабирами служили образованные люди. Они вели дипломатическую переписку от имени правителей, которые нередко даже не умели писать и читать.
- Давуд** — библейский пророк и царь Давид. Песнопения Давуда (псалмы Давида) в персоязычной литературе служат образом волшебной музыки, музыкальной гармонии.
- Дакьянус** — искаженная форма имени римского императора Деция (249—251), который был известен преследованием христиан. В исламских литературах выражение «времена Дакьянуса» равносильно русскому — «при царе Горохе», то есть очень давно.

Дара — персидский царь Дарий III Кодомон, побежденный Искендером (Александром Македонским). Несмотря на его поражение, в литературе Дара символизирует могущественного и сказочно богатого властителя.

Дастафшар — согласно арабским и персидским историческим хроникам, в сасанидском Иране у царей было особо мягкое золото, которое можно было мять руками.

Дастур — в древности у зороастрийцев — священнослужитель, а позднее — царский советник, примерно то же, что и визирь.

Дез-Утка — согласно иранским комментариям к текстам Низами, так называлась крепость в Армении.

Демавант — высочайшая горная вершина в цепи Эльбурс на севере Ирана.

Дербент — город на берегу Каспийского моря. Во времена Низами был самостоятельным феодальным владением.

Джам (Джамшид) — мифический царь древнего Ирана, который якобы правил более семисот лет; он обладал перстнем, дававшим ему власть над духами, и чашей, в которой отражалось все, что происходило в мире. Отсюда «чаша Джамшида» — чаша, в которой можно видеть все события мира.

Джахан-Пахлаван Нусрат ад-Дин Мухаммед — правитель Азербайджана из династии атабеков Ильдегизов; правил с 1176 по 1187 год.

Джинн — в арабском фольклоре — дух, который может быть и злым, и добрым. Впоследствии вместе с исламом джинн проник в фольклор всех мусульманских народов.

Джейпал — правитель государства в Северной Индии, оказавший сопротивление *Махмуду Газнеvidу* (см.) во время его грабительских походов в Индию.

Джейхун — арабское название реки Амударья. В литературе на фарси символизирует обилие чего-либо (слез, щедрот и т. п.).

Джуди — арабское название горы Арарат.

Джуляб — арабская форма персидского слова *гулаб* — то есть розовая вода.

Див — злой дух персидского фольклора, приблизительно соответствует ифриту, гулю и злому джинну арабских сказок. В персидских лубочных книгах и в миниатюрах в рукописях див изображается заросшим густой шерстью, с клыками, рогами, когтями.

Диван — 1) присутственное место, канцелярия мусульманского правителя. В диванах располагались визири и подчиненные им чиновники; 2) стихотворный сборник.

Дирхем — мелкая серебряная монета, название его происходит от греческого слова драхма. Дирхем имел хождение во всех странах, входивших в халифат.

Забани — ангел, который по представлениям мусульман стоит на страже в аду.

Зал — один из персонажей «Шах-наме» Фирдоуси, отец главного героя Рустама. В литературе символизирует как могучего богатыря, так и чародея, который с помощью вещей птицы Симург творил чудеса.

Заххак — тиран из иранской мифологии, легенды о котором были обработаны в «Шах-наме» Фирдоуси. Заххак сначала убил собственного отца, затем захватил иранский престол, изгнав

из страны законного шаха Джамшида, и стал творить насилие и бесчинства. Был свергнут потомком законных шахов Фаридуном, поднявшим народ во главе с кузнецом Каве против тирана. В литературе Заххак — символ бессердечного тирана, узурпатора-насилыника.

Зенд — комментарий на среднеперсидском языке к священной книге зороастрийцев «Авесте». В литературе часто употребляют оба слова вместе в форме «Зенд Авеста».

Зенджан (Занджан) — название города и области на севере Ирана.

Зикар — название местности, где арабы одержали первую победу над персами.

Зир — высокий тон в музыке.

Зирба — название кушанья, изготовленного с семенами тмина.

Зу-ль-Карнайн — дословно «двурогий». В комментариях к Корану говорится, что Зу-ль-Карнайн — это Искендер (Александр Македонский).

Зуннар — пояс из грубой шерсти, который в средние века в мусульманских странах обязаны были носить иноверцы (христиане, иудеи и зороастрийцы), чтобы их можно было отличить от мусульман. Выражение «повязаться зуннаром», часто встречаемое в персоязычной литературе, означает отречение от ислама.

Зухра — согласно мусульманским преданиям, была красивой женщиной, в которую влюбились ангелы Харут и Марут, посланные Аллахом для испытания на землю — они хвастались своим безгрешием. Зухра выпытала у Харута и Марута имя Аллаха, обладающее, по поверью, великой магической силой и с помощью этого имени вознеслась на небо, где аллах причислил ее к сонму бессмертных. Зухра стала небесным музыкантом, сопровождая игрою на музыкальных инструментах песнопения небожителей. Харута и Марута Аллах наказал за то, что они не выдержали испытания. Их заточили в глубокий колодезь в Вавилоне до так называемого Судного дня. В этих легендах причудливо переплелись доисламские и исламские верования. В поэзии на фарси Зухра — символ прекрасной женщины, искусной музыкантши. Выражение «мелодии Зухры» означает чарующую музыку.

Ибрахим — кораническая форма имени библейского пророка Авраама. Ислам признает всех без исключения библейских пророков. Согласно преданию, тиран Немрод велел бросить Ибрахима в пылающий огонь, но по воле Аллаха костер в тот же миг превратился в цветущий сад, и Ибрахим остался невредим. Отец Ибрахима Азер был идолопоклонником, и сын пытался наставить его на путь истины, но тщетно.

Изед — древнее персидское название бога, которое не вышло из употребления и после принятия персами ислама.

Иклим — согласно воззрениям средневековых мусульманских географов, вся обитаемая часть земли делилась на семь иклимов (обитаемых поясов). Выражение «семь иклимов» означает «весь мир».

Ирадже (Иредже) — в «Шах-наме» Фирдоуси младший сын легендарного шаха Фаридуна, который отдал ему во владение Иран, а старшим сыновьям даровал Рум и Туран; те обиделись на несправедливое, по их мнению, решение, завлек-

ли к себе младшего брата «в гости» и вероломно убили, что вызвало многочисленные войны на протяжении веков. Выражение «Ираджова месть» означает справедливую месть, как была справедливой месть иранцев за убийство невинного Ираджа.

Ирак — один из ладов иранской классической музыки.

Ирем — прекрасные сады и дворцы, воздвигнутые легендарным тираном Шададом, правителем Южной Аравии, который, соперничая с богом, пытался создать на земле рай. Аллах наказал его, уничтожив дворцы и сады. В персидской литературе выражение «сады Ирема» символизирует цветущие сады.

Иса — Иисус Христос, признаваемый в исламе одним из посланников Аллаха. Согласно мусульманской традиции, Иса обладал чудодейственным даром оживлять мертвых и вселять жизнь в вылепленных из глины птиц. Выражение «дыхание Исы» равносильно чудодейственному дару воскрешать мертвых.

Искендер — арабо-персидская форма имени Александра Македонского (356-323 гг. до н. э.), очень популярного на Ближнем Востоке. В персидской литературе Искендер изображается правдонскателем, могущественным и справедливым властителем. Искендеру посвящена последняя поэма Низами «Искендер-наме».

Исрафил — согласно мусульманской иерархии ангелов, — архангел, который возвестит о начале страшного суда (Судного дня) звуками особой трубы (суры); при этом все мертвецы встанут из могил для суда над ними.

Исфандияр — в «Шах-наме» Фирдоуси — могучий иранский богатырь, который обладал неимоверной силой и был неуязвим для оружия. В литературе Исфандияр — символ могучего, неуязвимого богатыря.

Исфахан (Исфаан) — город в центральной части Ирана. Во времена Низами был столицей Сельжукского государства.

Кааба — доисламский языческий храм в Мекке со священным «черным камнем», является главной святыней для большинства арабских племен после установления ислама. В переносном значении Кааба — предмет поклонения.

Каве — в «Шах-наме» Фирдоуси кузнец, поднявший восстание против тирана-узурпатора Заххака, Каве повел народ к наследнику законных иранских шахов Фаридуна, который возглавил восстание и сверг Заххака. Согласно легенде, фартук кузнеца Каве был знаменем восставших, а после Фаридуна иранские шахи сделали его государственным стягом.

Кадар-хан — правитель Средней Азии из династии Караханидов (1026-1032).

Кайсар (Кейсар) — арабская форма латинского слова «цесарь». Так называли на мусульманском Востоке римских и византийских императоров.

Калам — тростниковое перо, которым пользовались все народы, использовавшие арабское письмо. В зависимости от разновидности, вида почерка менялась и очинка калама.

Калим (полная форма *Калимуллах*) — почетное прозвище, данное в исламе Мусе (библейскому Моисею). Отсюда и последо-

ватели его религии. то есть те, кто исповедует иудаизм, в исламе часто называются *калими*.

Карун — кораническая форма имени библейского Корея. Согласно Корану, Карун обладал несметным богатством и был великим гордецом. Соплеменники пытались наставить его на путь истины, но он с негодованием отверг их назидания. Тогда пророк Муса (Моисей) велел земле проглотить Каруна вместе с его золотыми дворцами, сокровищами и прислужниками.

Касаб — драгоценная ткань, тонкое египетское полотно. Касабом также называли золотую или серебряную пряжу.

Каф — согласно мусульманской космографии — горная цепь, которая окружает всю землю. Поэтому часто слово «Каф» равнозначно выражению «конец света». Гора Каф недоступна людям, там обитает вешая птица *Анка* (см.), которая лишь изредка покидает ее. По другому преданию, за горой Каф обитают страшные народы яджуджи и маджуджи (библейский Гог и Магога). Они по ночам пилят гору своими подобными напильнику языками, но утром гора восстанавливается, и они не могут прорваться сквозь нее. Опасаясь, что яджуджи и маджуджи прорвутся сквозь гору Каф, Искендер якобы воздвиг перед ней стену из особого сплава, которую нельзя разрушить и через которую нельзя перелезть.

Кафир — дословное значение — «неверный». Так впервые названы в Коране мекканские язычники, не желавшие признавать новую религию Мухаммеда (ислам). Иудеи и христиане в Коране этим словом не называются, поскольку у них было священное писание и они верили в единого бога. С течением времени кафирами стали называть всех немусульман без различия. В устах мусульманина слово «кафир» — бранное выражение.

Кебаб — мясо, жареное на вертеле, шашлык. В разных странах Ближнего Востока существует много разновидностей кебаба.

Кей-Кавус — шах из легендарной древнеиранской династии Кеянидов. В литературной традиции Кей-Кавус стал символом могущественного и непобедимого властелина.

Кей-Кубад — первый шах из легендарной династии Кеянидов, отец Кей-Кавуса. По Шах-наме Фирдоуси, он был безвестным принцем и прозябал в отдаленной горной деревушке, когда был призван иранской знатью на царство. В литературе Кей-Кубад — символ могущественного государя.

Кейруван — во времена Низами большой процветающий город в Тунисе.

Кей-Хосров — третий шах из легендарной иранской династии Кеянидов. В литературе Кей-Хосров — символ могущественного государя.

Кызыл-шах — атабек и властитель Азербайджана, правивший в период написания настоящей поэмы; о нем говорится в тексте.

Кирманшах — город в западном Иране, центр Иранского Курдистана. На пути между Кирманшахом и Ханикином находятся развалины дворца под названием Карси Ширин (дворец Ширин).

Кисра — арабизированная форма имени двух персидских шахов: Хосрова Ануширвана (531-579) и Хосрова Парвиза (590-628).

Впоследствии арабские историки стали употреблять это слово как титул всех сасанидских шахов.

Кыбла — сторона, указывающая направление на Мекку; совершая намаз (молитву) мусульмане смотрят в ту сторону. Кыбла в литературе — предмет поклонения.

Лал — рубин. В персоязычной поэзии уста красавицы обычно сравнивали с лалами.

Лат — имя доисламского идола племени курейш, из которого происходил пророк Мухаммед.

Лакхор — город в Пакистане.

Лейли — героиня популярной на Ближнем и Среднем Востоке повести о любви Кейса, прозванного Меджуном (одержимым). По некоторым версиям повести, Лейли вовсе не была красавицей, но для Меджуна она была краше всех, отсюда и поговорка: «Лейли надо видеть глазами Меджуна».

Магриб — по-арабски — запад. Этим словом арабы и другие мусульманские народы обозначали страны Северо-Западной Африки (соврем. Тунис, Алжир, Марокко).

Маджисте (ал-Маджисте) — арабизированная форма названия сочинения древнегреческого астронома Птолемея, которое было основой астрономии вплоть до Коперника.

Ман — мера веса, которая была распространена в Иране вплоть до двадцатого века. В различных областях вес мана колеблется от 3 до 13 кг.

Мани (215 — 276) — основатель манихейской религии, в основе которой наряду с зороастрийским дуализмом лежали также многие положения христианства. В персидской литературе Мани прославлен как непревзойденный художник.

Масджид ал-Акса — дословно: самая далекая мечеть. Так называется большая мусульманская мечеть в Иерусалиме, третья святыня ислама (после мекканской мечети и мединской). Первоначально, в первые годы ислама мусульмане при молитве поворачивались в сторону Масджид ал-Акса, а потом было решено поворачиваться в сторону мекканского храма.

Махди — дословно «ведомый Аллахом», последний имам, который, якобы тайно скрывается из мира чтобы явиться накануне Судного дня. С именем Махди на мусульманском Востоке связаны мессианские чаяния масс.

Махмуд Газневид (997 — 1030) — могущественный правитель из династии Газневидов, основавший большое государство, занимавшее территорию современного Афганистана, часть Средней Азии, Ирана и Северной Индии. Совершил много опустошительных набегов в Индию под лозунгами «священной войны» и вывез огромные сокровища. В литературе на фарси Махмуд и его любимец Аяз (см.) символизируют верных возлюбленных.

Медина — арабское название столицы Сасанидского Ирана Тисфун (по-гречески — Ктесифон).

Меджун (Маджун) — юноша из арабского племени бану-амир по имени Кейс, прозванный за безумную любовь к Лейли Меджуном, то есть одержимым. Арабская легенда о трагической любви Меджуна и Лейли послужила сюжетом для многих арабских прозаических версий, изобилующих стихами,

а также для поэмы на многих восточных языках. Первая поэтическая обработка в стихах принадлежит Низами.

Медина — город в Аравии, до ислама назывался Ясриб. Мухаммед, преследуемый своими противниками, бежал в Медину из Мекки, где он родился и основал там мусульманскую общину. При первых трех халифах столицей Арабского халифата была Медина. В Мединской мечети пророка находится могила Мухаммеда.

Мекка — священный город мусульман в Саудовской Аравии, религиозный центр. Паломничество в Мекку раз в жизни считается одной из пяти основных обязанностей каждого мусульманина.

Микаил — арабская форма библейского архангела Михаила.

Мим — арабская буква, по начертанию состоит из маленького кружочка с хвостиком. В поэзии кружочек буквы «мим» сравнивается с миниатюрным ротиком красавицы.

Мирадж — дословно «вознесение». Согласно кораническим версиям, однажды ночью Мухаммед был вознесен в небеса на *Бураке* (см.). Средневековые персидские поэты по традиции в своих поэмах посвящали этому эпизоду специальные разделы.

Мискаль — мера веса, равная золотнику.

Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к храму Мекки, в сторону которого обращают лицо мусульмане при совершении ритуальной молитвы.

Мобед — зороастрийский жрец. Мобеды вместе с тем являлись и главными советниками сасанидских шахов, правивших Ираном до завоевания этой страны арабами. В поэзии мобед — мудрый советник.

Муган (Мугань) — степь на юге Азербайджана.

Мунджук — конечник на древке знамени, иногда, в особенности у османских турок, вместо конечника были конские хвосты. Русское «бунчук» происходит от этого слова.

Мускус — ароматическое вещество черного цвета, получаемое из желез кабарги.

Мустафа — дословно «избранник» (Аллаха), одно из почетных имен Мухаммеда.

Мухтасиб — в средние века должностное лицо на мусульманском Востоке, следившее за выполнением этических норм, соблюдением правил купли-продажи, наказывавшее тех, кто употреблял спиртные напитки.

Муштари — арабское название планеты Юпитер. Астрологи считали, что Муштари приносит людям счастье в противоположность Сатурну, который является источником бед.

Набат — фруктовый сахар. В средние века на Ближнем и Среднем Востоке употребляли сахар тростниковый, а набат был редкостью и потому ценился.

Надим — приближенный правителя, имевший доступ в его личные помещения. Надим делил с правителем трапезу, принимал участие в его развлечениях, занимал его беседой.

Най (ней) — свирель из тростника.

Нард (нарды) — игра в шашки, имеющая широкое распространение во всех странах Ближнего и Среднего Востока, в Европе известна под названием триктрак. При игре в нарды шашки

делают столько ходов, сколько укажут цифры на игральном костяке.

Насрин — разновидность нарцисса, с которым обычно сравнивают глаза красавицы.

Нат — кожаная подстилка, на которой совершались казни.

Новруз (Ноуруз) — так называется в Иране день весеннего равноденствия, когда отмечается наступление Нового года. В поэзии «Новруз» нередко обозначает и просто весну.

Нахид — персидское название планеты Венеры, которая по-арабски зовется *Зухра* (см.). Символ прекрасной женщины.

Нейсан — пятый месяц древнего сирийского календаря, соответствующий апрелю. В Иране, Закавказье и Средней Азии — это пора обильных весенних дождей.

Немрод — имя правителя Халдеи, враждовавшего с Ибрахимом. В литературе служит символом жестокого, несправедливого тирана.

Ниатус — так называли на Востоке византийского полководца Тиадуса, который принимал активное участие в ирано-византийских войнах.

Нисар — букв. «осыпание», обряд, по которому невесту у входа в дом жениха осыпают монетами, драгоценными камнями, лепестками цветов. Этот обряд совершается также при торжественном выходе шаха, при вступлении его на трон, при встрече высокого гостя.

Оман — область в юго-восточной части Аравийского полуострова, прилегающая к Оманскому заливу, который в персидских текстах называется Оманским морем. В средние века прибрежные жители Омана занимались добыванием жемчуга.

Пахлаван (Пехлеван) — богатырь, витязь.

Пери — дух в иранской мифологии, который может быть и добрым, и злым. Большею частью пери выступали в облике обольстительных женщин. В некоторых сказках пери появляются в садах в образе голубок. В иных случаях пери вселяются в людей, которые после этого сами как бы становятся пери.

Пехлеви — так назывался один из среднеиранских языков, которым пользовались при дворе Сасанидов и который был государственным языком Ирана.

Рави — чтец. В средние века стихи читались речитативом, и не всякий поэт был способен на это. Поэтому поэты имели постоянных профессиональных чтецов.

Рамгиле — согласно персидским комментаторам, степь в Армении. Точной локализации не поддается.

Раст — один из ладов классической персидской музыки.

Рахуви — один из ладов классической персидской музыки.

Рахи — прозвище сказочного коня богатыря Рустама.

Рей — большой город в средневековом Иране.

Ризван — согласно мусульманским преданиям — ангел, который стоит на страже у райских врат.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Рум — в арабском и персидском языках так называли Римскую, а впоследствии и Византийскую империю. Во времена Низами Румом называли также и Малую Азию, которая недавно еще входила в состав Византийской империи.

Рустам — главный герой «Шах-наме» Фирдоуси, систанский богатырь, одержавший несметное число побед над врагами Ирана.

Рута — растение, которым окуривали от «дурного глаза».

Саз — струнный музыкальный инструмент, распространенный в странах Ближнего и Среднего Востока.

Саклаб — так называли арабы и персы славян.

Саксин — область и город в низовьях Волги. Часто упоминается в арабской и персидской литературе. Точной локализации не поддается.

Сахибкиран — дословно «обладатель двух счастливых звезд», то есть очень счастливый, победоносный.

Сель — грязевой поток, который стекает с гор в долины после ливневых дождей.

Сетар — струнный музыкальный инструмент с тремя струнами.

Сикба — род кушанья.

Симург — волшебная вещая птица, которая обитает на горе *Каф* (см.). Согласно сказаниям, вошедшим в «Шах-наме» Фирдоуси, Симург вскормил и воспитал *Зала* (см.).

Сипахан — Один из ладов классической персидской музыки.

Сивяуш — один из главных героев «Шах-наме» Фирдоуси, сын Кей-Кавуса и отец Кей-Хосрова. Был оклеветан мачехой и перешел на сторону Афрасияба, однако и в Туране он был оклеветан и убит без вины.

Сулейман — арабская форма имени библейского Соломона, пророка и царя, который якобы обладал перстнем с именем бога, дававшим ему власть над духами. Сулейман знал язык животных, был сказочно богат и мудр. В литературе Сулейман — символ мудрого и богатого властелина.

Суруш — по представлениям мусульман, божественный вестник бога.

Сухейль — Канопус — главная звезда в созвездии Арго. Сухейль особенно ярко светит в Йемене, и в средние века на Востоке считали, что йеменский адим (сорт сафьяна) своим качеством обязан воздействию Сухейля. В литературе Сухейль — символ яркости, блеска.

Табарзад — леденец.

Так Гира — название местечка неподалеку от *Бисутуна* (см.).

Такдис — название большого сводчатого зала с престолом Хосрова Парвиза, героя настоящей поэмы.

Тамгадж — один из правителей династии Караханидов, которые владели Средней Азией со столицей в Бухаре. Правил с 1052 по 1068 г.

Танур — печь, в которой выпекают лепешки. Разведенный внутри огонь раскаляет глинобитные стенки, после чего огонь выгребают, а к стенкам прикрепляют куски теста.

Тараз — город в Средней Азии. В персидской литературе Тараз славится красивыми женщинами.

Туба — дерево, якобы растущее в раю близ трона бога. Оно будто бы одаривает плодами всех жителейрая.

Туган-шах — (998—1015) — правитель из династий Караханидов, правивший Средней Азией.

Тутия — целебная мазь для лечения глаз.

Умм-Хани — имя одной из жен пророка Мухаммеда.

Унван — заглавный титульный лист книги, с особой тщательностью разрисованный. В литературе употребляется в значении «лучшая часть чего-либо».

Утарид — планета Меркурий. В средневековой астрономии Утарид считался небесным письмоводителем. В литературе — символ хорошего стилиста, образованного человека.

Ушшак — один из ладов персидской классической музыки.

Уннаби — грудная ягода. В поэзии символизирует нечто красное. С ней нередко сравнивают уста красавицы, окрашенные хной пальцы.

Фагфур (дословно — сын неба) — по-персидски титул китайского императора.

Фаридун (Феридун) в «Шах-наме» Фирдоуси потомок законных царей, отобравший трон у тирана-узурпатора Заххака. В литературе — символ могущественного и мудрого государя.

Фарр — божественная благодать, нисходящая, по зороастрийским верованиям, на того, кому предопределено занять царский трон. Обычно фарр изображали в виде ореола, нимба вокруг головы царствующего лица.

Фарраш — общее название для слуг при дворцах правителей.

Фарсанг (фарсах) — мера пути, принятая в Иране. Обычно фарсанг — это путь, который можно проехать на коне шагом за час. Приблизительно 6—8 км.

Фархар — имеет два значения: 1) буддийский храм; 2) город в Средней Азии, который не поддается точной локализации. В персидской литературе Фархар, как и Тараз славится своими красавицами.

Фирдоуси (941—1020/25) — великий персидско-таджикский поэт, автор эпопеи «Шах-наме», на сюжеты и персонажи которой часто делает ссылки Низами.

Хабеш — Абиссиния (Эфиопия). В персидской поэзии жители Хабеша, наряду с неграми, символизируют черный цвет, в то время как румийцы — белый.

Хаданг — дерево, из которого изготовлялись стрелы.

Хаддж — совершение паломничества в Мекку.

Хаджиб — придворный, на ответственности которого лежало смотреть за занавесом, отделявшим царский трон от тронного зала, где располагались придворные и посетители. Должность хаджиба считалась почетной, и на нее назначались особо доверенные лица из числа приближенных.

Хакан — первоначально верховный правитель тюрков Синьцзяна, позже стал титулом тюркских правителей, прилагался к иранским шахам и турецким султанам.

Халил (полностью Халилуллах) — в переводе «друг Аллаха» почетное прозвище *Ибрахима* (см.) в Коране.

Халиф — дословно «преемник», «заместитель». После смерти Мухам-

меда глава мусульманской общины. Халифы сосредоточили в своих руках духовную и светскую власть. В эпоху Низами багдадские халифы только номинально числились верховными правителями земель, формально входивших в халифат.

Халлух — тюркское племя карлуков, а также область, ими населенная. В персоязычной литературе прославляются халлухские красавицы.

Хаммал — городской носильщик-поденщик.

Харвар — дословно «вьюк осла», мера веса, принятая вплоть до нового времени в Иране. Вес этот колеблется в зависимости от местности в пределах 200—300 кг.

Харут — ангел (см. *Зухра*). Семантика его образа соответствует русскому выражению «падший ангел».

Хатун — титул жены тюркского правителя, знатная дама.

Хисари — один из ладов классической персидской музыки.

Хотан — древний город в восточном Туркестане. Иногда так называли весь Восточный Туркестан. Хотан в персидской литературе упоминается в связи с мускусом и красивыми женщинами.

Хузестан — в древности страна в Средней Азии.

Хузистан — область в юго-западном Иране, где производили тростниковый сахар. В персидской поэзии уста красавиц сравниваются со сладостью хузистанского сахара.

Хума (Хумай) — сказочная вешая птица, приносящая счастье. По преданию, если на человека падала тень Хумы, он становился шахом.

Хызр — пророк, таинственный чудотворец. Согласно преданиям, Хызр побывал в стране мрака, окунулся в источник живой воды и обрел бессмертие. Хызр считался также стражем источника живой воды. Некоторые легенды о Хызре контаминировались с преданиями о пророке Ильесе. Хызр обычно приходит на помощь заблудившимся путникам, способен передвигаться в мгновение ока на фантастически большие расстояния.

Чанг — струнный музыкальный инструмент.

Чач — средневековое название города Ташкента. В литературе Востока прославлялись чачские луки.

Чин — в персоязычной литературе этим словом обозначают как весь Китай, так и Китайский Туркестан. В поэзии прославлялись красавицы Чинна, а также его искусные живописцы.

Шабдиз (Шебдиз) — дословно — «вороной», кличка коня Хосрова Парвиза, главного героя настоящей поэмы.

Шабавиз (Шебавиз) — ночная птица.

Шамсаддин Илдениз (1137—1176) — правитель Азербайджана и северо-западного Ирана, основатель династии атабеков Илденизов, отец Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кызыл-шаха.

Шариат — совокупность всех правовых, религиозных и обрядовых норм ислама. Шариат, в первую очередь, основывается на Коране и сунне (то есть рассказах о деяниях Мухаммеда и его высказываниях).

Шахиджан — древнее название города Мерва (ныне город Мары в Туркменской ССР).

Шахруд — согласно персидским комментариям, название реки в Иране или Армении. Точной локализации не поддается.

Шербет — безалкогольный напиток, приготовленный из фруктового варенья.

Шуштар — город на юге Ирана.

Юсуф — кораническая форма имени библейского Иосифа Прекрасного, повесть о котором также вошла в Коран, правда с некоторыми трансформациями. Впоследствии сказание о Юсуфе легло в основу многих очень популярных на Ближнем и Среднем Востоке поэм. В поэзии — Юсуф — идеал мужской красоты.

Ягма — тюркское племя. В переносном значении означает «грабитель», «грабеж».

Яздан (*Иездан*, *Иезд*) — древнее имя зороастрийского божества.

Якуб — кораническая форма имени библейского патриарха и пророка Иакова, отца Юсуфа (см.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Начало книги	19
В восхваление единства божия	20
В разъяснение прямого постижения и познания разумом	22
Мольба о прощении	24
В восхваление пророка, да благословит его Аллах и да приветствует	27
О том, что предшествовало написанию книги	29
В похвалу Тогрул-Арслана	31
В восхваление великого атабека Шамс ад-Дина Абу Джафара Мухаммеда Ил-Дениза	34
Обращение во время целования земли	36
В восхваление шаха Музаффар ад-Дина Кызыл-Арслана	39
О проникновении в сущность сей книги	43
Несколько слов о любви	46
В оправдание сочинения этой книги	47
Начало повести о Хосрове и Ширин	51
Пиршество Хосрова на лугу и наказание его Хормузом	54
Хосров направляет старцев к отцу для заступничества	56
Хосров видит во сне своего деда Ануширвана	57
Рассказ Шапура о Ширин и Шабдизе	58
О происхождении Шабдиза	65
Шапур первый раз показывает Ширин изображение Хосрова	66
Шапур второй раз показывает Ширин изображение Хосрова	68
Шапур в третий раз показывает Ширин изображение Хосрова	69
Появление Шапура	72
Бегство Ширин от Мехин Бану в Меданн	79
Купание Ширин в источнике	82
Хосров видит Ширин в источнике	83
Приезд Ширин в замок Хосрова в Меданне	91
Постройка замка для Ширин	92
Приезд Хосрова в Армению к Мехин Бану	94
Пиршество Хосрова	96
Шапур рассказывает Хосрову о Ширин	98
Шапур второй раз едет за Ширин	100
Хосров узнает о смерти отца	104

Хосров восходит на трон вместо отца	106
Шапур приводит Ширин к Мехин Бану	107
Бегство Хосрова от Бахрама Чубине	108
Встреча Хосрова и Ширин на охоте	110
Наставления Мехин Бану Ширин	112
Хосров и Ширин играют в човган	114
Описание весны и веселья Хосрова и Ширин	117
Хосров убивает льва во время пира	119
Хосров, Ширин и девушки рассказывают притчи	121
Хосров обижается на Ширин и уезжает в Рум	128
Ответ Ширин	129
Ответ Хосрова Ширин	131
Ширин снова отвечает Хосрову	133
Хосров умоляет Ширин	135
Хосров покидает Ширин и направляется в Рум	138
Сражение Хосрова с Бахрамом и бегство Бахрама	140
Восшествие Хосрова на престол в Меданне во второй раз	144
Стенания Ширин в разлуке с Хосровом	147
Завещание Мехин Бану	151
Воцарение Ширин	154
Прибытие Ширин в Меданн	156
Хосров узнает о смерти Бахрама Чубине	157
Появление Барбеда и его тридцать песен	162
Хосров просит у Мариам снисхождения к Ширин	166
Хосров посылает Шапура за Ширин	168
Упреки Ширин Шапуру	169
Начало любви Фархада	179
Приезд Ширин к месту работы Фархада	183
Плач Фархада от любви к Ширин	184
Хосров узнает о любви Фархада	188
Хосров совещается по поводу Фархада	189
Хосров вызывает к себе Фархада	190
Спор Хосрова с Фархадом	191
О том, как Фархад срыл гору и о его стенаниях	194
О том, как Ширин поехала к горе Бисутун и ее конь там упал	202
О том, как Хосров узнал, что Ширин навестила Фархада	204
О том, как Хосров написал Ширин письмо с выражением притворного соболезнования	210
Смерть Мариам	213
О том, как Ширин написала Хосрову в отместку письмо с выражением соболезнования	214
Хосров получает письмо Ширин	217
О том, как Хосров раздаривал дары	218

Хосров пирует под сводами Такдиса (тронного зала)	219
Хосров слышит о прелестях исфаханской красавицы Шакар	222
Хосров отправляется в Исфахан, домогаясь Шакар	224
Хосров расспрашивает о Шакар и женится на ней	228
Ширин покинута, и она жалуется на свою судьбу	232
Хвала утру	235
Ширин приносит жалобу пречистому Йездану	235
Хосров отправляется ко дворцу Ширин под предлогом охоты	238
Хосров встречает Ширин и беседует с ней	244
Ширин отвечает Хосрову	245
Хосров отвечает Ширин	249
Ширин отвечает Хосрову	251
Хосров отвечает Ширин	255
Ширин отвечает Хосрову	257
Хосров отвечает Ширин	261
Ширин отвечает Хосрову	264
Хосров отвечает Ширин	268
Ширин отвечает Хосрову	272
Хосров уезжает от дворца Ширин	275
Шапур отвечает Хосрову	278
Ширин страдает от того, что Хосров покинул ее	280
Хосров видит сон, и Шапур разгадывает его	283
Хосров устраивает пир	284
Накиса слагает газель со слов Ширин	287
Барбед поет песню от имени Хосрова	289
Накиса поет песню от имени Ширин	290
Барбед поет песню от имени Хосрова	292
Накиса поет песню от имени Ширин	295
Барбед поет песню от имени Хосрова	297
Накиса поет песню от имени Ширин	298
Барбед поет песню от имени Хосрова	301
Ширин выходит из шатра	303
Хосров привозит Ширин из замка в Меданн	306
Хосров и Ширин следуют в брачную комнату	309
Ширин наставляет Хосрова на путь справедливости и мудрости	318
Вопросы Хосрова и ответы Бузург-Умида	319
Бузург-Умид приводит сорок моралей к притчам в «Калиле и Димне»	325
Наставления Низами	331
Описание Шируйе и завершение деяний Хосрова	332
Хосров уединяется в капище огня	334
Шируйе убивает Хосрова	337
Притча	338

О том, как проснулась Ширин	339
Шируйе сватается к Ширин	340
Ширин расстается с жизнью в дахме Хосрова	340
Порицание миру	343
Проповедь	346
Мораль сказания о Хосрове и Ширин	348
Наставления моему сыну Мухаммеду	348
О том, как Хосров увидел во сне благороднейшего пророка	349
Письмо пророка Хосрову	352
Восхождение пророка на небо	356
Наставление и завершение книги	359
Порицание завистников	363
Тогрул-шах приглашает Низами в гости	365
Оплакивание смерти Шамс ад-Дина Мухаммеда Джахан-Пахлавана	372
Примечания	374
Пояснительный словарь	423

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХОСРОВ И ШИРИН

НИЗАМИ КЭНЧЭВИ

ХОСРОВ ВЭ ШИРИН

Художник художественный редактор *Ф. Сафаров*
 Редактор издательства *Н. Хатунцев*
 Технический редактор *В. Огниенко*
 Корректор *С. Гасимова*
 ИБ № 965

Сдано в набор 03.10.84. Подписано к печати 25.01.85.
 Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гар-
 нитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ.
 лист 23,1. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. лист 25,11. Тираж
 4000. Заказ 982. Цена 2 руб. 80 коп.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок, Главное здание

Новая книжная типография Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Баку, ул. Али Таги-заде, 4,

22

83